

p-93

186222

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ

П. Н. Рыбниковымъ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Е. Грузинскаго.

Въ трѣхъ томахъ.

Съ портретомъ, біографіей и указателемъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Издание фирмы „СОТРУДНИКЪ ШКОЛЬ“.

МОСКВА—1909.

ПѢСНИ
СОБРАННЫЯ
П. Н. РЫБНИКОВЫМЪ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
А. Е. ГРУЗИНСКАГО.

Въ трехъ томахъ.

Съ портретомъ, біографіей и указателемъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Издание фирмы „СОТРУДНИКЪ ШКОЛЪ“.

МОСКВА — 1909.

186222

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
МОСКВА — 1909.

ФОТОГ. С. ПАВЛОВА.

Н. Гаврилович

О ГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Предисловие	III	II. ЧУКОВЪ.	
П. Н. Рыбниковъ	VII—LX	23. Женитьба Владимира	142
Замѣтка собирателя	LX—CII	24. Илья и Идолище	146
		25. Добрая и Змѣй	147
		25. bis	156
		26. Добрыня въ отъездѣ	162
		27. Алекса Поповичъ и Тугаринъ .	172
		28. Михайло Потыкъ	173
		28. bis	182
		29. Дюкъ	189
		30. Ставеръ	202
		31. Грозный царь Иванъ Васильевичъ	213
		32. Земскій Соборъ	218
		32. bis	221
		33. Настасья Политовская	223
		33. bis	227
		34. Царь Саламанъ и купецъ темный	230
		35. Неразсказанный сонъ	233
		36. Царство подсолнечное	247
		37. Девять братьевъ и сестра	256
		III. КУЗЬМА РОМАНОВЪ.	
1. Самсонъ богатырь	4	38. Вольга	258
2. Святогоръ	8	39. Илья, Ермакъ и Калинъ царь .	264
3. Вольга и Микула	10	40. Добрыня и Змѣй	268
4. Илья и Соловей разбойникъ .	15	41. Добрыня въ отъездѣ	270
5. Илья Муромецъ и дочь . . .	23	42. Дунай	277
6. Илья Муромецъ и Идолище .	33	43. Потыкъ и Сорокъ каликъ . . .	287
7. Илья, Ермакъ и Калина царь .	35	44. Хотень Блудовичъ	292
8. Добрыня и Василій Казимировъ	43	45. Наѣздъ Литовцевъ	296
9. Дунай-сватъ	70	46. Императоръ Петръ	300
10. Иванъ Годиновичъ	79	47. Молодецъ и худая жена	303
11. Михайла Потыкъ	82	48. Горюшко и Упавъ молодецъ .	307
12. Тоже	83	49. Царь Саламанъ	314
13. Сорокъ каликъ	89	50. Союзъ Саламанова отца	316
14. Ставеръ	90		
15. Хотень Блудовичъ	94		
16. Дюкъ	98		
17. Василій Буслаевъ	111		
18. Садко	114		
19. Грозный царь Иванъ Васильевичъ	115		
20. Скопинъ	122		
21. Два королевича и юзъ Крякова.	124		
22. Горюшко	133		

<i>Cтр.</i>	<i>Cтр.</i>
IV. ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВЪ.	
51. Святогоръ и Илья	318
52. Потыкъ и Сорокъ калакъ . . .	323
53. Хотенъ Блудовичъ	326
54. Садко	332
55. Грозный царь Иванъ Васильевичъ	335
56. Ванюша ключничекъ	342
57. На чужой сторонѣ	343
58. Князь Голицынъ	344
59. Сынъ Стеньки Разина	345
60. Поѣзда по морю	346
 V. ФЕДОТОВЪ (ДУТИКОВЪ).	
61. Илья и Соловей разбойникъ .	348
62. Илья Муромецъ и Идолище .	352
63. Дюкъ	355
64. Василій Буслаевъ	368
65. Смерть Василія Буслаева .	374
66. Садко	376
67. Гришка-Разстріжка	379
68. Птицы	381
 VI. ТЕРЕНТИЙ ИЕВЛЕВЪ.	
69. Микула	383
70. Дунай	384
71. Хотенъ Блудовичъ	391
72. Василій Буслаевичъ	398
73. Кострюкъ	402
 VII. ЩЕГОЛЕНOKЪ.	
74. Илья, Ермакъ и Калинъ царь .	406
75. Ставерь	407
76. Молодецъ и худая жена .	414
77. Птицы	418
 VIII. КОРНИЛОВЪ.	
78. Микула	423
79. Настасья Микулична	424
80. Илья и Сокольникъ	425
81. Василій пьяница	431
 IX. САРАФАНОВЪ.	
82. Илья и Соловей разбойникъ .	434
83. Дунай	437
84. Смерть Чурилы	443
85. Хотенъ Блудовичъ	447
 X. ДМИТРИЕВА.	
86. Святогоръ	453
87. Илья и Идолъ богатырь . . .	454
88. Юнка (Дюкъ) Степановичъ .	455
89. Оника воинъ	458
 XI. МОЛОДИЦА ИЗЪ КИЖСКОЙ ГУБЫ.	
90. Смерть Чурилы	461
91. Гришка-Разстріжка	463
92. Митрій Васильичъ и Домна Александровна	464
 XII. ЮХОВА.	
93. Иванъ Годиновичъ	467
94. Саламанъ и Василій Окульевичъ	469
 XIII. ВАСИЛЬЕВЪ.	
95. Кострюкъ	480
96. Кастрюкъ (Великогуб.погость)	483
 XIV. ИВАНОВЪ.	
97. Иванъ Гостиный сынъ . . .	486
 XV. РѢЗИНЪ.	
98. Птицы и Небывальщины . . .	492
 XVI. БАЙНИНЪ.	
99. О птицахъ русскихъ и заморскихъ	500
100. Князь Михайло (Деревянскій погость)	503
101. Молодецъ и худая жена (дер. Середки)	507
102. Горе (Петрозаводск. у.) . . .	511

Предисловіе редактора.

Сборникъ былинъ П. Н. Рыбникова, вышедшій въ 4 томахъ въ 1861—1867 гг., давно уже представляетъ библіографическую рѣдкость, и нѣкоторые томы его очень трудно добываются даже антикварнымъ путемъ; между тѣмъ цѣнность его для серьезныхъ занятій народной поэзіей до сихъ поръ очень велика. Взявъ на себя редактированіе новаго изданія, мы стремились по возможности освободить его отъ тѣхъ недостатковъ, которые дѣлаютъ подчасъ неудобнымъ пользованіе первымъ изданіемъ. Главные недостатки этого послѣдняго порождены тѣмъ, что оно печаталось по мѣрѣ составленія сборника, на протяженіи 7 лѣтъ, подъ руководствомъ разныхъ лицъ (первые два тома редактированы П. Безсоновымъ, третій—самимъ Рыбниковымъ, четвертый—О. Миллеромъ). Отъ этого накоплялись поправки, дополненія къ вышедшімъ томамъ, рядъ обозначеній и пріуроченій могъ быть сдѣланъ болѣе точно или исправленъ лишь послѣ знакомства съ «Замѣткой» собирателя, которой естественное мѣсто было въ главѣ сборника, но которая появилась лишь въ третьемъ томѣ. Затѣмъ былины въ первомъ изданіи были расположены по сюжетамъ, при чемъ и этотъ планъ по необходимости проводился для каждого тома отдельно, такъ что ориентироваться въ сборникѣ можно было лишь при помощи особаго указателя по сюжетамъ. Между тѣмъ, теперь считается болѣе естественнымъ и удобнымъ располагать народныя произведенія по мѣстностямъ, а былины вмѣстѣ съ тѣмъ и по пѣвцамъ. Самъ Рыбниковъ уже понималъ важность объединенія репертуаровъ каждого сказителя¹⁾). Редакторъ IV° тома, правда, при-

¹⁾ См. „Замѣтку“ О. Миллера (IV° т. 1-го изд.).

ложилъ нѣсколькоъ указателей, которые облегчили пользованіе сборникомъ, но въ нихъ не вездѣ введены поправки и дополненія, данныя собирателемъ въ III т., и не изучена достаточно его «Замѣтка», наконецъ, они не свободны отъ пропусковъ и опечатокъ; а главное, не приложено предметнаго указателя, который въ такихъ изданіяхъ справедливо считается очень важнымъ, прямо необходимымъ. Появленіе Гильфердинговскаго сборника, записанного въ томъ же краѣ и часто отъ тѣхъ же пѣвцовъ, въ свою очередь дало много поправокъ и разъясненій къ неточнымъ или глухимъ указаніямъ Рыбникова. Наконецъ на сборникѣ Рыбникова лежалъ тяжелый грузъ изслѣдованій Безсонова, которымъ здѣсь просто было не мѣсто, не говоря о ихъ научной несостоительности, а между тѣмъ они поражаютъ громоздкостью («Замѣтка» при II томѣ занимаетъ около 350 страницъ!).

Высказанными соображеніями опредѣлились задачи редактора 2-го изданія. Теперь матеріалъ расположеннъ по мѣстностямъ и сказителямъ; пріуроченія отдельныхъ былинъ къ пѣвцамъ проѣбрены и дополнены на основаніи внимательнаго изученія всѣхъ поясненій первого изданія и указаній Гильфердинга; о каждомъ сказителе дана замѣтка, сводящая вмѣстѣ свѣдѣнія Рыбникова и Гильфердинга (иногда дополненныя) и устанавливающая отношеніе репертуаровъ пѣвца у обоихъ собирателей. Вообще оба сборника, естественно примыкающіе другъ къ другу, поставлены въ близкую связь путемъ ссылокъ (что было отчасти уже сдѣлано Гильфердингомъ). Результатомъ этой работы явилось значительное уменьшеніе глухихъ или неполныхъ пріуроченій 1-го изданія и увеличеніе совпаденій сравнительно съ «Онежскими былинами»: въ первомъ изданіи не прикрѣплено къ точному имени пѣвца болѣе 70 №№, въ настоящемъ—менѣе 30; академическое изданіе Гильфердинга даетъ 62 ссылки на Рыбникова, настоящее изданіе отмѣчаетъ совпаденіе болѣе чѣмъ въ ста случаяхъ.

Въ текстъ былинъ введены всѣ поправки и дополненія, сдѣланныя собирателемъ при I и II тт. Примѣчанія собирателя напечатаны безъ подписи; Безсоновскія обозначены буквой *Б* (нѣкоторыя изъ нихъ, слишкомъ своеобразно окрашенныя, вы-

пущены); примѣчанія редактора настоящаго изданія вездѣ оговорены. Оставлены въ сторонѣ «Замѣтки» Безсонова изъ I и II тт. Къ послѣднему тому прилагается предметный указатель.

Издание дополнено нѣсколькими письмами Рыбникова и разсчитано на три тома: первый обнимаетъ собою былины Петрозаводскаго уѣзда (почти всѣ изъ Кижей), во второй войдутъ былины изъ Пудожскаго, Повѣнѣцкаго и Каргопольскаго у., въ третьемъ сосредоточенъ будетъ весь не былинный материалъ.

Биографія составлена съ привлечениемъ новыхъ материаловъ.

Портрѣтъ П. Н. Рыбникова воспроизведенъ г. П. Павловымъ, фотографомъ въ Москвѣ, съ стариннаго дагерротипа, сохранившагося у родныхъ.

Помимо доброго участія семьи собирателя, настоящее изданіе многимъ обязано стараніямъ и заботливости племянницы его, Е. А. Телеповой.

Москва,
апрѣль, 1909.

П. Н. РЫБНИКОВЪ.

(1831—1885 гг.).

Рыбниковъ, произведшій въ 60-хъ годахъ сборникомъ Олонецкихъ былинъ цѣлый переворотъ въ дѣлѣ изученія народной поэзіи и открывшій своими четырьмя томами впервые возможность широкихъ научныхъ работъ въ этой области, былъ во многихъ отношеніяхъ личностью выдающеюся. Тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ удовлетворительной его біографіи. Самымъ цѣннымъ, хотя очень краткимъ источникомъ для нея служила до сихъ поръ поминальная рѣчъ В. Модестова въ засѣданіи Этнограф. Отд. Географич. Общества 17 дек. 1885 г. (напечатанная черезъ недѣлю въ газетѣ «Новости»); на ней главнымъ образомъ основаны посвященные Рыбникову страницы 61—65 II т. «Исторіи русской этнографіи» А. Пыпина. Если прибавить къ этому краткія свѣдѣнія въ V вып. «Обзора» Д. Языкова, то больше нечего указать цѣльного, заслуживающаго вниманія.

При составленіи настоящаго очерка мы, кроме того, пользовались: 1) нѣсколькими письмами самого Рыбникова и разныхъ лицъ къ нему, а также черновыми рукописями трехъ не законченныхъ его статей,—все это получено отъ его семьи; 2) воспоминаніями его сестры, С. Н. Карзинкиной, записанными по нашей просьбѣ; 3) документами изъ архива Московскаго университета; 4) материалами, извлеченными нами изъ «Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1859—1866 гг., а также изъ «Памятныхъ книжекъ» и «Сборниковъ» Олонецкой губ.; 5) воспоминаніями о нѣкоторыхъ университетскихъ товарищахъ Рыбникова, любезно сообщенными намъ проф. А. Н. Веселовскимъ; 6) воспоминаніями, которыми подѣлился съ нами Е. В.

Барсовъ; 7) статьями С. Приклонскаго и К. Петрова (напечат. въ «Сѣверн. Вѣстникѣ» 1886 и 1887 гг.); 8) статьей М. С—скаго въ журналѣ «Трудъ» 1890 г. Мы перечислили лишь новые или по крайней мѣрѣ впервые привлекаемые для биографическихъ цѣлей матеріалы; ссылки въ дальнѣйшемъ изложеніи покажутъ нашъ матеріалъ въ полномъ объемѣ.

I.

Павелъ Николаевичъ Рыбниковъ родился въ Москвѣ въ 1831 г.¹⁾, въ старинной купеческой семье. Отецъ его былъ, если и не особенно богатымъ, то во всякомъ случаѣ очень за-житочнымъ купцомъ²⁾; онъ умеръ, когда Павлу Николаевичу было 4—5 лѣтъ. Семья отличалась, очевидно, нѣкоторой раз-витостью и умѣньемъ цѣнить образованіе: старшіе братья П. Н. учились въ Практической академіи, одинъ изъ нихъ по воспо-минаніямъ сестры очень любилъ театръ и отлично читаль стихи; самъ П. Н. прошелъ черезъ гимназію и университетъ; наконецъ, засвидѣтельствованное прекрасное знаніе имъ нѣ-сколькихъ иностранныхъ языковъ еще на гимназической ска-мье, конечно, должно было имѣть корни въ домашней обста-новкѣ. Съ другой стороны, Рыбникова въ прошломъ были ста-рообрядцами; В. Модестовъ, знавшій Рыбникова въ Петроза-водскѣ, говорить въ своей статьѣ: «У него хранился, какъ

1) Пыпинъ указываетъ на 1832 годъ, воспоминанія сестры Р—ва даютъ „1830—32 гг.“; но въ архивѣ Москов. университета „дѣло о принятіи въ число студентовъ Павла Рыбникова“ содержитъ подлинное метрическое сви-дѣтельство Моск. дух. консисторіи отъ 10 авг. 1836 г. Здѣсь значится: „у купца 3-й гильдіи Ник. Абрамова Рыбникова и законной жены его Елены Пет-ровой въ 1831 г. ноября 24 дня родился сынъ Павелъ, крещенъ 2 декабря“.

2) Объ этомъ говорятъ сохранившіяся въ памяти сестры Р—ва имена ихъ родственниковъ: Шевелкиныхъ, Сушкиныхъ, Третьяковыхъ; въ гимназіи Рыб-никовъ водилъ компанию съ Прове и Варгинымъ; это все видные, солидные купеческие дома. Послѣ отца осталось на 100 тысячъ векселей, по которымъ онъ имѣлъ обычай не взыскивать денегъ. Наконецъ, въ III т. Барсуковскаго Погодина мы нашли Рыбниковыхъ въ числѣ крупныхъ жертвователей на борьбу съ холерой 1830 г.

нѣкая святыня, портретъ казненнаго при Петрѣ князя Мышецкаго, котораго онъ считалъ какъ-то себѣ родственникомъ». Повидимому, нѣкоторыя связи въ московскомъ старообрядчествѣ у Рыбниковыхъ продолжали сохраняться; на это указываетъ знакомство съ К. Т. Солдатенковымъ (о чёмъ будеть рѣчь ниже), обѣ этихъ связяхъ слышать и другой петрозаводскій знакомецъ Р—ва, К. Петровъ¹⁾. Этими отношеніями нѣсколько объясняется рано появившійся и довольно устойчивый интересъ П. Н. къ расколу, а также вообще вниманіе и уваженіе къ старымъ национальнымъ особенностямъ, къ исконному быту и укладу народной жизни; въ домашней и семейной обстановкѣ, несмотря на отмѣченныя выше черты новой культурности, легко могли сохраняться такие ростки мысли и чувства, которые послѣ отозвались и въ интересѣ либерального студента къ знакомству съ Хомяковымъ, съ Аксаковыми, и въ горячемъ увлеченіи собирателя народно-поэтическаго матеріала по глухимъ Олонецкимъ дебрямъ. Прибавимъ, что есть указанія на раннее знакомство Рыбникова съ былинами еще въ дѣтствѣ, черезъ нянью.

Такимъ образомъ, духъ Рыбниковой семьи представлялъ собой интересное соединеніе разнородныхъ струй, которое должно было давать много духовной пищи для даровитой личности. П. Н. какъ разъ былъ одаренъ прекрасными способностями. Въ 1844 г. на 13 году Рыбниковъ поступилъ въ 3-ю Московскую гимназію на Лубянкѣ, очевидно, прямо во второй классъ, такъ какъ черезъ 6 лѣтъ онъ окончилъ семилѣтній курсъ; это указываетъ на заботливую домашнюю подготовку.

Гимназіи наши тогда доживали послѣдніе годы по уставу 1828 года и готовились къ разгрому своей классической основы, наступившему съ 1847 г.; третья гимназія (называвшаяся реальною, такъ какъ ея старшіе классы имѣли кромѣ классического и реальное отдѣленіе) управлялась директоромъ П. Погорѣльскимъ, опытнымъ и не зауряднымъ педагогомъ, котораго цѣнили всѣ входившіе съ нимъ въ общеніе; среди учителей не переводились лица съ литературной или ученой репутацией (на-

¹⁾ „Сѣвери. Вѣстникъ“ 1887 г. № 4, ст. „Провинціальные статистики и писатели“.

зовемъ изъ периода 1844—1850 гг. П. Переялъсского, В. Класовскаго, С. Шестакова, Б. Ордынскаго, М. Н. Капустина). Наконецъ, въ числѣ преподавателей гимназіи между 1841—1846 гг. былъ Ф. И. Буслаевъ, какъ разъ въ это время вырабатывавшій и на младшихъ классахъ провѣрявшій свою книгу «О преподаваніи отечественаго языка». Рыбниковъ кончилъ курсъ въ 1850 г. по классическому отдѣленію съ серебряной медалью при очень хорошихъ успѣхахъ по математикѣ и отличныхъ по закону Божію, русскому, греческому, латинскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, по физикѣ, математической географіи, всеобщей и россійской исторіи, географіи и статистикѣ¹⁾.

Для прекрасно окончившаго курсъ гимназиста съ опредѣленной способностью и склонностью къ языкамъ и литературѣ²⁾ прямой и естественной дорогой было продолженіе занятій въ аудиторіяхъ филологического факультета. Онъ такъ и сдѣлалъ, но далеко не сразу. Здѣсь въ біографіи П. Н. есть не вполнѣ освѣщенный пунктъ. Извѣстно, что онъ приблизительно въ эти годыѣздили за границу. Пыпинъ пишеть: «Его университетскій курсъ шелъ какъ-то неправильно; еще до окончанія его онъ дѣлалъ путешествіе за границу и окончилъ курсъ только въ 1858 году»; въ этихъ словахъ есть неточность или неясность, которой Пыпинъ могъ бы избѣжать, больше довѣрившись разсказу Модестова, изъ котораго онъ самъ на послѣдующей страницѣ цитируетъ слова о «заграничномъ путешествіи, предпринятомъ еще до университетскихъ студій». И дѣйствительно сестра Рыбникова пишеть въ своихъ воспоминаніяхъ: «Окончивъ курсъ гимназіи, онъ нѣхалъ какъ переводчикъ (такъ какъ отлично зналъ языки) за границу съ Солдатенковымъ и Н. П. Боткинымъ; вернувшись, поступилъ въ университетъ на историко-филологический факультетъ»³⁾. Побудительной причиной путеш-

¹⁾ Атtestатъ за № 223 въ дѣлѣ архива Московскаго университета.

²⁾ Греческій языкъ преподавался лишь желающимъ; въ выпускѣ 1850 г. было только двое такихъ—Рыбниковъ и Острогожскій.

³⁾ Здѣсь надо сдѣлать одну оговорку. Солдатенковъ, весьма вѣроятно, нуждался въ переводчикѣ, но къ Н. П. Боткину это не можетъ относиться: онъ очень частоѣздили за границу, началь путешествія свои раньше 1850 г. и прекрасно зналъ языки. См. „Анненковъ и его друзья“.

шествія помимо стремленія увидать западную Европу легко могло быть желаніе заработка; положеніе семьи послѣ смерти отца должно было пошатнуться,—сестра недаромъ отмѣчаетъ, что П. Н. задолго до окончанія гимназического курса (она пишетъ: «съ младшихъ классовъ») началъ давать уроки. Но важнѣе было бы выяснить характеръ самой поѣздки; у насъ нѣть, къ сожалѣнію, прямыхъ указаній на этотъ счетъ. Модестовъ, черпавшій свои данныя изъ дружескихъ бесѣдъ съ Рыбниковымъ въ Петрозаводскѣ, отводитъ опредѣленно (хотя безъ подробностей) этому путешествію извѣстное мѣсто въ высокой образованности П. Н., которая его изумляла; очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ краткой поѣздкой туриста характера. Но мы не знаемъ, гдѣ былъ Р—въ за границей и сколько времени провелъ онъ въ путешествіи; память сестры не сохранила никакихъ свѣдѣній объ этомъ¹⁾). Но изъ дѣлъ университетскаго архива мы знаемъ точно, что въ число студентовъ филологическаго факультета Рыбниковъ былъ принятъ лишь въ 1854 г.²⁾. Сколько изъ этихъ четырехъ лѣтъ проведено за границей, остается не выясненнымъ.

Въ эту знаменательную пору общественнаго, литературнаго и научнаго оживленія, на переломѣ двухъ эпохъ, наканунѣ обновленія Россіи, Московскій университетъ стоялъ во главѣ русской науки. Филологическій факультетъ блисталъ цѣлымъ рядомъ крупныхъ научныхъ звѣздъ, изъ которыхъ однѣ скоро исчезли, другія только всходили. Рыбниковъ засталъ еще на каѳедрѣ Грановскаго, слушалъ Кудрявцева, Соловьеву, былъ ученикомъ Шевырева, Буслаева, Бодянскаго, въ его время появился Тихонравовъ; наконецъ по классической древности руководителями его были Леонтьевъ и Шестаковъ. Вступивъ въ университетъ послѣ прекрасно пройденнаго гимназического курса,

¹⁾ Въ одной ненапечатанной статьѣ (о которой рѣчь будетъ ниже) Рыбниковъ мимоходомъ обронилъ указаніе, что онъ „довольно долго жилъ въ Италии“.

²⁾ „Дѣло совѣта И. М. У. о принятіи въ число студентовъ Павла Рыбникова № 289“. Здѣсь подписанное Рыбниковымъ прошеніе отъ 16 июня 1854 г. на имя ректора Альфонскаго съ приложеніемъ: 1) метрическаго свидѣтельства 2) свидѣтельства гимназіи о награжденіи серебряной медалью отъ 18 ноября 1850 г. и 3) аттестата объ окончаніи курса, выданнаго 17 декабря 1851 года.

послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ, очевидно, не безплодно, успѣвшій много увидать за границей, 23-лѣтній отлично одаренный студентъ естественно могъ серьезно и солидно воспользоваться университетскими годами. Университетскіе отчеты за 1854—1858 гг. не разъ отмѣчаютъ успѣхи Рыбникова на различныхъ курсахъ; такъ на первомъ же году оказались «заслуживающими упоминанія» переводы изъ Тацита, представленные проф. Леонтьеву студентомъ I курса Павломъ Рыбниковымъ; на второмъ курсѣ у проф. Шевырева «въ классическихъ бесѣдахъ» А. Котляревскій и Павелъ Рыбниковъ «читали свои работы о II томѣ Мертвыхъ Душъ». Въ іюнѣ 1858 г. Рыбниковъ былъ утвержденъ въ званіи кандидата.

Обратимся къ внутренней исторіи его студенчества.

Время тогда было такое, что во всѣхъ областяхъ жизни выдвигались незаурядные люди; немало было ихъ и въ московскомъ студенчествѣ. Въ одно время съ Рыбниковымъ черезъ филологическій факультетъ проходили: А. Козловъ, известный послѣ профессоръ философіи, А. Котляревскій, Александръ Веселовскій, братъ его Федоръ, рано умершій, серьезный классикъ, Н. И. Стороженко, талантливый переводчикъ Разсадинъ. Это была даровитая, живая молодежь, жадно воспринимавшая новыя общественные вѣянія, полной грудью вдыхавшая свѣжій воздухъ, которымъ послѣ Николаевской замурованности такъ отрадно вѣяло во внутреннихъ дѣлахъ, въ публицистикѣ, въ литературѣ, въ наукѣ. Перечисленные выше юноши формировались и выходили въ жизнь, обращенные уже въ то время всего болѣе въ сторону серьезной науки, но тогда и наука не шла, не могла итти изолировано отъ общихъ основъ міровоззрѣнія, отъ живыхъ вопросовъ эпохи. Занятія, положимъ, народной поэзіей или старой русской письменностью неизбѣжно связывались для ученаго съ необходимостью опредѣлить такъ или иначе свое отношеніе къ идеѣ народности, къ общему ходу историческихъ судебъ русского народа, къ вопросу о самобытности развитія, къ западничеству и славянофильтву. Если Буслаеву, О. Миллеру и нѣкоторымъ другимъ, уже твердо ставшимъ на научную дорогу, приходилось иной разъ ощутить вторженіе въ ихъ мирныя ученыя занятія настойчиваго и требовательного

элемента общественности, то естественно, что среди неустоявшейся и не определившейся молодежи было много метанья и бурливыхъ исканий въ разныхъ направленияхъ. Она шумѣла, говорила на сходкахъ, уясняла себѣ духъ времени, выработывала новые основы свободнаго міровоззрѣнія, иной разъ просто веселилась на шумныхъ товарищескихъ собраніяхъ, — однимъ словомъ, реагировала ярко на жизнь и на собственную молодость.

Конечно, она нерѣдко при этомъ обращала на себя неблагосклонное вниманіе начальства; изощренный долговременной практикой въ 40-е годы глазъ хозяина Москвы, гр. Закревского подозрительно устремлялся на шумливые кружки и въ его канцеляріи составлялся и росъ знаменитый «Списокъ подозрительныхъ лицъ 1859 г.» Здѣсь среди цѣлаго ряда известныхъ лицъ, попавшихъ на замѣчаніе—одинъ за то, что членъ «тайного политического общества славянофиловъ», другой за то, что «западникъ и демократъ», третій за то, что «другъ Кокорева», четвертый за то, что «желаетъ переворотовъ и готовъ на все», — среди Аксаковыхъ, Самариныхъ, Хомяковыхъ, Щепкиныхъ и др. мы встрѣчаемъ троихъ изъ названныхъ выше лицъ, только что покинувшихъ университетъ и занявшихся на первыхъ порахъ учительствомъ. Это—Козловъ, Котляревскій и Разсадинъ; полицейская характеристика ихъ неблагонадежности неожиданна и таинственна: «изъ числа вертепниковъ», гласить списокъ, прибавляя о Котляревскомъ: «но принималъ въ ономъ(!) участіе менѣе другихъ», а о Разсадинѣ—сакральную формулу: «готовъ на все»¹⁾. Мы не будемъ разгадывать кабалистику списка, да это и не важно; очевидно, веселыя товарищескія собранія и кое-что въ образѣ жизни нѣкоторыхъ членовъ кружка (Котляревскій по-видимому даже не былъ близокъ съ двумя другими) дали какъ-нибудь поводъ къ дикому названию. Весь списокъ дышитъ такой юмористической нескладицей, что удивляться ему не приходится; интересно здѣсь то, что онъ отмѣтилъ своимъ неуклюжимъ ударениемъ молодую группу, разумѣется, случайно одну изъ нѣсколькихъ, въ которыхъ чуялось новое, живое,

¹⁾ „Русск. Архивъ“, 1885, № 7.

необычное и ео ipso подозрительное. Такою и должна была естественно быть вся выдающаяся молодежь конца 50-хъ годовъ.

Переходя къ Рыбникову, отмѣтимъ прежде всего то, что сохранилось въ памяти сестры о его студенческихъ годахъ. Она пишеть: «Онъ часто говорилъ на сходкахъ и все время былъ подъ надзоромъ полиціи. Сначала П. Н. жилъ съ матерью и сестрой, а потомъ изъ болезни обыска, чтобы не путать мать, уѣхалъ и жилъ то съ Козловымъ, то съ Свириденкомъ и съ Власьевымъ». Здѣсь кое-что, вѣроятно, надо понимать лишь какъ общее впечатлѣніе, но опредѣленно устанавливается его близость къ нѣсколькимъ товарищамъ. Сестра при этомъ называетъ ихъ «соціалистами», а Козлова даже «анархистомъ»; эта слишкомъ современная терминологія рисуетъ живо впечатлѣніе отъ знакомыхъ брата, отъ ихъ свободныхъ, крайнихъ взглядовъ. Изъ этихъ товарищей П. Н. мы всего меньше знаемъ о Власьевѣ. Университетскіе отчеты говорятъ лишь, что Владіміръ Власьевъ, дворянинъ, послѣ домашняго образованія поступилъ на юридическій факультетъ; въ 1855—6 гг. (когда Рыбниковъ былъ на 2 курсѣ) Власьевъ уже кончилъ и держалъ экзаменъ на степень магистра уголовныхъ законовъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ мы не могли собрать. (Характерно для зрѣлости Рыбникова, что онъ дружилъ со старшими: Козловъ тоже кончилъ нѣсколькими годами раньше его, въ 1856 г.)

О М. Я. Свириденкѣ известно нѣсколько больше. Проф. Алексѣй Ник. Веселовскій, любезно подѣлившійся съ нами своими воспоминаніями (Рыбниковъ былъ нѣсколько старше его по курсу и онъ успѣль узнатъ не всѣхъ его товарищей), сообщаетъ: «Матвѣя Свириденко встрѣчалъ у Котляревскаго; у меня осталось впечатлѣніе очень типического и прѣчи, и по костюму, и по любви къ родинѣ украинца; ему не везло въ жизни, и въ началѣ 60-хъ годовъ онъ, помнится, долженъ былъ удовлетвориться мѣстомъ приказчика въ книжномъ магазинѣ известного тогда издателя Кожанчикова въ Петербургѣ». Тотъ же авторъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ А. Котляревскомъ («Кievская Старина» 1888 г.) говоритъ, что Свириденко имѣлъ связи съ петербургскими кружками и былъ

однимъ изъ такихъ лицъ, при посредствѣ которыхъ въ московской молодежи того времени устанавливалось единомысліе съ тѣмъ, что тогда проповѣдывала передовая журналистика. Л. Пантелеевъ въ своей книгѣ «Изъ воспоминаній прошлаго» (Спб. 1905, стр. 280) говорить о Свириденкѣ: «Управляль магазиномъ Кожанчика, съ университетскимъ образованіемъ, большой пріятель Костомарова и для своего времени очень интересная личность; умеръ въ концѣ 1864 г.». Наконецъ изъ воспоминаній Н. А. Лейкина о П. И. Якушкинѣ (Соч. П. Якушкина. Спб. 1884 г.) узнаемъ, что Свириденко жилъ въ каморкѣ при магазинѣ, былъ общимъ знакомымъ всей тогдашней пишущей братіи, собиралъ съ интеллигентной молодежи, во множествѣ [посѣщавшей магазинъ, пожертвованія на воскресные школы и на поддержку бѣдныхъ студентовъ. Онъ былъ пріятелемъ П. Якушкина и удерживалъ его отъ запоя; Якушкинъ часто привиталъ у него, когда появлялся въ Петербургѣ, и въ его каморкѣ на отдѣльныхъ клочкахъ бумаги написалъ свои очерки «Великъ Богъ земли [русской]. Изъ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній все же складывается нѣкоторый образъ личности незаурядной, захваченной новыми идеями, живой и въ общемъ симпатичной, съ своеобразнымъ пошибомъ и общественности, и народолюбія, но почему-то съ неудачной судьбой. Мы сочли не лишнимъ дать здѣсь всѣ, какія удалось собрать, свѣдѣнія объ этомъ мало известномъ пріятелѣ юношескихъ лѣтъ Рыбникова.

Особо стоитъ гораздо болѣе крупная личность А. А. Козлова. Выдающійся философъ - спиритуалистъ во второй половинѣ своей дѣятельности (съ 1876 г. профессоръ Киевскаго университета, умеръ въ 1901 г.), онъ прошелъ очень сложную линію развитія. Въ главныхъ чертахъ переломы этой линіи извѣстны: первые 10 лѣтъ послѣ университета педагогическая дѣятельность въ Москвѣ и усиленныя занятія политической экономіей и соціальными вопросами, второе десятилѣтіе (съ 1866 г.) удаленіе «по независящимъ обстоятельствамъ» изъ Москвы и дѣятельность агронома, интересъ къ естественнымъ наукамъ и переходъ отъ нихъ къ философіи; здѣсь сперва Конть и позитивизмъ, затѣмъ вліяніе Шопенгауера и Гартмана и изу-

ченіе Канта. Тутъ научные интересы Козлова окончательно фиксируются на философіи метафизического характера и онъ получаетъ каедру въ Киевѣ. Первый періодъ его дѣятельности, который особенно занимаетъ насъ по связи съ Рыбниковымъ, оказался всего менѣе освѣщенъ въ существующихъ источникахъ, какъ и вообще самая личность Козлова. Приводимъ интересную характеристику этой оригиналной фигуры, данную въ письмѣ къ намъ проф. А. Н. Веселовскимъ, знаяшимъ его какъ разъ на передомѣ 60-хъ годовъ.

«Некрасивый, желтоволосый, съ мочальной бородой (которая, говорять, въ старости превратилась въ длиннѣйшую бѣлую бороду патріарха), онъ и даромъ слова какъ будто не обладалъ, но отъ этого умнаго, убѣжденного и, главное, увѣренного въ себѣ человѣка несомнѣнно шелъ токъ, которому мало кто могъ противостоять,— особенно женщины. Быль ли онъ «анархистомъ»? ¹⁾. Конечно, нѣтъ; но преимущественно въ области нравственныхъ понятій, семейнаго, брачнаго строя, свободы привязанностей и союзовъ онъ обладалъ базаровскою смѣлостью до Базарова. Его освобождающія, разрушительныя теоріи очаровывали женскій слухъ. Студентомъ онъ неудачно женился на какой-то, кажется, прислугѣ, но когда въ помѣщичьей семье, гдѣ онъ одно время былъ учителемъ, его рѣчей заслушалась молодая дѣвушка, онъ позвалъ ее съ собой, да такъ и прожилъ съ нею, невѣнчанный, всю жизнь. Въ свое время на нихъ указывали въ Москвѣ, какъ на образецъ счастливаго свободнаго союза, и Козловъ съ своей подругой, очень неглупой, подъ стать къ нему, былъ въ интеллигентныхъ кругахъ лицомъ замѣтнымъ... Конечно, его новаторство и проповѣдь обновленія и переустройства не ограничивались семейнымъ или женскимъ вопросомъ. Обще-соціалистическая окраска его вззрѣній несомнѣнна, и тутъ приходится указать на успѣхъ его діалектики не у однѣхъ только женщинъ. Увлеченный имъ, богатый землевладѣлецъ изъ купцовъ, помнится, Хлѣбниковъ, придумалъ для его обезпеченія дать ему мѣсто своего главнаго

---

¹⁾ Мы передали А. Н. Веселовскому приведенные выше слова сестры Рыбникова.

управляющаго, и хотѣлъ итти еще дальше на этомъ пути, но внезапно умеръ¹⁾). Словомъ, тогдашній Козловъ рисуется мнѣ, на большомъ разстояніи, представителемъ сильно поднявшейся соціально-критической мысли; съ нимъ вмѣстѣ шли и другіе люди (напримѣръ братья Орфано²⁾). Были въ Москвѣ и другіе кружки, гдѣ общественные вопросы изучались превыше всего,— напр. кружокъ, въ которомъ главнымъ лицомъ былъ здравствующій нынѣ известный статистикъ В. И. Покровскій».

Кружокъ, въ которомъ врашался Рыбниковъ въ студенческіе годы, несомнѣнно отличался передовыми и даже, новидимому, довольно крайними возврѣніями; по крайней мѣрѣ кое-кто въ Петербургѣ зналъ о такой репутаціи его членовъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ. Въ воспоминаніяхъ своихъ Л. Пантелеевъ разсказываетъ, что въ 1862 г., когда возникла политическая организація «Земля и Воля», то «господинъ въ пенснѣ», отправляя автора въ организаціонную поѣздку на сѣверъ, рекомендовалъ ему въ Петрозаводскѣ войти въ сношенія съ Рыбниковымъ, прибавивъ: «черезъ него вамъ будетъ открыть весь Олонецкій край, да навѣрно и Новгородскій»³⁾. «Господинъ въ пенснѣ» былъ вообще мало основателенъ, по отзыву Пантелеева, а въ данномъ случаѣ прямо дурно освѣдомленъ, — Пантелеевъ тотчасъ же навелъ справки у Свириденки и тотъ далъ о Рыбниковѣ «такую аттестацію, которая мало подавала надеждъ»⁴⁾; но ясно, что «господинъ въ пенснѣ» повторялъ ходячій слухъ, чужое мнѣніе, сложившееся гдѣ-то помимо его; до высылки Рыбникова оно могло быть болѣе близкимъ къ истинѣ.

Не смотря на такую репутацію, мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ основаній приписывать и всему кружку, и, особенно, лично Рыбникову склонность къ активной политикѣ или конспираціи. Ничего этого, конечно, и не было; было широко

¹⁾ Очевидно, здѣсь и лежитъ объясненіе данного нами выше глухаго указанія біографій Козлова на его агрономическую дѣятельность. Любопытно сходство этого эпизода съ подобнымъ же приключениемъ въ „Рудинѣ“.

²⁾ Изъ нихъ болѣе известенъ М. И. Орфано или Орфановъ, писатель-народникъ; его литературный псевдонимъ *Мишила*.

³⁾ Изъ воспоминаній прошлаго I, 263.

⁴⁾ Ibidem. стр. 280.

тогда распространенное свободомысле, серьезное образовательное чтение, и главные интересы направлялись не на политические, а на социальные вопросы. Собственно у Рыбникова, очевидно, къ этому быстро присоединились внимание и любовь къ русскимъ национальнымъ особенностямъ въ исторіи, въ бытѣ, въ народномъ творчествѣ, — не даромъ онъ прочнѣе другихъ привязался къ А. С. Хомякову, съ которымъ у кружка въ то время какъ-то завязалось знакомство.

Эти отношения представляютъ большой интересъ и важны для характеристики обѣихъ сторонъ; къ сожалѣнію, о нихъ извѣстно очень мало въ печати. Мы знаемъ, что Рыбниковъ студентомъ сталъ давать уроки дѣтямъ А. С. и лѣтомъ жилъ въ его Тульскомъ имѣніи Богучаровѣ¹⁾; знакомство началось очевидно съ первыхъ временъ университетскаго курса, такъ какъ Козловъ въ своей статьѣ послѣ смерти Хомякова (о ней сейчасъ будетъѣрѣчь) въ 1860 г. относить сближеніе къ времени за пять, за шесть лѣтъ назадъ, т. е. къ 1854—1855 годамъ. Оригинальное сближеніе одного изъ крупнѣйшихъ столповъ славянофильства, пятидесятилѣтняго человѣка съ группой студентовъ «крайнихъ воззрѣній» бросаетъ особый свѣтъ прежде всего на личность самого Хомякова. Биографъ его, В. Лясковскій, отмѣчаетъ, какъ одну изъ характерныхъ чертъ А. С., его склонность сходиться съ молодежью и умѣніе не только подчинять ее своему вліянію, но и отъ нея заимствовать кое-что. И раньше въ разное время къ нему были очень близки люди гораздо моложе его: К. Аксаковъ, Ю. Самаринъ, Д. Валуевъ, А. Поповъ; та же черта очевидно сказалась и здѣсь, при чемъ условія жизни Хомякова ко второй половинѣ 50-хъ годовъ благопріятствовали ея проявленію. Разсказавъ о цѣломъ рядѣ потерь, перенесенныхъ имъ на протяженіи пѣсколькоихъ лѣтъ (съ 1852 по 1857 г. умерла его жена, Гоголь, И. и П. Кирѣевскіе, наконецъ матеръ), биографъ говоритъ: «Вокругъ А. С. не оставалось почти никого изъ ближайшихъ его друзей: од-

1) Такъ помнить сестра Рыбникова; о томъ же говорить сохранившійся въ университетскомъ архивѣ отпускной билетъ, № 1207, выданный «окончившему курсъ ученія своекоштному студенту Павлу Рыбникову на проѣздъ въ Тульскій уѣздъ 4 іюня 1858 г.» и явленный 7 іюля въ Тульскомъ Земскомъ Судѣ.

нихъ не стало, другіе ушли на практическое дѣло. Но общеніе, проповѣдь, споръ были для него необходимы. Въ послѣдніе годы жизни мы видимъ его то въ состязаніяхъ съ раскольниками въ Кремлѣ, то въ частыхъ спорахъ съ университетской молодежью, особенно съ представителями крайнихъ мнѣній среди нея, каковы были въ то время Рыбниковъ, Козловъ и нѣкоторые другіе ¹⁾.»

Характеръ интересующихъ нась отношеній хорошо выясняется въ упомянутой некрологической статьѣ А. Козлова ²⁾. Указавъ на рѣдкую терпимость Хомякова къ чужому образу мыслей, вытекавшую столько же изъ искренней преданности его своимъ убѣжденіямъ, сколько изъ уваженія къ человѣческой личности вообще, авторъ продолжаетъ: «Назадъ тому лѣтъ пять-шесть въ Москвѣ было нѣсколько студентовъ, которые время отъ времени собирались къ одному изъ своихъ товарищъ потолковать и поспорить между собой о разныхъ философскихъ и научныхъ вопросахъ... Студенты эти были люди бѣдные, неизвѣстные, но искренно преданные наукѣ. Когда съ однимъ изъ нихъ случайно познакомился Хомяковъ, то ни на минуту ни задумался пріѣзжать къ этимъ молодымъ людямъ на вечеръ каждую недѣлю. Онъ, помѣщикъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, человѣкъ, принадлежавшій къ высшему обществу, имѣвшій почетное имя въ литературѣ, просиживалъ за полночь въ душной мансардѣ, въ обществѣ бѣдняковъ, у которыхъ на десять стакановъ чаю переходила изъ рукъ въ руки одна чайная ложечка. Всѣ эти молодые люди въ своихъ воззрѣніяхъ на науку не сходились съ покойникомъ, поэтому въ спорахъ съ нимъ были иногда слишкомъ рѣзки, относились къ нему безъ церемоній, какъ къ товарищу. Несмотря на всю эту невзрачную обстановку, несмотря на то, что въ обществѣ могли бы находить странными сношенія Хомякова съ юношами-студентами, онъ долгое время продолжалъ свои посѣщенія и сохранилъ всегда глубокое сочувствіе къ своимъ горячимъ и непримиримымъ соперникамъ».

Въ то время, когда умеръ Хомяковъ (сентябрь 1860 г.) и

¹⁾ В. Лисковскій, «А. С. Хомяковъ», стр. 63.

²⁾ Напечатана въ «Московскомъ Вѣстнику», 1860 г. Нижеслѣдующую цитату заимствуемъ у Барсукова («Погодинъ», XVII, 449).

одинъ изъ членовъ молодого кружка писалъ о немъ вышеприведенные строки, другой участникъ бесѣдъ и споровъ съ похожимъ, самъ Рыбниковъ, уже болѣе года жилъ въ Петрозаводскѣ. На извѣстіе о смерти А. С. Хомякова онъ отозвался письмомъ къ его сыну, гдѣ говорилъ между прочимъ: «и для нашего времени «миръ твоему праху» можетъ означать, напр., окончаніе борьбы. Но я, расходясь съ А. С. въ убѣжденіяхъ, сходился съ нимъ въ вѣротерпимости и видѣлъ въ немъ благороднаго представителя одного изъ извѣстныхъ міровоззрѣній, на которыхъ люди раздѣлены по необходимости, а потому мнѣ не нужна эта формула. Я иначе поминаю вашего отца. — По просьбѣ Ю. Ф. С. я записываю смыслъ его бесѣдъ со мною. Такимъ образомъ личность А. С. постоянно присутствуетъ въ моей мысли, еще вліяетъ на нее, и я невольно повторяю слова Тацита: *Quicquid ex A. S. amavimus, quicquid mirati sumus, manet mansurumque est in animis hominum, in aeternitate temporum, fama regit.*».

Изъ этихъ свидѣтельствъ самихъ дѣйствующихъ лицъ ясенъ характеръ отношеній между Хомяковымъ и молодымъ кружкомъ, который мы назвали «Рыбниковскимъ» (хотя Козловъ игралъ въ немъ, быть можетъ, и болѣе важную роль); отношенія эти отмѣчены были духомъ внутренней свободы: молодые люди не отказывались отъ своихъ воззрѣній и не подчинялись вполнѣ идеиному вліянію Хомякова,—очевидно, у нихъ многое было хорошо продумано и прочно сложилось,—но они сумѣли опѣнить въ своемъ оппонентѣ искреннюю убѣжденность, отсутствие узкаго сектантства и нравственную привлекательность личности. Крупнѣйшимъ пунктомъ ихъ разногласія, конечно, долженъ былъ служить тотъ индивидуалистический характеръ міровоззрѣнія, который явственно даетъ себя знать въ кружкѣ и который плохо мирился съ кореннымъ славянофильскимъ принципомъ растворенія личности въ общемъ, соборномъ началѣ. Это разногласіе неминуемо выступало, разумѣется, и въ религіозныхъ, и въ философскихъ, и въ нравственныхъ вопросахъ, также какъ напр. въ пониманіи русской исторіи и будущихъ путей народнаго развитія. Ниже еще будутъ случаи, гдѣ у Рыбникова даетъ себя знать характерное для 60-хъ гг.

ученіе о самоутвержденіи личности. Есть однако указанія на то, что именно на Рыбникова славянофильская атмосфера имѣла извѣстное вліяніе; не даромъ онъ вошелъ до нѣкоторой степени въ кругъ близкихъ Хомякову лицъ: мы видѣли, что Юрій Са-маринъ обращался къ нему въ Петрозаводскъ съ просьбой, вы-званной смертью А. С.; сестра Рыбникова вспоминаетъ, что К. Аксаковъ бывалъ у ея брата еще въ Москвѣ,—это косвенно подтверждается фактомъ Петрозаводской переписки Рыбникова съ К. С. и И. С. Аксаковыми¹⁾.

Эту большую близость, конечно, надо объяснить тѣмъ, что для Рыбникова къ концу университетскаго курса несомнѣнно сталъ выясняться его интересъ къ народному творчеству и старому быту; вспомнимъ, что онъ былъ сосланъ едва годъ спустя по окончаніи курса и къ моменту ареста имѣлъ уже большое количество собраннаго матеріала²⁾. Быть можетъ, въ первое время этотъ интересъ не былъ чисто литературнымъ и осложнялся соціальной окраской кружка; на это наводятъ со-хранившіяся, правда очень общія, свидѣтельства: Рыбниковъ въ Черниговской губ. ходилъ по старовѣрческимъ слободамъ, «изучалъ расколъ», охотно развивалъ свою точку зренія на него, какъ на крупное общественное явленіе, въ близкомъ кругу и позднѣе, въ Петрозаводскѣ; но этотъ соціальный наклонъ его вниманія къ народной жизни и въ первое время не поглощалъ ли-тературно-этнографическихъ интересовъ: уцѣлѣвшія Чернигов-скія записи хороводныхъ пѣсенъ опредѣленно говорять о томъ. Во всякомъ случаѣ здѣсь, въ области изслѣдованія старого быта и духовной жизни русскаго народа лежалъ главный пунктъ со-прикосновенія и сближенія тогдашняго Рыбникова и москов-скихъ славянофиловъ; начавшіяся послѣ смерти Петра Кирѣев-скаго заботы объ изданіи его собранія, дѣятельность П. Якуш-кина, одно время стоявшаго у этой работы, появленіе въ Хо-мяковскомъ кружкѣ какъ разъ въ это время П. Шейна изъ Симбирской губ. съ сборничкомъ былинъ и историческихъ пѣ-

¹⁾ Ко II т. былинъ было приложено извлеченіе изъ письма Рыбникова къ К. Аксакову отъ лѣта 1860 г. Письма И. Аксакова были въ нашихъ рукахъ.

²⁾ Онъ былъ весь уничтоженъ (см. объ этомъ ниже), кроме случайно уцѣлѣвшаго десятка пѣсенъ изъ Черниговской губ., напечатанныхъ въ III томѣ.

сенъ (напечат. Бодянскимъ въ Членіяхъ Общ. Исторіи и Древностей въ 1859 г.), интересъ К. Аксакова къ былинамъ—все это должно было стимулировать Рыбникова, вызывать наружу его собственныя влечения и симпатіи. Участіе Хомякова и его друзей въ этнографическихъ интересахъ П. Н. можно прослѣдить съ самыхъ первыхъ шаговъ его собирательской дѣятельности: въ Черниговскую губ. въ 1859 г. онъ беретъ съ собой рекомендательное письмо Хомякова; въ Петрозаводскъ, еще почти не имѣя собственныхъ былинныхъ записей, и не подозрѣвая, какое богатство откроется вскорѣ передъ нимъ, но получивъ въ свое распоряженіе Бутеневское собраніе и начавъ печатать его въ «Олонецкихъ Губ. Вѣдомостяхъ», онъ уже имѣть надежды (очевидно отъ того же Хомякова) на изданіе отдѣльного сборника¹⁾; первыя тетради своихъ записей онъ посыпаетъ въ Москву къ Хомякову и тотъ рѣшаетъ тогда же напечатать сборникъ²⁾.

Характеризуя кружокъ Рыбникова и его связи, мы не выдѣляли до сихъ поръ особо духовную личность самого П. Н. Мы не располагаемъ материалами для подробнаго раскрытия его внутренней жизни за это время, но общій обликъ Рыбникова, его развитіе и кругъ умственныхъ интересовъ тотчасъ по окончаніи курса довольно живо переданы В. Модестовыми въ названномъ выше некрологѣ. Модестовъ, тогда бывшій молодымъ учителемъ гимназіи, послѣ—извѣстнымъ профессоромъ классической филологии, могъ, конечно, вполнѣ оцѣнить Рыбникова. Вотъ набросанный имъ портретъ:

«Это былъ въ то время высокій, стройный, сильный, очень красивый мужчина лѣтъ 26—27, обращавшій на себя вниманіе петрозаводского общества и своимъ блестящимъ образованіемъ, и своимъ интереснымъ положеніемъ (онъ жилъ въ ссылкѣ). Мы

¹⁾ Первая поѣзда Рыбникова, открывшая ему сразу пѣлій рядъ пѣвцовъ и давшая больше 80 записей, началась въ маѣ 1860 г., но уже 2 апрѣля «Олон. Губ. Вѣдом.» въ редакціонной замѣткѣ писали: «собрание былинъ, стиховъ и пѣсень г. Р-ва, сколько намъ извѣстно, предназначается къ изданію особымъ сборникомъ, который займетъ видное мѣсто въ нашей ученой литературѣ».

²⁾ Какъ извѣстно, въ исполненіе воли отца, сыновья А. С. дали средства на изданіе первыхъ двухъ томовъ.

сопились очень скоро, черезъ мѣсяцъ были на *ты*, видѣлись каждый день, мѣсяца два или три сряду вмѣстѣ обѣдали въ его квартирѣ... Сношеній между нами было достаточно, чтобы я могъ вполнѣ понять и изучить замѣчательную личность своего петрозаводскаго друга. Прежде всего я долженъ сказать, что Рыбниковъ былъ человѣкъ высокаго образованія, какое рѣдко было и въ то время между молодыми людьми, а теперь еще рѣже. Образованіе это онъ частью получилъ въ московскомъ университѣтѣ на историко-филологическомъ факультетѣ, въ блестящую еще пору послѣдняго, частью въ заграничномъ путешествіи, предпринятомъ имъ еще до университетскихъ студій, частью въ кругу образованнѣйшихъ въ то время въ Москвѣ лицъ, между прочимъ, въ кружкѣ Хомякова, частью—и это главное—посредствомъ чтенія, широкаго и плодотворнаго. Онъ былъ знакомъ съ исторіей философіи и ближайшимъ образомъ съ Гегелемъ, ему была хорошо известна экономическая литература Франціи и Германіи, особенно направленія, такъ сказать, лѣвой стороны; онъ имѣлъ въ древней классической литературѣ познанія, которыя приводили меня въ изумленіе. Независимо отъ этого онъ былъ хороший знатокъ богословской литературы (вліяніе Хомякова), особенно русской сектантской, зналъ хорошо быть раскольниковъ, усердно занимался статистикой и изучалъ народную жизнь во всевозможныхъ направленіяхъ... Онъ былъ горячій любитель народнаго быта, исповѣдывалъ въ философіи и политической экономіи довольно передовыя ученія¹⁾, но революціонеромъ въ какомъ бы то ни было

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ авторъ прибавляетъ, что ихъ бесѣды и споры часто вращались вокругъ именъ Фейербаха, Макса Штирнера, Луи Бланы и Прудона, на ряду съ которыми впрочемъ были другія, какъ Гегель, Вико, Монтескье. Въ частности относительно Штирнера слѣдуетъ прибавить, что его индивидуалистическая философія повидимому не осталась безъ вліянія на Рыбникова: ея слѣды можно видѣть напр. въ уцѣльвшемъ изъ юношеской поры наброскѣ стихотворенія, гдѣ между прочимъ читаемъ:

Въ пучинѣ минутныхъ явлений
Одно устойчиво—я,
Въ хаосѣ реальныхъ мгновеній
Реальная—дума моя.

И далѣе:

Богъ можетъ сразить меня волей,
И можетъ власть уморить,

смыслъ онъ не былъ никогда и, повторяю, не могъ быть ни въ какомъ случаѣ». Модестовъ прибавляетъ: «Смѣло могу сказать, что никому изъ лицъ, съ которыми раньше или позже мнѣ приходилось сталкиваться, я не былъ обязанъ, посредствено или непосредственно, своимъ умственнымъ развитиемъ въ такой степени, какъ Рыбникову. Во многихъ письмахъ, которые я писалъ тогда въ изобилии въ Петербургъ къ университетскимъ товарищамъ, вѣроятно, найдется не мало строкъ, посвященныхъ Рыбникову, и полныхъ восторженныхъ о немъ отзывовъ. Цѣлые вечера, иногда даже цѣлые ночи мы проводили съ нимъ въ разговорахъ»...

Этотъ очеркъ даетъ довольно ясное представление о личности Рыбникова въ періодъ, очень близкій къ катастрофѣ, нарушившей спокойный ходъ его развитія. Переходимъ теперь къ вѣнчаніи исторіи этого событія.

Состояніе источниковъ не даетъ возможности представить эпизодъ ареста и ссылки со всей полнотой, но общій ходъ исторіи устанавливается довольно отчетливо изъ сопоставленія воспоминаній сестры Рыбникова и свѣдѣній, сообщенныхъ Модестовымъ и К. Петровымъ, которые получили ихъ отъ самого П. Н.¹⁾. На основаніи этихъ источниковъ дѣло представляется въ такомъ видѣ. Черезъ Хомяковыхъ Рыбниковъ познакомился съ семьей помѣщиковъ Жеребцовыхъ²⁾. У этихъ Жеребцовыхъ онъ гостила въ черниговскомъ имѣніи Лаврики (или Лаврентьево), когда знакомился съ расколомъ и записывала пѣсни въ

Замучить, стараться неволей
Мой духъ себѣ покорить.

Ну, умеръ, замученъ, въ темницѣ...
Коль трупъ—такъ это не Я;
Въ темницѣ сіяеть денницаей
Свободная мысль моя.

¹⁾ К. Петровъ работалъ вмѣстѣ съ Рыбниковымъ въ Петрозаводскомъ статистическомъ комитетѣ.

²⁾ Повидимому, къ этой семье прикосновененъ И. Жеребцовъ, одно время вѣленскій губернаторъ, многоѣздившій по Европѣ, усердный, но узкій славянофиль, плохой писатель, авторъ нѣсколькихъ сочиненій, частью писанныхъ по-французски и изданныхъ за границей, въ томъ числѣ известной *Histoire de la civilisation en Russie* въ 2 томахъ, которую Добролюбовъ подвергъ уничтожающей критикѣ.

тамошнихъ старовѣрческихъ слободахъ. Модестовъ пишеть, что «своими связями съ старообрядческимъ купечествомъ онъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе духовныхъ властей, а затѣмъ и полиції», упоминая, со словъ Рыбникова, о какомъ-то неумѣстномъ его спорѣ съ черниговскимъ архіереемъ. Замѣтимъ, что помимо этого, самое «хожденіе въ народъ» образованнаго человѣка, да еще въ «русскомъ» платьѣ должно было казаться подозрительнымъ даже въ тѣ времена и само по себѣ могло вызывать полицейскія мѣропріятія; самъ Рыбниковъ косвенно подтверждаетъ это слѣдующими словами своей «Замѣтки»: «Неужели, скажутъ иные, для собиранія этнографическихъ данныхъ нужно переряжаться въ русское платье и подражать виѣшности престолюдина. Переряживанье и подражаніе, разумѣется, никуда не годятся. А можно носить русское платье, и тогда это не безполезно для изученія народнаго быта въ великорусскихъ областяхъ. По крайней мѣрѣ мнѣ лично это помогало въ сношеніяхъ съ черниговскими слобожанами, хотя и повлекло за собою важныя неудобства¹⁾). Другую серьезную причину неблагосклоннаго вниманія черниговской полиції къ молодому этнографу открываетъ сообщеніе К. Петрова о томъ, что Рыбниковъ по неопытности житейской отправился въ слободы «безъ паспорта, съ однимъ только письмомъ Хомякова». Всего этого оказалось вполнѣ достаточно для задержанія и высылки подозрительной личности. По разсказу сестры, Рыбниковъ былъ взятъ изъ деревенскаго дома Жеребцовъхъ, и госпожа Жеребцова французскимъ письмомъ извѣстила его мать объ арестѣ и о томъ, что она сожгла всѣ его бумаги²⁾.

Тотчасъ послѣ того, какъ Рыбникова взяли и повезли въ Петербургъ въ III Отдѣленіе, начались хлопоты о смягченіи его участіи;

¹⁾ Неясныя на первый взглядъ слова: „переряживанье не годится, а можно носить русское платье“ мы толкуемъ такъ, что Рыбниковъ не для собиранія пѣсенъ специально надѣлъ поддевку и высокіе сапоги, а носилъ ихъ въ ту пору, какъ привычный костюмъ, подъ вліяніемъ славянофильского кружка. Объ этомъ говорить и сестра его, наконецъ другимъ подтвержденіемъ тому могутъ служить слова К. Петрова, что Рыбниковъ уже въ Петрозаводскѣ продолжалъ дома носить русскую рубаху и высокіе сапоги (loc. cit., стр. 82—83).

²⁾ К. Петровъ пишеть: „Онъ собралъ весьма много материаловъ, но все собраніе погибло безслѣдно“.

Хомяковы пустили въ ходъ свои связи и очевидно кое-чего добились. Прежде всего матери и сестрѣ было дано свиданіе, что дѣлалось далеко не часто. Вотъ разскажъ сестры объ этомъ: «Послѣ получения письма (отъ Жеребцовой) мамаша пошла, кажется, къ Хомякову или кому-то другому изъ славянофиловъ¹⁾; намъ дали письма къ Шеншиной, очень знатной вдовѣ, другу Тютчевой, воспитательницы великой княжны²⁾). Мы съ мамашей побѣхали въ Петербургъ и утромъ же пошли къ Шеншиной. Она уже знала, сейчасъ же приняла насъ, молодая красавица, недавно овдовѣвшая, обласкала насъ и сказала, что будетъ хлопотать о свиданіи. Не помню уже, на другой или на третій день мы побѣхали въ третье Отдѣленіе. Провели въ длинную залу; вышелъ братъ. Тутъ же былъ дежурный офицеръ, очень деликатный—и не смотрѣль на насъ, и не слушалъ... Потомъ мы были второй разъ, прощались съ братомъ, передали ему вещи, которыя были ему нужны. Тютчева просила Государыню, говорила, что онъ ничего не сдѣлалъ, и что онъ опора семьи. И братъ поступилъ на службу. Безъ дѣла онъ былъ съ полгода».

II.

Трудно опредѣлить точно, когда именно Рыбниковъ былъ арестованъ и доставленъ въ Петрозаводскъ. Въ началѣ іюня 1859 г. онъ уже былъ зачисленъ на службу (см. ниже объ этомъ); итакъ, если память не измѣнила сестрѣ, то прибытие его на сѣверъ надо отнести къ зимѣ или къ началу весны³⁾.

1) Повидимому, именно къ Хомякову, онъ былъ близокъ съ молодымъ Н. В. Шевшинымъ, умершимъ какъ разъ въ 1858—59 гг.

2) Рѣчь очевидно о фрейлинѣ г. А. Ф. Тютчевой, дочери поэта, на которой позднѣе женился И. С. Аксаковъ.

3) Къ осени 1859 года вѣсть о высылкѣ успѣла долетѣть въ Лондонъ къ Герцену; въ № 51 отъ 1 сентября „Колоколь“ помѣстилъ замѣтку: „Мы были бы счены благодарны, если бы намъ сообщили подробности, за что сосланъ въ Петрозаводскъ г. Рыбниковъ. Намъ пишутъ, что онъ сосланъ за то, что, изучая въ Черниговской губ. промышленность, онъ ходилъ въ русскомъ, а не въ ильмѣцкомъ платьѣ. И это не при Биронѣ, не при Николаѣ!“ Дальнѣйшихъ извѣстий въ „Колоколѣ“ мы не нашли.

К. Петровъ сообщаетъ, что первое время въ Петрозаводскѣ онъ бѣдствовалъ и знакомства его ограничивались небольшимъ кружкомъ учителей. Нѣкоторыя подробности о началѣ Петрозаводской жизни Рыбникова находимъ въ статьѣ С. Приклонскаго, служившаго въ половинѣ 70-хъ годовъ въ Петрозаводскѣ, гдѣ, конечно, еще свѣжа была память о Рыбниковѣ¹⁾. Онъ пишетъ: ... «живо доставили молодого человѣка въ Петрозаводскѣ въ томъ самомъ костюмѣ, который «повлекъ за собою важныя неудобства». И здѣсь, такъ же какъ и въ Черниговской губ., этотъ костюмъ привелъ въ ужасъ весь чиновничій міръ, къ которому, замѣтимъ кстати, принадлежитъ все безъ исключенія культурное населеніе Петрозаводска. На молодого человѣка пальцами показывали на улицахъ, чиновники нарочно ходили смотрѣть на него, а чиновницы пугали имъ малыхъ дѣтей. Словомъ, положеніе молодого человѣка было самое непріятное». Можетъ быть, въ этой картинѣ, писанной съ чужихъ словъ, кое-что преувеличено; мы видѣли, что Рыбниковъ не былъ послѣ ареста предоставленъ собственной участіи, тѣмъ не менѣе, вполнѣ допустимо, что на первыхъ порахъ онъ терпѣлъ и отъ материальныхъ стѣсненій и отъ оскорбительного любопытства провинціаловъ—жителей глухого угла. Во всякомъ случаѣ Рыбниковъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые легко затираются въ подобной обстановкѣ; онъ очень быстро долженъ былъ выдвинуться и заблестѣть крупнѣйшей звѣздой на Петрозаводскомъ горизонтѣ, за это говорить его умъ, [молодая энергія и большая, разносторонняя образованность. Съ другой стороны, вліятельныя хлопоты дѣлали свое дѣло и помогли ему быстро пріобрѣсти и приличное служебное положеніе. Тѣ далекія времена въ одномъ отношеніи были лучше позднѣйшихъ: административная ссылка вовсе не имѣла цѣлью обречь «неблагонадежнаго» на положеніе паріи въ мѣстномъ обществѣ и на ужасъ полуоголднаго существованія; зачастую высланный

¹⁾ На свѣдѣнія С. Приклонскаго („Сѣверный Еѣстникъ“, 1886 г. № 3 „Судьба губернскихъ статистиковъ“), не вездѣ точныя, считаемъ все-таки возможнымъ опираться, такъ какъ они были провѣрены очевидцемъ: его статья вызвала годъ спустя воспоминанія К. Петрова, который, исправляя одно, молчаливо привзвалъ другое.

немедленно опредѣлялся на службу и входилъ въ мѣстную жизнь полноправнымъ членомъ общества; если примѣры Герцена или Салтыкова еще можно считать за счастливыя исключенія, объясняющіяся богатствомъ и связями, но на ряду съ ними найдутся другіе, къ которымъ такое объясненіе неприложимо¹⁾. Разумѣется, протекція и тогда значила много, а материальныя средства слаживали пути, какъ и всегда, но важно, что случаи высылки были рѣдки и для нихъ не было выработано общаго «положенія»; многое зависѣло отъ мѣстной власти. Наконецъ, то было время новыхъ вѣяній, правительство само будило общество, особенно по крестьянскому вопросу, и идея «прогресса» весьма нечужды были даже многіе администраторы.

Олонецкимъ губернаторомъ въ то время былъ генералъ Н. П. Волковъ. Онъ былъ по всѣмъ признакамъ не лишенъ гуманной просвѣщенности и рано отозвался на старанія правительства двинуть впередъ крестьянскій вопросъ; намъ извѣстно, что онъ еще въ 1858 г. подалъ пѣлый проектъ эмансиپації; открытый при немъ 22 февраля 1859 г. Олонецкій губернскій дворянскій комитетъ по крестьянскому дѣлу былъ настроенъ прогрессивно, работалъ дружно и быстро пришелъ къ соглашенію. Закрывая 4 июня комитетъ, губернаторъ произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ между прочимъ: «Привѣтствую васъ и какъ истинно русскій дворянинъ, которому дорого всякое общественное преуспѣяніе, который твердо убѣжденъ и вполнѣ сознаетъ, что идея эмансиപації крестьянъ есть первая и необходимая для насъ реформа въ ряду внутреннихъ улучшеній, озабочивающихъ наше правительство, ибо безъ нея нѣть настоящаго прогресса для общества, это—conditio sine qua non будущаго совершенствованія любезнаго нашего отечества». Въ концѣ рѣчи онъ съ трогательной увѣренностью восклицалъ: «А если еще найдется въ отдаленныхъ углахъ земли нашей нѣсколько упорныхъ защитниковъ старины и рутины, которые будутъ отрицать осознательныя благодѣянія этой мѣры, то оставимъ этихъ слѣпорожденныхъ коснѣть въ ихъ заблужденіяхъ».

¹⁾ Какъ разъ передъ Рыбниковымъ чиновникомъ особыхъ поручений олонецкаго губернатора былъ некто Болассогло, невидный чиновникъ Азиатскаго департамента, посланный по слабой прикасновенности къ дѣлу Петрашевцевъ. О немъ намъ придется упомянуть дальше.

При этомъ Волковъ 10 іюня [1859 г. Рыбниковъ былъ определенъ на службу «въ число канцелярскихъ служителей канцелярии начальника губерніи», 14 іюля въ московскій университетъ былъ направленъ запросъ по дѣлу о его производствѣ въ чинъ¹⁾), а 30 ноября Павелъ Рыбниковъ, уже дѣлопроизводитель губернскаго статистического комитета, былъ утвержденъ въ чинѣ коллежскаго секретаря. Съ этихъ поръ его служебное положеніе разъвивалось и крѣпло для поднадзорнаго ссылънаго очень быстрымъ темпомъ²⁾). За 7 лѣтъ пребыванія въ Петрозаводскѣ онъ видѣлъ трехъ губернаторовъ³⁾, и всѣ они относились къ нему, какъ видно, не плохо, особенно послѣдній, Арсеньевъ. Разумѣется, въ первое время Рыбниковъ внушалъ извѣстныя опасенія; особенно должно было казаться подозрительнымъ его стремленіе пользоваться служебными разѣездами для «якшанья» съ народомъ и склонность застрѣбывать въ деревняхъ (а это началось уже съ декабря 1859 г.); по крайней мѣрѣ онъ писалъ въ апрѣль 1861 г. П. Безсонову: «Вы въ Москвѣ полагаете, что я по крайней мѣрѣ здѣсь свободенъ и разгуливаю, гдѣ хочу и какъ хочу. Между тѣмъ до послѣдняго времени всякое мое путешествіе было соединено съ большими препятствіями, а три первыхъ и даже отчасти пятое оставили за собой непріятности... Въ Каргополѣ въ ту же поѣздку (рѣчъ идетъ о лѣтней поѣздкѣ 1860 г.) я собралъ бы многое, да меня воротили⁴⁾). Но послѣ выхода въ свѣтъ I и затѣмъ II тома былинъ въ немъувѣри-

¹⁾ Рыбникову не везло въ мелочахъ; запросъ былъ вызванъ недѣйствительностью его аттестата: въ университѣтѣ при выдачѣ забыли приложить къ нему печать.

²⁾ Приводимъ этапы его службы по „Олонец. Губ. Вѣдомостямъ“, откуда нами почерпнуты почти всѣ данные для этого періода жизни: 1860 г.—младшій помощникъ правителя канцелярии губернатора; 1861 г.—секретарь статистического комитета и младшій чиновникъ особыхъ порученій; 1862 г.—старшій чиновникъ особыхъ порученій; 1863 г.—совѣтникъ губернскаго правленія; 1866 г. декабрь—переведенъ на службу въ Царство Польское (вице-губернаторомъ въ г. Калишъ, гдѣ и умеръ въ ноябрѣ 1885 г. въ той же должности.)

³⁾ Волкова ненадолго замѣстилъ А. А. Философовъ, а послѣдніе четыре года управлялъ губерніей Ю. К. Арсеньевъ, сынъ К. Арсеньева, когда-то профессора Петербургскаго университета, пострадавшаго въ 20-хъ годахъ вмѣстѣ съ Галичемъ и Раупахомъ и бывшаго потомъ по выбору Жуковскаго учителемъ Наслѣдника.

⁴⁾ Изъ писемъ Р—ва; см. въ III томѣ настоящаго изданія.

лись; изъ приведенныхъ словъ можно вывести, что уже въ 1861 г. онъ сталъ чувствовать себя свободнѣе въ этомъ отношеніи¹⁾.

Ссылка не оказала на Рыбникова сильного угнетающаго вліянія, не подорвала его душевныхъ силъ. По натурѣ онъ былъ человѣкъ, полный жизненной энергіи, любилъ людей и умѣлъ съ ними сходиться, съ открытой душой и бодрымъ настроеніемъ шелъ на встрѣчу жизни и интересовался разнообразными ея проявленіями, не лишенный чутья къ ея практическому смыслу; ничего болѣзненнаго, замкнутаго, мечтательнаго въ немъ не коренилось; это была здоровая, уравновѣшенная личность, съ умомъ яснымъ, чистымъ и конкретнымъ. Много значитъ, что ссылка захватила его еще не успѣвшимъ окончательно выяснить свою дорогу и сдѣлать по ней рядъ закрѣпляющихъ шаговъ, а то, что въ немъ болѣе или менѣе опредѣлилось (мы разумѣемъ интересъ къ народной жизни), скоро нашло себѣ обширное примѣненіе и въ новыхъ условіяхъ жизни. Поэтому Рыбниковъ очень быстро ориентировался среди этихъ новыхъ обстоятельствъ и нашелъ себѣ живую, разнообразную дѣятельность. Служба, необходимая по внѣшнимъ условіямъ положенія, разумѣется, не могла стать цѣлью жизни высоко развитого человѣка, и онъ цѣнилъ въ ней лишь тѣ ея стороны, которыя соприкасались такъ или иначе съ его интересами или давали для нихъ удобную обстановку.

---

¹⁾ Характеренъ впрочемъ случай, относящийся къ 1863 году. Когда Наслѣдникъ Николай Александровичъ въ юнѣ былъ въ Петрозаводскѣ, рѣшено было показать ему и вароднаго пѣвца былинъ. Во время прогулки въ подгородное село Соломенное, красиво стоящее на высокой горѣ надъ Онежскимъ озеромъ, слѣпой сказитель Козьма Романовъ спѣлъ для Наслѣдника нѣсколько былинъ. Ученикъ Буслаева съ большимъ интересомъ слушалъ пѣніе, разговаривалъ съ пѣвцомъ; объясненія давалъ учитель гимназіи (познѣе киевскій профессоръ) И. П. Хрущовъ. Естественно было ожидать, что здѣсь первое мѣсто займетъ Рыбниковъ, но такъ не вышло. Почему? Хрущовъ въ своей статьѣ, посвященной этому случаю („Сборникъ статей“. Спб. 1901 г., стр. 291), изображаетъ, что весь эпизодъ вышелъ случайно, мысль показать К. Романова Наслѣднику явилась у автора вдругъ, меньше чѣмъ за часъ до поѣздки, онъ бросился къ гр. Строганову, получилъ согласіе и едва успѣхъ захватить пѣвца на пароходъ. Все это, очевидно, было; но Е. В. Барсовъ, жившій тогда въ Петрозаводскѣ, рассказывалъ намъ, что была рѣчь о приглашеніи Рыбникова, но это было найдено неудобнымъ въ виду его „неблагонадежнаго“ положенія.

Уже первую служебную свою поездку въ Повѣнецкій уѣздѣ на большую ярмарку въ Шунгѣ (декабрь 1859 г.), где Рыбниковъ въ качествѣ дѣлопроизводителя статистического комитета долженъ былъ собрать свѣдѣнія о торговыхъ оборотахъ, онъ использовалъ насколько могъ, и въ этнографическихъ цѣляхъ и для знакомства съ мѣстной жизнью въ различныхъ отношеніяхъ. Такъ это было и потомъ. Онъ былъ чуточка и къ природѣ края, интересовался бытомъ, нравами и общимъ положеніемъ населенія; во всѣ особенности жизни, начиная съ обычаевъ и вѣрованій, кончая промыслами, торговлей и ея условіями, онъ внималъ, все давало ему матеріалъ для общихъ сужденій о народѣ, для выясненія великой коллективной народной физіономіи. Разнообразіе интересовъ, съ которыми онъ подходилъ къ крестьянской жизни на сѣверѣ, отражается въ любопытныхъ (къ сожалѣнію немногихъ) сохранившихся письмахъ его изъ Шунги къ одному сослуживцу, А. В. де-Сенъ Лорану (мы помѣщаемъ ихъ цѣликомъ въ третьемъ томѣ); иногда здѣсь явственно звучитъ голосъ шестидесятника-народолюбца, иногда просто образованного человѣка того времени, иногда видны черты внутренней личности. Вотъ нѣсколько выдержекъ оттуда.

«Войдите въ крестьянскую избу съ промерзшими углами, съ занесенными окнами, съ ея угаромъ и чадомъ и осмотритесь кругомъ: передъ вами налицо трудовая жизнь крестьянина. Цѣлое семейство сбилось въ кучу въ одной комнатѣ, потолокъ застланъ вѣковой сажей, свѣтъ чуть-чуть проходитъ черезъ щели оконныхъ ставень, на полкахъ запасъ лучинъ и дровъ, у печки тускло горитъ, нагораетъ и гаснетъ лучина. Темнота, холодъ, нечистота. Поработавъ цѣлый день на морозѣ съ утра до вечера, сюда торопится крестьянинъ, похлебаетъ щей изъ ячменной крупы съ вяленой говядиной, а чаще побѣсть одного хлѣба съ пескомъ или толокна и заснетъ тяжелымъ сномъ въ этомъ угарѣ и удушье. Сегодня онъ снесъ подати, а завтра надобно отдавать сына или брата въ солдаты, послѣ завтра давать отвѣтъ передъ судомъ за порубку дровъ для топлива. Впереди вѣчное изгибаніе передъ сильными и, пожалуй, тюрьма за то, что крестился по старому и вместо Иисуса выговаривалъ Иусъ. Лѣтомъ скотскій падежъ, зимой долги и недостатокъ хлѣба.

«Не по силушкамъ крестьянчикамъ работушка,
 «Не по розмыслу крестьянчикамъ заботушка».

«Впрочемъ, что жь намъ горевать о ихъ судьбѣ. Вѣдь ихъ трудомъ и усталостью мы покупаемъ себѣ удобства нашей цивилизованной жизни.

«Но несмотря на эту тяжелую обстановку, крестьянинъ искреннѣе въ своихъ чувствахъ и послѣдовательнѣе въ своихъ поступкахъ настѣнъ, цивилизованныхъ людей. Если онъ дошелъ самъ собою до убѣжденія, что какая-нибудь неправда истинно неправда, а глупость въ самомъ дѣлѣ глупость и помѣха, такъ ужъ ничѣмъ не заставишь его идти по старымъ слѣдамъ, по нелюбой торной дорогѣ. Конечно, у него выходъ изъ стараго свой, но за то какой рѣшительный и безвозвратный. Если онъ ненавидитъ недруга, онъ изведетъ его; если полюбилъ, а родные стали поперекъ его счастья, или любимая дѣвушка не отвѣтываетъ на его любовь,—такъ онъ идетъ въ монастырь; если усумнился въ истинѣ преданія и значеніи обрядности,—создаетъ свою религіозную и философскую систему, распространяетъ ее между братьями и стоить за нее, не боясь тюрьмы и ссылки; если созналъ, что гнетъ сверху превосходить всякую мѣру,

«схватить шалыгу подорожную...

«И видѣть князь Владимиръ стольно-кіевскій,

«Что пришла бѣда неминучая».

«Да, мы, образованные люди, не умѣемъ уже такъ освобождаться отъ своихъ кумировъ и пугаль».

Мы привели цѣликомъ эту обширную выдержку, очень характерную и для эпохи и для человѣка; здѣсь заложено зерно цѣлаго міровоззрѣнія, это въ извѣстной степени *profession de foi* народничества переходнаго времени, гдѣ можно различить, какъ вскормленный эпохой нашего пробужденія, некрасовскій реализмъ сливаются съ воспринятымъ въ Хомяковскомъ кружкѣ романтизмомъ славянофильства. Вотъ отрывокъ иного характера, гдѣ уже апоеозъ развитой личности, а не народа:

«На второй станціи я сбросилъ шубу, легъ на снѣгъ и долго смотрѣлъ въ небо. Вотъ Марсъ съ своимъ вѣчнымъ краснымъ

мерцаніемъ, Венера невольно манить къ себѣ своими чарующими синими лучами, свѣтлая пятна разрѣшаются, когда въ нихъ всматриваешься, во множество звѣздъ. И всѣ эти звѣзды—міры, всѣ повинуются тѣмъ же законамъ бытія, какъ и наша земля: однѣ еще не достигли расцвѣта органической жизни, другія пережили ее, на третьихъ уже живеть и дѣйствуетъ парственный человѣкъ, смотрѣть въ звѣздное небо и постигать устройство мірозданія. Но знаетъ ли на иныхъ земляхъ человѣкъ, что эта природа не что-нибудь чужое ему, а родная мать, что въ немъ и единственно въ немъ она достигаетъ сознанія? Или, быть можетъ, и тамъ онъ пугается величія своего разума и чувства, падаетъ во прахъ передъ явленіями природы и обожаетъ разныхъ куколъ, созданія своего страха и благодарности?»

Но довольно выдержекъ, которыя помогли намъ нѣсколько вскрыть духовную личность европейски образованного дѣлопроизводителя Олонецкаго статистического комитета; посмотримъ, какъ проявлялъ онъ себя среди мѣстныхъ условій дѣятельности, въ томъ краѣ, куда его забросила судьба.

Рыбниковъ, какъ сказано, отдалъ много силъ и вниманія нуждамъ Олонецкой губерніи. Его имя стоитъ подъ многими работами (часто довольно обширныхъ размѣровъ), посвященными практическимъ потребностямъ мѣстной жизни; работы эти были связаны съ его ролью секретаря статистического комитета и появлялись въ «Олонец. Губ. Вѣдомостяхъ», переходя затѣмъ въ «Памятныя книжки Олон. губерніи». Назовемъ два описанія большой Шунгской ярмарки, статью «О разведеніи льна въ Пудожскомъ уѣздѣ» и обстоятельную записку «О рыболовствѣ и охотѣ въ Пудожскомъ уѣздѣ»; наконецъ, передъ самымъ отѣзломъ изъ Петрозаводска въ 1866 г. на прощанье съ Олонецкой губ. онъ помѣстилъ въ «Губ. Вѣдомостяхъ» замѣтку о положеніи Тивдійскихъ мраморныхъ ломокъ.

Мы не говоримъ объ обработкѣ разныхъ статистическихъ таблицъ или результатовъ подворной переписи Петрозаводского населенія,— это требовалось по службѣ,— но несомнѣнно его добровольной инициативѣ принадлежать, напр., данные въ 1864 г. таблицы сравнительного спроса въ губерніи на журналы

сь газетами и на игральные карты; этотъ опытъ «духовной» статистики очень интересенъ по самой идеѣ. Умственныя потребности мѣстнаго населенія вообще нерѣдко были предметомъ его заботъ; по личному опыту знатшій, какъ важенъ въ глухой провинціі всякий лишній духовный ресурсъ, Рыбниковъ на самые различные лады дѣйствуетъ въ этомъ вопросѣ.

Никому другому, кромѣ него, не могъ по напему убѣжденію принадлежать фельетонъ въ № 40 «Губернскихъ Вѣдомостей» за 1859 г., написанный по поводу любительскаго спектакля; за 8 - 9 лѣтъ просмотрѣнной нами газеты ни до того, ни послѣ ни разу не видѣли мы здѣсь такого языка и такихъ мыслей. Спектакль былъ для автора фельетона¹⁾ только поводомъ передать навѣянныя этимъ событиемъ мысли, и о самомъ представлении сказано двѣ-три строки въ концѣ; авторъ все время говоритъ о скучности и неосмыслинности глухой провинціальной жизни, о томъ, какъ легко опускается и грубѣеть среди такихъ условій личность, о значеніи литературы и искусства для поддержанія высокаго строя души. Фельетонъ написанъ глубоко культурнымъ человѣкомъ, въ пору тоскливаго раздумья, на мигъ развѣяннаго спектаклемъ; появился онъ приблизительно въ октябрѣ 1859 года, когда Рыбниковъ, недавній и невольный жилецъ Петрозаводска, естественно долженъ былъ всего сильнѣе томиться. А спустя три мѣсяца, въ январѣ мы читаемъ объ открытии въ городѣ публичной библіотеки по частному почину кружка лицъ, первыхъ ея подписчиковъ, «по желанію которыхъ библіотекаремъ избранъ П. Н. Рыбниковъ». Очевидно, это было продолженіе мысли фельетона. Инициатива и руководительство Рыбникова здѣсь ярко сказались въ опубликованномъ спискѣ выписанныхъ въ библіотеку журналовъ и газетъ²⁾;

1) Фельетонъ подписанъ „П—ъ“, что могло означать начало и конецъ имени или имени вмѣстѣ съ фамиліей; напомнимъ, что и свои былины, и другія вещи въ „Губ. Вѣд.“ Рыбниковъ обыкновенно подписывалъ одними инициалами.

2) Вотъ этотъ любопытный списокъ (изъ № 5 „Губ. Вѣд.“): „Современникъ“ (2 экз.), „Отечественные Записки“ (2 экз.), „Русский Вѣстникъ“, „Библіотека для чтенія“, „Свѣточъ“, „Семейный кругъ“, „Разсвѣтъ“, „Художественный Листокъ Тимма“, „Искра“; газеты: „Русский Миръ“ (Стоюнина), „Московский Вѣстникъ“ (2 экз.), „Le Nord“, „Le Voleur“, „Augsburg. Allgem. Zeitung“, еще три иностраннѣхъ газеты и польскій иллюстрированный „Tygodnik“.

это былъ новидимому первый опытъ просвѣтительнаго учрежденія въ Петрозаводскѣ; поставленная сразу на довольно широкую ногу, библіотека очевидно не могла быть поддержана небольшимъ кружкомъ лицъ, которыя умѣли оцѣнить пользованіе ею, и въ 1862 г. захирѣла. Но Рыбниковъ не бросилъ идеи. Въ 1864 г. вынѣли правила, по которымъ съ разрѣшеніемъ попечителя округа въ библіотеки при учебныхъ заведеніяхъ могли получать доступъ частныя лица на правахъ подписчиковъ за плату; въ Петрозаводскомъ уѣздномъ училищѣ тотчасъ же воспользовались этими правилами и открыли пріемъ подписчиковъ, а вскорѣ и особое отдѣленіе для учащихся. Библіотека уѣзднаго училища въ 1865 г. объявляла, что въ ся дѣлахъ принимаетъ участіе П. Н. Рыбниковъ, помогаетъ въ выборѣ и выпискѣ книгъ, жертвуетъ туда свои газеты¹⁾; библіотека получала всѣ лучшіе журналы, очевидно, по его выбору²⁾.

Такъ разнообразно отзывался Рыбниковъ на практическія и культурныя нужды края, съ которыми связала его судьба; его широкій и свѣтлый взглядъ, солидная образованность и привлекательныя нравственныя свойства нерѣдко даютъ о себѣ знать на страницахъ официальной газеты, которой мы обязаны всѣми приведенными свѣдѣніями³⁾. Особо заслуживаетъ быть отмѣченъ одинъ случай, относящейся къ послѣднему году пребыванія Рыбникова на сѣверѣ. Новыя судебныя учрежденія только что были введены въ Олонецкой губ. и въ мартѣ 1866 г.

¹⁾ „День“, „Петербургскія Вѣдомости“ и „Allgemeine Illustrirte Zeitung“.

²⁾ „Отеч. Записки“, „Современникъ“, „Русское Слово“, „Эпоху“, „Библіотеку для чтенія“, „Филологическія Записки“, „Учитель“. — Характерно отсутствие „Русскаго Вѣстника“.

³⁾ Приведемъ еще одинъ мелкій фактъ. 5 июня 1863 г. въ губернаторскомъ домѣ былъ устроенъ первый въ Петрозаводскѣ литературно-музыкальный вечеръ въ пользу бѣдныхъ учащихся; для характеристики времени интересно отмѣтить, что здѣсь читались вещи Некрасова и Шевченка. Рыбниковъ читалъ на этомъ вечеѣ былину изъ своего сборника и стихотвореніе Хомякова. Затѣмъ врядъ ли безъ его участія и помоши могъ быть выполненъ празднікъ юбилеемъ 1866 г., данный губернаторомъ въ Каргополѣ французскому послу графу Перигору, гдѣ „каргопольскіе мѣщане пѣли лучшія русскія пѣсни и представляли на лодкахъ (на р. Онегѣ) разныя сцены изъ стариннаго народнаго быта и изъ жизни русскихъ сказочныхъ богатырей“.

Петрозаводску предстояло впервые видеть уголовный процессъ по новому закону. Была ограблена сельская церковь, при чемъ изъ двухъ сторожей одинъ оказался убитъ; по докладу состоялось Высочайшее распоряженіе вести дѣло военно - полевымъ судомъ. Обвинялся другой сторожъ. Процессъ велся при открытыхъ дверяхъ; когда предсѣдатель обратился къ публикѣ съ вызовомъ, не желаетъ ли кто принять на себя защиту подсудимаго, Рыбниковъ заявилъ о своемъ согласіи и произнесъ большую рѣчъ, очевидно, изучивъ дѣло предварительно; онъ по пунктамъ доказалъ неосновательность улики, шагъ за шагомъ воспроизвелъ картину преступленія, объяснилъ сбивчивость показаній подсудимаго, при чемъ подробно вникъ въ душевное состояніе этого болѣзnenнаго, забитаго старика, къ тому же корела, плохо понимавшаго русскій языкъ. Сторожъ, которому угрожала смертная казнь, былъ оправданъ.

Всего крупнѣе и нагляднѣе оказались результаты знакомства Рыбникова съ сѣвернымъ краемъ, разумѣется, въ области народной литературы и старины. Здѣсь, кромѣ собиранія былинъ, пѣсень и повѣрій, о чёмъ будетъ сказано особо, мы должны отмѣтить еще, что онъ собралъ изрядное количество духовныхъ стиховъ, которые передалъ Безсонову, затѣмъ составилъ порядочный сборникъ мѣстныхъ словъ, не вошедшихъ въ Областной словарь¹⁾; и, наконецъ, въ послѣдній годъ петрозаводской жизни напечаталъ въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» небольшой словарикъ «билимскаго» языка (профессиональный языкъ стекольщиковъ Ладвинского погоста, Петрозав. уѣзда). Кромѣ того, Рыбниковъ доставляетъ въ Археологическое Общество и коллекцію каменныхъ орудій, и старины стеклянныя отливки-копіи съ античныхъ ониксовъ²⁾, и монеты, и рукописи.

¹⁾ Этотъ сборникъ состоитъ почти изъ 500 словъ, часто сопровожденныхъ толкованіями; онъ не совпадаетъ съ словаремъ, приложеннымъ къ былинамъ и былъ напечатанъ въ VI выпускѣ Этнограф. Сборника Импер. Русск. Геогр. Общества.

²⁾ Относительно этой коллекціи читаемъ въ „Извѣстіяхъ Импер. Археолог. Общества“ за 1862—63 гг., что Д. В. Полѣновъ передалъ въ Общество собраніе изъ 75 рѣзныхъ камней, найденныхъ въ Бережно-Дубровскомъ погосте Пудожского уѣзда, что это оказались не подлинные рѣзные камни (оники), а литые изъ стекла по античнымъ образцамъ. Въ числѣ сюжетовъ Полѣновъ на-

Относительно послѣднихъ надо сказать, что среди нихъ не было цѣнныхъ для науки пріобрѣтеній и часто интересъ ихъ—чисто мѣстный¹⁾. Мѣстную старину Рыбниковъ усердно разыскивалъ и по его вызову въ «Губ. Вѣдомостяхъ» кое-что было доставлено; въ 1866 г. онъ въ цѣломъ рядѣ №№ газеты печаталъ «Петрозаводскіе сѣверные вечера» нѣкоего Баландина, записавшаго разсказы своего дѣда, шихтмейстера при Петрѣ, о первоначальномъ заселеніи Петрозаводска.

Если мы прибавимъ, что въ томъ же году Рыбниковъ далъ интересное описание одной изъ своихъ послѣднихъ поѣздокъ по губерніи²⁾, то мы исчерпаемъ все, что далъ онъ о сѣверномъ краѣ. Намъ предстоитъ теперь нѣсколько остановиться на исторіи собиранія былинъ и другихъ произведеній народной поэзіи.

зывается: Палладу со славой, сидящаго Меркурия, Гермафродита, Дискобола, Энея, несущаго отца, жертвоприношеніе Пріапу, Сократа, Тиверія и др. Мѣстность, гдѣ найдены вещи, входила въ составъ торгового пути Европы съ древней Біарміей. Предположено, что если отливки привезены были на продажу, то это могло быть въ половинѣ XVI в. Общество постановило просить академика Стефани дать свое заключеніе. Намъ неизвѣстно, было ли это исполнено.

¹⁾ Въ имѣющемся у насъ письмѣ къ Рыбникову И. С. Аксакова 1862 г. говорится впрочемъ еще объ одной партіи рукописей, присланной Аксакову, и послѣдній пишетъ: „говорятъ, очень замѣчательны и рѣдокъ по completeness своей Киевскій Патерикъ“. Но вотъ и все, что сказано о Патерикѣ, съ прибавкой указанія, что рукопись ветхая и что она попала къ Безсонову.

²⁾ Статья эта вошла изъ „Губ. Вѣд.“ въ Памятную книжку 1867 г. Въ ней интересны картины дикихъ красотъ природы (скалы, пороги Суны), описание глухихъ, едва доступныхъ мѣсть, гдѣ чиновнымъ властямъ (поѣзда была служебная) приходилось пробираться лѣтомъ на саняхъ и на водокахъ, и въ носилкахъ, прикрѣпленныхъ между двумя лошадьми. Но самое интересное—это описание Данилова и Лексы—остатковъ огромнаго безпоповскаго центра, такъ называемыхъ Выгорѣцкихъ скитовъ. Разоренные въ 1855 г. по приказанию правительства, Даниловъ и Лекса по обширности, богатству и разнообразію формъ дѣятельности едва ли уступали Соловкамъ.

III.

Какія побужденія руководили Рыбниковымъ въ его упорномъ и нелегкомъ труда собиранія народныхъ произведеній? На основаній цѣлого ряда данныхъ можно утверждать, что тутъ прежде всего извѣстную роль игралъ непосредственный интересъ къ поэтическому творчеству народа, пробужденный еще въ дѣствѣ и удовлетворявшій художественнымъ склонностямъ натуры, а затѣмъ общее чувство нѣкоторой близости и симпатіи къ народу, поддержанное въ сознательную пору извѣстными принципіальными соображеніями. Рыбниковъ рано попалъ въ атмосферу народной поэзіи, узналь ее и полюбилъ; его петрозаводскій знакомецъ, академикъ Д. В. Полѣновъ, писалъ съ его разсказовъ Срезневскому: «Будучи происхожденія чисто русскаго, купеческаго, онъ еще въ малолѣтствѣ слышалъ многія былины отъ своей няни и счастливо удержалъ ихъ въ памяти, если не цѣликомъ, то въ главномъ содеряніи. Это послужило къ тому, что, начавши разспрашивать о своемъ предметѣ, самъ онъ первый показалъ знаніе и тѣмъ сразу внушилъ къ себѣ довѣріе»¹⁾). Это личное знакомство съ эпосомъ видно и въ разсказѣ самого Рыбникова о первой встречѣ съ Т. Рябининымъ (въ «Замѣткѣ»), и въ словахъ его письма къ П. Безсонову: «Я самъ пѣлъ и рассказывалъ крестьянамъ, что знать»; во многихъ мѣстахъ «Замѣтки» сквозить также и чуткость его къ художественной сторонѣ былинъ. Выше указывалось уже на общую любовь Рыбникова къ народу, а также на тѣ вліянія, подъ которыми складывалось его умственное развитіе и которыя должны были сообщить особый, съ одной стороны,— общественный, въ духѣ 60-хъ гг., съ другой—славянофильскій оттѣнокъ его народолюбію. Этотъ стимулъ опредѣленно выраженъ В. Модестовымъ (въ отвѣтѣ на запросъ того же Срезневскаго), желавшимъ охарактеризовать общее отношеніе Рыбникова къ народу и къ его творчеству: «Съ одной стороны, твердое убѣжденіе, что соціальная наука въ Россіи, до сихъ поръ большей частью чуждая русской жизни, чувствуетъ крайнюю

1) Извѣстія 2-го Отдѣл. Академіи, т. X, стр. 249—250.

нужду въ ближайшемъ знакомствѣ съ міросозерцаніемъ, нравами и обычаями простого народа, составляющаго ядро нашей національности, съ другой—представленіе, что періодъ самостоятельнаго народнаго творчества доживаетъ послѣдніе дни: вотъ причины, побудившія г. Рыбникова, при горячей любви его къ народу, съ ревностью взяться за дѣло собиранія народныхъ сказаний, которому онъ и предался сряду по выходѣ изъ Московскаго университета¹⁾). Въ этой нѣсколько тяжеловѣсной формулѣ прекрасно схвачены многія черты Рыбниковскаго отношенія къ вопросу. Слѣдуетъ только добавить, что выставленная здѣсь «общественная» окраска его научныхъ и иныхъ влечений къ народу въ общемъ міросозерцаніи Рыбникова умѣрялась не менѣе явственной нотой индивидуализма. Отмѣчавшаяся бѣгло и раньше авторитарность личности была для него не менѣе законна, чѣмъ власть коллектива, и здѣсь лежитъ граница вліянія на него славянофильскихъ возврѣній. Ниже мы увидимъ, какъ прилагалъ Рыбниковъ эту точку зрѣнія къ объясненію хода русской истории.

Изъ приведеннаго материала, а также изъ живого разсказа самой «Замѣтки» видна и общая манера Рыбникова обращаться съ народомъ; его открытый и свободный подходъ къ населенію, отсутствіе официальности, очевидная симпатія, интересъ и нѣкоторое знаніе условій крестьянской жизни быстро создавали довѣрчивыя и простыя отношенія съ пѣвцами. Припомнимъ, напр., случай, когда онъ верхомъ догоняетъ «сказителя», знавшаго за собой грѣшокъ (порубку) и при видѣ чиновника опрометью кинувшагося въ лѣсъ: дѣло кончилось темъ, что едва «чиновникъ» успѣлъ придти въ себя отъ одышки и душившаго его смѣха, какъ тутъ же, присѣвъ на пенечкѣ, сталъ записывать, что уже пѣлъ ему успокоенный пѣвецъ. Все это необыкновенно содѣйствовало и количественному, и качественному успѣху собиранія.

Что касается внѣшней исторіи знакомства съ пѣвцами и обстоятельствъ, при которыхъ записывались былины, то мы не будемъ излагать всего этого въ связномъ видѣ, чтобы не повто-

---

¹⁾ Ibidem, стр. 251.

рять «Замѣтки», но попытаемся дать нѣчто вродѣ маршрута поѣздокъ Рыбникова и дневника его записей, насколько это оказывается возможнымъ на основаніи указаній его «Замѣтки», помѣтъ при былинахъ, писемъ II тома и «свѣдѣній о прѣѣзжающихъ и отѣѣзжающихъ» въ «Олонец. Губ. Вѣдомостяхъ». Эти свѣдѣнія помогутъ вполнѣ представить себѣ картину постепен-наго накопленія и провѣрки материала, а также разобраться въ разсказѣ «Замѣтки», не вездѣ хронологически ясномъ.

Въ письмѣ къ Безсонову 11 апрѣля 1861 г. Рыбниковъ насчитываетъ уже пять путешествій съ этнографическими результатами, при чемъ сообщается такія подробности: «Въ первыя два путешествія выдалось у меня пять свободныхъ дней ¹⁾: въ это время я записалъ бытовыя пѣсни, заплачки, свадебныя пѣсни и духовные стихи, собралъ разные рукописные материалы. Въ третью поѣздку въ два съ небольшимъ мѣсяца записалъ болѣе осьмидесяти былинъ, а долженъ былъ между тѣмъ возвиться въ сельскихъ, волостныхъ правленіяхъ, со становыми и исправниками. И, наконецъ, въ четвертую поѣздку въ одинъ день записалъ послѣдняя былины». О пятой поѣздкѣ нѣть ничего. Эти пять поѣздокъ могутъ быть возстановлены, особенно точно—третья, самая важная, которая одна и изложена, собственно говоря, въ «Замѣткѣ»; дальнѣйшія поѣздки и записи не разсказаны авторомъ нигдѣ, но и тутъ многое устанавливается опредѣленно по помѣткамъ при отдѣльныхъ былинахъ и др. материаламъ. Итакъ, вотъ послѣдовательный ходъ поѣздокъ и записей.

1860 г.

I. Январь. На Шунгскую ярмарку, оттуда черезъ Онежское озеро въ Пудожскій уѣздъ (безплодные поиски пѣвца Бутылки).

II. Мартъ. На Шунту.

Оба раза запись духовныхъ стиховъ, причитаній и пѣсень.

III. Май—июнь. Кизи, Пудога, Кенозеро, Усть Моша, Каргополь. Слушалъ (и записывалъ) въ Кижахъ: Л. Богданова, Тр. Рябинина, К. Романова, В. Щеголенко, П. Юхову, молодицу

---

¹⁾ Извѣстно, что Рыбниковъ для собирания пользовался разъѣздами по дѣламъ службы.

изъ Кижской губы, старуху изъ Великой губы. На Пудомъ: крестьянина изъ дер. Большой Дворъ, Н. Прохорова (Утку), Шальского лодочника, А. Сорокина (лично записана только часть), 90-лѣтняго старика изъ Колодозера, М. Богданова (Тряпицина), калику Латышова, старушку на р. Онегѣ, Кенозерского цѣловальника (Лядкова-Кропачева), крестьянина съ варантомъ о Чурилѣ.

Къ этому же году должна относиться успѣвшая попасть въ I томъ (подписанъ къ печати 18 марта 1861 г.) запись отъ Дмитріевой, кр. Святозерской вол. (на западъ отъ Петрозаводска).

1861 г.

IV. Январь. На Шунгу. Здѣсь отъ слѣпого Ивана (Ѳепонова) былина о Батыгѣ. Оттуда черезъ Онего искать Бутылку (снова напрасно). Затѣмъ былъ у К. Романова въ Сѣнной Губѣ.

V. Январь. Въ Каргополь (на ревизію съ губернаторомъ); здѣсь запись отъ калики изъ дер. Красная Ляги ¹⁾.

7 мая. Помѣчена запись изъ погоста Деревянского (западный берегъ Онego, южнѣе Петрозаводска).

Лѣто. Былъ между прочимъ въ Пудожск. у., гдѣ провѣрилъ чужую запись отъ Сорокина.

Сентябрь. Былъ въ дер. Середкѣ (на Кижахъ), слушалъ Т. Іевлева въ избѣ у Л. Богданова.

1862 г.

Январь. Былъ на Шунгѣ. Быть можетъ, въ этотъ разъ, или позднѣе, былъ снова на Кижахъ, слушалъ С. Корнилова (но записать поручилъ кому-то).

26 августа. Помѣта записи отъ кр. Н. Байнина Деревянского погоста.

12 декабря. Тоже относительно кр. Рѣзина Ладвинского погоста (на юго-западъ отъ Деревянск. пог.).

¹⁾ Далѣе не номеруемъ отдѣльныхъ поездокъ по трудности за ними ульдить.

1863 г.

Июнь. Запись въ Петрозаводскѣ отъ Г. Федотова (Дутикова) и Бутылки (Чукова); кромѣ того слушалъ К. Романова (часто бывшаго въ Петрозаводскѣ за пособіемъ).

Октябрь. Запись тамъ же отъ кр. А. Иванова.

1864 г.

Январь. На Шунгѣ.

Июнь (2—15) былъ въ Каргопольскомъ у. (и вѣроятно, въ Повѣнѣцкомъ). Сюда повидимому, слѣдуетъ пріурочить записи отъ Савинова (Пудожск. у.), Никитина и кореляка Лазарева (оба Повѣнѣцкаго у.), помѣщенные въ IV томѣ (одна былина отъ Лазарева помѣчена 1864 годомъ).

1865 г.

Февраль—мартъ. Въ Лодейномъ Полѣ (здѣсь, повидимому, собраны обрядовыя пѣсни IV тома). Поѣздка повторена была и въ 1866 году.

Таблица помимо точныхъ пріуроченій ясно говоритъ и о повторныхъ носѣніяхъ одного и того же района, и о неоднократномъ выслушиваніи однихъ и тѣхъ же пѣвцовъ для проверки прежнихъ своихъ записей и для полученія по возможності исчерпывающихъ репертуаровъ отдѣльныхъ сказителей.

Обращаясь теперь къ составу Рыбниковскаго сборника, находимъ, что изъ 230 приблизительно №№, отнесенныхъ въ первомъ изданіи къ былинамъ, мы должны скинуть со счета по крайнемъ мѣрѣ 5, списанныхъ съ рукописи, не принадлежащихъ совершенно къ былинамъ¹⁾; изъ остальныхъ послѣ всѣхъ попытокъ пріуроченія у насть набралось 15—20 №№ съ общими и глухими обозначеніями, не идущими дальше уѣзда, и 200 слишкомъ могли быть отнесены сколько-нибудь определенно къ селенію или лицу. Точные указанія мѣста жительства и имени имѣются относительно 29 пѣвцовъ, изъ которыхъ отъ 21 Рыбниковъ записалъ лично (или по крайней мѣрѣ лично

¹⁾ Это—два сказания о старцѣ, бой знаковъ зодіака, повѣсть о градѣ Йерусалимѣ и подпись подъ портретомъ Пугачева.

провѣрилъ чужую запись); а отъ 8 получиль запись изъ вторыхъ рукъ¹⁾). Личная запись отъ точно обозначенныхъ пѣвцовъ дала Рыбникову около 140 былинъ, а чужая—около 40. За указанными 29 пѣвцами идетъ еще 9 лицъ, не носящихъ имени, но обозначенныхъ помимо мѣста какими-нибудь личными пріемѣтами, вродѣ: «Калика изъ д. Красныя Ляги», «90-лѣтній стирикъ изъ Колодозера», «Шальскій лодочникъ»; отъ такихъ записано лично Рыбниковымъ около 30 былинъ (изъ нихъ только одна чужая). Такимъ образомъ устанавливается, что приблизительно три четверти всего былиннаго матеріала записано самимъ собирателемъ. Откуда было получено остальное?

Здѣсь прежде всего надо указать на собраніе начальника Олонецкихъ горныхъ заводовъ, Н. Ф. Бутенева, поступившее въ распоряженіе Рыбникова еще до его поѣздокъ; мы не знаемъ ни состава, ни объема этого собранія, но Рыбниковъ, начавъ печатать его въ 1859 г. въ «Олон. Губ. Вѣд.», называлъ его «значительнымъ»,—самъ онъ обозначилъ лишь 5 былинъ I тома полученными «отъ Н. Ф. Б.». Затѣмъ если упомянуть переданныя ему чиновникомъ Шкалинымъ изъ Лодейнопольского уѣзда три былины, Обручевымъ изъ Вытегорского уѣзда—четыре, Миролюбовымъ—двѣ и Прозоровскимъ—одну, то мы исчерпаемъ все, что было записано, быть можетъ, безъ инициативы нашего собирателя; остальная чужія записи были сдѣланы (большей частью волостными писарями) по его заказу, иногда при его личномъ знакомствѣ съ тѣмъ или инымъ пѣвцомъ, когда что-нибудь мѣшало Рыбникову записать самому.

Наличность Бутеневскаго собранія указываетъ на то, что въ Олонецкой губ. и до появленія Рыбникова былъ интересъ къ былинамъ; онъ самъ подтверждаетъ это въ письмѣ къ Безсонову, говоря: «Возьмите въ соображеніе, что здѣсь любителей бывало много, и начальниковъ горныхъ заводовъ, и губернаторовъ: всѣ

¹⁾ Личные записи ясны изъ таблицы, чужія сдѣланы: *въ Кижахъ* отъ Корнилова, Сарафанова и Васильева; *въ Повѣнѣцкомъ уѣзде* отъ Лукина (Калинина); *въ Пудожскомъ уѣзде* отъ Проф. Романова, Амосова, Потахина (Антонова) и *въ Каргопольскомъ уѣзде* отъ поромского старика (Сивцева).—Вторая фамилия въ скобкахъ означаетъ поправки (по Гильфердингу) невѣрно переданныхъ у Рыбникова именъ сказителей.

они собирали, а что явилось въ свѣтѣ? одна старина въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Эта «одна старина», которая была извѣстна Рыбникову (воспользовавшемуся ею въ III томѣ), напечатана въ 1857 г. (о Соловѣѣ Гудимировичѣ) безъ подписи доставившаго, но съ помѣтой: «изъ бумагъ А. П. Б.»¹⁾. Подъ этими инициалами скрывался еще одинъ любитель, отчасти похожій своей судьбой на Рыбникова; это — А. П. Боласогло (или Болассоглу), одинъ изъ Петрашевцевъ, высланный въ Петрозаводскъ и бывшій въ 50-хъ гг. чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ²⁾. К. Петровъ, статьѣ котораго (въ «Сѣв. Вѣстникѣ») мы обязаны указаніемъ, придаетъ большое значеніе собранію Боласогло и дѣятельности учителя гимназіи, Ф. И. Дозе, въ руки котораго оно попало послѣ сумасшествія владѣльца; сообщивъ, что Боласогло «записалъ и собралъ весьма многое», онъ пишетъ: «Очень жаль, что собраніе утратилось въ цѣломъ, но частями оно сохранилось въ трудахъ олонецкихъ гимназистовъ. Дозе былъ человѣкъ образованный, любилъ свой предметъ преподаванія, любилъ учениковъ своихъ и многихъ изъ нихъ направилъ на путь изученія края во всѣхъ отношеніяхъ». Далѣе г. Петровъ передаетъ, что Дозе раздавалъ гимназистамъ записанныя пѣсни, притчанія, обряды, поговорки и они писали на основаніи ихъ сочиненія, которыхъ послѣ «въ передѣланномъ видѣ» появились или въ «Губ. Вѣдомостяхъ» или въ «Русскомъ Дневникѣ» Мельникова. «Гимназисты начали записывать сами — явилось дополненіе къ «Областному Словарю» и впослѣдствіи много статей въ повременныхъ изданіяхъ. Самъ Дозе напечаталъ только былину о Соловѣї Гудимировичѣ съ объясненіями, но повторяю, что онъ принесъ неоцѣнимую пользу, натолкнувъ другихъ на трудъ». Разсказъ заканчивается словами: «Дозе, а не П. Н. Рыбниковъ, пробудилъ дремавшую

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о двухъ: мы нашли въ „Губ. Вѣд.“ 1856 г. еще былину о Василіи и Батыгѣ, безъ всякихъ поясненій; она очень близка къ Корниловской (нашъ № 81).

²⁾ „Александъ Пантелеимоновичъ Болассоглу, надворный совѣтникъ, служить въ Азиатскомъ департаментѣ“, какъ гласитъ донесеніе Липранди о лицахъ, посыпавшихъ собранія Петрашевскаго. Противъ него не было серьезныхъ обвиненій и онъ не значится въ спискѣ преданыхъ суду, но, какъ видно, его совсѣмъ въ покое не оставили. Передъ 1856 г. онъ сошелъ съ ума.

Олонецкую губернию». Сообщенные свѣдѣнія интересны, но отъ гимназическихъ сочиненій пользы для науки мало, такъ что и послѣ нихъ приходится повторить слова Рыбникова: «А что явилось на свѣтѣ? одна старина въ «Губ. Вѣд.». И онъ имѣлъ полное право прибавить вслѣдъ за этимъ: «Нужна была вся тяжелая моя школа, горячая любовь къ народу и отвѣтное расположение съ его стороны, чтобы въ короткій срокъ, узнавая чутьемъ мѣстность и людей, собрать такія рѣдкости». Мы сказали бы кромѣ того, что не менѣе важно было обладать научной подготовкой и пониманіемъ роли собирателя. Это даетъ намъ поводъ перейти къ вопросу о приемахъ работы Рыбникова.

Пыпинъ пишетъ, что появление I тома былинъ вызвало въ ученомъ мірѣ цѣлый переполохъ. «Передъ тѣмъ русская этнографія знала, въ отдѣлѣ былинъ, только Киршу Данилова, немногія пьесы въ «Памятникахъ великорусского нарѣчія»¹⁾; думали, что былинъ должно искать гдѣ-нибудь въ Сибири,— и когда цѣлый огромный запасъ ихъ найденъ былъ въ недалекомъ сосѣдствѣ Петербурга, то первымъ впечатлѣніемъ ученаго міра было изумленіе, а потомъ у иныхъ недоумѣніе и даже недовѣріе»²⁾. Извѣстно, что это недовѣріе, подкрепляемое отсутствиемъ объяснительной статьи собирателя, не только высказано было Срезневскимъ въ рецензіи на I томъ въ «Извѣстіяхъ втораго Отдѣленія Академіи» (т. X), но побудило автора ея навести справки на мѣстѣ. Срезневскому представлялось, что Рыбниковъ могъ и прикрасить и присочинить многое, и онъ обратился съ запросомъ къ двумъ солиднымъ въ его глазахъ олонецкимъ жителямъ—члену - корреспонденту Академіи, Д. В. Полѣнову и В. И. Модестову; отвѣты ихъ Срезневский включилъ въ свою рецензію,—они совершенно успокоили сомнѣнія осторожнаго ученаго. Въ отвѣтномъ письмѣ Модестова, уже цитированномъ нами выше, есть цѣнныя указанія и на приемы Рыбникова какъ собирателя. «Если небывалая до сихъ поръ въ сборникахъ такого рода свѣжесть народнаго слова и точность удержанія малѣйшихъ мѣстныхъ видоизмѣненій былины

¹⁾ Пыпинъ не считалъ разбросанныхъ по периодическимъ изданіямъ отдѣльныхъ текстовъ.

²⁾ А. Пыпинъ. Ист. Русск. Этнографіи, II, 63.

по языку и содержанию недостаточно свидетельствуют о строгой добросовестности труда собирателя, то я считаю долгомъ свидетельствовать, какъ человѣкъ, имѣвшій случай повѣрить собственными глазами, убѣдиться изъ факта, что большая добросовестность, чѣмъ та, съ которой относился къ дѣлу Рыбникова, едва ли можетъ существовать»... Далѣе Модестовъ рассказываетъ, какъ онъ слушалъ въ квартирѣ Рыбникова пѣвца Кузьму Романова ¹⁾). «Старикъ пѣлъ тогда про Дуная Ивановича, про Добрыню Никитича, про Вольгу Буслаевича и про Горе—злочастіе. Рыбниковъ сидѣлъ съ тетрадью, въ которой были прежде записаны эти сказанія отъ того же пѣвца... Старикъ пѣлъ долго и много. Иногда онъ забывалъ и останавливался, но тотчасъ же продолжалъ, какъ Рыбниковъ подсказывалъ ему слѣдующія слова... Въ одинъ изъ случаевъ, когда старикъ забылъ, что дальше слѣдуетъ, я невольно посмотрѣлъ въ тетрадь, находившуюся въ рукахъ Рыбникова, и когда старикъ снова запѣлъ, мнѣ показалось интереснымъ прослѣдить, не отступаетъ ли онъ въ иныхъ мѣстахъ отъ прежде пѣтаго имъ текста. Я слѣдилъ долго и тогда-то убѣдился, въ какой степени точно до малѣйшихъ подробностей записаны Рыбниковымъ пѣсни этого старика. Кузьма Ивановичъ не отступалъ отъ записанного текста ни на шагъ; но случалось, что онъ пропускалъ иногда по забывчивости стихъ или два, и это, сколько помнится, большею частью было въ тѣхъ мѣстахъ, где повторялся нѣсколько разъ уже пропѣтый стихъ ²⁾... Рыбниковъ говорилъ, что каждая былина тогда только считалась имъ годной къ печати, когда она была повторена однимъ и тѣмъ же лицомъ разъ или больше. При этомъ онъ считалъ нужнымъ удерживать всѣ особенности мѣстнаго выговора, чтобы быть какъ можно вѣрнѣе народному слову. Слушая одну и ту же былину отъ нѣсколькихъ лицъ, онъ не сводилъ слышанное къ одному знаменателю, не составлялъ изъ него одной былины, а оставлялъ каждую отдельно» ³⁾.

¹⁾ Это могло быть въ 1861 или 1862 году; „Ізвѣстія Академіи“ вышли въ августѣ 1863 г.

²⁾ Повидимому Модестовъ говорить здѣсь о невыдержанности эпическихъ повторений.

³⁾ „Ізвѣстія второго Отд. Академіи“, т. X, стр. 251—253.

Всѣ приведенные свѣдѣнія, а также многія отдельныя мѣста «Замѣтки» позволяютъ съ достаточной убѣдительностью установить фактъ дѣйствительно большой тщательности и осторожности, какая проявлялась Рыбниковъ въ приемахъ записи и получения точного текста. Безспорно, техника собирания съ 60-хъ годовъ сдѣлала извѣстные успѣхи, но надо признать, что цѣнность результатовъ въ этомъ дѣлѣ, даже при пользованіи всѣми новѣйшими способами (не исключая фонографа), и сейчасъ очень сильно зависитъ отъ внутреннихъ свойствъ собирателя. Конечно, Гильфердинговскій способъ записывать съ медленнаго пѣнія въ огромномъ количествѣ случаевъ сохранилъ намъ подлинный стихъ былинъ, но не слѣдуетъ забывать, что и неторопливое вырабатываніе текста при помощи повторнаго исполненія, гдѣ только возможно, практиковавшееся Рыбниковымъ, въ извѣстной мѣрѣ сглаживало недостатки его первыхъ набросковъ съ пересказа, такъ что у лучшихъ его пѣвцовъ и сейчасъ на протяженіи цѣлыхъ страницъ къ тексту можетъ быть прямо подведенъ тотъ или другой мотивъ, извѣстный намъ теперь въ совершенно точномъ видѣ. Рыбниковъ проводилъ свои приемы не ощупью или случайно, а вполнѣ сознательно; онъ не только отдавалъ себѣ отчетъ въ разницѣ текста спѣтаго и пересказаннаго, но опредѣленно разбирался въ мелкихъ варіантахъ, вносимыхъ пѣвцомъ при каждомъ новомъ исполненіи, и умѣль отличить личныя черты каждого сказителя, его, такъ сказать, индивидуальный стиль, такъ же какъ и манеру исполненія. Въ своихъ наблюденіяхъ надъ особенностями нѣкоторыхъ отдельныхъ сказителей, въ настойчивомъ совѣтѣ перечитывать былины по пѣвцамъ¹⁾, онъ уже близко подходилъ къ выдвинутому послѣ вопросу о «школахъ», о которомъ Гильфердингъ далъ нѣсколько цѣнныхъ, но слишкомъ общихъ и неполныхъ указаний. Материалъ по этому вопросу найдется въ разбросанныхъ замѣчаніяхъ Рыбникова, а несравненно большее количество его должно быть извлечено изъ самого сборника путемъ сравнительного изученія его прежде всего съ Гильфердинговскимъ; эта работа, можно сказать, почти еще и не начата. Не гово-

¹⁾ См. въ „Замѣтки“ О. Миллера.

римъ уже о громадномъ запасѣ эпического содержанія сборника, такъ какъ съ этой стороны онъ оцѣненъ былъ прежде всего и до сихъ поръ больше всего.

Мы не касались теоретическихъ, научныхъ взглядовъ Рыбникова на устное творчество народа, на тотъ самый материалъ, который онъ въ такомъ неслыханномъ изобиліи впервые доставилъ наукѣ. Объ этомъ почти нечего и сказать: научный, специальный интересъ не былъ замѣтнымъ стимуломъ его собирательской работы. Онъ, конечно, воспринялъ изъ университета, на лекціяхъ Буслаева общія основы миѳологической теоріи, которая сквозятъ кое-гдѣ въ его письмахъ къ К. Аксакову, Д. А. Хомякову и къ Безсонову въ началѣ собиранія; тамъ же видно намѣреніе предположить I тому „обстоятельную статью о былинахъ“, для которой Рыбниковъ желалъ имѣть подъ руками Гrimма, Лахмана и Киршу Данилова, но планы эти быстро разбились о невозможность работать въ Петрозаводской дали, безъ книгъ, а еще болѣе о внутреннія препятствія, лежавшія въ самой личности Рыбникова. Элементовъ теоретика - ученаго было слишкомъ мало въ его натурѣ, даровитой и богатой, но обращенной больше всего къ жизни, къ дѣйствительности и ея живому синтезу. Безсоновъ справедливо писалъ ему по поводу плановъ о статьѣ: «Всѣ разсужденія и выводы о богатыряхъ и ихъ эпохѣ, объ ихъ личностяхъ, характерахъ и т. п., то-есть все, что можно сдѣлать, сидя въ кабинетѣ надъ готовымъ материаломъ, предоставьте намъ, тюремнымъ сидѣльцамъ. Вы соприкасаетесь съ народомъ непосредственно, съ глазу на глазъ, вы собиратель (пока), вы практикъ»¹⁾ и далѣе набрасывается планъ статьи, которую онъ желалъ бы получить отъ Рыбникова и которой никто другой не могъ бы написать.

Совѣтъ Безсонова не только подходилъ къ обстоятельствамъ, но и вообще былъ наилучшимъ для Рыбникова, и онъ послѣдовалъ ему, сразу и навсегда, ни разу послѣ не обнаруживъ желанія попасть въ «тюремные сидѣльцы» и, очевидно, не считая, что на него было произведено внѣшнее и чуждое давленіе. Собирательство Рыбникова было результатомъ его любви къ пѣснѣ,

---

¹⁾ Изъ неизданного письма, бывшаго въ нашемъ распоряженіи.

къ поэзіи, къ народу, плодомъ національного строя его души, напедшаго себѣ выходъ въ этой области подъ замѣтнымъ вліяніемъ общественныхъ настроеній той поры, когда складывался онъ самъ. Весенній характеръ эпохи и молодость личности дѣйствовали дружно въ одномъ направленіи, и сдѣлано было большое дѣло, сдѣлано хорошо, вдумчиво и съ увлеченіемъ, съ жаромъ. Насталъ другой періодъ жизни, міровоззрѣніе отложилось, вонило въ берега; съ первого поля жатва была снята и жнецъ оглянулся кругомъ себя: ему было уже 35 лѣтъ, онъ былъ человѣкъ съ служебнымъ опытомъ и профессиональной складкой, семьянинъ, съ думой объ упроченіи будущаго. Рыбниковъ оставилъ бы собираніе былинъ, если бы его и не перевели въ другой край съ повышеніемъ — это наше глубокое убѣжденіе; онъ нашелъ бы себѣ другіе интересы.

Въ чемъ же были эти его интересы 'за послѣдній періодъ жизни? Принято думать, что онъ весь ушелъ въ службу, что чиновникъ растворилъ въ немъ интеллигентную, культурную личность. Посмотримъ, такъ ли это.

IV.

Въ декабрѣ 1866 года Рыбниковъ простился съ Петрозаводскомъ, переведенный, какъ упомянуто было, вице - губернаторомъ въ Калишъ. Нѣть сомнѣнія, что этимъ онъ былъ обязанъ болѣе всего своимъ московскимъ славянофильскимъ связямъ: въ нашихъ рукахъ было письмо къ нему Ив. С. Аксакова отъ 10 мая 1866 г., гдѣ стоять: «Не удается вамъ выбраться оттуда! Самаринъ нѣсколько разъ писалъ объ этомъ Черкасскому и Милютину. Теперь, послѣ 4 апрѣля, все это стало опять затруднительнѣе и многимъ досталось въ чужомъ пиру похмелье». Но едва прошло три мѣсяца, какъ хлопоты друзей увѣнчались успѣхомъ; въ концѣ августа Рыбниковъ уѣзжаетъ на мѣсяцъ въ Петербургъ, вызванный по этому поводу: кн. Черкасскій приглашалъ его къ себѣ на службу въ Варшаву. Работать при Милютинѣ и Черкасскомъ, конечно,

Рыбникову было приятно, но, повидимому, ему сразу не очень улыбнулась перспектива смѣнить одну окраину на другую, отрѣзывавшую его совсѣмъ отъ русской жизни и русскаго народа, этнографической интересъ еще не совсѣмъ умеръ въ немъ, и онъ искалъ другого исхода, компромисса. Такъ, по крайней мѣрѣ, приходится толковать сохранившееся въ его бумагахъ рекомендательное письмо А. Ф. Гильфердинга къ какому - то превосходительному Константину Петровичу¹⁾, относящееся какъ разъ ко времени пребыванія Рыбникова въ Петербургѣ. Здѣсь Гильфердингъ, указавъ на приглашеніе подателя кн. Черкасскимъ къ себѣ на службу, говоритъ: «Но по моему убѣжденію было бы жаль отрывать подобнаго дѣятеля отъ русской почвы, и его настоящее мѣсто было бы въ Западномъ краѣ, гдѣ вмѣстѣ съ пользою по службѣ онъ можетъ оказать неоцѣненные услуги изученію тамошней народности русской.» Въ заключеніе Гильфердингъ горячо рекомендуетъ Рыбникова вмѣсто себя въ большую экспедицію Географ. Общества въ Западный край, которая снаряжалась въ 1862 г., но была остановлена событиями въ Польшѣ²⁾. По какимъ - то причинамъ письмо осталось не переданнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Рыбниковъ попалъ не въ Варшаву.

Перспективѣ работать подъ руководствомъ двухъ просвѣщенныхъ дѣятелей не суждено было осуществиться: въ декабрѣ 1866 г., когда Рыбниковъ побѣхалъ къ новому мѣсту службы, Милитина сразилъ нервный ударъ, вслѣдъ за нимъ ушелъ и кн. Черкасскій. Какія бы ошибки ни усматривать въ ихъ государственной дѣятельности въ Польшѣ, все же необходимо признать, что послѣ нихъ воцарились порядки неизмѣримо худшіе: исчезло проведеніе обдуманнаго плана, лучшія стороны ихъ системы были искажены, а недостатки выросли и подчеркнулись.

Рыбниковъ не былъ слѣпъ и къ ошибкамъ самихъ руководителей, которыхъ уважалъ и цѣнилъ, тѣмъ менѣе могъ онъ быть внутренно солидаренъ съ тѣмъ, что начало тогда твориться въ Польшѣ. Правда, онъ остался на службѣ, и мы, не

¹⁾ Побѣдоносцевъ?

²⁾ Повидимому, эта экспедиція и была проведена Чубинскимъ въ 1872—78 гг.

зная всѣхъ обстоятельствъ, затрудняемся объяснить причины, сдѣлавшія это для него возможнымъ, но какъ онъ понималъ задачи Россіи въ краѣ, намъ извѣстно положительно. Въ его бумагахъ упѣлъ нѣсколько листовъ, на которыхъ набросано нѣчто въ родѣ двухъ статей по польскому вопросу; связная форма ихъ и слѣды обработки даютъ право думать, что авторъ могъ имѣть въ виду оглашеніе ихъ какимъ-либо способомъ въ печати. Одна изъ этихъ статей даетъ бѣглый историческій обзоръ польскихъ «аспирацій» съ начала XIX вѣка, другая—анализируетъ всѣ возможныя комбинаціи политическихъ отношеній между русскими и поляками. Основныя мысли автора таковы.

Начиная съ послѣдняго раздѣла Польши до самой франко-пруссской войны знаменемъ польской интеллигенціи было возстановленіе независимой Польши въ границахъ 1772 года; упорнымъ преслѣдованіемъ этой цѣли объясняется недовольство поляковъ и Наполеоновскимъ Варшавскимъ Герцогствомъ и Польскимъ Королевствомъ 1815 г., отсюда и 1830 и 1863 годы. События 1870 года окончательно разрушили мечты и надежды прежнихъ лѣтъ; образовалась несокрушимая Германская имперія, Франція, въ которой Польша до сихъ поръ видѣла или думала видѣть опору, отступила на задній планъ, и польскому обществу волей неволей пришлось замѣнить прежнее знамя другимъ. Новый лозунгъ поляковъ по взгляду Рыбникова гласить: «Сохранимъ польскій духъ. Оставаясь вѣрными подданными тѣхъ государствъ, которымъ наскъ подчинила судьба, мы хотимъ сохранить нашу народность, нашъ языкъ, нашу религію, наши обычай, нашу вѣру въ независимую личность, короче, тѣ особенности, благодаря которымъ поляки являются въ истории представителями западнаго славянства, какъ русскіе—представителями восточнаго». Ниже этихъ требованій не можетъ, не долженъ спускаться народъ, въ которомъ есть чувство национальной личности. Между тѣмъ объединительная система, въ главѣ которой стояли Милютинъ и Черкасскій, послѣ нихъ постепенно и незамѣтно превратилась въ обрусьнѣ, «т.-е. въ подведеніе польской народности подъ особенные требования великорусского племени, и именно московской его разновидности».

«Развѣ обрусьніе имѣли цѣлью Александръ II и Милютинъ, давая самостоятельность крестьянскому сословію? Развѣ обрусьніе имѣлъ въ виду безпощадный къ полякамъ кн. Черкасскій? Онъ хотѣлъ примѣнить къ Польшѣ старинный московскій пріемъ объединенія: снять верхній слой народа и замѣнить его заѣзжими русскими людьми. Предполагалось при этомъ, во-первыхъ, что освобожденное отъ гнета шляхетскихъ тенденцій крестьянство окажется въ состояніи возродить польскую національность на какихъ-то новыхъ началахъ, во-вторыхъ, предполагалось дать Польшѣ все, что дано Россіи. Но 17 лѣтъ минуло со времени печальныхъ событій 1863 года, а здѣсь еще нѣть ни городскихъ, ни земскихъ учрежденій, ни маломальской свободы прессы, ни суда присяжныхъ, ни свободы учрежденія промышленныхъ, торговыхъ, ссудо-сберегательныхъ, потребительныхъ ассоціаций. Чтобы дать крестьянству возродить народность, заѣзжие люди должны были дать ему полнѣшую самостоятельность и соблюдать строжайшую законность... Этого первого условія правильного общежитія здѣсь не было. Какъ же могло возродиться крестьянское сословіе?». Сейчасъ¹⁾ край спокоенъ, онъ имѣеть съ Россіей общіе интересы въ торгово-промышленномъ отношеніи, но связь его съ государствомъ чисто вѣнчанная, механическая, «здѣсь живетъ населеніе подневольное и недовольное, оказывая лишь вынужденную и потому лицемѣрную покорность силѣ». Все это не только создаетъ въ настоящемъ внутреннія осложненія и непріятности для Россіи, но и грозитъ бѣдой въ будущемъ, при неизбѣжномъ (какъ думаетъ авторъ) столкновеніи ея съ Германіей и Австріей. Тогда наши польскія отношенія могутъ стать нашей ахиллесовой пятой. «Австрія, сложенная изъ разныхъ народностей, старается удовлетворить, насколько понимаетъ и можетъ, требованиямъ этихъ народовъ; не только Венгрія получила автономію, но и Галиція: за это галиційские поляки выражаютъ Францу Йосифу искреннюю и глубокую благодарность. Самый опасный врагъ Россіи и Польши—Пруссія, но и тамъ поляки могутъ въ рейхстагѣ и земскихъ собраніяхъ высказывать свои нужды,

---

¹⁾ Писано около 1880 г.

въ литературѣ и журналистицѣ проводить свои идеи и идеалы. Только въ бывшемъ королевствѣ Польскомъ царствуетъ молчаніе гроба».

Приведенаго достаточно, чтобы убѣдиться, что и послѣ двадцати лѣтъ «чиновничьей» службы передъ нами вовсе не человѣкъ, нѣзамѣтно позволившій жизні подмѣнить свое живое, личное міровоззрѣніе на карьеризмъ или на тупое и бездушное мышленіе, не идущее дальше словъ и официальной бумаги. Жизнь, конечно, поломала цѣльность личности, загородила пути къ естественному, полному согласію стремленія и дѣйствія — исторія, у насъ весьма обыкновенная, — но человѣкъ сохранилъ свои убѣжденія, справляясь, какъ можетъ, съ противорѣчіемъ, быть можетъ, страдая и испытывая по временамъ непреодолимую потребность исповѣдать свою внутреннюю личность. Самое возникновеніе нашихъ статей свидѣтельствуетъ обѣ этой потребности, и мы не станемъ утверждать, что Рыбниковъ не пытался ихъ напечатать, не напечаталь... Во всякомъ случаѣ можно утверждать положительно, что на своемъ посту онъ далеко не былъ усерднымъ слугой «русскихъ началь» въ томъ видѣ, какъ они понимались тогда въ официальныхъ сферахъ; вѣроятно, этимъ и объясняется его въ сущности скромная и глухая чиновничья карьера, замершая и остановившаяся какъ-то сразу и навсегда.

Не находя въ службѣ внутренняго удовлетворенія, Рыбниковъ продолжалъ жить разнообразными духовными интересами. Прежде всего онъ удержалъ въ извѣстной мѣрѣ связи съ ученымъ міромъ, которыя были вызваны его сборникомъ былинъ. Послѣдній томъ печатался въ 1867 г., когда Рыбниковъ былъ уже въ Царствѣ Польскомъ; онъ поручилъ это дѣло О. Миллеру, горячо привѣтствовавшему первые томы и признавшему (въ письмѣ къ собирателю), что имъ онъ «обязанъ быть по-вортоной точкой въ занятіяхъ и отчасти въ воззрѣніяхъ»; дружественные отношенія съ О. Миллеромъ удержались. Затѣмъ Рыбниковъ посыпалъ свой сборникъ по мѣрѣ выхода Авг. Шлейхера, и на этой почвѣ они обмѣнивались письмами; изъ очень плохо уцѣлѣвшей переписки Рыбникова въ наши руки попало два письма Шлейхера. Въ первомъ (1865 г.) знаменитый уче-

ный, называя сборникъ «одной изъ самыхъ важнѣйшихъ книгъ новѣйшаго времени»¹⁾, относить его «къ очень рѣдкимъ кни-
гамъ, которыя открываютъ читателю новый, до сихъ поръ не-
знакомый свѣтъ», и сообщаетъ, что для своихъ занятій выпи-
сываетъ «старинныя и вообще занимательныя формы, находя-
щіяся въ этихъ пѣсняхъ». Онъ нашелъ также много важнаго
для славянской грамматики въ статьѣ объ особенностяхъ Оло-
нецкаго нарѣчія: «Русскія нарѣчія до сихъ поръ мнѣ только
извѣстны изъ статьи Даля въ I т. его словаря; подробное опи-
саніе одного изъ нихъ я въ первый разъ узналъ изъ вашей
статьи. Для славянскаго языкознанія эти нарѣчія необходимы».
Во второмъ письмѣ (1868 г.) Шлейхеръ, благодаря за 4-й томъ,
сообщаетъ, что занятъ составленіемъ возможно полной грамма-
тиki полабскаго нарѣчія, очень важнаго для славянскаго язы-
кознанія; это—предварительная работа для обширной сравни-
тельной грамматики славянскаго языка, которой ученый соби-
рается посвятить послѣднюю часть своей жизни. «Самый луч-
шій изъ моихъ учениковъ, Др. Авг. Лескинъ... между тѣмъ
докончить начатую мною грамматику языка собранныхъ вами
памятниковъ словесности русскаго народа». Въ заключеніе
Шлейхеръ сообщаетъ, что выпишетъ рекомендованную ему Рыб-
никовымъ книгу Некрасова о значеніи формъ русскаго глагола.

Изъ русскихъ ученыхъ Рыбниковъ повидимому долѣе всѣхъ
сохранилъ отношенія съ Буслаевымъ; мы имѣли въ рукахъ
письмо послѣдняго отъ 30 дек. 1875 г.²⁾.

1) Письма писаны по-русски; цитируемъ буквально.

2) Изъ него видно, что Рыбниковъ послалъ Буслаеву въ подарокъ изд. Герберштейна; по этому поводу Буслаевъ пишетъ: „Приходило ли вамъ въ голову, что эта книга, можетъ быть, рѣшаѣтъ вопросъ о Вольгѣ Святослави-
чѣ? Помните, что еще Безсоновъ сближалъ его съ древлянскимъ Олегомъ. Но въ этомъ сближеніи недоставало твердаго связующаго звена. Звено это далъ Герберштейнъ. Древняго Олега онъ называетъ *Olegch*, св. Ольгу—*Olla*, но сына Святославова—именно *Olega* и склоняетъ: *Olegae*, *Olegam* (стр. 5), нѣроятно, съ такимъ ударенiemъ: *Olegà*, что съ приданіемъ и будетъ *Волыà* (è = ь). Слич. *Ольговичъ*, т.-е. *Олеговичъ*. Слѣд. Новгородскаго *Volha* (откуда *Volx*—овъ рѣка) приравнивать съ *Volyidou* нельзя... Во всякомъ случаѣ Герберштейнъ въ этомъ историческомъ предавіи черпалъ изъ такого источника, въ которомъ значилось *Olegà* (*Олыà*), а не *Oleg*“.—Затѣмъ Буслаевъ сообщаетъ о выходѣ новой работы Ягича и благодаритъ за присылку Рыбниковымъ своего портрета, который „красуется у меня въ альбомѣ вмѣстѣ съ моими лучшими друзьями“.

Но эти сношения вытекли изъ прошлыхъ интересовъ собирателя, теперь отодвинутыхъ, и не могли быть живы и содер- жательны,—Рыбниковъ не возвращался на покинутое поле древней русской поэзіи. Теперь его вниманіе было, повидимому, гораздо болѣе сосредоточено на новой русской литературѣ и ея текущихъ крупныхъ явленіяхъ. Въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ его сильно заинтересовалъ Левъ Толстой. Есть свѣдѣнія (идущія отъ семьи), что въ это время у него въ домѣ часто бывалъ молодой М. С. Громека (тогда учитель Калишской гимназіи), увлекавшійся Толстымъ и писавшій свою книгу объ Аннѣ Карениной; работа его по частямъ читалась у Рыбниковыхъ. Самъ Рыбниковъ добывалъ и читалъ появлявшіяся тогда за границей вещи Толстого, какъ «Исповѣдь» и «Изложеніе Евангелія». Слѣды этого интереса дошли до насъ въ видѣ черновика большого письма къ Толстому по поводу «Евангелія» и довольно обширной статьи, озаглавленной: «О послѣднихъ произведеніяхъ Толстого». Обѣ статьи Рыбникова даже въ незаконченномъ видѣ представляютъ интересъ по самой постановкѣ вопроса или по точкѣ зреенія и даютъ возможность (особенно вторая) еще полно представить себѣ духовную физіономію нашего автора; въ виду этого мы позволимъ себѣ нѣсколько на нихъ остановиться.

Мы не знаемъ, было ли окончено и отправлено по адресу письмо къ Толстому, но оно носить слѣды долгой и серьезной предварительной работы: въ немъ много ссылокъ на евангель- скій текстъ славянскій и греческій, цитать изъ еврейскихъ книгъ. Работа осталась далеко незаконченной, трудно даже сказать, какая ея часть передъ нами, и она интересна всего болѣе характернымъ для автора пониманіемъ вопроса и под- ступомъ къ нему. Приводимъ важнѣйшія мѣста письма. Оно начинается такъ:

«Недавно я прочелъ въ юльскомъ номерѣ *«La nouvelle Revue»* вашу статью: *Exposé de l' Evangile*. Предметъ ея такъ серьезенъ, что долженъ глубоко заинтересовать каждого мыслящаго человѣка, въ особенности русскаго. Вѣдь дѣло въ сущности идетъ о цѣломъ нашемъ міросозерцаніи, обсуждается развязка роковой борьбы, которая происходитъ или происходила въ

умахъ современаго и нарастающаго поколѣнія между цѣльнымъ развитиемъ духа и рационалистическою односторонностью. У кого изъ насъ при знакомствѣ съ наукой не падала съ глазъ повязка суевѣрія, и какъ у немногихъ уцѣлѣла вѣра въ свободно творящаго духа»... «Вы пришли къ непреложному для васъ выводу, что въ христіанствѣ до сихъ поръ на первомъ планѣ стояла личность Спасителя, его небесная и земная исторія, что его учение было отодвинуто назадъ съ первыхъ временъ христіанства и заслонено учениемъ церкви или церквей, не имѣющихъ съ первоначальнымъ учениемъ ничего общаго. Эту первоначальную «благую вѣсть» вы задумали передать намъ словами Евангелия.

«Какъ поклонникъ вашего дарованія, я предпочелъ бы, чтобы вы рассказали намъ жизнь Спасителя»... По мысли Рыбникова слѣдовало бы, вооружившись материаломъ современной науки, нарисовать историческій фонъ въ условіяхъ мѣста и исторического момента и дать на немъ личность Христа. «Особенности вашего дарованія помогли бы вамъ, болѣе чѣмъ Штраусу и Ренану, соединить въ одно цѣлое историческія черты, уцѣлѣвшія о жизни Спасителя (напр., черты глубокаго личнаго милосердія къ пороку или черты минутнаго раздумья о своей судьбѣ) и возсоздать живой Его образъ со всею Его творческою дѣятельностью, какимъ Онъ явился въ началѣ нашей эры»... Отмѣтивъ основныя черты обаятельной личности Христа, Рыбниковъ переходитъ къ главной своей мысли. «Въ связи съ личностью вамъ пришлось бы угадать точныя черты Его первоначальнаго ученія, сравнить ихъ съ тогдашними вѣрованіями евреевъ и растолковать намъ, какимъ образомъ Его именно личность превратила сухую, расплывчатую *агоду* въ евангельскую проповѣдь, фарисейское ученіе о добродѣтельности страждущаго идеала въ ученіе о живомъ Искупителѣ, взявшемъ на себя грѣхи міра... Для всего этого вы несомнѣнно были бы вынуждены опредѣлить, въ чемъ состояло подлинное ученіе Спасителя;—но этого нельзѧ было бы сдѣлать механическимъ сводомъ стиховъ изъ синоптиковъ и Иоанна. Въ трудѣ вашемъ, какъ онъ по крайней мѣрѣ задуманъ и выполненъ, по вашему же объясненію, для читателя всегда будутъ цѣнны и инте-

ресны: ваша исповѣдь съ филіаціей идей, приведшею васъ къ убѣжденію въ истинѣ Христова ученія, и анализъ христіанскихъ доктринъ. Что касается анализа Христова ученія и изложенія истинной христіанской доктрины, то они основаны на сводѣ Четвероевангелія, и я недоумѣваю, какъ такой сводъ можетъ изображать собою первоначальное евангельское ученіе». Далѣе авторъ характеризуетъ особенности каждого евангелія и приходитъ къ выводу, что ихъ соединеніе не можетъ вести къ цѣли. «Если не признать, что евангелія служили камерь-обскурой, въ которой отражались перемѣны христіанскихъ возврѣній, невозможно согласить противорѣчій между самими синоптиками, между ими и Иоанномъ, не только относительно историческихъ подробностей о жизни Христовой, но и (что для вашей цѣли особенно важно) о Его вѣроученіи».

Письмо обрывается при началѣ подробнаго вскрытия такихъ противорѣчій.

Въ довольно большой статьѣ о Толстомъ (свыше печ. листа) Рыбниковъ изъ анализа «Войны и Мира» и «Анны Карениной» старается вывести философію художника, находя, что онъ стремился здѣсь «угадать полускрытый доселѣ смыслъ жизни русского народа и общества, объяснить намъ, чѣмъ живутъ люди вообще и русскіе въ особенности». По мысли нашего автора, въ сочиненіяхъ Толстого царитъ міросозерцаніе, проникнутое убѣжденіемъ въ ничтожествѣ отдѣльной личности и въ могучей силѣ народа, направляемой не человѣческимъ усмотрѣніемъ, а высшей волей. Пьеръ Безуховъ не можетъ отыскать на землѣ какой-нибудь разумной причины всему, что совершается вокругъ него, и начинаетъ прислушиваться къ народному голосу, который ведетъ его къ идеѣ предопредѣленія; въ Аннѣ Карениной аналитически разъясняется вопросъ, отчего даже лучшіе русскіе люди, если вздумаютъ жить собственнымъ своимъ умомъ и отбросить традиціи, непремѣнно подвергаются раздумью, недовѣрію къ себѣ, унынію и преждевременной гибели, если не откажутся отъ личнаго пути и не солются съ общимъ, съ народнымъ. Сжатый отвѣтъ на тотъ же вопросъ даетъ легенда «Чѣмъ люди живы». Авторъ находитъ, что возврѣніе большей части русского народа на свои отношенія къ

міру и людямъ, воззрѣніе здоровой части русскаго общества несомнѣнно таково, какъ его понялъ и выразилъ Л. Толстой, но онъ ставитъ далѣе вопросъ на историческую почву и показываетъ, что философія эта не можетъ считаться исконной принадлежностью всего русскаго народа, а воспитана исторіей одной его части; это—философія великорусскаго племени, притомъ «московской его разновидности». Прослѣдивъ сжато исторію сложенія Московскаго государства, авторъ заключаетъ: «Весь строй русской жизни сталъ абсолютскимъ, высшее сословіе превратилось въ служилыхъ людей, явилось проклятие крѣпостного права. Куда было дѣться самостоятельной личности, что она могла значить передъ силой сложившихся вещей? Политическая и общественная жизнь замерла, умственная еще не родилась, оставалась открытой единственная сфера религіозная, въ ней и сосредоточило великорусское племя свои духовные помыслы, но вслѣдствіе паденія гражданской и общественной жизни понизило религію, съ одной стороны, до обрядности, съ другой, до фатализма»¹⁾.

Дальше читаемъ: «Вотъ почему образованной русской личности тяжко жить въ великорусской жизни. Если она выходитъ изъ традиціонныхъ рамокъ, ее гонить въ бесплодное отрицаніе нигилизма; если она пріобщается своему племени, ей надоно наложить на себя печать смиренія, вступить въ казенную церковь, подчиниться безусловно всякой обрядности, начиная съ постнаго масла, и отказаться отъ всякой самостоятельной дѣятельности, отъ всякаго самостоятельного мышленія».

«Да, личности негдѣ развернуться въ великорусской жизни. Оттого гр. Толстой и выводитъ только приженныя личности,

1) Своей мыслью о великорусско-московскомъ происхожденіи даннаго міровоззрѣнія авторъ видимо дорожитъ и въ дальнѣйшемъ не упускаетъ случаевъ отмѣтить, что въ сѣверно-русскомъ племени (новгородцахъ и ихъ потомкахъ-поморахъ), а до татаръ и на югѣ Россіи было живо чувство свободы личности и отсутствовало „приниженное подчиненіе“ року или обстоятельствамъ. Впечатлѣнія отъ Олонецкаго населенія, очевидно, придавали увѣренность его словамъ, что „предки нашего поморянина, когда плыли во флотѣ короля Свейна въ Англію, навѣрное понимали пѣсни викинговъ“; выдержки изъ былинъ неразъ подкрѣпляютъ его мысль. Припомнимъ, что аналогичное впечатлѣніе отъ крестьянской личности на сѣверѣ вынесъ и Гильфердингъ.

которые покорны судьбѣ, и обходитъ въ своихъ романахъ маломальски самостоятельные и свободно развившіеся характеры: ихъ или не уложить въ готовыя рамки великорусской жизни, или надобно немедленно предать злой смерти. Возьмемъ «Войну и Миръ». Пьеръ Безуховъ—непокрытая вода: тараканъ нала-каль, муравей нализалъ, муха падала; онъ могъ застрять въ квietизmѣ и семейномъ счасти, а Болконскаго пришлось умо-рить. И будто въ эпоху 12-го года уже совсѣмъ не было да-ровитыхъ и самостоятельныхъ личностей, которые не успо-каивались въ обрядности. Былъ же Мордвиновъ, Ермоловъ, гр. Сиверсъ, Лунинъ, Чаадаевъ; но они не укладывались въ рамки романа».

Героевъ «Анны Карениной», не исключая Левина, Рыбни-ковъ тоже считаетъ за людей, лишенныхъ всякой внутренней силы характера и инициативы, слегка подсмѣшиваясь надъ тѣмъ, что Левина «къ счастью спасъ встрѣчный мужикъ». «Но—го-ворить онъ—это вѣрно съ общимъ характеромъ жизни велико-русского общества, оттого тамъ и жить такъ тошно».

Далѣе отмѣчается ничтожность вліянія на общество науки и искусства. «Вотъ почему перемѣна въ воззрѣніяхъ Безухова и Левина совершается не путемъ самостоятельного умствен-наго развитія, не вліяніемъ высоко одаренной личности, а че-резъ появленіе *deus ex machina*. Когда Фаустъ, послѣ долгихъ заблужденій, находить въ любви къ человѣчеству высшее наслажденіе, то «вѣдь это—мудрецъ, знающій, что добрый человѣкъ въ своемъ темномъ стремлѣніи все-таки сознаетъ, гдѣ настоя-щая дорога, а для обращенія Безухова и Левина понадобился солдатикъ Платона и встрѣчный мужикъ». Въ заключеніе ав-торъ припоминаетъ, какъ и кѣмъ рѣшался вопросъ «чѣмъ люди живы» въ Платоновскомъ «Пирѣ». Послѣднія слова его такія: «Вотъ какъ древній философъ силою діалектическаго процесса, не въ избѣ сапожника, не въ разговорѣ съ аѳинскимъ солда-тикомъ или мужикомъ, а въ бесѣдѣ съ величайшими талантами своего времени вывелъ христіанскую идею всеобнимающей любви».

Мы изложили главныя мысли статьи Рыбникова, воздержи-ваясь отъ всякой критики, которая была бы здѣсь неумѣстна.

Важенъ не взглѣдъ его на Толстого, вѣрный или ошибочный (въ извѣстной свѣжести и самостоятельности точки зрења ему отказать нельзя),—важно то, что по поводу сочиненій Толстого Рыбниковъ развила здѣсь нѣкоторыя существенныя основы своего міровоззрѣнія полнѣе, чѣмъ мы могли это прослѣдить раньше, и вскрылъ итоги всѣхъ своихъ размышеній надъ русской жизнью. Здѣсь открывается, какой содержательной и сложной работой былъ занятъ духъ этого «бросившаго умственныя интересы и ушедшаго въ службу вице-губернатора», какимъ принято было считать Рыбникова послѣдней поры. Его истинное, внутреннее отношеніе къ службѣ очень ясно видно въ словахъ, какими онъ рисуетъ здѣсь Карениныхъ: «Мы въ мірѣ бюрократовъ, которые въ петербургскихъ и провинціальныхъ канцеляряхъ составляютъ доклады о всевозможныхъ предметахъ по даннымъ европейской науки и рапортамъ губернаторовъ, архіереевъ и жандармскихъ штабъ-офицеровъ. Надобно знать на дѣлѣ всю пошлость канцелярской жизни, всю тщету канцелярской переписки, чтобы оцѣнить изображеніе неустанной и ревностной дѣятельности Каренина на этомъ поприщѣ».

А какъ долженъ быть временами чувствовать себя Рыбниковъ въ условіяхъ своей дѣятельности, легко вывести изъ другого мѣста статьи, гдѣ онъ объясняетъ теорію приниженія личности изъ материальной необходимости и противополагаетъ ей, какъ идеалъ, признаніе «свободно творящаго духа, который требуетъ свободной человѣческой личности: онъ не насиливаетъ ея, а вызываетъ въ ея умѣ, чувствѣ и волѣ свободное съ собою духовное единеніе».

Широта умственныхъ интересовъ и здоровый, трезвый складъ натуры, конечно, сильно должны были помочь Рыбникову не терять равновѣсія, но недаромъ, конечно, вырвались у него слова: «въ великорусскомъ обществѣ тошно жить развитому человѣку».

А. Е. Грузинскій.

ЗАМѢТКА СОБИРАТЕЛЯ¹⁾.

Пошелъ Добрынютка во почестный пиръ,
Садился Добрынушка на упеченку,
Началъ въ гусли наигрывати,
Первый разъ играль отъ Царяграда,
Другой разъ играль отъ Иерусалима,
Третій разъ сталъ наигрывати,
Все свое нохожденьице рассказывати.

Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ первой части до меня стали доходить отъ многихъ любителей народной поэзіи настоятельныя просьбы объяснить, какъ и отъ кого записывалъ я былины, что за люди современные пѣвцы, въ какой степени былевая поэзія сохранилась у народа въ Олонецкой губерніи и какъ передается отъ одного поколѣнія къ другому. Я понималъ всю справедливость этихъ требованій, но не могъ удовлетворить имъ тогда потому, что, по разнымъ причинамъ, мои свѣдѣнія

---

¹⁾ Начало статьи, пріуроченное къ III тому, при которомъ она напечатана, и содержащее краткую характеристику нового тома, печатаемъ подъ строкой, выпустивъ лишь перечисленія былинъ, да утратившія свое значеніе ссылки на первые два тома.—Ред.

Третья часть этого сборника заключаетъ въ себѣ былевыя пѣсни, заплачки и бытовыя пѣсни.

Изъ вариантовъ былинъ многіе болѣе или менѣе извѣстны; но въ дѣлѣ собирания памятниковъ народного эпоса еще такъ мало сдѣлано, что я считаю необходимымъ печатать цѣликомъ пересказы, лишь бы они были интересны въ какомъ-нибудь отношении. Изъ печатаемыхъ въ III ч. иные замѣчательны по своей художественности (напр. 10, 13, 14, 15, 16, 24, 27, 29 и др.), иные содержать извѣстные эпизоды или по крайней мѣрѣ передаютъ подробности, которые даютъ средства къ опредѣленію первобытнаго вида былины и прибавляютъ новыя данные къ содержанію ея и всего цикла, къ которому она относится. — Такъ въ пересказѣ о Хотенѣ (№ 28) поединокъ за Офимью Часовичну происходитъ между девятью Часовичами и паробкомъ Хотена, а самъ богатырь во время боя спитъ себѣ въ шатрѣ. Такое представление борьбы за Часовичну повело въ своемъ развитіи къ насыщенному вообще

о сказителяхъ были еще очень отрывочны и ограниченны, выводы изъ нихъ были бы прежде времени и односторонни, а между тѣмъ не представлялось возможности вскорѣ запастись материалами для разъясненія сомнѣній. Во-первыхъ, поездки мои были слишкомъ рѣдки и непродолжительны, а пѣвцы индѣ разсѣяны на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Материалы для цѣлаго 1-го тома и части второго были собраны въ теченіе какихъ-нибудь 9 или 10 недѣль, въ продолженіе которыхъ пришлось проѣхать болѣе 2000 верстъ отъ Петрозаводска черезъ Заонежье до границъ Архангельской губерніи на сѣверъ и Вологодской губерніи на востокъ. Во-вторыхъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что русскій человѣкъ не любить, чтобы на первыхъ порахъ знакомства слишкомъ интересовались его личностью; потому я довольствовался тѣмъ, что мнѣ сказывали былины, и не вдавался въ разспросы пѣвцовъ о ихъ житьѣ-бытьѣ. Въ-третьихъ, само собой бросалось въ глаза, что лучшіе изъ пѣвцовъ уже старые люди и дряхлѣютъ не по днямъ, а по часамъ. Учителя ихъ, которые, по ихъ же рассказамъ, знали о богатырствѣ больше и лучше ихъ, почти всѣ перемерли, и та же участь каждую минуту грозить лучшимъ представителямъ теперешняго поколѣнія сказителей. Я понималъ, что драгоценныя сказанія могутъ не нынче-

---

взгляду на Хотея: въ вариантахъ, напечатанныхъ въ извѣстіяхъ II отд. Импер. Академіи наукъ, Хотень является не могучимъ героемъ, отъ одного удара котораго цѣлый теремъ слетѣлъ по окнамъ прочь, а трусоватымъ нѣженкомъ, за котораго въ минуту опасности вынужденъ дѣйствовать его наперникъ. Два варианта (№ 15 и 52) были уже напечатаны въ 1-й части; я ихъ перепечатываю снова, потому что на этотъ разъ успѣлъ записать ихъ съ живой рѣчи пѣвца, а вслѣдствіе этого объяснились иные непонятныя выраженія, № 15 дополнился важными подробностями (ст. 175—245) и № 52 возстановился во всей своей художественности. Нѣкоторые изъ печатаемыхъ вариантовъ, хотя и близки къ напечатаннымъ прежде, однако именно вслѣдствіе этого могутъ послужить пособіемъ къ разрѣшенію вопросовъ объ участіи личного творчества въ былевой поэзіи и о томъ, въ какой степени сохранился въ наше время первобытный видъ былинъ.

Второй и третій отдѣлы этой части, помимо своего значенія для этнографіи края, покажутся, быть можетъ, любопытными и для изслѣдователей вообще народнаго быта. Если былевая поэзія переноситъ насъ въ далекое прошедшее и открываетъ намъ народное земское представленіе о русской исторіи и о тѣхъ идеалахъ, которые созданы ея теченіемъ въ сознаніи на-

завтра навсегда погибнуть, и торопился записывать уцѣльвшее. Наконецъ признаюсь, я самъ былъ подавленъ богатствомъ собираемаго материала, мнози завладѣли новые для меня народные образы, какъ будто спѣшившіе на смѣну одинъ другаго,—и памятники быловой поэзіи заслонили отъ меня тогда ихъ хранителей и передатчиковъ. Теперь я болѣе прежняго освоился съ предметомъ, ближе познакомился съ пѣвцами, и, что могъ узнать о нихъ и о ихъ жизни, передаю читателямъ. Чтобы наглядно представить, какъ я собираль и записывалъ былины, расскажу со всей подробностью¹⁾ о знакомствѣ моемъ съ первыми сказителями, съ которыми я столкнулся.

Въ теченіе 1859 г. изъ разговоровъ съ Петрозаводскими старожилами я узналъ, что въ сельскомъ населеніи Олонецкой губерніи сохранилось много любопытнейшихъ и древнихъ обычаевъ, повѣрій, преданій, былинъ и пѣсенъ. Въ подтвержденіе этимъ рассказамъ указывали на историческія и этнографическія данныя, напечатанныя въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, между прочимъ на двѣ былины о богатыряхъ Соловѣѣ Будимировичѣ и Васильѣ пьянице. Въ томъ же году мнѣ самому довелось прочесть въ рукописи нѣсколько ста-

рода, то заплачки и бытовая пѣсни знакомить со взглядомъ русскаго человѣка на явленія его семейной и обыденной жизни. Въ пѣсни исчерпантъ кругъ тѣхъ несложныхъ ощущеній, которыя приходится испытывать крестьянину, какъ члену семьи и общины. Начиная отъ колыбели, пѣсня провожаетъ русскаго человѣка до дѣтскихъ игръ, къ забавамъ молодыхъ лѣтъ, къ первому пробужденію любовнаго чувства; она въ трогательныхъ образахъ представляеть дѣвушкѣ горькій переходъ отъ дѣвичьей воли къ замужнему безволью; но она же подсказываетъ мужу и женѣ задушевныя рѣчи любви и учить ихъ убаюкивать и утѣшать будущаго ребенка; пѣсня оживляетъ тяжелую будничную работу на страдахъ въ непогоду и зной, и въ душной избѣ при свѣтѣ лучинъ, и праздничный отдыхъ въ хороводѣ или на бесѣдахъ. Подростутъ у крестьянъ дѣти, и та же пѣсня проводить сына на службу государеву и дочь на чужую сторону, и старика отпа со старухою матерью, съ которыми дѣти разстанутся навсегда въ этомъ свѣтѣ.

Въ концѣ части я счѣль нужнымъ помѣстить, кроме дополненій и поправокъ къ первымъ двумъ частямъ, объясненіе непонятныхъ и областныхъ словъ.

¹⁾ Этотъ эпизодъ поѣздокъ моихъ былъ напечатанъ отчасти въ губ. Олонец. вѣдомостяхъ и въ „Днѣ“.

ринъ, записанныхъ (какъ я узналъ впослѣдствіи) со словъ крестьянскаго портного Бутылки, родомъ изъ Пудожгорскаго погоста Повѣнѣцкаго уѣзда.

Съ зими 59—60 года я принялъ самъ собирать памятники народной поэзіи, но сначала удавалось записывать только бытовыя пѣсни, заплачки и духовные стихи. Къ записыванію этихъ материаловъ представила удобный случай первая поѣздка моя на Шунгскую ярмарку, Повѣнѣцкаго уѣзда (въ декабрѣ 59-го и въ январѣ 60-го года), куда я отправился для собранія статистическихъ свѣдѣній. Здѣсь мнѣ рассказали, что въ старое время на эту ярмарку постоянно приходило много каликъ: они садились, бывало, у погоста и пѣли духовные стихи, а толпы проѣзжихъ собирались ихъ слушать и подавали имъ посильную милостыню. Но съ 50-хъ годовъ, неизвѣстно почему, земская полиція стала гонять убогихъ пѣвцовъ съ погоста и не позволяла имъ больше пѣть на улицахъ. Только по особенному моему настоянію сотскій съ великимъ трудомъ отыскалъ двухъ каликъ (одинъ изъ нихъ, слѣпой Иванъ, бывъ родомъ изъ Купецкой волости, Пудожского уѣзда, другой изъ Кузаранды, Петрозаводскаго уѣзда) и привелъ ихъ на мою квартиру. Когда они пообогрѣлись и поразговорились, я началъ просить ихъ спѣть, что умѣютъ. Они сперва было все отнѣкивались; но, когда я самъ прочелъ имъ по памяти изъ «книги Голубиной», то и они завели сперва одинъ стихъ, по-томъ другой, и спѣли все, что знали. Въ эту поѣздку, въ мартѣ 60 года и частью въ январѣ 61 года записалъ я отъ нихъ Алексія Божія человѣка, Агрикова сына Василья, книгу Голубиную, Осипа Прекраснаго, Егорія Храбраго и т. п. ¹⁾). Разспрашивалъ я своихъ каликъ про былины, но они не умѣли ихъ пѣть. Впрочемъ, Иванъ изъ Купецкой волости пообѣщался выучиться старинѣ о Васильушкѣ Игнатьевичѣ и передать мнѣ ее, и дѣйствительно сдержалъ свое слово впослѣдствіи, уже въ январѣ 61 года. Исполнняя просьбу каликъ, я упросилъ

---

¹⁾ Все это помѣщено въ „Каликахъ перехожихъ“ г. Безсонова. Впослѣдствіи въ Петрозаводскѣ, со словъ жены монастырскаго служителя изъ г. Пудожа, я составилъ небольшой сборникъ духовныхъ стиховъ, отличающихся аскетическимъ складомъ рѣчи.

еще въ 60 году земского исправника прекратить на нихъ гонение: съ тѣхъ порь они опять показались на ярмаркѣ, на своеи мѣсты у погоста, и снова стали пѣніемъ стиховъ испрашиватъ мірское подаяніе.

Въ ту же поѣздку я познакомился съ Шунгской «вопленицей» или плакальщицей. Вопленица—это въ Повѣнѣцкомъ Заонежье¹⁾ такое же официальное общественное лицо въ бытовой сфере, какъ «уставщикъ» въ религіозной. Уставщикъ наблюдаетъ за чистотою религіознаго обряда и порядкомъ, а вопленица блюдетъ чистоту бытового обряда, обычая и порядка: она руководить ходомъ свадебъ, похоронъ, поминокъ. Когда невѣсту въ день порученія подводятъ «ко столу», плакальщица идетъ сзади ея и поетъ жалобныя заплачки, въ которыхъ высказываетъ всю горесть разставанья молодой дѣвушки съ родителями, родомъ-племенемъ, и весь страхъ неизвѣстности при переходѣ къ «чужимъ чужанинамъ», «на оступушку чужую на сторонушку». Плакальщица провожаетъ невѣсту къ ея роднымъ, у которыхъ она тоже должна выплачивать свое горе; плакальщица слѣдить за соблюдениемъ всѣхъ подробностей вѣковѣчнаго обычая на свадьбѣ, оберегаетъ невѣсту отъ глаза, наговора, и окончивъ свое дѣло, оборонивъ насколько слѣдовало красную дѣвицу «отъ полоненья», какъ бы по необходимости продаетъ ее «измѣнѣ-разсказу, большему свату-тысяцкому». Въ дни похоронъ и поминокъ, она же подсказываетъ вдовамъ и сиротамъ жалобныя заплачки и высказываетъ «жалкимъ голосомъ» тяжесть разлуки съ милою «семеющшкою», «яснымъ соколомъ-брatelкомъ» и другими дорогими «покойничками».

Моя знакомка была извѣстна по всему околотку подъ именемъ «правителя свадебъ». Заплачки ея имѣли такую славу, что ее приглашали даже въ Толвую, т.-е. въ Петрозаводское Заонежье, гдѣ населеніе живое, воспріимчивое и съ поэтическимъ даромъ слова, гдѣ поэтому обыкновенно плакальщицы не играютъ важной роли: тамъ всякая почти женщина можетъ

¹⁾ Въ Повѣнѣцкомъ Заонежье уваженіе къ обрядности доведено до крайней степени, вслѣдствіе сильнаго развитія старообрядчества и близости Выгорѣцкихъ общежительствъ.

выплакивать свое горе въ импровизаціи ли, подъ вліяніемъ собственного настроенія, или въ передѣлкахъ заплачекъ, переходящихъ изъ рода въ родъ и известныхъ почти каждой большухъ и старухъ. Отъ этой Шунгской вопленицы записалъ я въ январѣ и мартѣ 60 года и въ январѣ 61 г. превосходныя свадебныя и похоронныя заплачки. Въ той же мѣстности на бесѣдахъ или вечеринкахъ мной были записаны пѣсни бѣдныя.

Но о былинахъ покамѣсть до меня доходили только слухи. Я слышалъ на ярмаркѣ отъ разныхъ лицъ, особенно отъ пріѣзжихъ торговцевъ, что въ Олонецкой губерніи есть дѣйствитель но люди, умѣющіе пѣть и сказывать былины; но мои Шунгскіе знакомые мало интересовались этимъ родомъ народной поэзіи. Чиновникамъ мое любопытство казалось празднымъ, торговцы знать ничего не знали, кромѣ своего дѣла, а Шунгскіе туземцы смотрѣли на старины даже не совсѣмъ доброжелательно. Ихъ занимала только религіозная старина, и тутъ у меня подтвердилось замѣчаніе, сдѣланное мною еще въ Черниговской губерніи: гдѣ сильно разовьется старообрядчество, тамъ народъ интересуется памятниками поэзіи и вообще искусства лишь настолько, насколько они причастны религіозной области и насколько они поддерживаются обычаемъ, возымѣвшимъ силу съ XVII вѣка.

Къ мірскимъ пѣснямъ ревностные старовѣры большею частію относятся съ тѣмъ же настроеніемъ, которое вызвало въ аскетахъ древней Руси такого рода запрещеніе: «пѣсней сатанинскихъ ни пѣти и мірскихъ людей не соблажнити». Поэтому въ Повѣнѣцкомъ уѣздѣ слышно едва-едва про двухъ-трехъ сказителей. Если въ другихъ мѣстностяхъ Олонецкаго края сохранилось столько остатковъ богатырского эпоса, то тому причиною поэтическая природа жителей и ихъ поселенія на украинѣ между Корелою и Чудью, гдѣ они должны были поддерживать свою народность былевою памятью о славномъ Киевскомъ и Новгородскомъ прошедшемъ. Впрочемъ, въ ту же поѣздку я слышалъ про отличного Повѣнѣцкаго перехожаго пѣвца Бутылку, родомъ изъ Пудожгорскаго погоста, ремесломъ крестьянскаго портного. Мнѣ сказывали, что Бутылка ходить

по всему Заонежью, занимаясь портняжествомъ то въ той деревнѣ, то въ другой, и во время работы постоянно поетъ былины. Въ ту пору ему должно было бы находиться или въ Великой губѣ, или въ Сѣнной губѣ. Страстно желая отыскать этого пѣвца, я бросилъ почтовый трактъ и рѣшился воротиться въ Петрозаводскъ чрезъ Заонежье проселочными дорогами и черезъ Онежское озеро. На пути я завертывалъ и въ Великую губу, и въ Сѣнную губу; но, къ крайнему сожалѣнію, вездѣ слышалъ, что Бутылка уже ушелъ. Три раза виноватъствіи я преслѣдовалъ Бутылку: два раза изъ-за него мнѣ приходилось въ лютую зиму перебѣжать черезъ Онего по льду, а лѣтомъ 60 года переплыть въ дрянной лодченкѣ озеро изъ Кижей до Шудожгорского погоста, и все понапрасну. Уже въ 63 г. я успѣлъ познакомиться съ нимъ и со словъ его исправить то, что отъ него же было записано прежде другими лицами.

Лѣтомъ 60 года я получилъ отъ мѣстнаго начальства офиціальное порученіе—собрать данныя объ источникахъ, изъ которыхъ составляются вѣдомости статистического отчета. Командировка эта представляла мнѣ возможность не только побывать въ уѣздныхъ городахъ Олонецкой губерніи, но и заглянуть въ деревенскій бытъ. Рѣшившись воспользоваться ею для собранія этнографическихъ материаловъ, я разсудилъ оставить почтовый трактъ иѣхать по губерніи проселочными дорогами и водою. Это давало мнѣ средства всмотрѣться въ бытъ крестьянъ и отчасти избавляло отъ офиціальности. Извѣстно, какъ трудно добиться какихъ-нибудь вѣрныхъ свѣдѣній отъ народа «барину», и тѣмъ болѣе чиновнику. Его званіе, подорожная, вся обстановка его єзды какъ-то не внушаютъ къ нему народнаго довѣрія; крестьянинъ всегда склоненъ къ подозрѣнію, что у чиновника есть, пожалуй, какое-нибудь «касательное» до него дѣло, а если касательного дѣла и нѣтъ, то самая личность чиновника, его понятія, его привычки дѣлаютъ его чужимъ для крестьянина. Неужели же, скажутъ иные, послѣ этого для собранія этнографическихъ данныхъ нужно переряжаться въ русское платье и подражать внѣшности простолюдина. Переряживанье и подражанье, разумѣется,

ни куда не годятся. А можно носить русское платье, и тогда это небезполезно для изученія народнаго быта въ великорусскихъ областяхъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ лично это помогало въ спошенияхъ съ черниговскими слобожанами, хотя и повлекло за собою важныя неудобства. Но главное дѣло не въ платьѣ: надо носить въ себѣ уваженіе къ самостоятельности религіозныхъ вѣрованій народа, къ особенностямъ его быта, къ тяжкому труду землепашца, работника и ремесленника, и отбросить въ сторону нѣкоторые кабинетные предразсудки и барсція замашки. Тогда крестьянинъ не откажется признать своего брата и въ человѣкѣ, получившемъ университетское образованіе, и охотно разскажетъ ему, что нужно.

Итакъ, въ свѣжее майское утро отправился я на общественную пристань въ Петрозаводскѣ и сталъ пріискивать лодку для перѣѣзда на Пудожскій берегъ. Хотя ледъ еще не вполнѣ потонулъ на озерѣ, однако у пристани виднѣлось уже много соймъ и лодокъ. На нихъ прїѣхали Заонежане, Повѣнчане и крестьяне съ Пудожскаго побережья. Эти безстрашные мореходы, какъ только дождутся того, что ледъ на озерѣ поломается, тотчасъ же отправляются въ Петрозаводску за мукою, и съ собою привозятъ мясо, масло, яйца, рыбу и другіе припасы. Гребцы у нихъ не наемные: и на поѣздѣ, и на возвратномъ пути хозяева берутъ въ гребцы родныхъ и знакомыхъ сосѣдей, которые за свою работу пореѣзжаютъ даромъ до города или до дому. На этотъ разъ изъ Пудожскаго побережья была только одна сойма. Устроена она была не совсѣмъ-то ладно; вмѣсто палубы на ней былъ навѣсъ изъ плохо сколоченныхъ досокъ, помѣщеніе подъ навѣсомъ было сырое и грязное, паруса сшиты изъ лохмотьевъ, руль наложенъ кое-какъ, весла самодѣльныя. Знакомые мои отговаривали меня всячески отъ поѣздки водою: по ихъ словамъ, озеро Онежское очень бурное, перемѣнны вѣтра совершенно неожиданны, а въ разныхъ мѣстахъ разсѣянно множества «лудь» (мелей) и подводныхъ камней. Но хозяинъ соймы, Иванъ изъ «Пестьянъ» (Песчанской волости), понравился мнѣ своимъ привѣтливымъ обращеніемъ и словоохотливостію, и я скоро уговорилъ его перевезти меня въ Пудожгорскій приходъ. Плату за провозъ онъ выпросилъ самую

ничтожную (з р. с.), да и та предназначалась имъ для гребцовъ. Долго-долго дожидался я «пovѣteri»: нѣсколько дней, какъ нарочно, дуль стокъ, зимнякъ и меженецъ, а намъ нуженъ былъ шелоникъ, западъ, или полдень¹⁾). На четвертый день вѣтеръ стихъ, и лодочники рѣшились пуститься въ путь на греблѣ, а ихъ было трое мужчинъ и одна женщина. Въ свѣтлую и холодную весеннюю ночь мы простились съ баженымъ (милымъ) городкомъ и побѣхали къ Ивановскимъ островамъ. Поднялся «стрѣтный» вѣтеръ. Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ сильнѣе онъ разыгрывался, и только къ утру, часовъ чрезъ шесть самой утомительной работы, измученные гребцы пристали къ Шуй-наволоку, пустынному, болотистому и лѣси-стому острову, въ 12 верстахъ отъ Петрозаводска.

На островѣ стоить закопченная «фатера», домикъ, куда въ межененную и осеннюю пору, при затишье, противномъ вѣтре и бурѣ, проѣзжіе укрываются на ночь. Около пристани было много лодокъ изъ Заонежья, и «фатера» народомъ полнымъ-полна. Правду сказать, она была черезчуръ смрадна и грязна, и, хоть было очень холодно, но не похотѣлось мнѣ взойти въ нее на отдыхъ. Я улегся на мѣшкѣ около тощаго костра, заварилъ себѣ чаю въ кострюлѣ, выпилъ и побѣгъ изъ дорожнаго запаса, и, пригрѣвшись у огонька, незамѣтно заснуль; меня разбудили странные звуки: до того я много слыхалъ и пѣсень, и стиховъ духовныхъ, а такого напѣва не слыхивалъ. Живой, причудливый и веселый, порой онъ становился быстрѣе, порой обрывался и ладомъ своимъ напоминаль что-то стародавнее, забытое нашимъ поколѣніемъ. Долго не хотѣлось проснуться и вслушаться въ отдѣльныя слова пѣсни: такъ радостно было оставаться во власти совершенно новаго впечатлѣнія. Сквозь дрему я разсмотрѣлъ,

¹⁾ Вотъ названіе главныхъ вѣтровъ въ Онежскомъ краѣ:

Сиверикъ		
Подсиверный	+	Меженецъ
Западъ	+	Стокъ
Шелоникъ		Зимнякъ
Полдень		

что шагахъ въ трехъ отъ меня сидитъ нѣсколько крестьянъ, а поетъ-то сѣдатый старикъ съ окладистою бѣлою бородою, быстрыми глазами и добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ. При сосѣдившись на корточкахъ у потухавшаго огня, онъ оборачивался то къ одному сосѣду, то къ другому, и пѣлъ свою пѣсню, перерывая ее иногда усмѣшкою. Кончилъ пѣвецъ, и началъ пѣть другую пѣсню: тутъ я разобралъ, что поется былина о Садкѣ купцѣ, богатомъ гостѣ. Разумѣется, я сейчасъ же былъ на ногахъ, уговорилъ крестьянина повторить пропѣтое и записать съ его словъ. Сталь разспрашивать, не знаетъ ли онъ еще чего-нибудь. Мой новый знакомецъ, Леонтій Богдановичъ, изъ деревни Середки, Кижской волости, пообѣщалъ мнѣ сказать много былинъ: и про Добрынушку Никитича, про Илью Муромца и про Михайла Потыка сына Ивановича, про удалаго Василья Буславьевича, про Хотенушку Блудовича, про сорокъ каликъ съ каликою, про Святогора богатыря, да зналъ-то онъ варіанты неполные и какъ-то не доказывалъ словъ. Потому я напечаталъ впослѣдствіи только тѣ изъ его былинъ, которыя дополняли своими подробностями другіе варіанты, или представляли совершенно новое содержаніе. Впрочемъ на первый разъ и записывалось какъ-то неохотно, а больше слушалось. Много я впослѣдствіи слыхалъ рѣдкихъ былинъ, помню древніе превосходные напѣвы; пѣли ихъ пѣвцы съ отличнымъ голосомъ и мастерскою дикціею, а по правдѣ скажу, не чувствовалъ уже никогда того свѣжаго впечатлѣнія, которое произвели плохіе варіанты былинъ, пропѣтые разбитымъ голосомъ старика Леонтия на Шуй-наволокѣ.

На разсвѣтѣ около костра собралось много проѣзжихъ, большою частію изъ-за Онеги: народъ все былъ привѣтливый, радушный, вѣль веселую бесѣду, держалъ себя съ удивительнымъ тактомъ и, по врожденной вѣжливости, при первомъ свиданії не разспрашивалъ о цѣли моей поїздки. Я имъ самъ объяснилъ, что вотъ де єду по губерніи по ученному дѣлу: — для правительства нужны вѣрныя свѣдѣнія о числѣ народонаселенія, о его прибыли и убыли, о его здоровьѣ и долговѣчности, наконецъ о его благосостояніи, и вотъ я за тѣмъ єду, чтобы повѣрить, какъ эти свѣдѣнія собираются въ нашей губерніи. Кре-

стяне не только поняли мои слова, но даже одинъ изъ нихъ, грамотный крестьянинъ съ Пудожского берега, тутъ же объяснилъ мнѣ, что этихъ дѣловъ у нихъ изъ волости ежегодно требуютъ и становой, и окружной. «Ну, говорить, нашъ писарь (старшина-то нашъ неграмотенъ) сейчасъ и отпишетъ имъ, что слѣдуетъ».—Да откуда же онъ знаетъ?—«Нашему да писарю не знать: у него есть тоже подначальные писаря. Вотъ онъ съ ними посовѣтуетъ, да и отпишетъ, какъ ему надобно.»—Ну, а какъ ты полагаешь: пишеть-то онъ правду?—«А кто его вѣдаетъ: по другимъ то дѣламъ онъ рѣдко пишеть правду»¹⁾. Когда крестьяне убѣдились, что у меня до нихъ никакого касательнаго» дѣла нѣть и что я совсѣмъ не полицейскій чиновникъ, то сдѣлались еще разговорчивѣ и сами повели рѣчь о разныхъ народныхъ повѣрьяхъ: въ короткое время можно было составить себѣ понятіе о цѣлой Заонежской демонологіи²⁾. Имъ совсѣмъ не казалось страннымъ, отчего я ихъ разспрашиваю про ихъ бытъ и повѣрья, потому что они убѣдились, что мнѣ хорошоизвѣстны многіе ихъ обычай и сказанія.

Пока мы бесѣдовали у костра, совсѣмъ разсвѣло, а попутнаго вѣтра все не было. Мои новые знакомцы стали меня уговаривать—прѣхать съ ними въ Заонежье³⁾ и оттуда уже переправиться къ Пудожъ-горѣ. «Сойма у насть славная,—ласково говорили они мнѣ,—нась цѣлые три перемѣнны гребцовъ, и мы тебя къ вечеру же представимъ въ Кижи». Такой радушный,

1) Впослѣдствіи, рассматривая статистические отчеты сельскихъ и волостныхъ правленій, я убѣдился, что многія цифры вѣдомостей дутыя, и что составленіе ихъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: если польнится волостной писарь, то вѣдомости сочиняются сельскими писарями, а волостной ихъ передѣлываетъ по-своему въ одно пѣлое; или же первоначально сочинить волостной писарь, а сельские станутъ его произведеніе расписывать между собою. Чѣмъ выше административная уѣздная единица, тѣмъ больше безцеремонности въ обработкѣ этихъ самодѣльныхъ статистическихъ данныхъ. О дальнѣйшихъ результатахъ этого объяснено въ статистическомъ отчетѣ за 1862 годъ, напечатанномъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

2) Напечатано въ декабрьскихъ номерахъ „Олонец. губ. вѣд.“ 1862 года.

3) Заонежьемъ называются расположенные за озеромъ Онегомъ, Петрозаводского уѣзда, погосты: Сѣнногубскій, Кижскій, Великогубскій, Типиницкій, Яндомозерскій, Кузарандскій, Космозерскій, Толвуйскій, Вырозерскій, Фоймогубскій, Карасозерскій, Мелогубскій и Повѣнецкаго уѣзда Шунгскій и Челмужскій.

откровенный народъ были эти Кижане, что меня такъ и потянуло побывать у нихъ въ Заонежье. Сама собою у меня сложилась твердая увѣренность, что я найду тамъ много интересныхъ памятниковъ народной поэзіи, и явилась непремѣнная рѣшимость ихъ разыскивать. Не думая долго, я разсчитался съ прежнимъ хозяиномъ и сѣлъ въ сойму къ Ошевневу (такъ звали владѣльца новой соймы). Его лодка была поменьше старой, безъ палубы и вся завалена кулями съ мукою. Гребцы были всѣ изъ сосѣдей или однодеревенцевъ Ошевнева. Одни изъ нихъ работали веслами, другіе закусывали и весело перекидывались съ ними прибаутками, а треты опочивали на куляхъ. Самъ хозяинъ все хлопоталъ объ угощеніи работниковъ и бабъ. Леонтій Богдановичъ то присосѣдится къ гребцамъ и подзадориваетъ ихъ спѣть пѣсенку, то перейдетъ ко мнѣ и прерывающимся голосомъ заведеть какую-нибудь старину, то примется болтать съ бабами ¹⁾). Ему ужъ лѣтъ семьдесятъ съ

1) Въ № 45 „Олонец. Вѣдомостей“ дальше стоитъ слѣдующее мѣсто:
Напримеръ, они пѣли:

a) Леонтій.

Теща ты, теща моя,
Богданная моя матушка,
У тебя дочь новыучена,
Девятая весна пришла,
Ставъ въ углу,
Устала членокъ рыщучись,
По деревнѣ уткѣ ищучись,
Сквозь прошести трава растеть,
На хвостѣ цвѣты цвѣтуть.

b) Бабы отвѣчали.

Зятюшко, зятюшко,
Богданное мое дитятко,
А ты траву выкоси косой,
На печкѣ траву высуши,
На полатину заколину смечи,
Подъ полатиной коня корми.
Зятюшко, зятюшко,
Богданное мое дитятко,
У тебя нѣту хлѣвшечки,
Ни хлѣвшечки, да ни телушечки,
У тебя нѣту конюшенки,
Въ конюшенкѣ нѣту лошадушки и т. д.— Ред.

хвостикомъ, а онъ все еще здоровый, крѣпкій мужикъ. Сосѣди звали его человѣкомъ волокитнымъ, т.-е. бывалымъ и работя-щимъ. На вѣку своемъ онъ натерпѣлся таки вдоволь: былъ онъ и на посылкахъ у какого-то чиновника, ходилъ и на рыбные промыслы на Ладожское озеро, живаль и въ артельщи-кахъ въ Петербургѣ и хаживаль „со щѣткою“¹⁾ по деревнямъ. Хорошихъ дней въ жизни у него было немногого. «Я голъ какъ сокольъ, — говорилъ онъ мнѣ, — а семья-то у меня не малая: съ сыниной семьей десять ртовъ, десять животовъ». Но при постоянныхъ неудачахъ никогда не покидала его веселость. И теперь онъ пѣлъ и заигрывалъ съ бабами, а у другого бы кошки на сердцѣ скребли. Поѣхалъ онъ въ Петрозаводскъ за мукою, и подвернулся ему на грѣхъ «хорошій человѣкъ», и деньги на муку у него пошли «во царевъ кабакъ». Несмотря на это, онъ упорно звалъ меня къ себѣ въ гости, и взялъ слово, что я ни у кого, кромѣ его, не остановлюсь. «Ты только завер-ни ко мнѣ, П. Н., — говорилъ онъ, — такъ я и самъ тебѣ были-нокъ напою и найду тебѣ такихъ сказителей, что супротивъ ихъ не будетъ въ цѣломъ Заонежьѣ. Повезу тебя по всѣмъ Кижамъ, по всѣмъ губамъ и по всѣмъ островамъ. Хошь мѣдную руду по-кажу, гдѣ она добывается, а захочь, такъ свезу на Святой наволокъ. Тамъ, П. Н., растутъ всякия полезныя травы, въ старое время ихъ и въ Питеръ брали». При дружной греблѣ лодка живо подвигалась по водамъ озера²⁾, и къ полудню мы дошли къ лудѣ «Монаху», гдѣ считается половина пути отъ Петрозаводска. «Монахъ» — это длинная и узкая мель, едва-едва она поднимается надъ поверхностью воды; посрединѣ она разорвана большою трещиною. Съ девятымъ валомъ волны шумно вливаются въ пропасть и съ шумомъ выливаются об-ратно въ озеро. Въ бурную погоду много лодокъ погибаетъ у этой мели.

Дорогой мы приставали еще къ островку Ярь-наволокъ и Гарницкой лудѣ, а къ вечеру вѣхали въ Кижскую губу. Оне-гомъ все дули холодные вѣтры, мѣстами еще плавали льдины: было холодно, и мы всѣ кутались. Кромѣ воды и неба ничего

¹⁾ Со щетками для льна. Ред.

²⁾ Прошу заметить, что Онего вѣдь это цѣлое море.

не было видно: по крайней мѣрѣ, я, по близорукости своей, ничего не могъ разсмотрѣть въ дали, кромѣ длинной полосы берега, который то приближался, то исчезалъ. Но какъ только мы вѣхали въ Кижскую губу, и воздухъ, и окружающая мѣстность измѣнились, какъ будто бы по щучьему велѣнью. Стало тепло, гребцы распоясались и посыдали кафтаны. Узкая полоса залива или, лучше сказать, пролива тянулась въ неизмѣримую даль. По обѣимъ сторонамъ его выступали гористые берега самыхъ причудливыхъ очертаній, они были изрѣзаны небольшими заливами, наполнены островками. Тутъ вдавалась глубоко въ берегъ за берега, тамъ мы плыли «по тихой по заводи», а гдѣ тихая заводь, тамъ есть и «затресье», только въ маѣ мѣсяцѣ затресья были покрыты не зеленою «трестою», а бѣлою, высохшею отъ мороза и ломавшеюся отъ удара веселья. По берегамъ виднѣлись деревни, выселки и починки. Избы въ иныхъ мѣстахъ надвинулись къ самой водѣ, и отъ нихъ идутъ въ озеро длинныя «мостовища», куда пристаютъ лодки. И надѣль всѣмъ этимъ господствовала угрюмая, величественная сѣверная природа, синева сосенъ, суровое очертаніе скалъ, да извилины озера. Такъ плыли мы къ Кижскому погосту, а Леонтий Богдановичъ пѣлъ въ хорѣ:

Не кукушечка въ сыромъ бору скуковала,
 Ай, не соловьюшко въ зеленомъ садочку жалко свищеть,
 Охъ, добрый молодецъ въ неволюшкѣ слезно плачетъ.
 Разстоскайся-ко, моя сударушка, да разгорюйся,
 Ужъ я самъ, ахъ, пошелъ, моя сударушка, да сгоревался,
 Ужъ пошелъ я, сгоревался-стосковался,
 Охъ, малешенекъ сынъ у батюшки пріостался.
 Я родной-то своей матушки не воспомню,
 А кто меня, сиротинушку, воспоилъ-воскормиль?
 Воспоилъ-воскормиль сиротинушку православный міръ,
 Воспила добра молодца Волга матушка-рѣка,
 Завила желты кудри красна дѣвица-душа.

Къ ночи мы подѣхали къ деревнѣ Середкѣ. Ошевневъ высадилъ меня тутъ, а самъ поѣхалъ домой. Выходъ на сушу не обошелся безъ приключенія. Спутники разобрали мои вещи,

чтобы перенести ихъ къ Леонтию Богдановичу. Дорожную сумку, гдѣ была записная книжка, немного чаю и нѣсколько пачекъ съ сигарами взяла ветхая старушка; а я ей наказывалъ лучше не братъ: «ты, моль, уронишь». И дѣйствительно, только вступила она на мостовище, какъ сумка вылетѣла у ней изъ рукъ и пала въ воду. Невольно у меня сорвалось съ языка: «Говорилъ тебѣ, бабушка, не братъ. Эхъ, унеси тя!» Старуха чуть не взвыла и стала мнѣ выговаривать. «Ахъ ты, мой жадобненькой, красное солнышко! ты зачѣмъ это выговорилъ? Дорожному человѣку неличе кликать лембоя» ¹⁾). Пришлось ее успокоивать, а Леонтий Богдановъ дорогой мнѣ объяснилъ, что заклятие дорожнаго человѣка дѣйствительно великое дѣло; что вотъ ряпушка въ заливѣ около Кижей лѣтъ 25 не ловится и совсѣмъ нейдетъ въ проливѣ, а заклятье ее тоже дорожный человѣкъ. «Сидятъ это наши старики около костра,—говорилъ онъ,—и хлебаютъ уху. И подходитъ къ нимъ проѣзжай: вотъ они мѣстечко ему около костра дали, а ухой-то и не попотчевали. Сидятъ они и глотаютъ «вологу» ложка за ложкой, а онъ смотрѣлъ-смотрѣлъ на нихъ, да и говорить: «Видно рыбки-то у васъ мало ставится, такъ и будетъ». И съ той поры за ряпушкой ъздили въ большое Онего ²⁾».

«Есть у насъ два такихъ сказителя,—говорилъ мнѣ въ тотъ же вечеръ Л. Богдановъ,—что супротивъ ихъ не будетъ въ цѣломъ Заонегѣ. Одинъ—Козьма Ивановъ Романовъ, живетъ въ деревнѣ Лонгасы, съ Сѣнногубскомъ погостомъ, а ъзды къ нему отселева на полчаса времени; другой—Трофимъ Григорьевъ Рябининъ изъ нашей же деревни Середки».—Свези-ка меня завтра же къ этому Рябинину.—«Нѣтъ, П. Н., мнѣ по утру не слободно, да и надо сначала мнѣ къ нему навѣдаться: мужикъ онъ гордый и упрямый. Коли его напередъ не уломать, такъ ты ничего отъ него не добьешься».

Леонтий ушелъ рано изъ дома и, воротившись домой къ падью, объявилъ, что Рябининъ придетъ сегодня же къ нему въ избу. Днемъ я бродилъ по деревнѣ и перезнакомился съ многими однодеревенцами Леонтия, а вечеромъ они цѣлою гурь-

¹⁾ Неличе—неприлично, лембой—чортъ (корельское слово).

²⁾ Здѣсь оканчивается напечатанное въ „Олонец. Губ. Вѣdom.“. Ред.

бою пришли къ намъ въ гости. Стали они мнѣ передавать разныя мѣстныя преданія о панахъ, о Петрѣ Первомъ, какъ черезъ порогъ избы переступилъ старикъ средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ небольшой сѣдѣющей бородой и желтыми волосами. Въ его суровомъ взглѣдѣ, осанкѣ, поклонѣ, поступи, во всей его наружности, съ первого взгляда были замѣтны спокойная сила идержанность. «Вотъ и Трофимъ Григорьевичъ пришелъ», сказалъ мнѣ Леонтий.

Послѣ обычнаго обряда знакомства, я рассказалъ Рябинину про любовь свою къ старииннымъ пѣснямъ и сталъ убѣдительно просить его спѣть о какомъ-нибудь богатырѣ. «Негоже нонѣ сказывать мірскія пѣсни,—отвѣчалъ онъ,—нонѣ посты: набъ стихи пѣть». Тутъ, какъ сумѣлъ, я объяснилъ ему, что если не грѣхъ пѣть стихи, такъ не грѣхъ и былины сказывать. «Въ стихахъ, Т. Г.,—говорилъ я,—поютъ, въ назиданіе слушающимъ, о святыхъ людяхъ; да вѣдь и въ былинахъ сказывается о вѣковѣчной старинѣ, о древнихъ князьяхъ и свято-русскихъ богатыряхъ. Самъ ты знаешь, что въ былинахъ на концѣ припѣвается: «Синему морю на тишину, а всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье». — Или Рябинина убѣдили мои доводы, или ему самому захотѣлось развернуть свое умѣніе передъ внимательнымъ и свѣдущимъ слушателемъ, только онъ тутъ же сталъ мнѣ сказывать о Хотенѣ Блудовичѣ. Онъ выговаривалъ былину пословечно я записывалъ наречно, а когда онъ кончилъ я попросилъ его спѣть, и по пѣтому поправилъ свою запись. Напѣвъ былины былъ довольно однообразенъ, голосъ у Рябинина, по милости шести съ половиною десятковъ лѣтъ, не очень звонокъ; но удивительное умѣніе сказывать придавало особенное значеніе каждому стиху. Не разъ приводилось бросить перо, и я жадно вслушивался въ теченіе разсказа, затѣмъ просилъ Рябинина повторить пропѣтое и не хотя принимался пополнять свои пропуски. И гдѣ Рябининъ научился такой мастерской дикціи: каждый предметъ у него выступалъ въ настоящемъ свѣтѣ, каждое слово получало свое значеніе!

Въ тотъ же вечеръ Рябининъ пропѣлъ мнѣ о Иванушкѣ Годиновичѣ, бояринѣ Ставрѣ, Садкѣ и Михайлѣ Потыкѣ. Въ слѣ-

дующе дни онъ приходилъ ко мнѣ по вечерамъ безъ зова и самъ вызывался разсказать что-нибудь новое. Обыкновенно я называлъ ему богатырскія имена, какія зналъ, иногда рассказывалъ вкратцѣ подвиги богатыря, а Рябининъ тутъ же припоминалъ былину, или же предлагалъ вмѣсто нея спѣть другую: «Этой я, П. Н., не знаю, а вотъ спою тебѣ про Вольгу Святославича». Бывало и такъ, что онъ подолгу отказывался завести иную былину, потому-де что всея не помнилъ. Напр. изъ старины о Садкѣ и одного варианта о Потыкѣ (№ 35, I ч.) онъ зналъ только начало.

По хозяйству Рябининъ «полномочный крестьянинъ»: у него хорошій участокъ земли; но главный его промыселъ рыболовство, доходами отъ которого онъ уплачиваетъ подати и кормить большую семью, которой на годъ недостало бы своего хлѣба при скучныхъ сѣверныхъ урожаяхъ. Учителей у Рябина было нѣсколько: инымъ былинамъ онъ научился отъ великаго сказителя, дяди своего Игнатія Иванова Андреева, другимъ отъ какого-то петербургскаго трактирщика Кокотина. Этотъ Кокотинъ, большой охотникъ до былевой поэзіи, читывалъ ему многія былины изъ рукописной тетрадки. Въ ней, напр., было записано, какъ Добрынушкѣ покрутъ понадобился для князя Владимира, и какъ этотъ богатырь ѻздилъ въ чужія земли за дорогими шелковыми матеріями. Отъ того же Кокотина Т. Г. слышалъ о Гальякѣ невѣрномъ—Ѳедорѣ Ивановѣ и сынѣ Владимировомъ¹⁾). Но главный наставникъ Рябина былъ Илья Елустаевъ, память о которомъ и теперь

¹⁾ Гальякъ наѣхалъ на славенъ Киевъ градъ, грозилъ пожечь его и вызвалъ къ себѣ поединщика. Богатырей въ Киевѣ не случилось, и вызвался на бой незнаемый молодецъ. А былъ онъ младшій сынъ Владимировъ, отъ отца онъ скрывался почему-то и не показывалъ ему патрата (т.-е. не поднималъ забрало у шлема). И говорить онъ отцу: „Владиміръ князь столично-Кievskij! избери-ка мнѣ добра коня богатырскаго, дай доспѣхи крѣпкіе, палицу воинскую, копье мурзамецкое и ножище-кинжалыше“. Срядился тутъ богатырь къ бою, выѣхалъ во славное раздольице — чисто поле, сѣѣхался съ Гальякомъ невѣрнымъ, и начали они между собой драку великую. У нихъ палицы приломались, востры копья притупилися, и бились они боемъ рукопашечнымъ, и упали оба наземь. Какъ Владимировъ сынъ былъ посуроювѣ, то первый скочилъ на ноги, наступилъ Гальяку на бѣлуру грудь и закололъ его ножищемъ. Тутъ онъ прїехалъ въ Киевъ, заходилъ въ палаты княженецкія къ отцу, своротилъ наконецъ шеломъ и показалъ отцу патретъ.

сохранилась въ Кижской волости. Былъ онъ первый сказитель въ цѣломъ Заонежье и во всей Олонецкой губерніи. Зналъ онъ несчетное множество былинъ и могъ пѣть про разныхъ богатырей цѣлые дни. Заонежане любили слушать его и даже платили ему за сказыванье. Соберется бывало сходка,—мужики и говорятъ: «А ну, Илья Елуstaëvичъ! спой-ко намъ былину». А онъ на мѣсто отвѣтить: — Положи-то полтину, я и спою былину.—Тутъ кто-нибудь изъ богатыхъ выложитъ ему полтину, и станетъ Илья Елуstaëvичъ сказывать¹⁾). Занимался онъ, подобно Т. Г., рыболовствомъ и знаніе свое оставилъ, кромѣ Рябинина, Кузьмѣ Романову и сыну своему Іеву. Отъ этого Іева Ильина нѣсколько былинъ перешли въ наслѣдство внуку Ильи, Терентію Іевлеву²⁾.

Рябининъ въ молодости хаживалъ для рыбнаго промысла на Ладожское озеро и привыкъ тамъ видѣть уваженіе и удивленіе къ своему знанію былевой поэзіи. Въ праздничные дни рыболовы обыкновенно собирались съ разныхъ судовъ въ одинъ кругъ слушать Т. Г. Если даже приходилась очередь Рябинину дежурить у лодки, такъ кто-нибудь изъ слушателей бралъ на себя исполнять его дѣло на соймѣ, а Т. Г. тѣмъ временемъ пѣть и сказывать былины безъ умолку. «Если бъ ты къ намъ пошелъ, Трофимъ Григорьевичъ, говаривали рыболовы,—мы бы на тебя работали: лишь бы ты намъ сказывалъ, а мы тебя все бы слушали». У себя дома Рябининъ не встрѣтилъ уже такого вниманія, потому что въ Кижской волости Заонежья почти каждый смышеный старикъ знаетъ или, по крайней мѣрѣ, по содержанію помнить одну-двѣ старины; сверхъ того и теперь еще живы другіе ученики Ильи Елуstaëвова и иныхъ

¹⁾ Это обыкновеніе полно было передано Р—ымъ Ив. Аксакову, который изложилъ его въ газ. „День“, 1863 г. (Цитату беремъ изъ перепечатки въ „Олонец. Вѣдом.“). „Одинъ изъ сказителей былинъ, записанныхъ Р—ымъ, крестьянинъ лѣтъ 80 говорилъ ему: не такие еще, какъ онъ, бывали сказители въ прежнее время; еще онъ помнитъ, какъ бывало цѣлая волость въ нѣсколько тысячъ душъ призывала къ себѣ такого, древняго лѣтами, сказителя и заставляла его сказывать старины, былины и побывальщины и заслушивалась вся отъ мала до велика, по нѣсколько днейряду, забывъ и работы въ полѣ и хозяйство въ дому“.

²⁾ Это неточно: см. Гильферд. II, 208, или нашу замѣтку при этомъ пѣвцѣ. Ред.

знаменитыхъ сказителей. Оттого Т. Г., при своемъ гордомъ и неподатливомъ характерѣ, замкнулся подъ старость въ самого себя и поетъ больше про свое семейство. Изъ дѣтей его лучше всѣхъ выучился у него пѣть младшій сынъ, Иванъ.— Вѣроятно изъ той же гордости, Рябининъ не сразу поддался на приглашеніе Леонтия сказывать передъ пріѣжимъ и впослѣдствіи, несмотря на мои усиленныя просьбы, не согласился ничего взять съ меня за науку. Когда я, на разставаніи, подарилъ его большущій платокъ, то онъ сейчасъ же отдалилъ меня шитымъ полотенцемъ и счелъ нужнымъ объяснить какъ приемъ подарка, такъ и свое отданеніе: «Когда, П. Н., пріятели разстаются надолго, то у насъ въ обычай дарить другъ другу на память даровья»¹⁾.

На третій или четвертый день пріѣзда своего въ Кіжи я съѣздила съ Леонтиемъ Богдановымъ въ Лонгасы и отыскала Козьму Иванова Романова. Жилъ онъ со старой работницей въ ветхой избушкѣ на курьихъ ножкахъ. Съ первого взгляда въ немъ бросалась въ глаза мягкость характера и дряхлость. Бѣлый какъ лунь, слѣпой, робкій, онъ говорилъ дрожащимъ отъ старости голосомъ и привѣтливымъ тономъ, употребляя самыя ласковыя выраженія. Знакомство наше съ нимъ установилось безъ всякаго труда: когда я передала ему, какъ много былинъ я перенялъ отъ Рябинина, и предложилъ ему тоже разсказать мнѣ что-нибудь, онъ охотно сталъ пѣть былину за былиною; началъ онъ въ своей избѣ, а кончилъ въ домѣ волостного писаря, куда отправился ночевать.

Козьма Ивановъ будетъ девяноста лѣтъ и трехлѣтній сталь теменъ глазами. Старикъ онъ доброго нрава, изрѣдка только

¹⁾ Слово гордость не исчерпываетъ характера Рябинина: къ ней присоединяется деликатность, такъ что это свойство въ немъ слѣдуетъ назвать уваженіемъ къ самому себѣ и къ другимъ. Для характеристики этого самоуваженія расскажу здѣсь случай изъ его жизни: одинъ изъ полицейскихъ чиновниковъ прежняго времени попросилъ съ него взятку за какое-то хѣло; Рябининъ не далъ. И случилось чиновнику этому пробежать чрезъ деревню Середку. Какъ онъ завидѣлъ Рябинина, такъ и бросился къ нему съ поднятymi кулаками; Т. Г. спокойно отстранилъ его прочь отъ себя и замѣтилъ ему суровымъ голосомъ: „Ты, ваше благородіе, это оставь: я по этимъ дѣламъ никому еще долженъ не оставался“.

капризничаетъ, какъ малое дитя; лѣта свои онъ немнога утавляетъ и, по разговорамъ его, не прочь даже отъ женитьбы: ему-де всего шестьдесятъ годковъ. При этомъ онъ добродушно признается, что онъ гораздо старше Рябинина; а Рябинину явныхъ за шестьдесятъ лѣтъ. Козьма Ивановичъ содержитъ себя доходами съ своего участка и ежегоднымъ подаяніемъ изъ Думы въ шесть руб. сер. ¹⁾). Участокъ у него нанимаютъ и даютъ ему въ годъ двадцать пудовъ ржаной муки, пудъ соли, пудъ крупы и три воза сѣна. Козьма Ивановъ даже держитъ для себя корову, за которой ходитъ старая работница. Къ деньгамъ онъ чувствуетъ маленькую слабость и всячески старается скрыть, что у него есть кое-какая сбереженая копейка на черный день. При мнѣ, на моихъ глазахъ, ему въ собственныя его руки давали по четыре, по пяти руб. сер., а онъ, въ слѣдующій прїѣздъ, увѣрялъ меня же, что ему «быль даденъ въ тѣ поры одинъ только рубликъ».

Пѣть научился Романовъ отъ рыболова Федора Яковлевича и Ильи Елустаѣевича: отъ послѣдняго онъ перенялъ Вольгу, Горе сѣре, Хотена, Дуная, Упава добра молодца и Добрынишку. Въ старину, по рассказамъ его, собираются бывало старики и бабы вязать сѣти, и тутъ сказители, а особенно Илья Елустаѣевичъ, станутъ пѣть былины. Начнутъ они передъ сумерками, а пропоютъ до глубокой ночи. Тутъ и Романовъ повыучился старинамъ.

Къ Рябинину Козьма Ивановъ явно ревнуетъ и дивится, гдѣ это и когда это соперникъ его научился столькимъ былинамъ. «Въ прежнее-то время онъ-де зналъ самую малость и хаживалъ даже къ нему, Романову, послушать былинокъ. А нонь люди, поди, толкуютъ, Рябининъ-моль сталъ первымъ сказителемъ». Старикъ совсѣмъ забылъ, что Илья Елустаѣевичъ пѣть не про него одного, а про всѣхъ, про цѣлое Заонежье.

Знакомство мое съ Козьмою Романовымъ и Рябининомъ не кончилось этимъ разомъ. Хотя въ слѣдующія поѣздки мнѣ удавалось быть въ Заонежье рѣдко и только проѣздомъ, однако я всегда успѣвалъ видѣться съ старыми моими знакомцами, и

---

¹⁾ Пособіе это было назначено по ходатайству Рыбникова. Ред.

не безъ пользы для своего сборника. Такъ въ январѣ 1861 г. я записалъ отъ Романова 5 былинъ (№№ 75 I ч., 18, 22, 42, и 54 II ч.). Сверхъ того, оба пѣвца прїѣзжали въ Петрозаводскъ: Рябининъ очень рѣдко для покупки хлѣба, а Романовъ раза два въ годъ и болѣе для получки изъ думы пособія. Всякій разъ оба они заходили ко мнѣ и всегда почти пѣли свои былины «на послушанье» моимъ знакомымъ; а я между тѣмъ провѣрялъ свою запись, пополнялъ пропуски и окончательно устанавливалъ текстъ пѣтыхъ ими варіантовъ.

Теперь, кажется, мною записано все, что только помнятъ Романовъ и Рябининъ. По крайней мѣрѣ, во время послѣднихъ свиданій, какъ ни старался я навести пѣвцовъ на слѣдъ какой-нибудь еще неизвѣстной мнѣ былины или побывальщины, уже не могъ отъ нихъ добиться ничего новаго. Въ 1862 году Романовъ припомнилъ только, что разъ онъ слышалъ отъ Ильи Елустаѣевича старину о томъ, какъ дѣвица Кайдаевна (т.-е. Маринка) вынуждала—взять себя замужъ—Добрынюшку, который загулялъ на ея подворье и заглянулъ въ ея оконечко: «Ежели не возьмешь замужъ за себя, спущу тебя въ чисто поле туромъ-золотыя рога». Припомнилъ онъ еще смутно о борьбѣ Ильи и Идолища. Спрашиваетъ Идолище: «А каковъ у васъ Илейко на святой Руси, по многу ль Илейка хлѣба ёсть, по многу ль пьетъ зелена вина?» Отвѣтъ держитъ калика перехожая:— А ёсть хлѣба *во славу Божию*, а пьетъ чару *честную*:—И возрадовалось Идолище поганое: «Нѣть сильнаго мочугачаго богатыря!»

Кромѣ этихъ двухъ сказителей, я видѣлся въ первую же поѣздку съ нѣкоторыми другими и разузналъ про многихъ какъ изъ Заонежья, такъ и изъ иныхъ мѣстностей. Записать былины въ ту пору привелось только отъ четырехъ лицъ: Щеголенкова и его племянницы, отъ одной молодицы и отъ старухи изъ Великогубского погоста. Къ первому сказителю, въ дер. Боярщину, меня свезъ Л. Богдановъ. Щеголенковъ, бродячій крестьянскій портной¹⁾, шилъ въ ту пору платье для Кижак-

¹⁾ Онъ сталъ заниматься портняжествомъ, потому что слабъ здоровьемъ для земледѣльческой крестьянской работы.

нина въ его избѣ и за работой распѣвалъ былевыя пѣсни. Онъ охотно согласился передать мнѣ, что знаетъ, и первый познакомилъ меня съ превосходною былиною: «Каково жить птицамъ на Руси и за моремъ». Онъ же уговорилъ свою племянницу, такъ называемую «монастырку» изъ Данилова, которая пришла въ гости въ ту же избу, спѣть мнѣ о царѣ Саламанѣ, о Васильѣ Буслаевѣ (Иванѣ Гудиновѣ) и о Кощеѣ Трипетовѣ. Изъ Боярщины я поѣхалъ кататься на сѣверъ, между Кижскимъ островомъ и «горою»¹⁾, и здѣсь Леонтій заvezъ меня къ своему знакомому, «у котораго-де невѣстка кое-что малтаєтъ». Мы пристали къ берегу и зашли въ избу. И большакъ-свекоръ и мужъ, его сынъ, предложили, по просьбѣ моего путеводителя, молодой женщинѣ спѣть старину. Пѣвица какъ будто застыдилась и сначала отнѣкивалась отъ пѣнія; но скоро ободрилась и, кормя ребенка, рассказала мнѣ о Домнѣ Александровнѣ, Гришкѣ Растроижкѣ и Чурилѣ (№№ 46, 79, 69 I части). Тутъ я въ первый разъ узналъ, что у женщинъ есть свои «бабыи старины», которые поются ими съ особенностью любовію, а мужчинами не такъ-то охотно; по крайней мѣрѣ, Никифоръ Прохоровъ изъ Купецкой волости, Пудожскаго уѣзда, обозвавъ приключенія Ивана Годинова бабьей стариной, началъ мнѣ сказывать про этого богатыря не иначе, какъ послѣ особенного упрашиванія. Къ числу такихъ бабыхъ старинъ принадлежать былины о Чурилѣ и Катеринѣ Микуличнѣ, о Дмитріѣ Васильевичѣ и Домнѣ Александровнѣ, о князѣ Михайлѣ, о Хотенѣ, Иванушкѣ Годиновѣ и Кострюокѣ. Варіантъ о послѣднемъ²⁾ былъ мнѣ переданъ старухой Великогубскаго погоста, у которой я остановился во время катанья по Кижскому заливу: послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ постояннымъ моимъ спутникомъ Леонтіемъ, она объявила мнѣ, что знаетъ одну старину, и спѣла мнѣ ее, уговорившись напередъ, что получить за это пятнадцатыній.

Пѣвицы знали по двѣ, по три былины, больше ихъ было свѣдущъ Щеголенковъ, но многие изъ его варіантовъ не пред-

¹⁾ Материковъ.

²⁾ Вероятно, это—I, № 68.—Ред.

ставляли ничего интереснаго; поэтому я ихъ не напечаталъ. Въ ту же первую поѣздку я узналъ о хорошихъ пѣвцахъ: Терентіи Іевлевѣ, Андреѣ Сарафановѣ, П. И. Корниловѣ, Прохорѣ съ Волкострова и Федотовѣ. Очень мнѣ было интересно повидаться съ Терентіемъ Іевлевымъ, внукомъ Ильи Елустафьевы, но на этотъ разъ никакъ не удалось: человѣкъ онъ не очень старый, можетъ быть, лѣтъ 50, но угрюмый и своенравный, а незнакомыхъ просто избѣгаетъ. Такая нелюдимость отчасти объясняется тѣмъ, что онъ живетъ гдѣ-то въ Янисъозерѣ или Космозерѣ въ заживкахъ, т.-е. въ выселкѣ, устроенному имъ самимъ на распаханной подсѣкѣ. Уже въ сентябрѣ 1861 года довелось мнѣ записать отъ него въ избѣ Леонтия отрывки былинъ о Вольгѣ (II, 1), Васильѣ Буслаевѣ (II, 32) и начало о Дунаѣ (II, 12); всѣ эти варианты чрезвычайно любопытны, но изъ Вольги онъ зналъ только нѣсколько стиховъ, Василій Буслаевъ у него какъ-то не ладился, а Дуная онъ не досказывалъ, потому-де что усталъ, и пообѣщался выучить концу Л. Богданова. Дѣйствительно, я записалъ конецъ этой былины отъ Леонтия, которому Терентій натвердилъ эту старину въ лодкѣ, на дорогѣ изъ Петрозаводска въ Кіжи, и который, вѣроятно, старался въ точности передать слова сосѣда. Но Леонтий старъ, забывчивъ, не договариваеть рѣчи, и все это, вмѣстѣ съ личной его манерой, отразилось въ его пересказѣ. Какая разница въ стилѣ и пошибѣ между началомъ № 12 до 133 стиха и концомъ! Изъ сравненія этихъ первыхъ 132 стиховъ съ № 13 I части оказывается, что Козьма Ивановъ Романовъ¹⁾ перенялъ Дуная отъ Ильи Елустафьевы, такъ что наимъ сохранилась въ двухъ пересказахъ былина почти въ томъ же видѣ, какъ ее пѣлъ Елустафьевъ въ XVIII столѣтіи.

Отъ Андрея Сарафанова лично я ничего не добился, потому что не успѣлъ ни разу видѣться съ нимъ, и принужденъ былъ удовольствоваться записью отъ него писаремъ Лысановымъ интересныхъ вариантовъ о Чурилѣ и Хотенѣ (III, 25 и 28) и № № 4 и 21 III части. О личности этого пѣвца знаю только, что

¹⁾ Вариантъ Рябинина (№ 31 I части), близкій по содержанію своему съ № 21 III части, вѣроятно, перенять Трофимомъ Григорьевичемъ отъ дяди его, Игнатія Андреева.

онъ человѣкъ уже немолодой, не бѣдный, занимается рыболовствомъ и живеть въ деревнѣ Гарницахъ. Петра¹⁾ Иванова Корнилова изъ деревни Курганицъ я узналъ уже въ 1862 году. Это слѣпой старикъ лѣтъ пятидесяти, живеть въ своей избѣ съ родными и кормится доходами съ участка, который отдаетъ въ наемъ: участокъ у него очень хорошій и приносить ему порядочный доходъ. Пересказы пѣтыхъ имъ былинъ очень интересны; къ сожалѣнію, усталость съ дороги заставила меня замѣниться грамотнымъ родственникомъ Корнилова, который наобѣщалъ Леонтию списать все, а прислалъ только три отрывка (№ 60, 61 II ч. и прим. къ № 59 III части) и былины о Сокольнику и Васильѣ Игнатьевичѣ (№ 64 и 65 II ч.). Отъ родственника Л. Богданова, Федотова, въ 1863 г. въ Петрозаводскѣ, у себя на квартирѣ, я записалъ все, что зналъ этотъ пѣвецъ, т.-е. № 6, 7, 30, 39, 40, 42 и 45 III части. Выучился онъ былинамъ у какого-то Конона съ Зяблыхъ Нивъ. До Проктора съ Волкострова я не могъ добраться до сего дня.

Внѣ Заонежья, на Пудожскомъ берегу, три пѣвца были на первый разъ цѣлью моихъ поисковъ: Бутылка изъ Пудожгорского погоста, Гаврила Амосовъ изъ дер. Уной губы Уножскаго погоста и старикъ изъ дер. Марнаволока, про котораго мнѣ рассказывали, будто бы онъ знаетъ былину о попыткѣ Рогнѣды отмстить Владиміру за смерть отца ея²⁾). Поэтому изъ Заонежья я переплылъ въ лодкѣ Леонтия Богданова черезъ Онего на Пудожское побережье и проѣхалъ водою вдоль послѣдняго до Пудожгорского погоста; но не захватилъ ни одного изъ сказителей на мѣстѣ: Марнаволокскій старикъ уже умеръ, Бутылка и Амосовъ были въ отлучкѣ. Хотя поиски мои были и напрасны, за то во время ихъ я успѣлъ нѣсколько узнать Пудожское побережье и прийти къ убѣжденію, что населеніе его одного происхожденія съ Заонежанами и, подобно имъ, сохранило въ своей памяти множество преданій и сказаний, и что слѣдовательно здѣсь можно разсчитывать на интересныя находки по былевой

¹⁾ Петра или Семена, не упомню хорошенко. (Семена. Ред.)

²⁾ Безъ сомнѣнія, чиновникъ, передавшій мнѣ обѣ этомъ, подъ вліяніемъ школьныхъ воспоминаній думалъ видѣть Рогнѣдину месть въ какой-нибудь выходкѣ княгини Апраксіи.

поэзии. И действительно, уже въ Песчанскомъ погостѣ, въ дер. Большомъ дворѣ, мнѣ назвали одного крестьянина, какъ бойкаго пѣвца. Я послалъ было его звать къ себѣ; но посланецъ воротился съ извѣстіемъ, что пѣвецъ боленъ и не можетъ выйти изъ дома. Заподозривъ тутъ какое-то недоразумѣніе, я отправился верхомъ къ дому больного и спрашиваю встрѣчнаго мужичка, не тутъ ли живеть имярекъ; тотъ мнѣ отвѣчаетъ, что имярекъ живеть здѣсь, но что дома я его не захвачу, потому что, молъ, вонъ онъ утекаетъ въ лѣсъ. Я вдогонку за бѣглецомъ, пересѣкъ ему дорогу, соскочилъ съ лошади и, помирая со смѣху, сталъ разспрашивать, по какому это недоразумѣнію вздумалъ онъ бѣжать отъ меня изъ дома въ лѣсъ. Пѣвецъ мой ¹⁾ повинился, что боялся касательнаго дѣла; «было у него пожгано лѣсу»; за это его судили, и во мнѣ онъ боялся найти исполнителя надѣя собою приговора суда. Разумѣется, при первомъ объясненіи, страхъ крестьянина сейчасъ же разсѣялся; я усѣлся на пень, онъ расположился подлѣ меня и пропѣлъ мнѣ тутъ же былину о Васильѣ Игнатьевичѣ ²⁾, другие варианты, имъ пѣтые, не представляли ничего особенно интереснаго.

Въ Купецкомъ погостѣ, въ дер. Бураковой, я нашелъ хорошаго пѣвца Никифора Прохорова и записалъ отъ него все, что онъ зналъ, т.-е. около 12 былинъ. Два вечера сказывалъ онъ мнѣ свои старины, и все время изба была полнеонька народа. Старики слушали молча, молодежь тоже сидѣла смирно и изредка развѣ прерывала разсказъ своими восклицаніями: «Ишь ты, на, поди!» и т. п. За то слушатели зашевелились и съ напряженнымъ вниманіемъ подвинулись къ рассказчику, когда Соловниковъ, уже признавъ въ Ильѣ отца, скоро натягиваетъ свой тугой лукъ, вкладываетъ стрѣлочку каленую и стрѣляетъ во Илью сквозь бѣлый шатерь. Одинъ изъ старииковъ тутъ же счелъ долгомъ разъяснить присутствующимъ «брателкамъ» давно извѣстный всѣмъ имъ фактъ, что Ильѣ-де смерть на бою не писана. Никифоръ Прохоровъ вообще пѣлъ хорошо, только

¹⁾ Имени его я тогда не записалъ, а впослѣдствіи никакъ не могъ припомнить.

²⁾ Разумѣется, очевидно, I, № 29.—Ред.

путалъ иногда имена и смѣшивалъ роли: Микулу онъ называлъ Вольгою, а Вольгу Микулою; Соловникова раза два обозвалъ Соловьемъ Будимировичемъ; но, когда я ему замѣтилъ, что самъ же Соловниковъ говоритъ про себя, что батюшки не знаетъ, то Прохоровъ просилъ меня вмѣсто Соловья вездѣ прописать Соловникова. — По занятію Никифоръ землемашецъ, недавно построилъ избу и попалъ при этомъ подъ слѣдствіе, за то, что перерубилъ 39 деревъ.

Были, по слухамъ, и другіе пѣвцы въ обоихъ погостахъ, но имъ было несвободно покинуть домъ въ рабочую пору; мнѣ для свиданья съ ними пришлось бы ѿхать въ сторону верстъ пятнадцать и болѣе, а я принужденъ былъ между тѣмъ спѣшить въ Шалу, а отсюда въ Пудожъ, потому что расшибъ себѣ руку и необходимо было полечить ее въ городѣ. Пробираясь верхомъ по камнямъ и по мосткамъ¹⁾ черезъ болота, я добрался кое-какъ до Шалъ и тутъ пересѣль въ лодку. На мое счастье, лодочникъ оказался хорошимъ сказителемъ и спѣшь мнѣ отличныя былины о двухъ Ливикахъ, о Сухмантіи, о Васильѣ Буслаевѣ и Соловьевѣ Будимировичѣ. По словамъ моего кормчаго, въ Шалахъ были пѣвцы и кромѣ него; и дѣйствительно, въ 1863 г. я получилъ изъ этого прихода 5 пѣсенъ, записанныхъ по моей просьбѣ, со словъ крестьянина дер. Гагарской Потапа Трофимова Потахина: — былины эти, по складу и стилю, довольно близки къ записаннымъ мною отъ лодочника, и, вѣроятно, оба пѣвца учились у одного и того же учителя.

Еще въ Петрозаводскѣ тамошніе старожилы разсказывали мнѣ, что въ старое время былевыя пѣсни были въ большомъ ходу и большой чести у всего Пудожскаго городского населенія. Лѣтъ 50 тому назадъ не только купцы и мѣщане, но и чиновники сходились по вечерамъ на бесѣды, чтобы слушать былины. Но въ настоящее время старины уже вышли изъ моды въ г. Пу-

---

1) Мостки—это бревна изи, лучше сказать, колыя, наброшенныя на грязь; если они положены поперекъ дороги, такъ еще можно кое-какъ по нимъ ѿхать; но если они постланы вдоль дороги, то нужно быть ѿздокомъ получше меня, сильно полагаться на сноровку лошади, чтобы рискнуть пробираться верхомъ по узенькимъ мостовинамъ, которыхъ отдѣлены другъ отъ друга добрымъ полуаршиномъ.

дожѣ, о сказителяхъ почти никто не зналъ, за исключениемъ г. Буторина, который сообщилъ мнѣ, что въ Сумоверскомъ погостѣ, верстахъ въ 15 отъ города, живетъ хороший пѣвецъ, Андрей Сорокинъ.—Самому мнѣ, по болѣзни, нельзя было сѣѣздить въ Сумозерскій погостъ, потому я послалъ звать Сорокина въ Пудожъ. На слѣдующій же день онъ пришелъ ко мнѣ и охотно сталъ пѣть былины. Сорокинъ еще молодой парень, перенялъ свое знаніе отъ отца, содержитъ постоянный дворъ и своимъ умѣніемъ сказывать привлекаетъ къ себѣ многочисленныхъ посѣтителей. Заѣдуть къ нему проѣзжие съ вечера и часто всю ночь на пролетъ слушаютъ долгіе разсказы Андрея о разныхъ богатыряхъ. Былины его отличаются особенною полнотою, древностью нѣкоторыхъ выраженій и интересными эпизодами. Несносная боль въ рукахъ позволила мнѣ въ то время записать отъ него только 2 былины (64 и 74 I части) и неполный пересказъ о Дюкѣ¹⁾ и принудила меня просить г. Шиша найти какогонибудь писца для записи остального. Впрочемъ въ 1861 г., проѣзжая по Пудожскому уѣзду, я провѣрилъ чужую запись, и она оказалась очень вѣрною.

Отъ Сорокина я развѣдалъ про замѣчательныхъ пѣвцовъ въ Водлозерѣ, на Кенозерѣ и другихъ мѣстностяхъ Пудожскаго уѣзда и могъ бы надѣяться отыскать любопытныя вещи; но мнѣ нужно было торопиться для исполненія официального порученія въ Устьмошу, а оттуда въ Каргополь; такимъ образомъ не оставалось времени объѣздить разныя захолустья, какъ бы мнѣ хотѣлось. При томъ, какъ на грѣхъ, рука моя долго не заживала, и это обстоятельство много мѣшало мнѣ въ собираніи памятниковъ народнаго творчества, потому что самъ я могъ записывать съ большимъ трудомъ. Такъ, въ Колодозерѣ я отыскалъ первостепенного сказителя, слишкомъ девяностолѣтняго старика, знатчаго древніе пересказы о Ставрѣ, Чурилѣ, Ильѣ, Дюкѣ, Михайлѣ Потыкѣ, Васильѣ Буслаевѣ: будь я здоровъ, я съ нимъ не разстался бы; а тутъ пришлось записать 5 былинъ, и некого было попросить заступить мое мѣсто, потому что даже старшина былъ неграмотенъ. Мнѣ обѣщались, правда, списать

¹⁾ Это—I, № 47.—Ред.

всѣ извѣстные ему пересказы; но обѣщаніе такъ и осталось обѣщаніемъ. Въ 1863 г. я, черезъ г. Шиша, получилъ изъ той мѣстности 7 былинъ, но отъ Трофима Романова изъ дер. Пирзаковской; впрочемъ онъ по складу близки къ записаннымъ мною въ 1860 г. и, вѣроятно, переняты Романовымъ у того же старика.

Въ Петрозаводскѣ я полагалъ, что именно въ Каргопольской сторонѣ слѣдуетъ искать пѣвцовъ; по крайней мѣрѣ, крестьяне, пѣвшіе былины г. Верещагину и другимъ собирателямъ въ Архангельской губерніи, сказывались Каргополами; но по мѣрѣ того, какъ я подвигался къ рѣкѣ Онегѣ и къ Каргопольскому уѣзду, пѣвцы встречались все рѣже и рѣже, о сказителяхъ не было и слуха, а говорили только о каликахъ, которые, *кроили стиховъ*, умѣютъ пѣть и былины. Впослѣдствіи я разузналъ, что самые калики съ р. Онеги, которые ходятъ въ Архангельскую губернію, одолжены своимъ былевымъ матеріаломъ Пудожскимъ сказителямъ; впрочемъ при этомъ слѣдуетъ оговорить, что калики съ Краснолядского погоста и съ Мошинской стороны научились былинамъ у мѣстныхъ учителей.—На Кенѣ я слышалъ про знаменитаго сказителя съ Поромскаго острова, знающаго будто бы болѣе 20 старинъ¹⁾; но чтобы послушать его, пришлось бы вернуться далеко назадъ, а это было для меня невозможно; такимъ образомъ въ этой мѣстности удалось только записать варианты о Добрынѣ и Маринкѣ и о птицахъ отъ крестьянина Михайлы Богданова, простоватаго мужичка изъ Кеноозера. Когда я далъ ему нѣсколько денегъ за пѣніе, онъ захотѣлъ получить еще, и для этого принялъ припомнить разные обрывки сказокъ, преданий и легендъ, и всячески усиливался сложить изъ нихъ былину; разумѣется, выходила дичь, и я уличалъ его. Самъ понимая, что дѣло неладно, Богдановъ съ обиженнымъ видомъ уходилъ отъ меня въ кабакъ и, подкрѣпившись тамъ зеленымъ виномъ, возвращался ко мнѣ съ уверѣніями, что онъ теперь припомнить *настояще* и запѣвалъ прежнюю же нескладицу. На другой день онъ, вѣроятно, зашелъ

---

¹⁾ Когда этотъ томъ уже былъ въ печати, я получилъ 9 превосходныхъ былинъ, записанныхъ отъ этого пѣвца.

къ кому-нибудь изъ стариковъ-однодеревенцевъ, и тотъ, повидимому, натвердилъ ему старину о Васильѣ Буслаевѣ; къ вечеру онъ явился ко мнѣ и объяснилъ, что знаетъ хорошую пѣсню; действительно, завель было ее, какъ слѣдуетъ, но стиховъ послѣ 10 сталъ путаться, окончательно сбился и ушелъ домой. Этимъ дѣло еще не кончилось: раза два приходилъ онъ послѣ того ко мнѣ съ прежнею путаницей, такъ что я наконецъ прогналъ его совсѣмъ отъ себя.

До сихъ поръ я самъ предлагалъ деньги ¹⁾ за пѣніе, особенно когда отрывалъ крестьянина отъ работы; иные пѣвцы не брали совсѣмъ денегъ, другіе принимали ихъ, какъ подарокъ или какъ вознагражденіе за прогулъ рабочаго времени; но въ Каргопольскомъ уѣздѣ калики стали просить и брать съ меня *плату, заработка*; на свое пѣніе они смотрѣли, какъ на ремесло.

Пока я ѿхалъ по рѣкѣ Кенѣ, мнѣ все говорили, что вотъ на рѣкѣ Онегѣ много хорошихъ каликъ; пріѣхалъ я на рѣку Онѣгу и услыхалъ, что здѣсь, напротивъ, былины заносныя изъ Краснолядскаго погоста, съ рѣкѣ Моши и Кены. Пѣвцы всѣ были въ отлучкѣ; наконецъ въ Бережнодубровскомъ погостѣ, въ дер. Кузнецовой, отыскалъ я калику Латышова. У него хоть и былъ свой домишко, однако онъ жилъ въ немъ рѣдко, и съ другими товарищами по ремеслу скитался по ярмаркамъ и торжкамъ, гдѣ за пѣніе духовныхъ стиховъ собирали подаяніе. По рѣкѣ Онегѣ живеть много раскольниковъ, и мірскихъ пѣсень они не любятъ, а божественное слушаютъ охотно. Поэтому Латышеву рѣдко приходилось сказывать былины въ Каргопольскомъ уѣздѣ; онъ ихъ пѣлъ только въ Архангельской губерніи, гдѣ по деревнямъ богатые крестьяне, а въ уѣздныхъ городахъ купцы и даже чиновники любятъ слушать разсказы о богатыряхъ. Старинамъ Латышовъ научился частію на Кенѣ, а болѣе всего отъ столѣтнаго калики Гергушки съ Мошинской стороны. Отъ этого послѣдняго напр. онъ перенялъ побывальщину о дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ и увѣрялъ меня, что самъ-то Гергуша поетъ ее былиною.

---

1) Одна только старуха изъ Великогубскаго погоста сама запросила пятнадцатыннй за былину; но и тое, вѣроятно, подбилъ на это Л. Богдановъ: „Ты де, сватъя, спой только ему, а онъ тебѣ за это денегъ надаетъ“.

Уѣхавъ изъ Устьмоши, я странствовалъ по рѣкамъ Лепшѣ и Вералѣ, по такимъ мѣстамъ, которыя у самихъ жителей зовутся задвѣнными¹⁾). Кажется, тутъ-то бы и слѣдовало ожидать находокъ; а между тѣмъ каликъ я здѣсь не нашелъ, а слышалъ только про двухъ крестьянъ, знающихъ былины, да и тѣхъ не случилось дома. Помня о Гергушѣ, я хотѣлъ было прямо изъ Вералы проѣхать въ Мошинскую сторону, въ Лимской приходѣ, волокомъ въ 35 верстъ; но сами крестьяне, привыкшіе къ ужаснымъ мѣстнымъ дорогамъ, стали отговаривать меня отъ этой поѣздки. По ихъ словамъ, тутъ приходилось переѣзжать рѣчку, черезъ которую не было ни моста, ни переброда, а вода была отъ дождей болыная; за рѣчкой начинались красные янги²⁾), т.-е. топкія обнаженные грязи, на которыхъ не растетъ даже кустарника; черезъ эти янги кое-гдѣ положены въ незапамятное время продольные мостки, а гдѣ и мостковъ нѣтъ. Изъ проѣзжихъ этимъ путемъ ѿхалъ будто бы только одинъ исправникъ стараго времени; ѿхалъ онъ лѣтомъ въ саняхъ, а въ сани были запряжены мужики. Когда убѣженія крестьянъ на меня не подействовали, они позвали къ себѣ священника, а тотъ, вмѣсто довода, привель съ собой хромоногаго дѣячка, который попробовалъ было въ 59 г. проѣхать черезъ янги, да и сломалъ себѣ ногу. Разумѣется, пришлось отказаться отъ поѣздки и воротиться въ Устьмошу ни съ чѣмъ.

На верховье Онеги, послѣ многихъ поисковъ, мнѣ удалось записать только пѣсню о хмѣлѣ отъ старушки, жившей въ

---

1) Забвѣнными, т.-е. забытыми: проѣзжіе бывають тамъ очень рѣдко, а чиновники по необходимости. Тутъ сохранились еще въ полной сѣрѣстѣ преданія о Чуди. На Лепшѣ самая церковь будто бы складена еще язычниками и прежде была калищемъ; потомъ христіанамъ принадлежала правая сторона, а язычникамъ лѣвая. На Вералѣ цѣла еще часовня, поправленная въ послѣдній разъ въ 7190 г.; въ ней хранится Евангеліе письма XIV столѣтія, а можетъ быть и древнѣйшее, по крайней мѣрѣ изъ подписей на заглавномъ листѣ видно, что какая-то Богданова давала Московскую гривну вклада еще въ 7118 г. Сторона эта не знаетъ никакихъ новыхъ порядковъ и крайне бѣдная, такъ что здѣсь въ ходу пословица: „то не бѣда, какъ во ржи лебеда,—то мнѣ бѣда, какъ ни ржи, ни лебеды“, между тѣмъ какъ во всей остальной Каргопольшипѣ говорятъ: „то мнѣ бѣда, какъ во ржи лебеда“.

2) На болотахъ-пенусахъ растетъ, по крайности, трава и березнякъ, даже райды покрыты мохомъ и обросли хвойными деревьями.

услуженіи у богатыхъ крестьянъ Скорухиныхъ¹⁾). Она тоже увѣрила меня, что былины нынѣ здѣсь рѣдки, а пѣвались въ прежнее время: она часто слыхала ихъ у покойного хозяина, который былъ охотникъ до стариныхъ пѣсень. Подвигаясь къ Каргополю, на одной станціи, въ Полуборскомъ погостѣ²⁾, я разговорился о любимомъ предметѣ съ проѣзжимъ; онъ оказался цѣловальникомъ съ Кенозера и подтвердилъ мнѣ, что въ ихъ сторонѣ много сказителей. Отъ него я услыхалъ пѣсню о Гарь, былину о Кострюкѣ и отрывокъ отличнѣйшаго пересказа о Дюкѣ. Онъ же отыскалъ мнѣ крестьянина, который спѣлъ варіантъ о Чурильѣ³⁾.

Въ эту поѣздку я больше не записывалъ былинъ, потому что, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, принужденъ былъ немедленно вернуться въ Петрозаводскъ. Въ 1861 году, бывши на ревизіи въ Каргополь вмѣстѣ съ губернаторомъ, я упросилъ его послать за каликою въ Краснолядскій погостъ. Явился дряхлый старичекъ, нѣсколько испуганный нежданнымъ приглашеніемъ начальства, но, когда онъ узналъ, зачѣмъ его звали, то успокоился и пропѣлъ мнѣ 9 былинъ, напечатанныхъ впослѣдствіи во II части. Какъ всѣ калики, онъ странствовалъ, пока былъ помоложе, изъ деревни въ деревню и промышлялъ пѣніемъ стиховъ, а теперь живеть на покой у своихъ родныхъ. Былинамъ онъ научился отъ досюльныхъ каликъ, урожденцевъ того же погоста. Нынѣ, по словамъ его, мало кто знаетъ старины, а больше поютъ стихи.

Изъ пѣвцовъ, пересказы которыхъ напечатаны въ этой части, Гаврилы Амосова изъ Уной губы я лично не знаю, Кореляка Василья Лазарева видѣлъ мелькомъ, и мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о Бутылкѣ, настоящее имя котораго Абрамъ Евтиющевъ (Евтихіевъ) Чуккоевъ. Долго мнѣ доставались одни чужія записи отъ него былинъ, и лично я познакомился съ нимъ въ Петрозаводскѣ уже въ 1863 г. У него есть хороший участокъ земли въ дер. Горкахъ Пудожгорскаго погоста и все хозяйственное обзаведеніе, но онъ больше промышляетъ порт-

¹⁾ Это—I, № 88. Ред.

²⁾ Въ 1-й части онъ по ошибкѣ названъ Тихвиноборскимъ.

³⁾ Пѣсня о горѣ I, № 84, о Дюкѣ—II, № 27, о Чурильѣ—II, № 24. Ред.

няжествомъ и, по этому ремеслу, всю почти зиму обходитъ Заонежскія деревни. Пѣть онъ выучился отъ отца своего, который былъ великимъ сказителемъ. Кромѣ Бутылки въ по-
гостѣ есть еще нѣсколько крестьянъ (напр., Петръ Лукинъ), знающихъ былины и перенявшихъ ихъ отъ своихъ старииковъ. Самъ Бутылка, по собственному его признанію, прежде зналъ гораздо больше, а теперь, подъ старость, сталъ многое забывать. Въ Петрозаводскѣ Бутылка пришелъ ко мнѣ, по моему зову и по собственному желанію; пришелъ, зная напередъ, что будетъ пѣть былины, и, такимъ образомъ, не нужно было никакихъ уговоровъ, чтобы понудить его сказывать.—Въ августѣ мѣсяца 63 г., когда текстъ былинъ былъ уже переписанъ и приготовленъ къ печати, Бутылка припомнилъ 2 старины о царствѣ подъ солнышкомъ и о неразсказанномъ снѣ. Я записалъ ихъ, но, записывая, испытывалъ то же недоумѣніе, которое было воз-
буждено во мнѣ побывальщиною о дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ и которое разсѣялось послѣ статьи П. А. Безсонова, доказавшей мнѣ, что о дворянинѣ этомъ непремѣнно должны были существовать былины. И на этотъ разъ недоумѣніе обусловлено было тѣмъ, что я не зналъ, какъ рѣшить вопросъ: от-
звукъ ли это древнихъ до-Владимировыхъ старинъ, у которыхъ складъ разрушился или разрушается въ побывальщину, или же это послѣдняя, можетъ быть, попытка народнаго творчества по-
строить новыя былины изъ сказокъ, въ основаніи которыхъ ле-
жатъ преданія, общія всему индо-европейскому племени. Если ока-
залось бы послѣднее, то пришлось бы допустить, что периодъ эпического творчества только еще заканчивается; если принять первое, то у насъ окажется особый циклъ пѣсенъ, содержаніе которыхъ не только восходить къ доисторическому времени, но и переносить прямо къ эпохѣ, когда славянскія племена не были еще отдѣлены отъ другихъ родственныхъ. Яскорѣе го-
товъ принять послѣднее, чѣмъ первое, потому что имѣлъ слу-
чай неоднократно замѣтить напрасныя усилія лучшихъ пѣв-
цовъ возстановить былину, когда они ее забыли. Если возста-
новить былину трудно, то сложить ее вновь въ пору ослабле-
нія эпического настроенія почти невозможно.

Напѣвы былинъ довольно однообразны: напр., у Рябинина ихъ собственно два; но перехваты и колѣна голоса даютъ каждой былинѣ особый характеръ. Одинъ и тотъ же быстрый голосъ очень веселъ въ Ставрѣ, въ Потыкѣ какъ-то заунывнѣе, а въ Вольгѣ и Микулушкѣ выходитъ торжественнымъ¹⁾). Протяжный напѣвъ звучитъ мужественно въ «двухъ королевичахъ изъ Крякова» и «Ильѣ Муромцѣ» и дѣлается грознымъ въ «Ильѣ и Паленицѣ». У Козьмы Иванова Романова тоже три или два напѣва, и все его пѣніе на какихъ-нибудь трехъ нотахъ но вибраціи голоса удивительно помогаютъ ему разнообразить напѣвы. Повидимому, ни съ того, ни съ сего, старикъ вдругъ ускоритъ пѣніе и точно расколетъ голосъ, а выйдетъ отлично и совершенно подъ ладъ содержанію. Напр., въ «Доброму молодцу и женѣ неудачливой» начало заводится протяжно:

Жить былъ у батюшки, у матушки единый сынъ,
Во дрокушкѣ былъ у матушки
И во люби былъ у батюшки!
Ѣть сладко, носилъ красно,
Работалъ легко-о...

Еще чувствуешь, бывало, въ ухѣ отголосокъ послѣдняго длиннаго о, какъ Романовъ перехватить напѣвъ и какъ-то жалобно скоро станеть пѣть съ дрожащими переливами:

Похотѣла меня матушка,
Поневолиъ роденъ батюшка
Пожениться удалому дороднѹ добру молодцу;
Поженили отецъ съ матушкою
Не въ простомъ мѣстѣ, во богатоемъ, и т. д.

У Бутылки напѣвъ одинъ для всѣхъ былинъ. Напѣвъ Дюка Степановича, слышанный мною въ Каргопольскомъ уѣздѣ (27 II части), очень близко подходилъ къ подблюдному, только на третьемъ отъ конца слогъ каждого стиха голосъ возвышался и послѣдующіе слоги соединялись съ слѣдующимъ стихомъ. Вообще теперь я пришелъ къ убѣжденію, что напѣвъ для былинъ

¹⁾ По выражению Рябинина, въ Ставрѣ надо пѣть толще, а въ Потыкѣ тоньше.

почти одинъ и тотъ же въ настоящее время; чѣмъ искуснѣе пѣвецъ, тѣмъ больше умѣеть онъ его разнообразить; усвоить же голосъ какой-нибудь старины со всѣми оттѣнками очень трудно, потому что пѣніе ея составляетъ постоянную *импровизацію* на одинъ ладъ. Еще я замѣтилъ вотъ какой пріемъ: передъ тѣмъ, какъ завести былину о Васильѣ Игнатьевичѣ, Песчанскій имярекъ навѣль себя на голосъ такой интродукціей:

Ай тени, тени, тени, спотетени...

Изъ-подъ бѣлыхъ березки кудревастенкія и т. д.

Выводя *тени*, онъ словно пробовалъ, какой тонъ лучше подойдетъ къ старины.

Пользуясь присутствіемъ въ Петрозаводскѣ Романова, Рябинина и другихъ пѣвцовъ, много разъ я пробовалъ положить на музыку нѣкоторые напѣвы былинъ, но дѣло какъ-то не ладилось. Брались за это дѣло знакомые, которые, казалось, хорошо знали музыку, а никакъ имъ не удавалось перенять бѣгучіе напѣвы былинъ.

При ближайшемъ знакомствѣ съ пѣвцами, я замѣтилъ, что они не всегда поютъ былины совершенно одинаково. Это происходитъ отъ разныхъ причинъ. Сказители не сразу вспоминаютъ иную былину, а старики иногда многое забываютъ: такъ напр., Козьма Романовъ дряхлѣеть со дня на день и все меныше и меныше помнить стиховъ. Далѣе, сказители знаютъ часто одну и ту же былину отъ нѣсколькихъ учителей и, разумѣется, только тогда различаются варіанты, когда они рѣзко отличаются одинъ отъ другого; когда же варіанты очень близки между собой, тогда пѣвецъ поетъ одинъ разъ былину по одному варіанту, а другой разъ по другому. Напр., въ 1862 г. Рябининъ пѣлъ у меня на дому былину о Вольгѣ (№ 3 части I) и такъ завелъ ее:

Жилъ Святославъ 90 лѣть,
Живучись Святославъ состарился,
Состарился и переставился.
Оставалось чадо милое,
Молодой Вольга Святославовичъ.

Это начало, быть можетъ, заимствовано изъ старины о Васильѣ Буслаевѣ, но, можетъ, оно принадлежитъ и особому варианту о Вольгѣ. Наконецъ, у каждого истиннаго сказителя замѣтно его личное вліяніе на складъ былины: онъ вносить въ нее свой характеръ, любимыя слова, поговорки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить пересказы Рябинина, Романова и Іевлева. Возьмемъ, напр., былину о Дунайѣ, перенятую обоими послѣдними пѣвцами отъ Ильи Елустаевъ. Чему иному, какъ не характеру Романова, слѣдуетъ приписать, что онъ упомнилъ или внесъ отъ себя столько ласковыхъ выражений и особыхъ подробностей, опущенныхъ Іевлевымъ. Почестный пиръ у него *тированьице*, солнышко *красное*, онъ предпочитаетъ форму «*вѣки долie коротати*»¹⁾, припоминаетъ, что обѣ дочери у короля на *выдаваньи*, что Дунай поручаютъ свататься добрымъ словомъ, что Добрыня Никитичъ для другихъ *любимый товарищъ*, что Дунай для короля *прежняя слуга, слуга вѣрная*. Самые распросы короля принимаются у него мягкую форму: «Скажи, скажи, Дунай, не утай собою.» Даже, когда король сажаетъ Дуная въ погребъ, то въ королевскомъ наказѣ нѣть ничего грознаго или злобнаго: «Пусть-ка во Литвы погостить, въ погребу посидить, можетъ, Дунай догадается». Между тѣмъ какъ у Іевлева король тутъ же выказываетъ замашки неумильныя: «Возьму-то я тебя за *желты кудри*, посажу я тебя въ глубокъ погребъ: пусть-ка Дунай въ хоробры погостить, тошто Дунай обгумпется». Въ свою очередь Іевлевъ, какъ зрячій, припомнить подробности, которыя были неинтересны для слѣппца отъ рожденія. На пиру «всѣ были за столы посажены, и всѣмъ были кушанья налажены». Послѣ вызова Владимира, «всѣ за столомъ призамолкнули, всѣ за столомъ пріутихнули, никто-то тутъ никакого словечка не вымолвилъ: большій туляется за средняго, середній туляется за меньшаго, а отъ меньшаго и отговору нѣть». Когда Дунай выпросиль у Владимира товарища, то просить еще: «двухъ жеребчиковъ нѣзжаныхъ, да и два сѣделышка недержаныхъ, и двѣ узды обѣ недержаныя, и двѣ плеточки обѣ не хлыстаны». Наконецъ, Дунай

¹⁾ У Іевлева—„долгой вѣкъ коротати.“

разсердился: «здынуль-то онъ руки выше головы, допустиль онъ до того стола до дубового, питья на столахъ проливаются, альни столь въ щепья приломается, альни мать-земля да сколыбается»¹⁾. Если личное вообще вліяніе п'евца на былину неоспоримо, то, какъ бы ни установился у него пересказъ, какъ бы ни закончились формы, все порою скажется и вліяніе личнаго *настроенія* минуты: иногда п'евецъ употребить одни изъ своихъ обычныхъ выраженій и формъ, иногда другія. Например., Романовъ сколько разъ пѣлъ у меня одну и ту же былину и всякий разъ пѣлъ съ небольшими вариаціями: то коечего не доскажеть, то сократить нѣсколько стиховъ въ одинъ, то вставить новый стихъ²⁾.

Послѣ этого подробнаго рассказа о сказителяхъ считаю нелишнимъ перейти къ нѣкоторымъ общимъ положеніямъ о народной поэзіи.

Въ развитіи народной поэзіи слѣдуетъ различать нѣсколько моментовъ. Бываетъ такая пора въ народной жизни, когда поэтическое настроеніе и поэтическій материалъ составляютъ достояніе цѣлаго народа, и всякая живая, воспріимчивая личность, при первомъ возбужденіи извѣѣ, выдѣляетъ свое чувство или представленіе въ поэтическій образъ и облекаетъ его сейчасъ

1) Приведемъ нѣсколько любимыхъ словъ и оборотовъ другихъ п'евцовъ. У Рябинина: одинакій и одиній [у Романова—единій], одежила, художество [вмѣсто богачество], пословечно выговаривать [у Романова—изъ словъ], славное раздоѣице чисто поле, охвочь упиваться въ зелено вино, славный богатырь святорусскій, силушки чернымъ черно, какъ черна ворона, силушка великая, противность великая, пропустилъ онъ коня богатырскаго, къ тымъ рѣчамъ Владимиръ не примется, поотвѣдать силы у поганаго, пріужахнуться, бить нежалухою, загодки отгадывать [вм. задавать загадки]; у Колодозерскаго старика: у тя есть ли охота, горитъ ли душа, зрѣть-смотретьъ, не довѣрѣть, завелся у князя почестень пиръ; у Никифора Прохорова: не дойдетъ сидѣть-высиживать, отдать-повыдать, охаживать, залога великайа [вм. закладъ], обрядиться; у Андрея Сорокина: столованье почестентъ пиръ, золото не мѣдѣть, серебро не жемѣзѣть, вязать крѣпки поводы на бедро свое, птица граючая, халуина дворянская [у Рябинина—холопина], маломощица [у Романова—несомнющечко], стадмы стадомъ, рядмы рядомъ.

2) Дальше пропускаемъ поправки къ текстамъ первыхъ двухъ томовъ, сдѣланныя Рыбниковымъ при повторномъ выслушиваніи у себя на дому К. Романова, Т. Рябинина и Бутылки (Чукова). Мы ввели всѣ эти поправки прямо въ текстъ. Ред.

же въ поэтическую форму, которая въ ту пору подъ рукою у каждого. Таково, говорятъ, и теперь еще эпическое настроение Сербіи. У насъ на Руси, сколько я ее видѣлъ, подобное настроение бываетъ только у *женщинъ*, лирическое, и въ минуты сильного горя. Выраженіе его—заплачки, въ которыя чувство выливается само собой на свадьбахъ, при похоронахъ, при отдачѣ дѣтей или родныхъ въ рекруты. Въ Петрозаводскомъ Заонежье и на Пудожскомъ побережье каждая почти женщина умѣеть высказать ощущеніе своей скорби, или слагая новую заплачку, или примѣня къ обстоятельствамъ старую. Въ III части помѣщена заплачка, записанная отъ молодой дѣвушки изъ Пудожского уѣзда: умеръ ея двоюродный братъ,—вся семья горько оплакивала его потерю, но скорбь его двоюродной сестры выразилась въ лирической формѣ съ такою силою и свѣжестью, что заплачка эта тотчасъ же получила известность; теперь она уже перенята другими женщинами и поется ими, когда ихъ постигаетъ такое же горе. Въ Повѣнѣцкой части того же Заонежья, какъ я уже говорилъ выше, заплачки слагаются не всѣми; онѣ образовали уже нѣчто законченное и сохраняются особыми, почти официальными лицами, плакальщицами или вопленицами.

Второй моментъ развитія народной поэзіи представляетъ у насъ пѣсня. Она захватываетъ болѣе или менѣе весь кругъ ощущеній, свойственныхъ и дорогихъ русскому человѣку. Оттого почти въ каждой личности изъ народа хранится такой запасъ этихъ пѣснопѣній, что посредствомъ ихъ крестьяне могутъ отзваться на каждое событие въ жизни, на каждое движение въ сердцѣ. Но народного творчества тутъ уже нѣть, пора его прошла. Везконечный запасъ пѣсенъ большею частью своею принадлежитъ прошедшему и потому только доступенъ каждому крестьянину, что прошедшее это въ главныхъ чертахъ сходно съ настоящимъ. Если замѣтны нѣкоторыя измѣненія въ пѣсняхъ вслѣдствіе условій мѣстности и времени, то новыхъ пѣсенъ уже не слагается; я, по крайней мѣрѣ, не знаю такихъ. Слыхивалъ я новомодныя пѣсни; но онѣ лишены были всякаго художественного достоинства и отзывались харчевнею, кабакомъ и передней, или же составляли явное подражаніе произведеніямъ личнаго творчества.

Переходя къ нашимъ былинамъ, припомнимъ исторію разви-
тія былевой поэзіи у другихъ народовъ индо-европейскаго пле-
мени. Вообще образованіе первоначального эпоса происходитъ
еще въ то время, когда письмена не изобрѣтены или не въ
большомъ употребленіи, когда человѣкъ, желая сохранить про-
шедшее въ памяти, прибѣгаетъ къ размѣру и напѣву, и когда
въ стихотворную форму облекаются не одни преданія и исто-
рическія воспоминанія, но и законы, пророчества, предзнаменова-
нія¹⁾. Сначала подвиги героевъ и событія національной
жизни передаются потомству въ коротенькихъ, отдѣльныхъ
героическихъ пѣсняхъ. Эти пѣсни мало-по-малу группируются
около любимыхъ народныхъ героевъ и образуютъ цѣлые циклы
разнаго времени и происхожденія; циклы въ свою очередь, подъ
вліяніемъ какого-либо господствующаго миѳа или преобладаю-
щей нравственной идеи, сближаются между собою и при участії
личнаго творчества сплочиваются въ эпopeю.—Затѣмъ на-
родныя былевыя пѣсни мало-по-малу теряютъ свой поэтиче-
скій характеръ, частью уступаютъ мѣсто поэмамъ, рыцарскимъ
романсамъ, частью переходятъ въ сказки и лирическія пѣсни.
На украинахъ цивилизаціи, въ захолустьяхъ, онѣ держатся
долгіе и, по слухамъ, напр., пѣсни о Сигурдѣ, Брунгильдѣ

---

1) Въ Индіи первобытныя пѣсни, отрывки которыхъ сохранились въ Риг-
ведѣ, возникли еще во время поселенія Ариевъ въ области Инда и пяти рѣкъ.
По мнѣнію Дункера, начало эпической поэзіи въ Греціи относится къ періоду
800—1000 лѣтъ до Р. Х.; въ Одиссѣи Демодокъ поетъ уже передъ Одиссеемъ
о Троянской войнѣ подъ аккомпанементъ формикса (большой цитары). Аммі-
янъ Марцелінъ (XV, 9) приписываетъ въ Галліи начало цивилизацій, на-
равнѣ съ эвбагами и друидами, бардамъ, которые подъ звуки лиры воспѣвали
подвиги героевъ въ героическихъ пѣсняхъ. У германцевъ, по свидѣтельству
Тацита, были древнія пѣсни, которая замѣняли имъ исторію и лѣтописи:
такъ, Готескія пѣсни, судя по словамъ Йорнанда (IV, V, XIV), восходили отъ
событій V в. до событій древнѣйшаго времени. Въ одной изъ нихъ описывалось,
какъ Гунины попали въ плѣнъ въ Британію или на другой какой-то
островъ, и выкупились изъ неволи цѣною лошади; въ другихъ прославлялись
подвиги древнихъ героевъ: Этеспамары, Ганалы, Фридигерна, Видикулы и иныхъ.
Пѣсни эти пѣлись подъ аккомпанементъ цитары. Единственный образецъ этой
древнѣйшей формы германскаго эпоса сохранился въ отрывкѣ о Гадубрандѣ
и Гильдебрандѣ. О народномъ творчествѣ у германцевъ и франкогалловъ,
послѣ принятія ими христіанства, свидѣтельствуютъ народныя пѣсни о Гаэлѣ,
графѣ Нантскомъ, о Роландѣ, которая существовали во времія Турпина.—
Латинскій переводъ пѣсни о побѣдѣ Клотара II надъ саксами.

и Гегни сохранились на Фероерскихъ островахъ даже до нашего времени.

Наша эпическая поэзія остановилась на первой ступени развитія, былинахъ, и не успѣла перейти въ эпопею. За то многія былины, смотря по тожеству изображаемаго ими быта и міросозерцанія, сами собою сгруппировались въ циклы: старшихъ богатырей, Владиміровъ, Новгородскій, Московскій и Казацкій. Если взять всѣ варианты послѣднихъ четырехъ цикловъ вмѣстѣ и отдѣлить позднѣйшія вставки, то получится несомнѣнно древняя основа, которая современна или близка по времени воспѣваемымъ былинамъ событиямъ¹⁾). Нѣкоторые варианты такъ мало пострадали отъ времени, что пересказы, записанные въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, въ существенномъ не отличаются отъ тѣхъ, которые поются современными намъ пѣвцами²⁾). Но такъ какъ былины сохранились въ памяти народа исключительно посредствомъ устнаго пересказа, то, естественно, иныя въ формѣ своей и мелочахъ, другія въ самомъ содержаніи подвергались въ теченіе вѣковъ постояннымъ измѣненіямъ. Измѣненія эти разнаго рода. На одни изъ нихъ можно смотрѣть какъ на естественное развитіе былины. Такъ, многія старины дошли до насъ и въ первоначальномъ краткомъ видѣ, и въ длинныхъ пересказахъ, въ которыхъ предметы отдѣльныхъ пѣсень стали эпизодами³⁾). Нѣкоторые варианты о Ильѣ и Добрынѣ разрослись до огромныхъ размѣровъ и обнимаютъ почти всѣ подвиги воспѣтыхъ ими богатырей. Другого рода измѣненія составляютъ анахронизмы, которые неизбѣжно вкрадываются во всякое устное преданіе. Сюда относятся древнія и позднѣйшія вставки въ текстъ новыхъ обычаевъ, учрежденій, названій оружія, чиновъ и проч.—Сюда же принадлежитъ пріуроченіе къ времени Влад-

¹⁾ Таково мнѣніе и г. Майкова относительно происхожденія былинъ Владимира цикла.

²⁾ Сказание о семи богатыряхъ, напечатанное въ „Памятникахъ Русской Литературы“ съ рукописи, если даже оставить въ сторонѣ признаки книжной передѣлки, носить гораздо больше следовъ вліянія Московскаго периода, чѣмъ былины о Ильѣ и Идолищѣ, содержаніе которыхъ почти одинаково со сказаниемъ.

³⁾ Бой Ильи съ Идолищемъ введенъ какъ эпизодъ въ нѣкоторые варианты о Дюкѣ, женихѣ князя Владимира въ варианты о Дунаѣ.

диміра такихъ событій, которыя случились до него или гораздо позже него ¹⁾, и вообще замѣна богатырей старшаго поколѣнія младшими ²⁾). Третьяго рода измѣненіе состоить въ томъ, что подвиги богатыря стушевываются и обобщаются до того, что былина дѣлается безыменною, а образъ богатыря общимъ типомъ. Еще шагъ, и старина теряетъ напѣвъ и разрушается. Такое разрушеніе иногда замѣняется переходомъ въ побывальшину, сказку или лирическую пѣсню ³⁾.

Итакъ, наше поколѣніе застало былевую поззю вполнѣ сложившеюся.—Послѣ Московскаго періода появляются вновь однѣ историческія пѣсни, былины же не слагаются ⁴⁾ вновь, а только сохраняются въ народѣ посредствомъ устнаго пересказа ⁵⁾. Въ сохраненіи народнаго эпоса сначала принимаютъ участіе и городекіе обыватели ⁶⁾, но съ нынѣшняго столѣтія былева

¹⁾ Такъ Владимиръ и его богатыри являются дѣйствующими лицами въ татарскомъ настѣствіи, и, наоборотъ, къ его времени примѣнены порядки Московскаго царства. Эти анахронизмы, а также пріуроченіе къ циклу Владимиrowу старшихъ богатырей Самсона, Сухмантия, Вольги, могли произойти еще въ тотъ періодъ, когда иныхъ былины слагались.

²⁾ Такъ Ермакъ, въ старинѣ о царѣ Калинѣ, просто подставленъ вмѣсто Ильи, который тутъ занимаетъ мѣсто или Самсона, или Святогора, и прежде самъ исполнялъ роль младшаго богатыря; Добрыня (въ варіантѣ № 14 III части) въ извѣстномъ роковомъ бой между отцомъ и сыномъ тоже подставленъ вм. Ильи, Касьяна или Фома Ивановичъ, въ сорока каликахъ съ каликою, вм. Потыка.

³⁾ Таковы побывальшины о Святогорѣ, Ильѣ и Юнкѣ Степановичѣ въ I части, о Саламанѣ, о дворянинѣ безчастномъ молодцѣ во II, сказки о Микунѣ, Иванѣ русскомъ молодцѣ и проч., пѣсни о Ванюшѣ Ключникѣ (I часть и Сборн. Кир.); о убийствѣ жены княземъ (№ 64 III части и Сборн. Кир.), о горѣ (I часть), о гульѣ молодца за рѣками Невагою и Переображеніемъ (III часть).

⁴⁾ Слагаются послѣ этого однѣ историческія пѣсни, и тѣ въ пріемахъ, языкахъ, дѣлыхъ частяхъ своихъ, представляютъ подражаніе прежнимъ образцамъ или даже явную передѣлку ихъ, напр., пѣсня о графѣ Чернышевѣ (въ I части) просто передѣлка пѣсни о Разинѣ.

⁵⁾ Эту законченность народнаго былевого творчества понимаютъ сами хранители ея, какъ мы, по крайней мѣрѣ, сдаляемъ изъ слѣдующаго полуопроса-полуответа Рябинина: „Скажи мнѣ, П. Н.,—говорилъ онъ, отчего о прежнихъ князьяхъ поютъ на былинахъ, и слава имъ вѣкъ не минуетъ? Какой малецъ мой Ванюха (сынъ Р.), а вѣдѣть въ околицу, запоетъ про ратая, по деревни стоить стоить. А о нынѣшнихъ царяхъ поютъ на пѣсняхъ?”—

⁶⁾ Я говорилъ выше, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія городское населеніе города Пудожа очень любило старину и слушало ихъ на вечеринкахъ.

поэзия передается от поколения к поколению исключительно памятью сельского населения и притом не по цели Руши, а преимущественно на *украинах*, в губерниях Олонецкой, Архангельской, Пермской, Оренбургской, Саратовской, Симбирской и Нижегородской.

В Олонецком крае былины сохранились между русским народомъ уездовъ Петрозаводского, Пудожского, Каргопольского, и въ некоторыхъ мѣстностяхъ Повѣнѣцкаго, Вытегорского и Лодейнопольского¹⁾. Въ послѣднихъ двухъ онѣ известны немногимъ, а потому явно забываются и переходятъ въ побывальщины²⁾. Но въ первыхъ трехъ уѣздахъ и той части Повѣнѣцкаго, которая прилегаетъ къ Пудожскому побережью, старины очень распространены и до сего времени усердно сохранялись народомъ.—Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ каждый крестьянинъ знакомъ съ содержаниемъ былинъ и именами нѣкоторыхъ богатырей. Въ Заонежье и на Пудожскомъ побережье у всякаго смыслилена пожилого человѣка отыщется въ памяти одна-двѣ былины, и хотя самъ-то онѣ полагаетъ, что ничего не знаетъ,—однако, при случае, вдругъ припомнить какую-нибудь былевую пѣсню³⁾. Главные хранители былинъ здѣсь *сказители*⁴⁾, а въ Каргопольской сторонѣ *калики*. Сказители

¹⁾ Прежде я полагалъ, что корелы совсѣмъ не знаютъ былинъ; но послѣ убѣдился, что они, растерявъ и позабывъ свою лирическія и эпическія пѣсни, переняли отъ русскихъ первыя и отчасти послѣднія. Въ настоящее время я лично знаю кореляка и корелку, которымъ известны старины: Василья Лазарева изъ дер. Каменица Повѣнѣцкаго уѣзда и Дмитреву изъ дер. Прятокъ Петрозаводского уѣзда. Кромѣ того я слышалъ объ одномъ старикѣ корелякѣ, изъ Святозера, который будто бы помнить много былинъ.

²⁾ См. № 51, часть I.

³⁾ Такъ мнѣ иногда приходилось записывать варианты отъ такихъ крестьянъ, отъ которыхъ трудно было и ожидать этого.—Сидѣлъ я въ 61 году въ избѣ у Л. Богданова и записывалъ слова Кузьмы Романова. Одинъ изъ родственниковъ Леонтия слушалъ-слушалъ слѣпого пѣвца, и вдругъ заявилъ мнѣ, что и онъ вспомнилъ былину о добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой (№ 50 II части), и дѣйствительно, прекрасно пропѣлъ ее мнѣ. Сталъ я его спрашивать: „Гдѣ онъ ей научился?“—У стариковъ, говорить.—„Помнишь ли еще какую-нибудь?“—Нѣть, больше не помню.—Другой разъ, въ 1863 году, давно знакомый мнѣ крестьянинъ Андрей Ивановъ нежданно припомнилъ превосходную старицу о Иванѣ Гостиномъ сынѣ.

⁴⁾ Мы видѣли выше, что отъ себя лично они вносятъ только известные обороты и любимыя слова и тѣ еще измѣненія, которые происходятъ отъ ихъ

поють по охотѣ, изъ любви къ искусству, а калики по ремеслу. Первые научились своему знанію отъ знаменитыхъ «досюльныхъ» сказителей: Ильи Елустафьева, Игнатія Иванова Андреева, Федора Яковлева и другихъ старииковъ, вторые отъ такихъ же старииковъ и каликъ. Сказитель обыкновенно зажиточный крестьянинъ, земледѣлецъ, рыболовъ, содергатель почтоваго двора. Какъ бы переходъ къ каликамъ составляютъ перехожіе пѣвцы, большою частью портные, но и тѣ имѣютъ осѣдлость и не нуждаются въ деньгахъ, между тѣмъ какъ калики живутъ милостынею. Научившись былинамъ отъ предковъ, пѣвцы въ свою очередь передаютъ знаніе свое дѣтямъ. Такъ Андрей Сорокинъ еще молодой парень, а сказываетъ превосходно и выучился этому отъ отца. Сыновья Рябинина, въ особенности младшій Иванъ, тоже многое переняли отъ Т. Г. Но у большинства сказителей врядъ ли найдутся наслѣдники, и черезъ двадцать-тридцать лѣтъ, по смерти лучшихъ представителей нынѣшняго поколѣнія пѣвцовъ, былины и въ Олонецкой губерніи удержанятся въ памяти у очень немногихъ изъ сельскаго населенія.

забывчивости; остальная же перемѣны въ вариантахъ слѣдуетъ приписать прежнему естественному развитію былевой поэзіи и духу времени.—

I.

КИЖИ.

К И Ж И.

I.

РЯБИНИНЪ.

Трофимъ Григорьевичъ Рябининъ, крестьянинъ дер. Середки, Кижской волости, родился въ дер. Гарницахъ сосѣдняго Сѣн-вогубскаго погоста въ началѣ 90-хъ годовъ XVIII в., умеръ въ 1885 г. Изъ всѣхъ Олонецкихъ сказителей далъ наибольшее количество былинъ въ сборники Рыбникова (23 №№) и Гильфердинга (18 №№). Сравненіе Рябининскаго репертуара въ обоихъ сборникахъ показываетъ, что пѣвецъ въ 1871 г. уже не могъ припомнить для Гильфердинга слѣдующихъ былинъ, пѣтыхъ имъ Рыбникову въ 1860—62 гг.: Самсонъ (Святогоръ), Илья и Идолище, Ставерь, Вас. Буслаевъ, Садко, Грозный, Соломонъ. Съ другой стороны Рябининъ далъ Гильфердингу пять новыхъ сюжетовъ, оставшихся неизвѣстными Рыбникову, а именно: Илья въ ссорѣ съ Владиміромъ, Добрыня и Маринка, Добрыня и Змѣй, Скопинъ, Молодецъ и худая жена. Кромѣ того былина обѣ Илья и Калинъ царь, имѣющаяся въ обоихъ сборникахъ, представляетъ тамъ и здѣсь два совершенно самостоятельные варианта, очень мало схожіе между собою. Такъ какъ Рыбниковъ дважды (въ Замѣткѣ и въ письмѣ 3 ноября 1861 г. къ Д. А. Хомякову) опредѣленно говоритъ о своихъ стараніяхъ исчерпать весь репертуаръ Рябинина и выражаетъ увѣренность, что достигъ цѣли, то можно было бы думать, не увеличился ли запасъ пѣвца за десять лѣтъ. Но предположеніе это приходится отвергнуть: три изъ этихъ пяти сюжетовъ по указанію самого Рябинина принадлежали къ его старому запасу: Добрыня и Змѣй идетъ отъ Ивана

Завьялова, Скопинъ оть Игнатія Андреева, Молодецъ и худая жена оть Ильи Елустафьева¹⁾). Это доказываетъ, что исчерпать съ несомнѣнностью репертуаръ народнаго пѣвца—задача не легко достижимая даже при длительныхъ сношеніяхъ. О всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ Рябининымъ Рыбниковъ подробно говорить въ Замѣткѣ; свѣдѣнія о біографіи пѣвца пополняются вводной статейкой къ его былинамъ у Гильфердинга.

1.

САМСОНЪ БОГАТЫРЬ.

Славный Самсонъ, богатырь свято-русьскій,
Въхаль на добромъ конѣ богатырскоемъ
По славному раздолъцу чисту полю
И усмотрѣлъ идуясь по чисту полю
5 Дородня добра молодца пѣхотою.
Какъ припустить скакать коня богатырскаго
Во всю силу лошадиную,
Идеть добрый молодецъ пѣхотою,
Во слѣдъ не останется;
10 Побѣдетъ Самсонъ тихою вольготою,
Добрый молодецъ во слѣдъ не наступываетъ.
Становилъ добра коня богатырскаго
И ожидалъ къ себѣ добра молодца;
Оны съ эстымъ человѣкомъ въ полѣ сѣхались,
15 Говорили разговоръ промежду собой:
« Что же ты, удаленькой дородній добрый молодецъ!
« Ходиши по чисту полю пѣхотою:

1) См. Гильфердингъ II, 4. Прибавимъ, что былина Молодецъ и худая жена (Гильф. № 89) очень близка по тексту къ одной изъ Рыбниковыхъ (стар. изд. II, № 50), почему-то не носящей имени сказителя, но записанной въ той же дер. Середкѣ, гдѣ жилъ Рябининъ. Быть можетъ, это случайная недомолвка, и Рыбниковъ записалъ былину изъ устъ Рябинина, но мы не решились причислить ее прямо къ репертуару послѣдняго.

« Какъ припушу на добромъ конѣ богатырскоемъ
 « Вхать во всю силу лошадиную,
 20 « Ты отъ меня не оставаешься;
 « Когда єду тихою вольготою,
 « Тогда ты на меня не наступываешь? »
 Туть по Божью повелѣнищу
 Супротивъ ихъ явился камень синенькой,
 25 Камень синенькой, плита зеленая.
 Этотъ удаленькой дородній добрый молодецъ
 Полагаетъ онъ малыя сумочки
 Со своихъ плечъ со могучихъ
 На эту плиту на зеленую
 30 И говорить Самсону богатырю:
 — Ай же ты, славный богатырь свято-руській!
 — Отвѣдай взять мою ношицу
 — На свои на плечи на могучіи
 — И побѣжать по славному раздольицу чисту полю.
 35 Туть славный богатырь свято-руській
 Опушдался со своего добра коня,
 Принимался онъ за эти за сумочки,
 За эти за сумочки одной рукой,
 Никакъ этия сумочки малыя
 40 На камешкѣ не сворохнутся.
 Принимался онъ обѣма ручкамы бѣлымы,
 Сумочки на камешкѣ не сворохнутся.
 Принимался онъ со всей своей силой богатырскою,
 И припалъ своей грудью бѣлою
 45 Ко этимъ ко сумочкамъ ко маленьkimъ,
 И схватилъ всей силой великою,
 По колѣну онъ угрязнулъ во зеленъ камень,
 Столько могъ подпустить малый духъ
 Подъ эти подъ сумочки подъ малыя.
 50 И говорилъ Самсонъ таковы слова:
 « Отъ роду я эдакой ношицы не здымывалъ!
 « Кто ты есть какой человѣкъ,
 « Какого ты рода-племени,
 « Откуда идешь, куда путь держишъ? »

- 55 — Ай же ты, славный богатырь свято-русьской!
 — Посланъ я ангель отъ Господа
 — Поотвѣдать твоей силы великія:
 — Погружена вся тягота во эты во сумочки.
 Отвѣчалъ Самсонъ таковы слова:
- 60 « Аще въ небеси было бы кольцо,
 « И притянута оттуда цѣпь желѣзная,
 « Притянуль бы я небо ко сырой земли
 « И своей бы силой богатырскою
 « Смѣшалъ бы земныхъ со небесными;
- 65 « И есть бы было кольцо во матушки сырой земли,
 « Могъ бы я повернуть матушку сырую землю,
 « Повернуль бы краемъ къ верху
 « И опять перемѣшалъ бы земныхъ съ небесными ».

Тутъ ангель Божій утаился отъ богатыря, а богатырь побѣхалъ по славному раздольицу чисту полю. Затѣмъ Рябининъ побывальщиною разсказывалъ, какъ Самсонъ, подобно Святогору, наѣхалъ на судъ Божій, на кузнеца, и выковалъ ему кузнецъ—жениться въ Поморскомъ царствѣ на дочери Луки калѣки, которая тридцать лѣтъ лежала на гноищѣ. Самсонъ богатырь послѣ свадьбы долженъ былъ признать, что

« Суда Божія на добромъ конѣ не обѣхати ».

70 И то поговорье впередъ пошло.

Когда жена Самсона изъ мужнаго разсказа узнала, что Самсонъ хотѣлъ было разрубить ее на-полы, когда она лежала въ гноищѣ, то крѣпко озлобилась на мужа.

- Съ той поры стала вывѣдывати:
- « Боятся тебя, Самсонъ, всѣ земли,
 « Всѣ земли боятся и всѣ орды.
 « Отчего жъ силенъ и славенъ,
- 75 « Силенъ, и славенъ, и громокъ? »
 — Оттого я силенъ, и славенъ, и громокъ,
 — Что имѣю на головѣ семь волосовъ ангельскихъ.—
 И сдѣлался Самсонъ имянинщикомъ,
 И сталъ править имянини своему ангелу,

80 И заводиль пированьице почестенъ пиръ:
 Всѣ на пиру наѣдалися,
 И всѣ на пиру напивалися,
 Самсонъ богатырь пуще всѣхъ.
 И стали наливать ему хмельныхъ напиточковъ;
 85 Собирала друзей любимыхъ
 И стригла ему голову до-нага,
 И связали ему ручки бѣлыя,
 И выкопали очи ясныя.
 Онъ какъ пробудился отъ крѣпкаго сна,
 90 Во бѣлыхъ ручушкахъ не стало силы молодецкія,
 Въ ясныхъ очушкахъ не стало бѣла свѣта:
 « Ай же ты, жена, змѣя лютая!
 « Погубила ты меня на вѣки вѣчные ».
 Дала ему крѣпостную служаночку,
 95 И выгнала скитаться между дворами
 Со этой крѣпостной служаночкой;
 И ходилъ онъ скитаться между дворами.
 Проходилъ поры времени ровно три годы,
 Пріотrostилъ на голову желты кудри,
 100 Сталь во плечахъ имѣть силушку великую,
 А столько не имѣль во ясныхъ очахъ свѣту бѣлаго.
 Говорилъ онъ своей вѣрной служаночкѣ:
 « Ай же ты, служаночка моя вѣрная!
 « Веди ко во свой ¹⁾ великой градъ,
 105 « Ко своимъ палатамъ бѣлокаменнымъ:
 « У меня ли были палаты построены
 « На двѣнадцати столбахъ на каменныхъ ».
 Этая дѣвица служаночка
 Приводила его во великой градъ,
 110 Къ тымъ палатамъ бѣлокаменнымъ.
 Славный Самсонъ богатырь свято-руській
 Не видить онъ въ очахъ свѣту бѣлаго,
 А имѣть во плечахъ силу великую.
 И услышалъ онъ въ палатахъ великое танцеваніе:

¹⁾ Т.-е. мой.

- 115 Сидитъ его жена любимая,
Забавляется, тѣшится съ друзьями любимыми.
Славный богатырь свято-русскій
Подошелъ къ столбу ко каменному
Подъ самый подъ большой уголъ,
120 Схватилъ ручками бѣлымъ,
Порозыпалъ палаты бѣлокаменны,
И тутъ убило Самсона богатыря.
И тутъ ему, Самсону, славы поютъ.
-

2.

СВЯТОГОРЪ.

Когда я рассказалъ Рябинину побывальшину объ Ильѣ и Святогорѣ, то онъ передалъ мнѣ, что еще учитель его, Илья Елустафьевъ, пѣлъ былиною про все знакомство Ильи и Святогора, и припомнилъ тутъ же слѣдующіе отрывки изъ этой пѣсни:

Прочитавъ надпись на великому гробу,
Говорилъ Илья таковы слова:
« Не наше мѣсто, не намъ и спать! »
А Святогоръ богатырь улегся въ гробъ и говоритъ Ильѣ:
— Окутай меня каменной накрышечкой!—
Онъ какъ накуталъ накрышечкой,
Гробъ и сросся въ одно мѣсто.

Изъ той же былины Рябининъ припомнилъ наставленіе какъ перехожихъ Ильѣ:

« Приходи ко мостику калинову,
« Услышишь заржучись жеребчика
« Во тоя конюшенкѣ стоялныя.
« И что крестьянинъ запросить за жеребчика,
5 « Запросить за жеребчика пять сотъ рублей,
« Давай ему пять сотъ рублей;

« А веди жеребчика молодаго,
 « И станови во срубъ рубленый,
 « И корми пшеною бѣлояровой,
 10 « И пой свѣжей ключевой водой;
 « Положи на него золотну узду
 « Со тыма поводами со шелковыми,
 « И води-тко по конюшенкѣ стоялныя.
 « Когда-то онъ станетъ черезъ тынъ поскакивать,
 15 « Когда станетъ черезъ тынъ поплясывать,
 « Станетъ конь головушкой повертывать,
 « Станетъ въ лошадиня въ ноздри онъ пофурскивать;
 « И тогда ты сѣдлай-ко добра коня,
 « И полагай на него доспѣхи крѣпкіе,
 20 « Поѣзжай-ко ты въ раздолыице чисто поле,
 « Бѣди ты по матушкѣ по святой Руси,
 « Тогда, добрый молодецъ, прославишься
 « И будешь сильный богатырь свято-руській ».

Святогоръ богатырь позвалъ Илью Муромца къ себѣ въ гости на Святыя горы и на поѣздкѣ Ильѣ наказывалъ: «Когда пріѣдемъ въ мое посельице и приведу тебя къ батюшкѣ, ты можи нагрѣть кусокъ желѣза, а руки не подавай». Какъ пріѣхали на Святыя горы къ Святогорову посельцу и зашли въ палаты бѣлокаменные, говорить старикъ, отецъ Святогоровъ:—Ай же ты, мое чадо милое! Далече ль былъ?—«А былъ я, батюшка, на святой Руси!»—Что же видѣлъ и что слышалъ, сынъ мой возвлюбленный, на святой Руси?—«И что не видѣлъ, что не слышалъ, а столько привезъ богатыря со святой Руси». Отецъ-отъ Святогоровъ былъ темный ¹⁾, то говоритъ сыну: «А приведи ко мнѣ русскаго богатыря поздоровкаться». Илья тымъ временемъ нагрѣлъ желѣзо, пошелъ по рукамъ ударить и даваетъ старику въ руки кусокъ желѣза. Когда захватилъ старикъ желѣзо, сдавилъ его и говоритъ: «Крѣпкая твоя рука, Илья! Хорошій ты богатырекъ!»

¹⁾ Слѣпой.

3.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

(Гильферд. № 73.)

Когда возсіяло солнце красное
 На это небушко на ясное,
 Тогда зарождался молодой Вольга,
 Молодой Вольга Святославовичъ.
 5 Сталъ Вольга растѣть-матерѣть;
 Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
 Щукой-рыбою ходить ему въ глубокихъ моряхъ,
 Птицей-соколомъ летать подъ оболока,
 Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
 10 Уходили всѣ рыбы во синяя моря,
 Улетали всѣ птички за оболока,
 Убѣгали всѣ звѣри въ темны лѣса.
 Сталъ Вольга растѣть-матерѣть,
 Избирать собѣ дружинушку хоробрую,
 15 Тридцать молодцевъ безъ единаго,
 Самъ онѣ Вольга во тридцатыхъ.
 Жаловалъ его родный дядюшка,
 Ласковый Владимиръ стольно-Кievskий
 Тремя городами со крестьянами:
 20 Первымъ городомъ—Гурчевцомъ,
 Другимъ городомъ—Орѣховцемъ,
 Третимъ городомъ—Крестьяновцемъ.
 Молодой Вольга Святославовичъ
 Со своею дружинушкой хороброю
 25 Онъ побѣжалъ къ городамъ за получкою.
 Выѣхалъ въ раздолыце чисто поле,
 Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ рѣтая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сопка у ратая поскрипываетъ,
 30 Омѣшики по камешкамъ почекиваютъ¹⁾.

1) Совершенно мѣстный образъ: въ Заонежье и Пудожскомъ уѣздѣ почва чрезвычайно каменистая и нивы буквально усыпаны камнями.

Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своёю дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
35 Ѣхалъ Вольгà ощё дрѹгой день,
Дрѹгой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сопка у ратая поскрипываетъ,
40 Омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольгà ощё третій день,
Третій день съ утра до пàбѣдъя,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
45 Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренъя, каменъя вывертываетъ,
А великія-то всѣ каменъя въ борозду валить;
Кобылка у ратая соловая ¹⁾),
50 Сопка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольгà таковы слова:
« Божья ти помочь, оратаюшко!
« Орать, да пахать, да крестьяновати,
55 « Съ края въ край бороздки пометывать,
« Коренъя, каменъя вывертывать! »
Говорилъ оратай таковы слова:
— Поди-тко, Вольга Святославовичъ,
— Со своею со дружинушкой хороброю,
60 — Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьяновати!
— Далече ль, Вольга, Ѣдешь, куда путь держинъ
— Со своею со дружинушкой хороброю?—
« Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
« Іду къ городамъ за получкою:
65 « Ко первому городу ко Гурчевцу,

¹⁾ По разсказу другого пѣвца, кобылу ратая звали: „Обнеси голова“.

« Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
 « Ко третьему городу ко Крестьяновцу ».

Говорилъ оратай таковы слова:

— Ай же, Вольга Святославовичъ!

70 — А недавно я былъ въ городѣ, третьёво-дни,

— На своей кобылкѣ соловоей,

— Увезъ я отоль соли столько два мѣха,

— Два мѣха соли по сороку пудъ.

— И живутъ-то мужики все разбойники,

75 — Оны просятъ грошевъ подорожныхъ;

— А былъ я съ шалыгой ¹⁾ подорожною,

— Платилъ имъ гроши подорожные:

— Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитьъ,

— А который сидя сидить, тотъ и лежа лежитъ,

80 — А кой лежа лежить, тотъ и вѣкъ не стоить.—

Говорилъ Вольга таковы слова:

« Ай же, оратай, оратаюшко,

« Пойдемъ со мною въ товарищахъ!

« А ко славному городу ко Гурчевцу

85 « И къ тымъ городамъ за получкою ».

Этотъ оратай-оратаюшко

Гужики шелковенъки повыстенулъ ²⁾,

Кобылку изъ сошки повывернуль,

Снялъ онъ хомутики съ кобылушки.

90 Сѣли на добрѣхъ коней, побѣхали.

Говорить оратай таковы слова:

— Ай же, Вольга Святославовичъ!

— Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,

— И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,

95 — А гля-ради мужика деревенщины.

— Сколнутъ ³⁾ омѣшики булатніи,

— А и не чимъ мнѣ буде крестьяновати.

— Какъ бы сошка съ земельки повыдернути,

— Изъ омѣниковъ земелька повытрахнути

¹⁾ То же, что *шелеупуга*: плеть съ обвязанной пулей, кистень. *Б.*

²⁾ *Повыстенулъ*: и зѣбъ не произносится.

³⁾ Сколотять (снимутъ).

- 100 — И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ?—
 Молодой Вольга Святославовичъ
 Посылаеть онъ съ друдинушки хоробрыя
 Пять молодцевъ могучихъ,
 Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
 105 Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
 Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
 Эта друдинушка хоробрая,
 Пять молодцевъ могучихъ,
 Прѣхали къ сошкѣ кленовоя:
 110 Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
 А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
 Изъ омѣшиковъ земельки иовытряхнуть,
 Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
 Молодой Вольга Святославовичъ
 115 Посылаеть онъ цѣлымъ десяточкомъ,
 Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
 Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
 Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
 Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ:
 120 Сошки отъ земли поднять нельзѧ,
 Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
 Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
 Посыдалъ онъ всю друдинушку хоробрую:
 Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
 125 А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
 Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
 Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
 Говорилъ оратай-оратаюшко:
 — Ай же, Вольга Святославовичъ!
 130 — То немудрая друдинушка хоробрая.—
 Подѣхалъ оратай-оратаюшко
 На своей кобылкѣ соловенькой
 Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
 Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
 135 Сошку съ земельки повыдернуль,
 Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнуль,

- Бросиль сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
140 А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь остается.
Сталь Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталь помахивати:
145 « Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
« Этая кобылка конькомъ бы была,—
« За эту кобылку пятьсотъ бы дали ».
Говорилъ оратай таковы слова:
— Глупый Вольга Святославговичъ!
150 — Взяль я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
— И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
— Этая кобылка конькомъ бы была,—
— За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.—
Говорилъ Вольга Святославговичъ:
155 « Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
« Какъ-то тебя именѣмъ зовутъ,
« Какъ звеличаютъ по отечеству? »
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
160 — А я ржи напашу, да во скирды сложу,
— Во скирды складу, домой выволочу,
— Домой выволочу, да дбма вымолочу,
— Драни надеру, да и пива наварю,
— Пива наварю, да и мужичковъ напою.
165 — Станутъ мужички меня покликивати:
— « Молодой Микулушка Селяниновичъ » ¹⁾!

---

¹⁾ Въ другомъ разнорѣчіи роль Микулы приписана Вольгѣ; зато побывальщина, записанная мною въ Шалахѣ, совершенно сходна съ этою. Микула Селяниновичъ уже оказался сильнѣе Вольги; а изъ продолженія былины, которой, къ сожалѣнію, пѣвецъ не могъ припомнить вполнѣ, видно, что онъ мудреѣ Вольги. Въ городѣ, куда они поѣхали, имъ готовили засаду: разобрали мостъ

4.

ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(Гильферд. № 74.)

Старый казакъ Илья Муромецъ
 Ноѣхалъ на добромъ конѣ
 Мимо Черниговъ градъ:
 Подъ Черниговыимъ силушки чернымъ чернѣ,
 5 Чернымъ чернѣ, какъ черна ворона.
 Припустиль онъ коня богатырскаго
 На эту силушку великую,
 Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть,
 Потопталъ и покололь силу въ скромъ времени,
 10 И подъѣхалъ онъ ко городу ко Чернигову.
 Приходятъ мужики къ нему Черниговцы,
 Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ градъ
 И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
 Говоритъ имъ Илья таковы слова:
 15 « Ай же вы, мужики Черниговцы!
 « Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою:
 « А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣзжую,
 « Прямоѣзжую дорогу въ стольно-Кievъ-градъ ».
 Говорили ему мужички Черниговцы:
 20 — Ай же, удаленькій дородній добрый молодецъ,
 — Славный богатырь свято-русский!
 — Прямоѣзжею дорожкою въ Kievъ пятьсотъ верстъ,
 — Окольною дорожкою цѣла тысяча.
 — Прямоѣзжая дороженька заколодѣла,

и Вольга погибъ бы тутъ со всей своею дружиною, если бы его не спасъ Микула Селяниновичъ. [Рябининъ въ другой разъ продолжалъ Рыбникову былину такъ: „Поѣхали къ городамъ за получкою, Пріѣхали къ рѣчкѣ Смородинкѣ; Подѣланы мосточки поддѣльные, Сдѣланы подконы великие, И поставлены ножи все булатніе...“ Ред.] Потомъ Микула угощалъ Вольгу у себя и послѣ угощенія отпустилъ въ Киевъ. Было у того Микулы три дочери-полевицы: Василиса, Настасья и Марья: всѣ онѣ наслѣдовали и силу, и мудрость отцовскую. См. другія былины.

25 — Заколодѣла дорожка, замуравѣла;
 — Сѣрый звѣрь тутъ не прорысывать,
 — Черный воронъ не пролетывать:
 — Какъ у тоя у Грязи у Черныя,
 — У тоя у березы у покляпья,
 30 — У славнаго креста у Леванидова,
 — У славненькой у рѣчки у Смородинки,
 — Сидить Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
 — Сидить Соловей во сыромъ дубу,
 — Свищетъ Соловей онъ по-соловьему,
 35 — Воскричить-то онъ, злодѣй, по-звѣриному:
 — Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
 — Всѣ травы-муравы укletaются ¹⁾),
 — Лазуревы цвѣточки отсыхаются,
 — Что есть людошекъ, всѣ мертвы лежать.—
 40 Илья Муромецъ спущалъ коня онъ богатырскаго,
 Поѣхалъ по дорожкѣ прямоѣзжія,
 Бралъ онъ въ руку плеточку шелковеньку,
 Билъ коня онъ по тучной бедры,
 Вынуждалъ коня скакать во всю силушку великую.
 45 Пошелъ его добрый конь богатырскій
 Съ горы на гору перескакивать,
 Съ холмы на холму перемахивать,
 Мелки рѣченъки, озерка между ногъ спущать;
 Подѣгаетъ онъ ко Грязи той ко Черныя,
 50 Ко славныя березы ко покляпья,
 Ко тому кресту ко Леванидову,
 Ко славненькой рѣчкѣ ко Смородинкѣ.
 Какъ засвищеть Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
 Засвисталь-то Соловей по-соловьему,
 55 Воскричалъ злодѣй-разбойникъ по-звѣриному:
 Темны лѣсушки къ землѣ поклонилися,
 Что есть людошекъ, мертвы лежать,
 Ильи Муромца добрый конь потыкается.
 Онъ билъ коня по тучной бедры,

¹⁾ Поблескнуть.

60 Билъ коня, самъ выговаривалъ:

« Ай же ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!

« Ты итти не хошь, али нести не можь ¹⁾?

« Не слыхалъ ты, видно, посвисту соловьеваго,

« И не слыхалъ ты покрику звѣринаго,

65 « И не видалъ, видно, ударовъ богатырскіхъ,

« Что ты, собака, на корзнѣ потыкаешься! »

Становилъ коня онъ богатырскаго,

Свой тугій лукъ разрывчатый отстегивалъ

Отъ праваго отъ стремечка булатняго,

70 Накладывалъ-то стрѣлочку каленую

И натягивалъ тетивочку шелковеньку,

Спускаль-то онъ въ Соловья во разбойника:

Вышибъ ему правое око со косицею ²⁾,

Палъ-то Соловей на сырь землю.

75 Старый казакъ Илья Муромецъ

Пристенулъ ³⁾ его ко правому ко стремени,

Ко правому ко стремечку булатнему.

Онъ поѣхалъ по раздольицу чисту полю

Ко этому ко гнѣздышку къ Соловьевому.

80 И со этого со гнѣздышка Соловьяго

Усмотрѣла его больша дочь Невеюшка,

Говорить Невея таково слово:

— Ёдетъ нашъ батюшка раздольицемъ чистымъ полемъ ⁴⁾,

— И сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскоемъ,

85 — И везеть онъ мужичища деревенщину,

— Ко стремени булатнему прикована.—

Посмотрѣла его друга дочь Ненилушка,

Говорить Ненила таковы слова:

« Ёдетъ нашъ батюшка раздольицемъ чистымъ полемъ,

90 « И сидить онъ на добромъ конѣ богатырскоемъ,

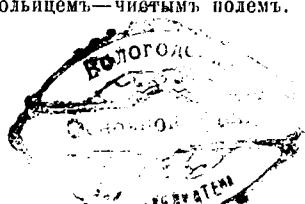
¹⁾ Хошь вм. хочешь, мошь вм. можешь.

²⁾ Вискомъ.

³⁾ Пристегнуль.

⁴⁾ Стихъ, конечно, таковъ:

Ёдетъ нашъ батюшка раздольицемъ,
Раздольицемъ—чистымъ полемъ.   Б.

« И всесть онъ мужичища деревенщину,
 « Ко стремени булатнему прикована ».

Посмотрѣла Нелька, его третья дочь,
 Говорила Нелька таковы слова:

95 — Ёдетъ мужичище деревенщина
 — Раздольицемъ чистымъ полемъ,
 — И везеть-то государя батюшку
 — Къ стремени булатнему прикована:
 — Ему выбито право око со косицею.

100 — Ай же, мужевья наши любимые!
 — Хватайте-тко рогатины звѣриныя,
 — Вѣжите-ка въ раздольице чисто поле,
 — Побейте мужичища деревенщину!—

Эти зятевья Соловьиные

105 Похватали рогатины звѣриныя,
 Выбѣгали во раздольице чисто поле,
 Они хотуть бить мужичища деревенщину.
 Воскричаль Соловей имъ во всю голову:
 « Ай же, зятевья мои любимые!

110 « Побросайтэ-тко рогатины звѣриныя,
 « Вы ведите-тко богатыря свято-русскаго
 « Во мое во гнѣздышко Соловьеве,
 « Кормите юствушкой сахарнею,
 « Пойте его питьицемъ медяннымъ,
 115 « Дарите ему дары драгоценные » ¹⁾.

• • • • •
 Не поѣхалъ въ гнѣздышко Соловьеве,

¹⁾ Побывальщина такъ замѣщаетъ этотъ пропускъ:

Какъ поѣхалъ онъ ко зятю ко большему,
 Старшая сестра была догадлива,
 Поднимала въ верёхъ подворотенку,
 Подворотня вѣсомъ-то ста пудовъ,
 Хочеть спустить на буйную головушку,
 Хочеть убить Илью Муромца.
 Ильѣ-то было не къ суду пришло,
 Увидалъ онъ надъ собою подворотенку.
 Отбивалъ ю ручкой правою,
 Убивалъ-то сестрицу большую.

А поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
 Ко ласкову ко князю ко Владиміру.
 Пріѣхалъ онъ ко князю на широкій дворъ,
 120 Становилъ онъ коня посередъ двора,
 Шель онъ въ палату бѣлокаменну.
 А Владиміръ князь вышелъ со Божьей церкви,
 Отъ той отъ обѣденки Христосъскія.
 Садился онъ за столики дубовые,
 125 За тыя за скамеечки окольныя,
 Їсти ѿтвушекъ сахарніихъ,
 Нити питьицевъ медвяныхъ.
 Илья Муромецъ спелъ въ палату бѣлокаменну;
 Онъ крестъ кладетъ по-писаному,
 130 Поклонъ-то ведеть по-ученому,
 На вѣсъ на три на четыре на сторонки поклоняется,
 Самому-то князю Владиміру въ особину
 И вѣмъ его князьямъ подколѣннымъ.
 Сталъ Владиміръ князь выспрашивать:
 135 — Ты откулешный, дородній добрый молодецъ,
 — Тобя какъ молодца именѣмъ назвать,
 — Звеличать удалаго по отечеству?—
 Говорилъ ему Илья таковы слова:
 140 « Есть я изъ города изъ Муромля,
 « Со славнаго съ села Карапарова,

[Самъ Рябининъ позднѣе пѣлъ собирателю это мѣсто въ такомъ видѣ:

Старый казакъ Илья Муромецъ
 Подѣхалъ ко гнѣздышку Соловьеву.
 Его добрый конь богатырскій
 Перескочилъ въ ворота Соловьевыя
 И ударилъ головушкой въ задній тынъ.
 Тутъ его большая дочь Невѣюшка
 Отдернула каточки надъ воротами,
 И спустила желѣзный брусь въ девяносто пудъ,
 И не могла угодить въ буйну голову.
 Тутъ Илья соходилъ съ добра коня,
 Порастрепалъ гнѣздо Соловьевое,
 Пораздернуль дочерей Соловьевыхъ,
 Показніль зятей Соловьевыхъ,
 Соловья повезъ въ столицъ Кіевъ градъ.] Ред.

« Именемъ меня Ильей зовутъ,
 « Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ ».
 Сталъ Владими́ръ повыспрашивать:

- 145 — А давно ли ты новы́халъ изъ Муромля,
 — Ты которою дорожкой ѿхалъ въ стольно-Кievъ-градъ?—
 Говорилъ ему Илья таковы слова:
 « Стоялъ-то я заутрену во Муромлѣ,
 « Поспѣвалъ-то къ обѣденькѣ въ стольно-Кievъ-градъ.
- 150 « Дѣло мое дороженькой замѣшгалось:
 « Щохалъ я дорожкой прямойзжею,
 « Прямойзжею мимо славенъ Черниговъ-градъ,
 « Мимо славную рѣченъку Смородинку ».
 Говорилъ Владими́ръ таковы слова:
- 155 — Во глазахъ, мужикъ, ты посмѣхаешься,
 — Во глазахъ, мужикъ, ты подлыгаешься:
 — Подъ городомъ Черниговомъ стоитъ силушка невѣрная,
 — У рѣчки у Смородинки Соловей разбойникъ Одихман-
 тьевъ сынъ,
- Свищеть-то Соловей по-соловьему,
 160 — Кричитъ злодѣй-разбойникъ по-звѣриному.—
 Говорилъ Илья таковы слова:
 « Владиміръ, князь стольно-Кievskij!
 « Соловей разбойникъ на твоемъ дворѣ
 « И прикованъ онъ ко правому ко стремячуку къ булат-
 нему » ¹⁾.
- 165 Туть Владими́ръ, князь стольно-Кievskij,
 Скорешенько ставаль онъ на рѣзы ноги,
 Кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,
 Шапочку соболью на одно ушко,
 Скорешенько бѣжалъ онъ на широкій дворѣ,
 170 Подходитъ онъ къ Соловью къ разбойнику,
 Говорилъ онъ Соловью таковы слова:
 — Засвищи-ка, Соловей, по-соловьему,

¹⁾ Стихъ опять таковъ:

И прикованъ онъ ко правому ко стремячуку,
 Ко стремячуку ко булатнему. Б.

— Воскричи-тко ты, злодѣй, по-звѣриному!—
Говориль Соловей князю Владиміру:

175 « Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Я сегодня не у васъ вѣдь обѣдаю,
« Не васть я хочу и слушати,
« А обѣдаю у старого казака Ильи Муромца,
« И его хочу я слушати».

180 Говорилъ Владиміръ Ильѣ Муромцу:
— Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!
— Прикажи-тко засвистать по-соловьеву,
— Прикажи-тко воскричать по-звѣриному!—
Говорить Илья Соловью разбойнику:

185 « Засвищи-тко ты, Соловей, по-соловьеву,
« Воскричи-ка, Соловей, по-звѣриному! »

Говорилъ Соловей Ильѣ Муромцу:
« Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
« Мои раночки кровавы запечатались,

190 « И не ходятъ уста мои сахарнія:
« Не могу я засвистать по-соловьеву
« И не могу я воскричать по-звѣриному ».

Говорилъ Илья князю Владиміру:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!

195 « Наливай-ка ты чару зелена вина,
« Не малую стопу—полтора ведра,
« И разводи-тко медамы стоялыми,
« Подноси-тко ты къ Соловью ко разбойнику:
« Тутъ уста его сахарнія расходятся,

200 « И онъ засвищеть намъ по-соловьеву,
« Воскричитъ онъ намъ по-звѣриному ».

Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Скорешенько шель въ палату бѣлокаменну,
Наливаетъ-то онъ чару зелена вина,

205 И не малую стопу—полтора ведра,
Разводиль-то медамы стоялыми,
Подносиль-то къ Соловью ко разбойнику.
Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ
Принималъ онъ эту чару одной рукой,

210 Испивалъ эту чару за единый духъ.

Говорилъ ему Илья Муромецъ:

« Засвищи-тко ты, Соловей, столько въ посвиста со-
ловьяго,

« Закричи-тко столько въ покрика звѣринаго » ^{1).}

Какъ засвисталъ Соловей по соловьему,

215 Закричалъ, злодѣй, онъ по звѣриному;

Отъ этого отъ посвиста соловьяго,

Отъ этого отъ покрика звѣринаго

Очень великъ шумъ пошелъ:

Темные лѣса къ землѣ поклонилися,

220 На теремахъ маковки покривились,

Околенки хрустальныя поразсыпались,

Что есть людошекъ, всѣ мертвы лежать,

А Владиміръ князь стольно-Кievскій

Стоитъ—куньюй шубонькой укрывается.

225 Илья Муромцу это дѣло не слюбилося.

Садился-то Илья на добра коня,

Ѣхалъ Илья въ раздольице чисто поле,

Срубилъ Соловью буйну голову,

Рубилъ ему головку, выговаривалъ:

« Полнотко тобѣ слезить отцевъ-матерей,

« Полнотко вдовить женъ молодыхъ,

« Полно спущать сиротать малыхъ дѣтушекъ! »

Тутъ Соловью и славу поютъ ^{2).}

¹⁾ Стихи слѣдуетъ раздѣлить и дополнить по вышеприведеннымъ образ-
цамъ. *Б.*

²⁾ То-есть, тутъ Соловью и конецъ. *Б.*

5.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ДОЧЬ.

(Гильферд. № 77).

На славной на Московской на заставы
 Стояло двѣнадцать богатырей безъ единаго.
 Но нихъ, по славной Московской заставы,
 Пѣхотою никто не прохаживалъ,
 5 На добромъ конѣ никто не проѣживалъ,
 Сѣрый звѣрь не иорыскивалъ,
 Птица черный воронъ не пролетывалъ.
 Проѣхала паленичища удалая,
 Конъ подъ нею какъ сильна гора,
 10 Паленица на конѣ какъ сѣнна копна;
 И надѣта на головушку у пей шапочка пушистая.
 Пушистая шапочка и завѣсистая:
 Спереду-то не видать лица румяного,
 И сзаду не видно шеи бѣлой.
 15 Она ѿхала, собака, насмѣялася,
 Не сказала Божьей помочи богатырямъ,
 Проѣхала въ раздольце въ чисто поле,
 Стала по соловьеву посвистывать,
 И стала-то во всю голову покрикивать,
 20 Кличеть-выкликаетъ поединника,
 Супротивъ себя да супротивника:
 « Ежели Владиміръ князь стольно-Кіевскій
 « Не дастъ онъ мнѣ поединника,
 « Супротивъ меня да супротивника,
 25 « Самого-то я Владимира подъ мячъ ¹⁾ склоню,
 « Подъ мячъ склоню, да голову срублю,
 « Церныхъ мужиковъ-то всѣхъ повырублю,
 « Божки церкви все на дымъ спущу ».
 Стоятъ богатыри, пораздумались.

¹⁾ Мечъ.

30 Говорить-то старый казакъ Илья Муромецъ:
 « Ай же вы, братыща мои крестовые,
 « Дружинушка добрая, хоробрая!
 « Стоимъ мы на славной Московской на заставы ¹⁾;
 « По той ли по славной Московской заставы
 35 « Прѣхотою никто не прохаживалъ,
 « На добромъ конѣ никто не проѣзживалъ,
 « Сѣрый звѣрь не прорыскивалъ,
 « Птица черный воронъ не пролетывалъ:
 « Прѣхала паленичища удалая,
 40 « Ёхала, собака, въ глазахъ насыпалася,
 « Не сказала Божьей помочи богатырямъ.
 « На головкѣ у ней шапочка пушистая,
 « Пушистая у ней шапочка и завѣсистая:
 « Спереду-то не видать лица румяного
 45 « И сзаду не видно шеи бѣлыхъ.
 « Ёздить-то она по раздолыцу чисту полю,
 « Посвистываетъ она по соловьему,
 « Покрикиваетъ она во всю голову,
 « Выкликаетъ она поединщика,
 50 « Супротивъ себя да супротивника.
 « Кого же намъ послать въ раздолыце въ чисто поле
 « По отвѣдати-то силы у поганаго? »
 — Послать молода Алешеньку Поповича.—
 Повыѣхаль Алеша во чисто поле,
 55 Посмотрѣль на паленицу за ²⁾ сыра дуба,
 То не смѣй онъ къ паленицы и подѣхати;
 Поскорешенько Алеша поворотъ держаль,
 Говориль-то Алеша таковы слова:
 « Ай же, братыща мои крестовые!

¹⁾ Дополнено тѣмъ же пѣвцомъ въ другой разъ:

« Думаемъ думушку крѣпкую:
 Какъ бы намъ сохранить стольно-Кievъ градъ,
 И какъ бы намъ оберечь каменна Москва,
 И какъ бы намъ сохранить святая Русь,
 Чтобъ не єздили татары на святой Руси,
 Не побивали бѣ мужичковъ святоруськихъ. Ред.

²⁾ Изъ-за.

60 «Хоть быль-то я въ раздольицѣ чистомъ полѣ,
 «Посмотрѣлъ на паленицу за сыра дуба,
 «И не смѣй я къ паленицы и подъѣхати,
 «И не смѣль-то ея силушки отвѣдати».
 — Послать молода Добрыньюшку Никитинца.—
 65 Повыѣхалъ Добрыня во чисто поле,
 Подъѣхалъ къ паленицы ко удалыя,
 То не смѣй у ней онъ силушки отвѣдати,
 Поскорешеньку Добрыня цоворотъ держаль,
 И пріѣхалъ онъ на Скатъ-гору высокую,
 70 И говорилъ-то Добрыня таковы слова:
 «Хоть быль-то я въ раздольицѣ чистомъ полѣ,
 «Посмотрѣлъ на паленицу на удалую:
 «На правой-то рукѣ сидить словей,
 «На лѣвой-то рукѣ жавроленоочекъ.
 75 «Не смѣль я къ паленичищѣ подъѣхати,
 «Не смѣль я у ней силушки отвѣдати » ¹⁾).
 Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
 «А на бою-то мнѣ-ка смерть не писана:
 «Поѣду я въ раздольице чисто поле,
 80 «Поотвѣдаю я силы у поганаго».
 Садится-то Илья на добра коня,
 Поѣзжаетъ онъ со Скатъ-горы высокія.
 Говорилъ ему Добрыньюшка Никитинецъ:
 — Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
 85 — Поѣзжаешь ты въ раздольице чисто поле,

¹⁾ Стихи 53—77 имѣли въ другой разъ у Рябинина такой варіантъ:

- «Намъ кого послать въ раздольицо чисто поле?
- «Послать молода Алешеньку Поповича:
- «Такт Алеша силой не силенъ,
- «Силой не силенъ, напускомъ смѣль;
- «Убить его паленичище удалое,
- «Не будетъ богатыря на Святой Руси.
- «Послать молода Добрыньюшку Никитинца:
- «Силушка въ Добрыньюшкѣ великая,
- «И собой Добрыня очень обворотистый,
- «Столько Добрыня напускомъ застойсливый,
- «Застойсливый и задумсливый». Ред.

— На этии побои на смертные,
 — На этии удары на тяжелые:
 — Намъ куда велишь итти, да куда ъхати?—
 Говориль-то старый казакъ Илья Муромецъ:
 90 « Ай же, братыца мои крестовые!
 « Но ъзжайте-тко на гору Сорочинскую,
 « Посмотрите-тко на драку богатырскую:
 « Когда надо мною будетъ безвремянице,
 « Поспѣшайте-то, братыца, ко мнѣ на выруку ».
 95 Онъ ъхалъ по раздолыи чисту полю
 И подъ ъхалъ онъ подъ гору Сорочинскую,
 Сходилъ тамъ съ добра коня богатырского,
 И вшелъ-то онъ на гору Сорочинскую;
 Посмотрѣль на паленичище удалое:
 100 ъздить паленица по чисту полю,
 ъздить паленица въ полѣ, тѣшится,
 Шутить она шуточку не малую,—
 Кидаетъ она палицу булатнюю
 Подъ эвтую подъ облаку ходячую,
 105 Подъ ъзжаетъ-то она на добромъ конѣ,
 Подхватить эту паличку одной рукой,
 То какъ лебединымъ перышкомъ иоигрываетъ;
 И не велика эта палица булатняя,
 Вѣсомъ-то она да девяноста пудъ.
 110 У старого казака Ильи Муромца
 Его сердце богатырское пріужахнулось.
 Сходилъ онъ со горы Сорочинскія,
 Приходилъ онъ къ добруму коню богатырскому,
 Паль-то онъ на бедра лошадиныя,
 115 И говорилъ-то онъ таковы слова:
 « Ай же ты, мой бурушко косматенькой!
 « Послужи-тко ты мнѣ вѣрою и правдою,
 « Послужи но старому и по прежнему,
 « Чтобъ не побилъ бы насъ поганый во чистымъ полѣ
 120 « Не срубилъ бы онъ моей буйной головушки,
 « Не распласталъ бы моей онъ груди бѣлыи.
 « Хоть на бою мнѣ смерть не писана,

« Переступитъ сила черезъ великъ законъ ».
 Садился-то Илья на добра коня,
 125 Онъ ъхалъ раздолыцемъ чистымъ полемъ
 И на ъхалъ паленичищу удалую,
 Онъ подъ ъхалъ къ паленицы со бѣла лица.
 Становили оны коней богатырскіихъ,
 Оны сдѣлали сговоръ да промежду собой,
 130 Что разъѣхаться съ раздолыца чиста поля
 На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
 Пріударити во палицы булатнія.
 Разъѣхались съ раздолыца чиста поля
 На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
 135 Пріударили во палицы булатнія,
 Оны другъ друга били нежалухою
 И со всея силы богатырскія,
 И били оны другъ друга по бѣлымъ грудямъ,
 Какъ подъ нима были доспѣхи очень крѣпкіе:
 140 У нихъ палицы въ рукахъ-то погибалися,
 По макомкамъ ¹⁾ отломилися;
 Оны другъ друга не сшибли со добрыхъ коней,
 Оны другъ друга не били, не ранили,
 Ни котораго мѣстечка не кровавили.
 145 Становили добрыхъ коней богатырскіихъ,
 Оны сдѣлали сговоръ да промежду собой,
 Что разъѣхаться съ раздолыца чиста поля
 На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
 Пріударить надо въ копья Муржамецкія.
 150 Какъ разъѣхались съ раздолыца чиста поля,
 Пріударили во копья Муржамецкія,
 Оны другъ друга били по бѣлой груди,
 По бѣлой груди били нежалухою
 И со всея силы богатырскія;
 155 Подъ нима доспѣхи были очень крѣпкіе:
 У нихъ копья въ рукахъ погибалися,
 По маковкамъ копья отломилися;

¹⁾ По маковки Б.

Оны другъ друга не сшибли со добрыхъ коней,
 Оны другъ друга не били, не ранили,
 160 Ни котораго мѣстечка не кровавили.
 Становили добрыхъ коней богатырскіихъ
 И сходили со добрыхъ коней на матушку сырь землю:
 Надо биться молодчамъ имъ боемъ-рукопашкою
 И отвѣдать надо силушки великоей.

165 Эта паленичища удалая
 Она была зла-догадлива,
 Подходила ко богатырю могучему,
 Старому казаку Ильѣ Муромцу,
 Подхватила-то его на косу бодру ¹⁾)
 170 И здынула выше головы,
 И ступила на бѣлую грудь,
 И беретъ свою рогатину звѣриную,
 Заносила руку правую выше головы
 И спустить хотѣла ниже пояса.
 175 Тутъ по Божьему повелѣнію
 Рука правая въ плечѣ застоялася,
 Въ очахъ у ней свѣтъ помущается;
 Она стала у богатыря выспрашивать:
 « Ты скажи-то мнѣ, богатырь свято-русскій:
 180 « Какъ-то молодца по имени зовутъ,
 « Звеличаютъ удалаго по отечеству? » ²⁾
 На бою-то Ильѣ смерть не написана.
 Разгорѣлось его сердце богатырское:
 Какъ отмахнетъ свою руку правую,
 185 И сшибъ онъ паленицу со бѣлой груди.
 Онъ скорешенько скочилъ да на рѣзвы ноги,
 Схватилъ-то паленицу за желты кудри,
 Здынуль онъ паленицу выше головы,
 Спустилъ-то на матушку сырь землю,
 190 Ступилъ онъ паленицы на бѣлы груди,

1) Бедру.

2) Изъ послѣдующихъ словъ паленицы видно, что она, въ случаѣ побѣды, никакъ не стала бы спрашивать объ имени и отчествѣ побѣжденнаго; поэтому я эти четыре стиха считаю вставными.

Береть свой ножъ булатній во бѣлы руки,
Заносиль онъ ручку правую выше головы
И спустить ю хочетъ ниже пояса.

Права рученька его въ плечѣ застоялася,
195 Во ясныхъ очахъ свѣтъ помущается;
Сталь у паленицы выспрашивати:
— Скажи-ка мнѣ, паленица, попровѣдай-ка ¹⁾,
— Ты съ коѣй земли, да ты съ коей Литвы,
— Какъ паленицу именемъ зовутъ,
200 — Звеличаютъ удалую по отечеству?—

Говорила паленица таковы слова:
« Ай же ты, старая базыга ²⁾ ново-древняя!
« Тобѣ просто ³⁾ надо мною насмѣхатися,
« Какъ стоишь ты надъ мою грудью бѣлою,
205 « Во рукахъ держишь кинжалище булатнее!
« Есть бы была я на твоей бѣлой груди,—
« Пластала бы я твои груди бѣлыя,
« Доставала бы твое сердце со печенью,
« И не спросила бы ни батюшка, ни матушки,
210 « Ни твоего роду и ни племени».

Береть свой ножъ булатній во бѣлы руки,
Заносиль онъ ручку правую выше головы
И спустить ю хочетъ ниже пояса.

Права рученька его въ плечѣ заостоялася,
215 Во ясныхъ очахъ свѣтъ помущается;
Сталь у паленицы выспрашивати:
— Скажи-ка мнѣ, паленица, попровѣдай-ка,
— Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
— Какъ паленицу именемъ зовутъ,
220 — Звеличаютъ удалую по отечеству?—

Говорила паленица таковы слова:
« Ай же ты, старая базыга ново-древная!
« Тобѣ просто надо мною насмѣхатися,
« Какъ стоишь ты надъ мою грудью бѣлою,

¹⁾ Проповѣдай, повѣдай. Б.

²⁾ Хрычъ. Б.

³⁾ Легко. Б.

- 225 « Во рукахъ держиши кинжалище булатнее!
   « Есть бы была я на твоей бѣлой груди,—
   « Пластала бы я твои груди бѣлыя,
   « Доставала бы твое сердце со печенью,
   « И не спросила бы ни батюшка, ни матушки,
 226 « Ни твоего роду и ни племени».
   Беретъ свой ножъ булатній во бѣлы руки,
   Заносиль онъ ручку правую выше головы
   И спустить ю хочетъ ниже пояса.
   Права рученька его въ плечѣ застоялася,
 235 — Во ясныхъ очахъ свѣтъ помущается,
   Сталь у паленицы высирашивати:
   — Скажи-ка мнѣ, паленица, попровѣдай-ка,
   — Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
   — Какъ паленицу именемъ зовутъ,
 240 — Звеличаютъ удалую по отечеству?—
   Говорила паленица и заплакала:
   « Ай же, удаленныій дородный добрый молодецъ!'
   « Есть-то я изъ темной орды, хороброй Литвы,
   « Есть-то я вдовина dochь¹⁾);
 245 « У меня была матушка калачница,
   « Калачи пекла, поторговывала,
   « Тымъ меня и воспитывала;
   « И я возрасла до полнаго до возраста,
   « Имѣю силу великую въ могучихъ плечахъ;
 250 « Избирала я коня богатырского,
   « И послала меня матушка
   « На славну на святую Русь
   « Проповѣдати про батюшка».
   Старый казакъ Илья Муромецъ
 255 Скорешенько соскочить со бѣлыхъ со грудей,
   Беретъ ю за ручушки за бѣлыя
   И за нея за перстни за злаченые,
   Становиль-то ю да на рѣзвы ногти,
   Цѣловадъ онъ ю во уста во сахарнія

---

¹⁾ И Ванька—«Удовкинъ», т.-е. вдовинъ сынъ.

260 И говорилъ онъ съ ней таковы слова:

- Жилъ я въ хороброй Литвы
- По три году поры-времени,
- Выхаживалъ дани-выходы отъ князя Владимира,
- И жилъ я у твоей родителя-у-матушки,
- 265 — Спалъ я на кроватки на тесовыея,
- На той на перинкѣ на пуховоей,
- У нея у самой на правой ручкѣ.—

И называлъ ю дочерью себѣ любимою.

Оны сѣли на добрыхъ коней богатырскіихъ

270 И поѣхали по славну по раздольицу чисту полю,
И въ раздольицѣ чистомъ полѣ разѣхались.

Старый казакъ Илья Муромецъ

Послѣ бою, послѣ драки великия

Пораздернуль шатерь бѣленъкій полотняный,

275 Легъ онъ спать да прохлождатися.

А паленица-то удалая,

Она їздитъ во чистомъ полѣ,

Сама она да и пораздумала:

«Хоть я їздила на матушку святую Русь,

280 «То я сдѣлала насмѣшку на Святой Руси:

«Онъ назваль мою-то матку б.....

«А меня-то назваль вы.....й.

«А поѣду я ко городу ко Кіеву

«И набѣду я богатыря въ чистомъ полѣ,

285 «Убью-то я богатыря въ чистомъ полѣ,

«Не спущу этой насмѣшки на святой Руси».

Подѣбжаетъ къ шатру бѣленъкому полотнянѹ,

Бѣть она рогатиной звѣриной по бѣлу шатру

Со всея со силы богатырскія.

290 Отлетѣль-то шатерь бѣленъкій въ чисто поле:

Спить Илья Муромецъ, высыпается,

Не прохватится ото сна богатырского.

Реветь-то его добрый конь, бурушко косматенъкій,

Бѣть во матушку во сырь землю

295 Правою ногою переднею:

Мать сыра земля продрыгиваетъ,

Илья Муромецъ онъ спить, не прохватится,
 Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
 Эта паленичища удалая
 300 Бѣть рогатиной звѣриною по его бѣлой груди:
 У Ильи-то чуденъ крестъ на воротѣ,
 Не малый крестъ—полтора пуда.
 Пробудился онъ отъ звона отъ крестоваго,
 Скинуль¹⁾ свои очи ясныя:
 305 Стоить паленичища на добромъ конѣ
 Надъ верхомъ, какъ сильна гора,
 И бѣть его рогатиной звѣриной по бѣлой груди.
 Отмахнулъ свою онъ руку правую,
 Онъ отшибъ коня-то отъ бѣлой груди;
 310 Скорешенько скочилъ Илья на рѣзы ноги,
 Схватилъ онъ паленицу за желтѣ кудри,
 Здынуль онъ паленицу выше головы,
 Спустилъ онъ паленицу о сырь землю,
 Спустилъ онъ паленицу, выговаривалъ:
 315 — Не твой-то кусъ, да не тобѣ-то юсть
 — И не тобѣ убить Илью Муромца!—
 Ступилъ онъ паленицы на лѣву ногу
 И подернуль паленицу за праву ногу
 Онъ ю на двое порозорвалъ.
 320 Первшую частиночку рубилъ онъ на мелкѣ куски
 И рыль онъ по раздолицу чисту полю,
 Кормилъ эту частиночку сѣрымъ волкамъ;
 А другую частиночку рубилъ онъ на мелкѣ куски,
 Рыль онъ по раздолицу чисту полю,
 325 Кормилъ онъ частиночку чернымъ воронамъ.
 Тутъ паленицы и славу поютъ.

---

¹⁾ Вскинуль.

6.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ и ИДОЛИЩЕ.

Пріїзжалъ Одолище¹⁾ поганое въ стольно-Кіевъ градъ,
 Со грозою со страхомъ со великимъ,
 Ко тому ко князю ко Владиміру,
 И становился онъ на княженецкій дворъ,
 5 Посыпалъ посла ко князю ко Владиміру,
 Чтобы князь Владиміръ стольно-Кіевскій
 Ладилъ бы онъ ему поединника,
 Супротивъ его силушки супротивника.
 Приходилъ посланникъ ко Владиміру
 10 И говорилъ посланникъ таковы слова:
 « Ты, Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
 « Ладъ-ка ты поединника во чисто поле,
 « Поединника и супротивничка съ силушкой великою,
 « Чтобы могъ онъ съ Идолищемъ поправиться. »
 15 Тутъ Владиміръ князь ужахнулся,
 Пріужахнулся да и закручинился.
 Говорить Илья таковы слова:
 « Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся:
 « На бою мнѣ-ка смерть не написана,
 20 « Поѣду я въ раздольице чисто поле
 « И убью-то я Идолища поганаго ».
 Обуялъ Илья лапотики шелковые,
 Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
 На головушку надѣлъ шляпку земли греческой
 25 И пошелъ онъ ко Идолищу къ поганому.
 И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:
 Не взялъ съ собой палицы булатнія
 И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя;
 Идетъ-то дорожкой—пораздумался:
 30 « Хопъ иду-то я къ Идолищу поганому,
 « Ежели будеть не пора мнѣ-ка не времячко,

¹⁾ Идолище.

« И съ чимъ мнѣ съ Идолищемъ будетъ поправиться? »
На тую пору на то времячко,
Идеть ему въ стрѣту каличище Иванище,
35 Несетъ въ рукахъ клюху девяноста пудъ.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
« Ай же ты, каличище Иванище!
« Уступи-тко мнѣ клюхи на времячко,—
« Сходить мнѣ къ Идолищу къ поганому? »
40 Не даетъ ему каличище Иванище,
Не даетъ ему клюхи своей богатырской.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
« Ай же ты, каличище Иванище!
« Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:
45 « Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,—
« Я тебя убью, мнѣ клюха и достанется ».
Разсердился каличище Иванище,
Здынулъ эту клюху выше головы,
Спустилъ онъ клюху во сырь землю,
50 Пошелъ каличище,—завѣрыдалъ.
Илья Муромецъ одва досталь клюху изъ сырой земли.
И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну
Ко этому Идолищу поганому,
Пришелъ къ нему и проздравствовалъ.
55 Говорилъ ему Идолище поганое:
— Ай же ты, калика перехожая!
— Какъ великъ у васъ богатырь, Илья Муромецъ?—
Говорить ему Илья таковы слова:
« Толь великъ Илья, какъ и я ».
60 Говорить ему Идолище поганое:
— По многу ли Илья вашъ хлѣба Ѣсть,
— По многу ли Илья вашъ пива пьеть?—
Говорить Илья таковы слова:
« По стольку Ѣсть Илья, какъ и я,
65 « По стольку пьеть Илья, какъ и я ».
Говорить ему Идолище поганое:
— Экой вашъ богатырь Илья:
— Я вотъ по семи ведръ пива пью,

— По семи пудъ хлѣба кушаю.—

70 Говорилъ ему Илья таковы слова:

« У нашего Ильи Муромца батюшка бытъ крестьянинъ,

« У ёго была корова йдучая:

« Она много пила-ѣла и лопнула.—

Это Идолищу не слюбилося:.

75 Схватилъ свое кинжалыще булатнее

И махнулъ онъ въ калику перехожую

Со всея со силушки великия.

И пристранился Илья Муромецъ въ сторонушку малешенько,

Пролетѣлъ его мимо-то булатній ножъ,

80 Пролетѣлъ онъ на вонную сторону съ простѣночкомъ.

У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,

Схватилъ съ головушки шляпку земли греческой,

И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,

И разсѣкъ онъ Идолище на полы.

85 Тутъ ему Идолищу славу поютъ.

7.

ИЛЬЯ, ЕРМАКЪ и КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Отсыпалъ Татаринъ Турицъ на святую Русь,

Отсыпалъ онъ Турицы и наказывалъ:

« Повѣжайтѣ-ка, Турицы, на святую Русь,

« И ко славному ко городу ко Киеву,

5 « Что ни будь вы тамъ да попровѣдайте,

« Что дѣбется на матушкѣ святой Руси ».

И сѣхались Турицы на святую Русь,

И прїѣхали Турицы въ стольно-Кievъ-градъ:

Хоть отдалій-то Турицы поганые

10 Посмотрѣли на князя на Владимира,

И прїѣхали къ Татарину поганому.

Сталь Татаринъ у нихъ спрашивать:

« Гдѣ же вы, мои Турицы, были-побыли,

« Что же вы, мои Турицы, видѣли? »

15 Говорять ему Турицы таковы слова:

— То мы побыли на матушкѣ святой Руси,

— Во славноемъ во городѣ во Киевѣ,

— То мы видѣли во городѣ во Киевѣ,

— Какъ со матушки съ Божіей церкви

20 — Шла дѣвица душа красная,

— На рукахъ книгу несла во-евангелье.

— Причитаючись она да слезно плакала.—

Говориль Татаринъ таковы слова:

« Ай вы глупые Турицы, неразумные!

25 « Не дѣвица тутъ шла душа красная,

« А тутъ шла мать пресвятая Богородица,

« На рукахъ книгу несла во-евангелье:

« Она вѣдала надъ Кіевомъ невзгодушку,

« Ту она и слезно плакала ».

30 Снаряжается царь Калинъ со своею силушкой великою,

Посылаетъ онъ посла въ стольно-Кіевъ-градъ,

Ко ласкову ко князю ко Владиміру;

Посыпалъ посла, ему наказывалъ:

« Поѣзжай-ка ты, посолъ, въ стольно-Кіевъ-градъ

35 « Ко ласкову князю ко Владиміру на широкій дворъ,

« И спущай-ка ты коня на посыльный дворъ,

« Самъ поди въ палату бѣлокаменну,

« Креста не клади по писаному,

« Поклоновъ не веди по ученому

40 « И не бей челомъ на всѣ стороны,

« Ни самому-то князю Владиміру,

« Ни его князьямъ подколѣннымъ ¹⁾,

« И полагай-то ты грамоту посыльную на золотъ стуль,

« И пословесно князю выговаривай:

45 « Очистиль бы онъ улицы стрѣлецкія

« И всѣ большиe дворы княженецкіе,

« Чтобы было гдѣ стоять царю Калину

¹⁾) Колѣно значитъ старшій въ семье; слѣдовательно подколѣнныe князья—младшіе, удѣльные князья.

« Со своею силушкой великою ».

Пріѣжалъ посолъ въ стольно-Кievъ градъ,

50 Ко князю Владиміру на широкій дворъ,

Спускаеть коня на посыльный дворъ,

Самъ идеть въ палату бѣлокаменну;

На пяту онъ дверь поразмахиваль,

Креста онъ не клалъ по писаному

55 И не вель поклоновъ по ученому,

Ни самому-то князю Владиміру

И не его князьямъ подколѣнныимъ,

Полагаль онъ грамоту посыльную на золотъ стуль,

И пословечно онъ, собака, выговариваль:

60 « Ты Владиміръ, князь стольно-Кievскій!

« Пріочисти-тко улицы стрѣлецкія

« И всѣ дворы княженецкіе,

« Чтобы было гдѣ жить царю Калину

« Со своею силушкой великою ».

65 Поскорешенько посолъ поворотъ держаль,

Садился онъ скорехонъко на добра коня

И онъ поѣхаль по раздольицу чисту полю.

А Владиміръ князь въ палатахъ княженецкіихъ

Онъ сидить, да пріужахнулся;

70 Говорить Владиміръ таковы слова:

— Какъ на почестный пиръ-пированьице

— Съѣзжаются многіе русскіе могучіе богатыри

— Ко славному ко князю ко Владиміру;

— Какъ теперь вѣдаютъ на Kievъ невзгодушку,

75 — Такъ не Ѣдуть оны ко князю ко Владиміру,

— Сидять въ своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ,

— Во комнатахъ во богатырскихъ!—

На пяту тутъ двери растворилися,

Приходитъ молоцъ въ палату бѣлокаменну,

80 Крестъ онъ кладеть по писаному,

Поклонъ ведеть по ученому,

На всѣ на три, на четыре на сторонки покланяется,

Самому князю Владиміру въ особину

И всѣмъ его князьямъ подколѣнныимъ.

- 85 Самъ онъ пословечно выговаривать:
 « Ласковый Владимиръ, князь стольно-Кievskii!
 « Посланъ я изъ заставы Московской!
 « У русскихъ у могучихъ богатырей
 « Есть подогнано Литвы много поганья
- 90 « Ко славному ко городу ко Киеву.
 « Такъ ты накладывай первы мисы чиста серебра,
 « Другія мисы красна золота,
 « Третыи мисы скатна жемчуга,
 « Отошли-тко эти мисы во чисто поле
- 95 « Ко тому Татарину поганому,
 « Чтобы даль намъ поры-времени на три мѣсяца
 « Очистить улицы стрѣлецкія
 « И всѣ велиkie дворы княженецкіе ».
- Туть Владимиръ князь стольно-Кievskii
- 100 Шель скорешенько на погреба глубокіе,
 Накладывалъ первы мисы чиста серебра,
 А другія мисы красна золота,
 А третыи мисы скатна жемчуга;
 И повезъ тихій Дунаюшка Ивановичъ
- 105 Эты мисы ко Татарину поганому.
 Далъ-то имъ Татаринъ поры-времени,
 Поры-времени даль на три мѣсяца
 Прочистить улицы стрѣлецкія
 И всѣ велиkie дворы княженецкіе.
- 110 Въ туу порушку въ то времячко
 Ко славному ко князю ко Владимиру
 Приходитъ ощѣ молодецъ въ палату бѣлокаменну,
 На пяту онъ двери поразмахивать,
 Крестъ онъ кладеть по писаному,
- 115 Поклонъ ведеть по ученому,
 На всѣ три-четыре на сторонки поклоняется,
 Самому князю Владимиру въ особину
 И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ.
 Самъ онъ пословечно выговаривать:
- 120 « Дядюшка Владимиръ, князь стольно-Кievskii!
 « Дай-ка мнѣ прощенъице-благословленъице

« Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
 « Поотвѣдать мнѣ-ка силушки поганаго ».

Говориль ему Владиміръ, князь стольно-Кіевскій:

- 125 — Ай же ты, любимый мой племничекъ,
 — Молодой Ермакъ Тимоющичъ!
 — Не дамъ тобѣ прощенъица-благословленъица
 — Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
 — Поотвѣдать силушки поганаго:
 130 — Ты, Ермакъ, младешенекъ,
 — Младешенекъ, Ермакъ, глупешенекъ.
 — Молодой Ермакъ, ты лѣтъ двѣнадцати,
 — На добромъ конѣ-то ты не ъзживаль,
 — Въ кованомъ сѣдлѣ ты не сиживаль,
 135 — Да и палицы въ рукахъ не держиваль:
 — Ты не знаешь спонаровки богатырскія:
 — Тобя побьетъ Литва поганая;
 — И не будетъ-то у насъ богатыря,
 — То намъ нѣ на кого будетъ понадѣяться.—

140 Говорить Ермакъ, поклоняется:

- « Ай же ты, дядюшка мой родныій,
 « Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
 « Когда не дашь мнѣ прощенъица-благословленъица
 « Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
 145 « Поотовѣдать силушки поганаго,
 « Такъ дай-ка мнѣ прощенъице-благословленъице
 « Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
 « Посмотрѣть столько на силушку поганую. »
 Далъ ему дядюшка прощенъице-благословленъище
 150 Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
 Посмотрѣть на силушку поганую.
 Шелъ онъ во свою палату бѣлокаменну,
 Одѣвалъ-то одежицу забранную;
 И шелъ онъ Ермакъ на широкій дворъ,
 155 Сѣдлалъ добра коня богатырскаго,
 Засѣдывалъ коня, улаживалъ,
 Подкладалъ онъ потничекъ шелковенькій,
 Покладалъ на потничекъ сѣделышко Черкасское,

Подтянуль подпружики шелковыя,
 160 Полагаль стремяночки желѣза булатняго.
 Пряжечки полагаль чиста золота,
 Не для красы, Ермакъ, для угощества,
 А для-ради укрѣпы богатырскія:
 Подпруги шелковыя тянутся,—они нѣ рвутся,
 165 Стремяночки желѣза булатняго гнутся,—они не ломятся,
 Пряжечки красна золота они мокнуть,—не ржавѣютъ.
 Садился Ермакъ на добра коня,
 Береть съ собой палицу булатнюю,
 Береть вострое копье онъ Муржамецкое;
 170 Онъ повѣхалъ въ раздолъице чисто поле,
 Посмотрѣль на силушку поганаго:
 Нагнано-то силушки чернымъ черно,
 Чернымъ черно, какъ чернаго ворона;
 И не можетъ пропекать красное солнышко
 175 Между паромъ лошадинымъ и человѣческимъ;
 Вѣнціемъ долгіимъ денечкомъ
 Сѣрому звѣрю вокругъ не обрыскати,
 Меженнымимъ ¹⁾ долгіимъ денечкомъ
 Черну ворону этой силы не обграяти ²⁾,
 180 Осенніемъ долгіимъ денечкомъ
 Сѣрой птицы вокругъ не облетѣть.
 Посмотрѣль Ермакъ на силушку великую:
 Его сердце богатырско не ужахнулось.
 Онъ зоветъ себѣ Бога на помочь,
 185 Вѣхалъ-то онъ въ силушку великую,
 Сталъ онъ эту силушку конемъ топтать,
 Конемъ топтать, копьемъ колоть.
 Бѣть онъ эту силушку, какъ траву косить,
 И бился цѣлья суточки,
 190 Не ъдаючись и не пиваючись,
 И добру коню отдуху не даваючись;
 А въ немъ силушка велика не умѣньшилась,

¹⁾ Меженъ—жаркая лѣтняя пора.

²⁾ Граять—каркать.

И въ немъ сердце богатырско не ужажнулось;
 Въ двадцать четыре часика положеныхъ
 195 Побилъ онъ эту силушку великую:
 Этой силы стало въ полѣ мало ставиться.

На той Московской на заставы,
 На славной на Скатъ-горы на высокія,
 Стояло двѣнадцать богатырей безъ единаго.
 200 Говорилъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:
 « Ай же, братыца мои крестовые,
 « Славные богатыри святорусскie!
 « Мы стоимъ на славной Московской на заставы,
 « Думаемъ мы думушку великую,
 205 « Какъ намъ приступить къ эвтой силушкѣ поганаго;
 « А молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ
 « Бьется онъ цѣлые суточки,
 « Не ъдаючись и не пиваючись,
 « И добру коню отдуху не даваючись.
 210 « Поѣзжай-ка ты, Алешенька Поповичъ, во чисто поле,
 « Наложи-тко храпы крѣпkie
 « На него на плечики могучія,
 « Окрѣпи-тко его силушку великую,
 « Говори-тко ты ему таковы слова:
 215 « Ты, Ермакъ позавтракалъ,
 « Оставь-ка намъ пообѣдати ».
 Выѣхалъ Алеша Поповичъ въ чисто поле
 Ко славному богатырю святорусскому,
 Наложилъ онъ храпы крѣпkie
 220 На него на плечики могучія:
 Онъ первые храпы подборвалъ;
 Налагалъ Алешенька Поповичъ храпы другіе:
 Онъ другіе храпы подборвалъ;
 Налагалъ Алеша храпы третыи:
 225 Онъ и третыи храпы пооборвалъ.
 Поскорешенько Алеша поворотъ держалъ,
 Пріѣзжалъ на Скатъ-гору высокую,
 Говорилъ Алеша таковы слова:
 — Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!

- 230 — Хоть-то былъ я во раздольицѣ чистомъ полѣ,
   — То я не могъ пріунять богатыря святорусскаго
   — И не могъ укротить его силушки великия:
   — Онъ трой храпы мои пооборвалъ.—
   Говорилъ Илья Муромецъ таковы слова:
- 235 « Поеzzжай-ка ты, Добрынюшка Микитинецъ,
   « Поскорешенько въ раздольице чисто поле,
   « Наложи-тко храпы крѣпкіе
   « На него на плечики могучія,
   « Окрѣпи-тко его силушку великую,
- 240 « Говори-тка ему таковы слова:
   « Ты, Ермакъ, позавтракалъ,
   « Оставь-ка намъ пообѣдати ».
   Выѣзжалъ Добрыня во чисто поле
   Ко славному богатырю святорусскому,
- 245 Наложилъ онъ храпы крѣпкіе
   На него на плечики могучія:
   Онъ первые храпы пооборвалъ;
   Налагалъ Добрыня храпы другіе:
   Онъ другіе храпы пооборвалъ;
- 250 И налагалъ Добрыня храпы третьи:
   Онъ и третіи храпы пооборвалъ.
   Поскорешенько Добрыня повороть держалъ,
   Пріѣзжалъ на Скатъ-гору высокую,
   Говорилъ Добрыня таковы слова:
- 255 — Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!
   — Хоть то былъ я во раздольицѣ чистомъ полѣ,
   — То не могъ я пріунять богатыря святорусскаго
   — И не могъ укротить его силушки великия:
   — Онъ трой храпы мои пооборвалъ.—
- 260 Туть старый казакъ Илья Муромецъ
   Самъ скорешенько садился на добра коня,
   Онъ ъхалъ скоро на скоро въ раздольице чисто поле,
   Подъѣхалъ къ богатырю святорусскому,
   « Наложилъ онъ свои храпы крѣпкіе
- 265 На него на плечики могучія,
   Прижималъ его къ своему ретивому сердечушку,

Говорилъ онъ ему таковы слова:
 « Ай же, младъ Ермакъ Тимоѳеевичъ!
 « Ты, Ермакъ, позавтракалъ,
 270 « Оставь-ка намъ пообѣдати,
 « Прикроти-тки свою силушку великую ».
 Тутъ молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ,
 Со этихъ побоевъ со великихъ,
 Со этихъ съ ударовъ со тяжелыхъ,
 275 Кровь-то въ немъ была очень младая,
 Тутъ молодой Ермакъ онъ преставился.
 Тутъ старый казакъ Илья Муромецъ
 Бхалъ онъ на Скатъ-гору высокую,
 Бралъ свою дружинушку хоробрую,
 280 Двѣнадцать богатырей безъ единаго,
 Самъ-то Илья во двѣнадцатыхъ.
 Поѣхали раздольицемъ чистымъ полемъ:
 Отъ нихъ Литва поганая въ побѣгъ пошла.
 Тутъ они скрятали ¹⁾ Татарина поганаго.
 285 Этотъ-то Татаринъ поганый
 Даваеть имъ заповѣдь великую
 И пишетъ съ ними заповѣдь онъ крѣпкую:
 Будетъ платить дани-выходы
 Князю Владиміру исконъ до вѣку.

8.

ДОБРЫНЯ и ВАСИЛІЙ КАЗИМІРОВЪ.

(Гильферд. № 80).

У ласкова князя у Владимира
 Былъ хорошъ пиръ—пированыце
 На многихъ князей, на бояръ,
 На русскихъ могучихъ богатырей.

¹⁾ Скрутили, захватили въ полонъ, по объясненію пѣвица.

5 Всѣ на пиру наѣдалися,
 Всѣ на пиру напивалися,
 Всѣ на пиру порасхвастались:
 Богатырь хвастать силушкой великою,
 Иный хвастать добрымъ конемъ,
 10 Иный хвастаетъ без счетной золотой казной,
 А разумный хвастаетъ родной матушкой,
 А безумный хвастаетъ молодой женой.
 Самъ Владіміръ князь по горенкѣ похаживать,
 Пословечно государинъ выговаривать:
 15 «Красное солнышко на вечерѣ,
 «Хорошъ честенъ пиръ идетъ на веселѣ,
 «И всѣ добры молодцы порасхвастались;
 «А мнѣ, князю Владіміру, чѣмъ будетъ похвастати?
 «Кого послать, братцы, изъ васъ повыѣхать
 20 «Во дальня во земли въ Сорочинскія
 «Къ королю-то Бутеяну Бутеянову:
 «Отнести-то надоть дани-выходы
 «За старые годы и за нынѣшни,
 «И за всѣ времена за досюлешны,
 25 «Исполна государю за двѣнадцать лѣтъ,
 «Двѣнадцать лебедей и двѣнадцать креченей,
 «И отвезти още грамоту повинную?»
 Всѣ богатыри за столикомъ утихнули,
 Пріутихнули да пріумолкнули,
 30 Пріумолкнули всѣ, затулялися,
 Большая тулица за середнюю,
 А середняя тулица за меньшую,
 А оть меньшей тулицы отвѣтовъ нѣтъ.
 35 Изъ за этихъ за столичковъ дубовыхъ,
 Изъ за этихъ скамеечекъ окольніихъ
 Вышелъ старый Пермиль сынъ Ивановичъ,
 Понизешенко онъ князю поклоняется:
 — Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
 — Бласлови мнѣ-ка, государинъ, словцо вымолвить!
 40 — Знаю я, кого послать повыѣхать
 — Во этия во земли во дальня,

- Во этыя во земли Сорочинскія
 — Къ королю-то Бутеяну Бутеянову
 — Отнести дани и выходы
 45 — За старые годы и за нынѣшни,
 — И за всѣ времена за досюлешны,
 — Исполна государю за двѣнадцать лѣтъ,
 — И още отвести грамоту повинную:
 — Послать молода Васильюшку Казимирова.—
- 50 Владиміръ, князь стольно-Кіевскій,
 Береть онъ чару во бѣлы руки,
 Наливаеть онъ чару зелена вина,
 Не малую стопу—полтора ведра,
 Разводилъ медамы онъ стоялымъ,
 55 Подносилъ къ Васильюшку Казимирову.
 Молодой Васильюшку Казимировичъ
 Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется:
 Онъ скорешенько вставалъ-то на рѣзвы ноги,
 Принималъ эту чарочку въ бѣлы руки,
 60 Принималъ эту чарочку одной рукой,
 Выпивалъ эту чарочку однимъ духомъ,
 Понизешенько самъ князю поклоняется:
 — Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
 — Везу я дани-выходы:
 65 — Столько дай-ка мнѣ во товарищахъ
 — Моего-то братца крестоваго,
 — Молода Добрынюшку Микитинца.—
 Владиміръ, князь стольно-Кіевскій,
 Наливалъ онъ чару зелена вина,
 70 Не малую стопу—полтора ведра,
 Разводилъ медамы онъ стоялымъ,
 Подносилъ къ Добрынюшку Никитинцу.
 Молодой Добрынюшку Никитинецъ
 Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется:
 75 Онъ скорешенько вставалъ-то на рѣзвы ноги,
 Принималъ эту чарочку въ бѣлы руки,
 Принималъ эту чарочку одной рукой,
 Выпивалъ эту чарочку однимъ духомъ,

Понизешенько самъ князю поклоняется:

80 « Владимиръ, князь стольно-Кievскій!

« Ёду я въ товарищахъ съ Васильюшкомъ Казимировымъ

« И везу я дани-выходы:

« Столько дай-ка намъ още ты во товарищахъ

« Моего-то братца крестоваго,

85 « Молода Иванушка Дубровиця,—

« Ему Иванушку коней сѣдлать,

« Ему Иванушку разсѣдливать,

« Ему плети подавать и плети принимать ».

Владимиръ князь стольно-Кievскій

90 Наливаетъ чару зелена вина,

Не малую стопу—полтора ведра,

Разводилъ медамы онъ стоялымъ,

Подносилъ Иванушку Дубровицю.

Молодой Иванушка Дубровичъ

95 Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется:

Онъ скорешенько вставалъ-то на рѣзвы ноги,

Принималъ эту чарочку одной рукой,

Выпивалъ эту чарочку однимъ духомъ,

100 Понизешенько онъ князю поклоняется:

« Владимиръ, князь стольно-Кievскій!

« Ёду я въ товарищахъ къ Васильюшку Казимирову

« И къ молоду Добрынюшку Микитинцу ».

Становились оны на рѣзвы ноги,

105 И говорилъ Васильюшка Казимировъ:

— Владимиръ, князь стольно-Кievскій!

— Поди-тко ты на погреба глубокіе,

— Неси-тко ты дары драгоцѣнныя:

— Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,

110 — И още неси ты грамоту повинную.—

Владимиръ князь стольно-Кievскій

Скорешенько пошелъ на погреба глубокіе,

Принесъ онъ дары драгоцѣнныя:

Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,

115 И още принесъ онъ грамоту повинную.

Браль-то дары Васильюшко подъ пазушку.

И оны Господу Богу помолилися,
На вѣ стороны низко поклонилися,
Самому Владиміру вѣ особину,

120 И выходили изъ палаты бѣлокаменной
На славный стольно-Кievъ градъ;
И оны думали думушку съ общая:
Надо итти вѣ свои палаты бѣлокаменны,
Сѣдлать-то коней богатырскіхъ

125 И одѣвать собѣ одѣжицы дорожнія,
Хоть дорожнія одѣжицы, драгоцѣнныя.
Оны сдѣлали словорѣ промежду собой,—
Гдѣ сѣѣхатсья вѣ раздолицѣ чистомъ полѣ,—
На тыхъ на дороженькахъ крестовыхихъ

130 У славнаго у сыра дуба у Невина,
У того у каменя у Латыря.
Пошли они вѣ палаты бѣлокаменны.

Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Какъ вшелъ вѣ свои палаты бѣлокаменны

135 Ко своей родителю ко матушкѣ,
Кѣ честной вдовы Офимъ Александровны,
Говориль-то ёй Добрыня таковы слова:
« Свѣть ты государыня, родна моя матушка,
« Ты честна вдова Офимья Александровна!

140 « Ты безсчастнаго спородила Добрынюшку!
« Лучше бы ты спородила Добрынюшку
« Бѣлымъ камешкомъ горючіимъ,
« Ты бы выстала на Скатъ-гору высокую,
« Ты бы бросила вѣ Кіянъ-море глубокое:

145 « Тамъ лежаль бы этотъ камешекъ вѣкъ по вѣку,
« Вѣкъ по вѣку безъ шевелиности.
« Нѣть, такъ бы спородила Добрынюшку
« На гору Сарачинскую деревинкою,
« Не для красы, не для угоjestва,

150 А для ради приѣзда богатырскаго:
« Ко этому бы ко деревцу
« Сѣѣжалися русскіе могучіе богатыри,
« И стояло бы эта деревиночка вѣкъ по вѣку,

- « Вѣкъ по вѣку безъ шевелиности.
- 155 « Още нѣть, такъ бы Добрынюшку спородила
 « Во славную во матушку Нѣпру рѣку,
 « Во Нѣпру рѣку да гоголинкою:
 « Стояла бы тамъ эта гоголиночка вѣкъ по вѣку,
 « Вѣкъ по вѣку безъ шевелиности ».
- 160 Говорила честна вдова и заплакала:
 — Ай же ты, свѣтъ мое чадо милое,
 — Молодой Добрынюшка Никитинецъ!
 — Есть бы знала надъ тобою невзгодушку,
 — Тобя возрастомъ бы Добрынююшку спородила
- 165 — Во старого казака въ Илью Муромца;
 — А силушкой Добрынююшку спородила
 — Во славнаго Самсона во богатыря:
 — Тобя бы смѣлостью Добрынююшку спородила
 — Во смѣлаго богатыря Алешеньку Поповича;
- 170 — Красотою бы спородила Добрынююшку
 — Во славнаго во князя во Владимира.—
 Стоитъ Добрынююшка и покланяется:
 « Свѣтъ ты государыня, родная моя матушка,
 « Честная вдова Офимья Александровна!
- 175 « Дай-ка мнѣ прощенъице съ благословенъицемъ
 « На тые на вѣки нерушимые ».
- Сидитъ она—горько заплакала,
 И дала ему прощенъице съ благословенъицемъ
 На тые на вѣки нерушимые.
- 180 Пошелъ Добрынююшка Никитинецъ,
 Одѣль собѣ одежицу дорожную,
 Хоть дорожную одежицу, драгоцѣнную,
 И бралъ съ собой одежицы запасныя,
 Не малешенько одежицы онъ бралъ—на двѣнадцать лѣтъ;
- 185 Сшелъ-то Добрынююшка на широкій дворъ,
 Сталъ добра коня Добрынююшка засѣдливать,
 Сталъ засѣдливать да сталъ уложивать.
 Подъ сѣдельышко Черкасское
 Полагалъ потничекъ онъ шелковенъкій,
- 190 И полагалъ-то онъ сѣдельышко Черкасское,

Черкасское съделышко не держаное:
 Обсажено тое съделышко есть камешкомъ,
 Дорогимъ камешкомъ самоцвѣтнымъ,
 Самоцвѣтнымъ камешкомъ обзолоченымъ;
 195 Онъ подпруженки подтягивалъ шелковенъки,
 Стремяночки полагалъ желѣза онъ булатняго,
 Пряжечки-то полагалъ красна золота,
 Все не для красы, для угощества,
 А для-ради крѣпости богатырскія:
 200 Подпруженки шелковенъки тянутся, такъ они не рвутся,
 Булатъ-желѣзо гнется-то, не ломится,
 Пряжечки красна золота они мокнуть, не ржавѣютъ.
 Садится тутъ Добрыня на добра коня,
 Хотить ѿхати Добрыня съ широкѣ двора.
 205 Говорить его родитель-матушка,
 Честна вдова Офимья Александровна:
 — Ай же ты, моя любезная семеюшка,
 — Молода Настасья дочь Микулична!
 — Ты чего сидишь во теремѣ, въ златомъ верху?
 210 — Али надѣть собой невзгодушки не вѣдаешь?
 — Закатается-то наше красное солнышко
 — За эти за лѣсушки за темные
 — И за тыя за горы за высокія:
 — Съѣзжаетъ-то Добрыня съ широка двора.
 215 — Поди-ка ты скоренько на широкій дворъ,
 — Зайди-ка ты къ Добрынѣ съ бѣла лица,
 — Подойди къ нему ко правому ко стремячуку булатнему,
 — Говори-ка ты Добрынѣ не съ упадкою:
 — «Куда, Добрыня, ѿдѣшь, куда путь держишъ,
 220 — «Скоро ль ждать намъ велишь, когда сожидать,
 — «Когда велишь въ окошечко посматривать?»—
 Молода Настасья Микулична
 Скорешенъко бѣжала на широкій дворъ
 Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
 225 Въ одныхъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
 Зашла она къ Добрынюшкѣ съ бѣла лица,
 Подошла къ него ко правому ко стремячуку булатнему,

- И говорила-то ему да не съ упадкою:
- Свѣтъ ты моя любимая сдержавушка,
- 230 — Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
- Далече ли ѿдешь, куда путь держишъ?
- Скоро ль ждать намъ велишь, когда сожидать,
- Ты когда велишь въ окопечко посматривать?—
Говорить-то ей Добрыня таковы слова:
- 235 « Ай же ты, любимая семеюшка,
 « Молода Настасья Микулична!
- « Когда ты стала у меня выспрашивать,
 « Я стану про то тебѣ высказывать:
 « Перво шесть годовъ поры-времени—то жди за меня,
- 240 « Друго шесть годовъ поры-времени—пожди за себя;
 « Исполнится того времени двѣнадцать лѣть,
 « Тогда прибѣжитъ мой богатырскій конь
 « На вашъ ли на вдовиный дворъ,
 « Ты въ тую пору-времячко
- 245 « Сходи-тко въ мой зеленый садъ,
 « Посмотри на мое сахарнее на деревцо:
 « Налетить тогда голубь со голубушкою,
 « И будутъ голубь со голубушкою погуркивать:
 « Побитъ-то Добрынюшка въ чистомъ полѣ,
- 250 « Поотрублена его буйна головушка
 « И пораспластаны Добрынины груди бѣлыя.
 « Такъ въ тую пору-времячко
 « Хоть вдовой живи, а хоть за мужъ поди,
 « Не ходи-тко только за мужъ за богатыря,
- 255 « За смѣлаго Олешеньку Поповича,
 « За того за бабыаго насмѣшника:
 « Олешенька Поповичъ мнѣ названный братъ ».

Только видѣли молодца на конѣ сядучись,
 А не видѣли со двора его поѣдучись.

- 260 Со двора-то онъ поѣхалъ не воротамы,
 То онъ съ города-то ѿхалъ не дорожкою,
 Щахъ черезъ стѣны городовыя.
 Какъ онъ повыѣхалъ въ раздольице чисто поле,

Похотѣль онъ испытать добра коня богатырскаго,
 265 Пооствѣдатъ его силушки великия:
 Бралъ онъ плеточку шелкову во праву руку,
 Биль-то онъ плеткою по тучной бедры
 Изъ всея силушки великия,
 Даваль ему удары онъ тяжелые,—
 270 Пошелъ его добрый конь чистымъ полемъ,
 Сталъ онъ по раздолицу поскакивать,
 Съ горы на гору онъ перескакивать,
 Съ холмы на холму перемахивать,
 Мелкія озерка-рѣченъки промежъ ногъ спущаль.
 275 Такъ не молвія ¹⁾ тутъ по чисту полю промолвила,
 Проѣхалъ-то Добрыня на добромъ конѣ.
 Подъѣхалъ онъ къ сырому дубу ко Невину,
 Ко славному ко камени ко Латырю,
 Наѣхалъ-то своихъ братицевъ крестовыхъ,
 280 Дружинушику хоробрую.
 Оны сѣхались молодцы, поздоровкались,
 Становили добрыхъ коней богатырскихъ,
 Сходили молодцы съ добрыхъ коней,
 Погуляли оны по полю пѣхотою,
 285 Оны думушку-то думали за общая,
 Оны звали собѣ Бога на помочь
 И во вторыхъ още Пречисту Богородицу.
 Садились молодцы-то на добрыхъ коней,
 Брали оны вѣрный планъ во ясны очи
 290 И побѣхали раздолицемъ чистымъ полемъ.

Въ день ѿдуть по красному по солнышку,
 Въ ночь ѿдуть по свѣтлому по мѣсяцу.
 Времячко-то идетъ день за день,
 День за день, какъ трава растеть,
 295 Годъ за годъ, какъ вода текеть,
 Прошло-то поры-времячка по три году.
 Сѣхали во орды-то во дальныя,

¹⁾ Вместо „молвія“.

Во эту во землю въ Сорочинскую,
Во тыя мѣста во невѣрныя.

- 300 Пріѣхали къ королю Бутеяну на широкъ дворъ,
Соскочили молодцы оны съ добрыхъ коней.
Молодой Васильюшка Казимировъ
Отстенулъ ¹⁾ свое копье мурзамецкое
Отъ праваго отъ стремени булатняго,
305 Спустилъ копье во матушку сыру землю вострымъ кон-
цемъ,
Онъ пристегивалъ добрыхъ коней и привязывалъ,
А никого онъ къ конямъ не приказывалъ,
Да и не спущалъ онъ коней на посыленъ дворъ.
Бралъ онъ даровья подъ пазушку,
310 Самъ пошелъ въ палаты бѣлокаменны
Со своей дружинушкой хороброю;
Пришелъ онъ въ палату бѣлокаменну,
На пяту онъ двери поразмахивалъ,
Ступилъ онъ своей ножкой правою во эту палату бѣло-
каменну,
- 315 Ступилъ онъ со всея со силы богатырскія:
Всѣ столики въ палатѣ сворохнулися,
Всѣ околенки хрустальны поразсынались,
Всѣ Татаровья другъ на друга оглянулися.
Какъ вошли оны въ палату бѣлокаменну,
320 Оны Господу Богу помолилися.
Крестъ-отъ клали по писаному,
Вели оны поклоны по ученому,
На всѣ на три, на четыре на сторонки покланялися,
Самому-то королю въ особину
325 И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ.
Полагали оны дани-выходы на золотъ столъ
Къ королю-то Бутеяну Бутеянову:
Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
И положили още грамоту повинную.
330 Король Бутеянъ Бутеяновичъ

---

¹⁾ Отстегнулъ.

Принимаетъ эти дани за двѣнадцать лѣтъ
 И принимаетъ грамоту повинную,
 И относить на погреба глубокіе;
 И садитъ онъ богатырей съ собою за единый столъ,
 335 То не ютвушкой кормить ихъ сохарнею.
 Да и не питьицемъ поить онъ ихъ медвянымъ,
 Говорилъ имъ король таковы слова:
 -- Ай же вы, удаленьки дородни добры молодцы,
 — Богатыри вы святорусскіе!
 340 — Кто изъ васть гораздъ играть въ шашки-шахматы,
 — Во славны во велеи ¹⁾ во нѣмецкія?—
 Говорилъ ему Васильющка Казимировичъ:
 « Ай же, король Бутеянъ Бутеяновичъ!
 « Я не зналъ твоей утѣхи королевскія
 345 « И не зналъ твоей ухватки богатырскія,—
 « А у насъ всѣ игроки дома оставлены;
 « Столько мы надѣемся на Спаса и Пресвятую Богородицу,
 « Во третьихъ на младаго Добрынюшку Микитинца ».
 Приносили къ нимъ доску шашечну.
 350 Молодой Добрынюшка садился за золотъ столъ,
 Сталъ играть съ королемъ въ шашки-шахматы,
 Во славны во велеи во нѣмецкія.
 Со тоя онъ великая горячности
 На той дощечкѣ на шашечной
 355 Просмотрѣлъ ступень шашечный,—
 Король обыгралъ Добрынюшка Микитинца первый разъ,
 И говоритъ Добрынюшка Микитинецъ:
 « Ай же, братица мои крестовые, дружинушка хоробрая!
 « Не бывать-то намъ на святой Руси,
 360 « Не видать-то намъ свѣту бѣлаго:
 « Проигралъ я свои головушки молодецкія
 « Во славныя во шашки во шахматы
 « И во эти во велеи во нѣмецкія! »
 Сыгралъ Добрынюшка-то другой разъ,
 365 Другой-то разъ короля пообыгралъ,

¹⁾ Тавлеи—Б.

Сыграли оны и третій разъ,
 Третій разъ онъ короля пообыграль.
 Это дѣло королю не слюбилося,
 Не слюбилося это дѣло, не въ люби пришло.

370 Говориль ему король таковы слова:

— Вы удаленъки дородни добры молодцы,
 — Богатыри вы святорусскіе!
 — Кто изъ васъ гораздъ стрѣлять изъ луку изъ каленаго,

— Прострѣлить бы стрѣлочка каленая

375 — По тому острею по ножовому,
 — Чтобы прокатилася стрѣлочка каленая
 — На двѣ стороны вѣсомъ равна
 — И попала бы въ колечико серебряно.—

Говорилъ ему Васильушка Казимировичъ:

380 « Ай же, король Бутеянъ Бутеяновичъ!

« Я не зналъ твоей утѣхи королевскія

« И не зналъ твоей ухватки богатырскія,—

« А у насъ всѣ стрѣлки дома оставлены;

« Столько есть надѣюшка на Спаса и на Пресвяту Бого-
 родицу,

385 « Во третьихъ на младаго Добрынушка Микитинца ».

Говориль король Бутеянъ Бутеяновичъ:

— Ай же вы, слуги мои вѣрные, богатыри могучіе!
 — Подите-ка на погреба глубокіе,
 — Несите-то мой тугій лукъ разрывчатый.—

390 Идутъ туда три богатыря могучіихъ

И несутъ тугій лукъ разрывчатый,

Подносятъ къ Добрынушку Микитинцу.

Молодой Добрынушка Микитинецъ

Принимаетъ этотъ лукъ одной рукой,

395 Одной рукой, ручкой правою;

Сталъ Добрынушка онъ стрѣлочки накладывать,

Сталъ Добрынушка тетивочки натягивать,

Сталъ тугій лукъ разрывчатый покрякивать,

Шелковыя тетивочки полопывать.

400 Онъ порозорвалъ этотъ лукъ и весь повыломалъ,

И королю говорилъ не съ упадкою,
 И говорилъ Добрыня таковы слова:
 « Дрянное лученышко пометное:
 « Не съ чего богатырю святорусскому повыстрѣлить! »

405 Этотъ король Бутеянъ Бутеяновичъ
 Послалъ дружинушку хоробрую на погреба глубокіе,
 Десять сильныхъ богатырей,
 Принести самолучшій тугій лукъ,
 Что было съ чего богатырю святорусскому повыстрѣлить.

410 Идутъ десять могучихъ богатырей на погреба глубокіе,
 На носилочкахъ несутъ королевскій лукъ,
 Подошли къ молоду Добрынюшку Микитинцу.
 Молодой Добрынюшка Микитинецъ
 Принимаетъ этотъ лукъ одной рукой,
 415 Одной рукой, ручкой правою;
 Сталь Добрынюшка онъ стрѣлочки накладывать,
 Сталь Добрынюшка тетивочки натягивать,
 Сталь королевскій тугій лукъ покрякивать,
 Шелковыя тетивочки полопывать.

420 Онъ порозорвалъ этотъ лукъ и весь повыломалъ,
 И королю говорилъ не съ упадкою,
 И говорилъ Добрыня таковы слова:
 « Дрянное лученышко пометное:
 « Не съ чего богатырю святорусскому повыстрѣлить!

425 « Ай же, мой братецъ крестовый,
 « Молодой Иванушка Дубровичъ!
 « Поди-тко скоренько на широкъ дворъ
 « Къ моему коню ко богатырскому,
 « Подойди ко правому ко стремячку къ булатнему,

430 « Отстени-ка ¹⁾ мой тугій лукъ разрывчатый
 « Отъ праваго отъ стремячка булатняго,
 « Завозное лученышко, дорожное ²⁾ ».

Шель Иванушка на широкій дворъ.
 Подошелъ къ доброму коню богатырскому

¹⁾ Отстегни.²⁾ Дорожное.

- 435 И ко правому ко стремячу къ булатнему,
Отстенулъ онъ тугій лукъ разрывчатый,
Положилъ его подъ правую подъ пазушку,
Пошелъ онъ во палату бѣлокаменну.
У молода Добрынюшка Микитинца

440 Въ тотъ тугій лукъ разрывчатый въ тупой конецъ
Введены были гусельшака яровчата.
Какъ зыграль Иванушка Дубровичъ въ гусельшака яров-
чата,

Всі тутъ игроки пріумолкнули,
Всі скоморохи пріослухались:

445 Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,
На бѣлоемъ не видано.
Приносиль-то тугій лукъ разрывчатый,
Подаваль Добрынюшкѣ Микитинцу.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ

450 Ераль свой тугій лукъ разрывчатый,
И скорешенько становился на рѣзы ноги,
И становился супротивъ ножа булатняго,
И наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелковеньку,

455 И спустиль онъ тетивочку шелковеньку
Во эзвту во стрѣлочку каленую;
Прокатилась эта стрѣлочка каленая по острею по ножо-
вому

На двѣ стороны вѣсомъ равна,
Пролетѣла прямо въ колечико серебряно.

460 И сдѣлалъ онъ три выстрѣла,
И не сдѣлалъ ни великой, ни малой ошибочки:
И во всѣ три выстрѣла
Пропустиль онъ стрѣлочку каленую
По тому острею по ножовому въ колечико серебряно.

465 Сталъ стрѣлять король Бутеянъ Бутеяновичъ
Въ тое колечико серебряно
И по тому острею по ножовому:
Первый разъ стрѣлилъ, черезъ перестрѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ, не дострѣлилъ,

470 А третій разъ стрѣлилъ и попасть не могъ.

Королю это дѣло не слюбилося,
Не слюбилося это дѣло, не въ люби идетъ.

Говорить король таковы слова:

— Ай же вы, богатыри святорусскіе!

475 — Кто изъ васъ гораздъ бороться обѣ одной ручкѣ?

— Подите-ка на мой широкій дворъ

— Съ моими могучими богатырмы поборотися.—

Говорилъ ему Васильушка Казимировичъ:

« Ай же, король Бутеянъ Бутеяновичъ!

480 « Я не зналъ твоей утѣхи королевскія

« И не зналъ твоей ухватки богатырскія,—

« А у насъ всѣ борцы дома оставлены;

« Столько есть надѣюшка на Спаса и Пресвятую Богородицу,

« Во третьихъ на младаго Добрынюшка Микитинца ».

485 Молодой Добрынюшка Микитинецъ

Пошелъ онъ на широкій дворъ

Съ Татарами погаными боротися;

А король Бутеянъ-то Бутеяновичъ,

Да Васильушка Казимировъ съ Иванушкомъ Дубровичемъ

490 Пошли на балконы королевскіе

Смотрѣть на борьбу богатырскую.

Вышелъ Добрыня на широкій дворъ,

Посмотрѣль какъ на Татаровей поганыхъ,—

Стоять Татаровья престрашные,

495 Престрашные Татаровья, преужасные:

Во плечахъ у нихъ такъ велика сажень,

Межу глазамы велика пядень,

На плечахъ головушки какъ пивной котель.

У Добрыни сердечушко ужахнулось,

500 Сталъ Добрыня онъ по двору похаживать,

Сталъ онъ ручушекъ къ сердечушку пошибывать,

Говорилъ Добрыня громкимъ голосомъ,

Громкимъ голосомъ онъ, во всю голову:

« Ай же, братица мои крестовые, дружинушка хоробрая!

505 « Не бывать-то намъ на святой Руси,

« Не видать-то намъ свѣту бѣлаго:
 « Побьють-то нась Татаровья поганые! »
 Пошли къ Добрынушкѣ Татаровья,
 Сталъ Добрынушка Татаровей отпихивать,
 510 Сталъ онъ Татаровей оттолыкивать:
 По двое ихъ, по трое стало по двору кататися.
 Пошло къ Добрынушкѣ цѣльма десяткамы,
 Добрынушка видить,—есть дѣло не малое,—
 Схватилъ онъ Татарина за ноги,
 515 Сталъ онъ Татариномъ помахивать,
 Сталъ онъ Татаровей поколачивать:
 Какъ отворились-то ворота на широкъ дворъ,
 Пошло оттуда силушки чернымъ черно,
 Чернымъ черно, какъ черна ворона.
 520 Воскричалъ тутъ Добрыня громкимъ голосомъ,
 Громкимъ голосомъ кричалъ онъ, во всю голову:
 « Ай же, братьица мои крестовые!
 « Поспѣвайте ко мнѣ, братьица, на выручку! »
 Молодой Иванушка Дубровичъ
 525 Онъ скорешенько бѣжалъ на широкій дворъ:
 Во тоя въ великой во горячности
 Схватилъ онъ въ руки желѣзну ось,
 Сталъ онъ желѣзной осью помахивати
 И сталъ онъ Татаровей поколачивать.
 530 Вышли они на темну орду,
 Силушки стали бить, какъ трава косить,
 Бились молодцы цѣлы суточки
 И не ъдаючись оны, не пиваючись.
 Прошло-то поры-времячки двадцать четыре часику,
 535 Силушки видѣ въ нихъ не уменьшилось,
 Сердце богатырское не утихнуло,
 А въ орды стало силы мало ставиться.
 Говориль король Бутеянъ Бутеяновичъ:
 — Ай же ты, богатырь святорусскій,
 540 — Молодой Васильушка Казимировичъ!
 — Уйми своихъ богатырей святорусскихъ.
 — Оставь мнѣ-ка силы на посѣмена,

— И возьми-ка дани-выходы за двѣнадцать лѣтъ:
 — Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
 545 — И возьми-тю още грамоту повинную.
 — А буду платить дани князю Владиміру исконъ до вѣку.—

Молодой Васильушка Казимировичъ
 Скорешенько онъ шель на широкій дворъ,
 Садился на коня на богатырского,
 550 Проѣхалъ онъ по этой по темной орды,
 Наѣхалъ богатыря святорусского
 Молода Добрынюшка Микитинца,
 Налагаль онъ храпы крѣпкіе
 На него на плечики могучія,
 555 И говорилъ Васильушка Казимировичъ:
 « Остановись-ка, Добрынюшка Микитинецъ!
 « Ужо вѣдь ты позавтракалъ:
 « Оставь мнѣ-ка пообѣдати! »
 Молодой Добрынюшка Микитинецъ
 560 Послушаетъ Васильушка Казимирова,
 Остановиль свою силушку могучую,
 Покинулъ Татарина въ сторону.
 Тутъ Васильушка Казимировичъ
 Подъѣхалъ къ Иванушку Дубровичу,
 565 Наложилъ онъ храпы крѣпкіе
 На него на плечики могучія,
 Становиль Иванушка Дубровича,
 И говориль Васильушка Казимировичъ:
 « Ты, Иванушка, позавтракалъ:
 570 « Оставь-ка мнѣ пообѣдати,
 « Укроти свою силушку великую,
 « Установи свое сердце богатырское,
 « Оставь поганому силы на посѣмена! »
 Иванушка Дубровичъ Васильушка послушаетъ,
 575 Бросиль онъ ось желѣзную въ сторону.
 И идутъ оны къ королю въ палату бѣлокаменну,
 И беруть оны дани-выходы за двѣнадцать лѣтъ:
 Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей

И взяли грамоту повинную,
 580 Что платить князю-то Владиміру
 Дани-выходы отнынѣ и до вѣку.
 Говорилъ король таковы слова:
 — Садитесь-ка со мною за единый столъ,
 — Станемъ мы єсть юстушки сахарнія,
 585 — Испивать мы питьицеvъ медвяныхъ.—
 Говориль ему Васильушка Казимировичъ:
 « Ты глупый король, Бутеянъ Бутеяновичъ!
 « Не участвовалъ молодцевъ прѣдучись,
 « А не ужаловать ты молодцевъ поѣдучись! »
 590 Взяли оны дани подъ пазушки,
 Выходили молодцы на широкъ дворъ,
 И садились на добрыхъ коней богатырскіихъ,
 И поѣхали по славному раздолыщу чисту полю.
 Оны єдутъ-то на матушку святую Русь,
 595 Брали оны вѣрный (планъ) во ясны очи:
 Въ день єдутъ по красному по солнышку,
 Въ ночь єдутъ по свѣтлому по мѣсяцу.
 Времячко-то идетъ день за день:
 День за день, какъ трава растетъ,
 600 Годъ за годъ, какъ вода текеть,—
 Прошло-то поры-времячка по три году.
 И прїехали къ дорожкамъ ко крестовыми,
 Ко славному сыру дубу ко Невину,
 Ко славному ко каменю ко Латырю.
 605 Тутъ молодцы оны разъѣхались:
 Васильушка Казимровъ поѣхалъ ко Царю-граду,
 Иванушка Дубровичъ къ Іеросалиму,
 А Добрынюшка Микитинецъ къ столицу Киеву.
 И молодой Добрынюшка Микитинецъ
 610 Со дальняія пути со дороженьки
 Похотѣль онъ раздернуть шатерь бѣленъкій полотняный
 И леци¹⁾ онъ спать да проклаждатися.
 (Онъ насыпалъ пшеницы линь бѣлояровой

¹⁾ Лечь.

Добру коню богатырскому,
 615 Легъ въ шатель бѣленъкій полотняный,
 Легъ спать, да не поспѣлъ уснуть;
 А на тую пору-времячко
 На этотъ сырой дубъ прилетить голубъ со голубушкой,
 И голубъ со голубушкой стали оны прогуркивать:
 620 « Молодой Добрынишка Микитинецъ!
 « Спиши ты да прокладаешься,
 « Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
 « Твоя-то молода жена Настасья Микулична
 « За мужъ идеть за славнаго богатыря,
 625 « За того Олешенъку Поповича. »
 Молодой Добрынишка Микитинецъ,
 Онъ скорешенько скочилъ тутъ на рѣзвы ноги,
 Отъ добра коня отъ богатырскаго
 Стряхнулъ тутъ пшениу бѣлоярову,
 630 Сдернулъ свой шатель бѣленъкій полотняный,
 Онъ скорешенько сѣдалъ добра коня,
 Садился тутъ Добрыня на добра коня,
 Бѣхаль по чисту полю по раздольицу широкому,
 Бѣхаль на добромъ конѣ не жалухою,
 635 Не жалѣль онъ добра коня богатырскаго:
 Скакалъ его-то конь богатырскій
 Во всю-то пору лошадиную.
 Молодой Добрынишка Микитинецъ
 Пріѣхалъ онъ на свой на широкій дворъ,
 640 Онъ скорешенько сходилъ со добра коня,
 Онъ оставилъ коня по двору похаживать,
 Самъ онъ шель въ палату бѣлокаменну
 Во свою во комнату во богатырскую.
 Пришелъ къ своей ко родителю-матушкѣ,
 645 Ко честной вдовы Офимъѣ Александровны,
 Понизешенько онъ ей поклоняется:
 « Здравствуешь, честна вдова Офимья Александровна!
 « Я пріѣхалъ со раздольица чиста поля;
 « Вчера мы съ Добрынишкой въ чистомъ полѣ разѣхались:

- 650 « Добрыньюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
   « Меня послалъ ко стольну Кіеву;
   « Поклонъ послалъ Добрынушка Микитинецъ,
   « Велѣль къ тебѣ заѣхать на широкій дворъ,
   « Сходить тебѣ велѣль на погреба глубокіе,
 655 « Подать велѣль лапотики шелковые,
   « Подать велѣль платьице скоморовчато
   « И подать велѣль гусельишко яровчата;
   « Сходить велѣль онъ мнѣ-ка-ва на почестный пиръ
   « Ко славному ко князю ко Владиміру,
 660 « И ко смѣлому къ Олешенькѣ Поповичу,
   « И къ молоды Настасіи Микуличной ».
 Говорила честна вдова, сама заплакала:
   — Ай же ты, мужикъ-деревенщина!
   — Во глазахъ ты, мужикъ, насмѣхаешься
 665 — И во глазахъ ты, собака, подлыгаешься:
   — Есть бы была эта славушка на святой Руси,
   — Что есть-то живъ Добрынушка Микитинецъ,
   — Да онъ Ѣздитъ по раздолицу чисту полю,
   — Не дошло бъ тебѣ, мужику, насмѣхатися
 670 — Надъ моимъ дворомъ надъ вдовинымъ,
   — Во глазахъ собакъ подлыгатися.—
 Онъ опять говоритъ ей, поклоняется:
   « Вчераſь мы съ Добрынушкой въ чистомъ полѣ разѣхались:
- « Добрынушка поѣхалъ ко Царю граду,
 675 « Меня послалъ ко стольну Кіеву;
   « Поклонъ послалъ Добрынушка Микитинецъ,
   « Велѣль къ тебѣ заѣхать на широкій дворъ,
   « Сходить тебѣ велѣль на погреба глубокіе,
   « Подать велѣль лапотики шелковые,
 680 « Подать велѣль платьице скоморовчато
   « И подать велѣль гусельишко яровчата;
   « Сходить велѣль мнѣ-ка-ва на почестный пиръ
   « Ко славному ко князю ко Владиміру,
   « И ко смѣлому къ Олешенькѣ Поповичу,
 685 « И къ молоды Настасіи Микуличной ».

Говорила честна вдова таковы слова:

— Ай же ты, мужикъ-деревенщина!
 — Во глазахъ ты, мужикъ, насмѣхаешься
 — И во глазахъ ты, собака, подлыгаешься:
 690 — Есть бы была эта славушка на святой Руси,
 — Что есть-то живъ Добрынюшка Микитинецъ,
 — Да онъ ъздить по раздольцу чисту полю,
 — Не дошло бъ тебѣ, мужику, насмѣхатися
 — Надъ моимъ дворомъ надъ вдовиннымъ,
 695 — Во глазахъ собакѣ подлыгатися.—

Третій разъ говорить онъ, поклоняется:

« Честная вдова Офимья Александровна!
 « Мы вмѣстѣ съ Добрыньюшкой грамоты училися,
 « Платица носили съ одного плеча,

700 « И хлѣба мы съ Добрыньюшкой кушали по однакому.

« Вчерась мы съ Добрыньюшкой разъѣхались:

« Добрыньюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
 « Меня послалъ ко стольну Кіеву,
 « Поклонъ послалъ Добрыньюшка Микитинецъ,
 705 « Велѣль къ тебѣ заѣхать на широкій дворъ,
 « Сходить тебѣ велѣль на погреба глубокіе,
 « Подать велѣль лапотики шелковые,
 « Подать велѣль платище скоморовчато,
 « И подать велѣль гусельшика яровчаты;

710 « Сходить велѣль онъ мнѣ-ка-ва на почестный пиръ

« Ко славному ко князю ко Владиміру,
 « И ко смѣлому къ Олешенькѣ Поповичу,
 « И къ молоды Настасьи Микуличной ».

Сидитъ она и пораздумала:

715 — Не призналъ мужикъ-деревенщина
 — Святымъ духомъ, самъ собой, про лапотики шелковые,
 — И про платище скоморовчато, и про гусельшика яров-
     чаты!—

Брала она золоты ключики,

Шла-то на погреба глубокіе,

720 Принесла ему лапотики шелковые,

И платище скоморовчато, и гусельшика яровчаты.

На бѣлоемъ не видано.

Князю Владиміру игра вѣсма слюбилася,

760 И говорить онъ князю Олешенькѣ Поповичу:

— Олешенька Поповичъ! Ставай-ка на рѣзвы ноги,

— Наливай-ка чару зелена вина,

— Подноси-тко къ молодой скоморошины.—

Олешенька Поповичъ ставаль на рѣзвы ноги,

765 Наливалъ-то онъ чару зелена вина,

Не малую стопу—полтора ведра,

Разводилъ медамы стоялымъ,

Подносиль къ молодой скоморошины.

Молода скоморопина скорешенько ставаетъ на рѣзвы ноги,

770 Береть эту чарочку одной рукой,

Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ,

И садился онъ близко печку кирпичную;

И выигралъ онъ въ гуселышка яровчаты:

Выигрывалъ хорошенько изъ Царя-града,

775 А изъ Царя-града до Іеросалима,

Изъ Іеросалима ко той землѣ Сорочинской.

На пиру игроки всѣ пріумолкли,

Всѣ скоморохи пріослушались:

Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,

780 На бѣлоемъ не видано.

Князю Владиміру игра вѣсма слюбилася,

И говорилъ Владиміръ таковы слова:

— Ай же, Настасьюшка Микулична!

— Наливай-ка чару зелена вина

785 — И подноси-тко къ молодой скоморошины.—

Молода Настасья Микулична

Скорешенько ставала на рѣзвы ножки,

Наливала она чару зелена вина,

Не малую стопу—полтора ведра,

790 Разводила медамы стоялымъ,

Подносила къ молодой скоморошины.

Молода скоморошина скорешенько ставаетъ на рѣзвы ноги,

Береть эту чарочку одной рукой,

Выпивать эту чарочку однимъ духомъ,—

- 795 На ногахъ стоять скоморохъ, не пошатнется,
И говорить скоморохъ, не мѣшается.
Видитъ князь Владіміръ, что дѣло есть не малое,
Подходитъ къ молодой скоморошины,
И зоветь его онъ за единый столъ:
- 800 — Садись-ка съ нама ты за единый столъ:
— Перво тебѣ мѣстечко подлѣ меня,
— А другое мѣстечко подлѣ князя Олешеньки Поповича,
— А третье мѣстечко избирай-ка себѣ по люби.—
Говорилъ молодой скоморошина:
- 805 « Владіміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Мѣсто не по люби мнѣ подлѣ тобя,
« И не любо мнѣ мѣсто подлѣ князя Олешеньки Поповича,
« А любо мнѣ мѣсто напротивъ молодой княгини
« Настасы Мікуличной ».
- 810 Засадился скоморошина за единый столъ,
Напротивъ молодой княгини Настасы Мікуличной,
И говорилъ онъ князю Владіміру:
« Владіміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Выпилъ я чарочку отъ князя отъ Владіміра;
- 815 « Позволь мнѣ-ка налить чарочку зелена вина
« И поднести князю Владіміру?»
Позволилъ Владіміръ князь стольно-Кіевскій.
Наливалъ скоморошина чарочку зелена вина
И подносиль-то князю Владіміру;
- 820 Принималъ Владіміръ чарочку одной рукой,
Выпивалъ чарочку однимъ духомъ.
Говорилъ молодой скоморошина:
- « И выпилъ я чарочку отъ князя ¹⁾ Олешеньки Поповича,
« Позволь мнѣ-ка налить еще чарочку зелена вина
- 825 « И поднести князю Олешенькѣ Поповичу.»
Позволилъ ему Владіміръ князь стольно-Кіевскій.
Наливалъ скоморошина чарочку зелена вина
И подносиль князю Олешенькѣ Поповичу;
Принималъ Олешенька чарочку одной рукой,

¹⁾ Жениха. Б.

830 Вышивалъ чарочку однимъ духомъ.
Говориль молодой скоморошина:
« Поднесъ я чарочку князю Владиміру,
« И поднесъ я чарочку князю Олешенькѣ Поповичу;
« А позволь-ка мнѣ налить чарочку зелена вина,
835 « Поднести молодой княгини Настасьѣ Микуличной?»
Позволилъ ему Владиміръ князь стольно-Кievскій.
Наливалъ скоморошина чарочку зелена вина,
Разводилъ медамы стоялыми,
И подносилъ Настасьѣ Микуличной,
840 И въ ту ю чарочку спустиль обручный злаченъ перстень,
Которымъ перстнемъ оны обручалися
Съ молодой Настасьею Микуличной.
Настасьѣ Микулична скорешенько ставала на рѣзвы ножки,
Принимала эту чарочку одной рукой
845 И стала пить эта чарочка зелена вина.
Говориль тутъ молодой скоморошина:
« Если хошь добра, такъ пей до дна,
« А не хошь добра, такъ не пей до дна!»
Настасьѣ Микулична, она была женщина не глупая,
850 Испила эту чарочку до донышка,—
Къ нея ¹⁾ ко устамъ ко сахарніимъ
Прикатился ея злаченъ перстень.
Какъ возьметъ она на правую на ручушку,
Со тыя со чарочки злаченъ перстень повытряхнетъ,
855 И усмотрѣла свой обручный злаченъ перстень,
Которымъ перстнемъ обручалася
Съ молодымъ Добрынюшкомъ Микитинцемъ.
Какъ она тяпнула чарочкой о золотъ столъ,
Оперлася въ него плечика могучія,
860 И скочила-то она черезъ золотъ столъ,
И береть его за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,

¹⁾ Здѣсь, какъ и ниже (ст. 859 и 862), и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, по особенности Олонецкаго говора встрѣчаемъ въ мѣстоименіи вставное *и*. См. статью Рыбникова «Объ особенностяхъ Олонецкаго подрѣчія», глава *Произношеніе*, II, 2. Ред.

- И цѣловала его во уста сахарнія,
 И называла-то любимою сдержанушкой,
 865 Говорила она рѣчъ ему умильную:
 — Ай же, свѣтъ моя любимая сдержанушка,
 — Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
 — У бабъ волосъ дологъ, а умъ коротенький:
 — Я не послушала твого наказу богатырскаго,
 870 — Сдѣлала я дѣло не повелѣно,
 — Побоялась я князя Владимира.
 — Сталъ ко мнѣ Владимиrъ похаживать,
 — Сталъ меня замужъ за Олешеньку посватывать,
 — И сталъ мнѣ-ка Владимиrъ князь пограживать:
 875 — « Ежели не пойдешь замужъ за Олешеньку Поповича,
 — « Такъ не столько во городѣ во Киевѣ,
 — « Не будеть тебѣ мѣста и за Киевомъ ».
 — Побоялась я угрозы княженецкія,
 — Пошла замужъ за богатыря Олешеньку Поповича.—
 880 Молодой Добрынюшка Микитинецъ,
 Онъ скорешенько скочилъ тутъ на рѣзвы ноги,
 Схватилъ онъ Олешеньку за желты кудри,
 Стукнулъ Олешу о кирпиченъ мостъ:
 Сталъ Олешенька по мосту погалзывать ¹⁾).
 885 Говорилъ Добрыня князю Владиміру:
 « Владиміръ князь стольно-Кievskij!
 « Свою жену-то ....., ...,
 « А чужую жену замужъ даешь?
 « Мужъ въ лѣсь по дрова, а жена замужъ пошла! »
 890 Сталъ Владиміръ князь Добрыню уговаривать,
 Сталъ Добрынюшка униматися.

Тутъ молодой Добрынюшка Микитинецъ
 Съ молодой Настасьюшкой Микуличной
 Пошелъ въ свои палаты бѣлокаменны,
 895 Ко своей родителю ко матушкѣ,
 Ко честной вдовы Офимѣ Александровны.

¹⁾ Елозить.

Пришелъ, матушкѣ поклонъ принесъ:
 « Прости меня, родитель-матушка,
 « Что не признался я тебѣ, прѣдучись съ раздолыца чи-
 ста поля,

900 « Ушелъ-то я безъ толку на почестенъ пиръ ».

Тутъ честная вдова Офимья Александровна

Скорешенько ставала на рѣзвы ноги,

Брала его за ручушки за бѣлыя,

За него за перстни за злаченые,

905 И цѣловала его во уста его во сахарнія,

Прижимала его къ ретивому сердечушку

И прикладывала ко бѣлому ко личушку.

Молода Настасья дочь Никулична

Скорешенько снимала съ него одежицы дорожныя

910 И одѣвала-то одежицу драгоцѣнную, что валучшую.

Честная вдова Офимья Александровна

Посыпала скоро конюховъ любимыхъ на широкій дворъ

Убрать добра коня Добрынина,

Насыпать-то ему пшеницы бѣлояровой,

915 Наливать-то ему свѣжей ключевой воды.

Тутъ молодой Добрыньюшка Микитинецъ

Съ тоя съ пути со дороженьки

На спокой улегся съ молодой Настасьей Никуличной.

Честная вдова Офимья Александровна

920 Завела она хорошъ почестенъ пиръ

Своему сыну любимому,

Молоду Добрыньюшку Микитинцу:

Стали править за шесть годовъ годинъ да именинъ,

Стали оны єсть єствушку сахарньюю,

925 Испивать стали питьицеевъ медвяныхъ,

Стали оны жить да быть, долго здравствовать.

9.

ДУНАЙ - СВАТЬ.

(Гильферд. № 81).

У ласкова князя у Владимира
 Быль хорошъ пиръ - пированьице
 На многихъ князей, на бояръ,
 На русскихъ могучихъ богатырей.
 5 Сталъ по горницы Владимиръ князь похаживать,
 Пословечно сталъ онъ выговаривать:
 « Всѣ есть добры молодцы поженены,
 « Всѣ-то красны дѣвушки замужъ даны,
 « Столько я одинъ хожу холость, не жененый.
 10 « То вы знаете ль мнѣ, братцы, супротивницу,
 « Чтобы лицюшкомъ-то была супротивъ меня¹⁾,
 « Очушки-то у ней ясныхъ соколовъ,
 « Бровушки-то у ней черныхъ соболей,
 « Походочка была бы лани бѣлыя,
 15 « Бѣлыя лани напольскія,
 « Напольскія лани златорогія,
 « Чтобы было мнѣ съ кѣмъ жить да быть,
 « Жить да быть, вѣкъ коротати,
 « И вамъ, молодцамъ, было бы кому поклонятыся».
 20 Всѣ молодцы за столомъ умолкнули,
 Пріумолкнули всѣ, затулялися²⁾,
 Бѣльшая тулица за середнюю,
 Середняя тулица за меньшую,
 Отъ меньшей тулицы отвѣту нѣть.
 25 За тыхъ за столиковъ дубовыхъ,
 Изъ за тыхъ скамеечекъ окольніихъ
 Вышелъ старый Пермилъ сынъ Ивановичъ,
 Понизешенько онъ князю поклоняется:

¹⁾ Владимиръ славился красотою и въ помѣщенныхъ выше былинахъ Добрыня желаетъ „спородиться красотою во князя во Владимира“.

²⁾ Туляться—уклоняться, хорониться.

- Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
- 30 — Знаю я тебѣ княгину супротивницу:
— Лицюшкомъ-то она супротивъ тебя,
— Очушки-то у ней ясныхъ соколовъ,
— Бровушки-то у ней черныхъ соболей,
— Походочка у ней лани бѣлыя,
- 35 — Бѣлыя лани напольскія,
— Напольскія лани златорогія:
— Будеть съ кѣмъ тебѣ князю жить да быть,
— Жить да быть, вѣкъ коротати,
— И намъ молодцамъ будеть кому покланятися.
- 40 — Во той есть во славной Литвы,
— У того есть у короля Литовскаго
— Дочь прекрасная Опракса королевична;
— Сидить она во теремѣ въ златомъ верху,
— На ню красное солнышко не опекетъ,
- 45 — Буйные вѣтрушки не овѣютъ,
— Многіе люди не обгалятся¹⁾.—
- Говорилъ Владиміръ таковы слова:
« Ай же ты, Пермиль сынъ Ивановичъ!
« Кого мнѣ-ка послать посвататься
- 50 « За меня за князя за Владимира
« На прекрасной на Опраксы королевичны? »
- Говорилъ Пермиль таковы слова:
— Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Я про то знаю, кого послать посвататься
- 55 — За тебя за князя за Владимира
— На прекрасной на Опраксы королевичны:
— Послать тихія²⁾ Дунаюшка Ивановича;
— Онъ Дунаюшка во послахъ бывалъ,
— Онъ Дунай много земель знавалъ,
- 60 — Онъ Дунаюшка говорить гораздъ:
— Ему Дунаюшку и посвататься.—
- Владиміръ князь стольно-Кіевскій

¹⁾ Не обзарятся, не глазѣютъ. *Б.*

²⁾ Дунай здѣсь называется *тихимъ*, потому что таково (*тихій и бѣлый*) постоянное прозвище рѣки Дуная у Славянъ. *Б.*

Наливаеть онъ чару зелена вина,
 Не малую стопу—полтора ведра,
 65 Подносиль-то онъ ко тихому Дунаюшку Иванову.
 Тихій Дунаюшка Ивановичъ
 Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется,
 Принимаетъ эту чарочку одной ручкой,
 Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ,
 70 Самъ говорить таковы слова:
 «Владиміръ, князь стольно-Кievskій!
 « Іду я за добрымъ дѣломъ, за сватовствомъ,
 « Посвататься за тебя за князя за Владимира
 « На прекрасной на Опраксы королевичны.
 75 « Столько дай мнѣ во товарищахъ
 « Моего-то братца крестового,
 « Молоды Vasильюшка Kazimirova ».
 Владиміръ князь стольно-Кievskій
 Наливаетъ онъ чару зелена вина,
 80 Не малую стопу—полтора ведра,
 Подносиль къ Васильюшку Kazimirovу.
 Молодой Васильюшка Kazimirovъ
 Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется,
 Принимаетъ эту чарочку одной рукой,
 85 Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ
 Самъ говорить таковы слова:
 « Владиміръ, князь стольно-Кievskій!
 « Іду я въ товарищахъ съ Дунаюшкой,
 « Только дай намъ още въ товарищахъ
 90 « Василья паробка Заморскаго:
 « Ему Васильюшку коней сѣдлать,
 « Ему Васильюшку разсѣдливать,
 « Плети подавать, плети принимать. »
 Владиміръ князь стольно-Кievskій
 95 Наливалъ онъ чару зелена вина,
 Не малую стопу—полтора ведра,
 Подносиль къ Василью паробку Заморскому.
 Васильюшка паробка Заморскій
 Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется,

100 Принимаетъ эту чарочку одной рукой,
 Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ,
 Самъ говорить таковы слова:
 « Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
 « Єду я въ товарищахъ къ Васильюшку Казимірову
 105 « И къ тихія Дунаюшку Ивановичу. »
 Оны шли въ свои палаты бѣлокаменны,
 Сѣдлали добрыхъ коней богатырскихъ,
 Садились на добрыхъ коней, поѣхали
 Во славную во эту въ хоробру Литву.

110 Пріѣхали къ королю на широкій дворъ,
 Становили коней посередь двора.
 Тихій Дунаюшка Ивановичъ
 Со своей дружинушкой хороброей
 Шель онъ во палату бѣлокаменну,
 115 На пяту онъ дверь-то поразмахивалъ,
 Крестъ онъ клалъ по писаному,
 Поклонъ онъ вель по ученому,
 На всѣ на три на четыре на сторонки покланяется,
 Самому-то королю въ особину
 120 И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ.

Сталь король у нихъ выспрашивать:
 — Вы отколешны, удаленъки дородни добры молодцы?—
 Говорилъ Дунай таковы слова:
 « Есть мы со славной матушки со святой Руси
 125 « Отъ ласкова князя отъ Владимира ».

Король садить-то ихъ за столики дубовые,
 За тыя за скамейки за окольныя,
 Кормилъ-то ихъ юствушкой сахарнею,
 Поилъ-то ихъ питьицемъ медвянымъ.

130 Наливаетъ-то онъ чару зелена вина,
 Не малую стопу—полтора ведра,
 Поднесъ къ тихому Дунаюшку Иванову.
 Тихій Дунаюшка Ивановичъ
 Скорешенько ставалъ онъ на рѣзы ноги,
 135 Береть онъ эту чарочку одной рукой,

Онъ за этой чарочкой посватался
 За того за князя за Владимира
 На прекрасной на Опраксы королевичны.
 Говорилъ ему король таковы слова:

- 140 — Глупый Владимирий стольно-Кievskij:
 — Онъ не знай¹⁾ кого послать ко мнѣ посвататься,
 — Изъ крестьянъ ко мнѣ крестьянина богатаго,
 — Изъ боярь мнѣ-ка боярина хорошаго,
 — Изъ богатырей богатыря могучаго:
 145 — Онъ послалъ ко мнѣ холопину дворянскую!
 — Ай же вы, мои слуги вѣрные!
 — Вы берите-тко Дунаюшку за ручушки за бѣлыя,
 — За него за перстни за злаченые,
 — Ведите-тко на погреба глубокіе
 150 — За него за рѣчи неумильныя.—
 Тихій Дунаюшка Ивановичъ
 Видитъ онъ: дѣло есть не малое,
 Скорешенько онъ скочить черезъ золотъ стуль,
 Схватилъ онъ Татарина за ноги,
 155 Сталъ онъ Татариномъ помахивать,
 Сталъ онъ Татаръ поколачивать.
 Король по застолью бѣгаетъ,
 Куньей шубой укрывается:
 — Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичъ!
 160 — Садись-ка со мной за единый столъ,
 — Сдѣлаемъ съ тобой мы сватовство
 — За того за князя за Владимира
 — На моей-то дочери любимыя,
 — На прекрасныя Опраксы королевичны.—
 165 Говорилъ Дунай таковы слова:
 « Не участвовалъ молодцевъ ирѣдучись,
 « То не ужаловать ти молодцевъ уѣдучись:
 « Я вѣчность возьму Опраксу за князя за Владимира,
 « А не вѣчность Опраксу за товарища,
 170 « За того возьму за паробка любимаго.»

¹⁾ Сокращеніе изъ знає—знаеть.

Пошелъ тихій Дунаюшка по терему,
 Сталъ онъ замочиковъ отщалкивать,
 Сталъ онъ дверцы выставливать,
 Пришелъ-то онъ въ теремъ, во златы верхи,
 175 Ко прекрасныя Опраксы королевичной.

Прекрасная Опракса королевична
 Ходить по терему, злату верху,
 Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
 Въ однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чеботовъ,
 180 У ней русая коса пораспущена.

Говориль ей Дунай таковы слова:
 « Ай же ты, Опракса королевична!
 « Идешь ли ты замужъ за князя за Владимира? »
 Говорила она таковы слова:

185 — Три года я Господу молилася,
 — Чтобы попасть мнѣ замужъ за князя за Владимира.—
 Тихій Дунаюшка Ивановичъ
 Береть ю за ручушки за бѣлыя,
 За нея за перстни за злаченыя,
 190 Щѣловаль ю въ уста во сахарнія
 За нея за рѣчи за умильныя.
 Приводилъ ю на широкій дворъ;
 Оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
 По славну по раздольицу чисту полю.

195 Говорить ему Опракса королевична:
 — Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичъ!
 — Есть у меня сестрица родимая,
 — Молода Настасья королевична:
 — Она їздить въ чистомъ полѣ паленицею,
 200 — Имѣеть въ плечахъ силушку великую;
 — Ежели наїдетъ въ раздольицѣ чистомъ полѣ,
 — Съ ней не дѣлайте противности великія.—
 Раздернули шатры бѣлые въ чистомъ полѣ,
 Становили добрыхъ коней богатырскіихъ,
 205 Насыпали имъ пшены бѣлояровой.
 Наѣхала Настасья королевична

Изъ того раздолыца чиста поля,
Накатилася за нима, какъ сильна гора.

Тихій Дунаюшка Ивановичъ

210 Поздравствовалъ Настасью королевичну

И говорилъ ёй таковы слова:

« Ай же ты, Настасья королевична!

« Идетъ твоя сестрица родимая,

« Прекрасная Опракса королевична,

215 « За славнаго за князя за Владимира;

— « А ты поди-тко замужъ за меня,

« За тихія Дунаюшка Ивановича ».

Пошла она за тихія Дунаюшка Ивановича.

Пріѣхали оны въ стольно-Кievъ градъ,

220 Ко князю ко Владиміру на широкъ дворъ,

Ихъ срѣтаеть князь Владиміръ стольно-Кievскій

И ведеть ихъ во палаты бѣлокаменны;

Накормилъ-то ихъ ёствушкой сахарнею,

Напоилъ-то ихъ питьицемъ медвянымъ.

225 Сходилъ съ нима во матушку въ Божью церкву,

Принимали-то оны златы вѣнцы,

Выходили со матушки съ Божьей церквы,

Пришли оны въ палаты бѣлокаменны;

Владимира князь стольно-Кievскій

230 Заводилъ онъ почестенъ пиръ-пированьице

На всѣхъ на князей, на бояръ,

На русскіихъ могучихъ на богатырей

И на всю паленицу удалую.

Стали испивать хмѣльныхъ напиточекъ.

235 Тихій Дунаюшка Ивановичъ

Питье напиточки, да похваляется:

« Досталъ-то я княгину про князя про Владимира,

« Досталъ княгину про тихія Дунаюшка Ивановича ».

Говорить ему Настасья королевична:

240 — Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичъ!

— Не хвастай своею храбростью великою:

— На твою-то молодецкую головушку

— Я кладу свое колечико серебряно,
 — Три разъ изъ лука калену стрѣлочку повыстрѣлю,
 245 — Пропущу-то скрözь колечико серебряно,
 — И не сроню-то я колечика съ головушки.—
 Тихій Дунаюшка Ивановичъ
 Скорешенько ставаль на рѣзвы ноги,
 И выходилъ съ ней Дунай въ чисто поле,
 250 Полагаль себѣ колечико серебряно
 На свою ли на головку молодецкую.
 Молода Настасья королевична
 Три разъ она прострѣлила въ колечико серебряно,
 Пропустила стрѣлочку каленую
 255 И не сбила колечика съ головушки.
 Тихій Дунаюшка Ивановичъ
 Становиль Настасью королевичну,
 Полагаль ей колечико серебряно на головушку,
 Береть свой тугій лукъ разрывчатый въ бѣлы руки,
 260 Налагаль-то онъ стрѣлочку каленую,
 Натянулъ тетивочку шелковенъку.
 Тутъ ему Настасья королевична молилася:
 — Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичъ!
 — У меня съ тобой есть во чревѣ чадо посъяно,
 265 — Принесу тобѣ я сына любимаго:
 — По колѣнца ножки въ серебрѣ,
 — По локоточки рученьки въ золотѣ,
 — На головушкѣ по косицамъ будуть звѣзды частыя.
 — За глупыя слова мои за женскія
 270 — Копай ты въ матушку сыру землю меня по поясъ,
 — Бей-ко ты меня по нагу тѣлу
 — За мои за рѣчи неумильныя.—
 Говорилъ Дунай таковы слова:
 « Все это отвертки есть женскія! »
 275 Спустиль какъ онъ стрѣлочку каленую
 Да во самое во темячко,
 Убилъ онъ Настасью королевичну,
 Убилъ онъ, самъ пораздумался:
 « Пораспластать мнѣ было ёй чрево женское,—

- 280 « Есть ли у меня что съ ней посѣяно? »
 Какъ распласталь ёй чрево женское,
 Такъ съ ней во чревѣ чадо посѣяно:
 По колѣнца ножки въ серебрѣ,
 По локоточки рученьки въ золотѣ,
 285 На головушкѣ по косицамъ звѣзды частыя.
 Тутъ Дунаюшка и раздумался:
 « Что я сдѣлалъ двѣ головки безповинныхъ! »
 Бралъ въ руки саблю вострую,
 И паль-то онъ на саблю вострую,
 290 Самъ говорилъ таковы слова:
 « Гдѣ пала Настасьина головушка
 « И гдѣ протекла Настасья рѣка,
 « И тутъ протеки-тко Дунай рѣка ».

Исподѣ эвтого сподѣ мѣстечка
 295 Протекали двѣ рѣченъки быстрыхъ,
 И на двѣ струечки оны расходилися,
 И още оны въ мѣсто сходилися.

10.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

(Гильферд. № 83).

- Молодой Иванушка Годиновичъ
 Побѣжалъ жениться въ Золоту орду
 На прекрасной Настасьѣ Митріевичной.
 Говориль ему Владиміръ стольно-Кievскій:
 5 « Ай же ты, Иванушко Годиновичъ,
 « Крестничекъ мой любимый!
 « Побѣжаешь ты жениться въ Золоту орду
 « На прекрасной Настасьѣ Митріевичной:
 « Что же будешь братъ съ собой?—
 10 « Силу [армію] великую,

« Али будешь братъ безсчетну золоту казну,
 « Али будешь братъ одежи драгоцѣнныя? »

Говорилъ ему Иванушка Годиновичъ:

— Ай же ты, крестовый мой батюшка!

15 — Намъ не войскомъ братъ Настасью Митріевичну,

— И не дракой братъ Настасью Митріевичну,

— Не купить-то намъ безсчетной золотой казной,

— Да и не надоть мнѣ одежи драгоцѣнныя:

— А столько дай-ка мнѣ въ товарищахъ

20 — Паробкя любимаго Васильюшка Заморскаго,

— Чтобы ему Васильюшку коней сѣдлать,

— Да ему Васильюшку разсѣдливать,

— Ему плеть подавать, да и плеть принимать.—

Владиміръ князь стольно-Кievскій

25 Даетъ паробкя Васильюшка Заморскаго.

Оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,

День за день, какъ трава растетъ,

Годъ за годъ, какъ вода текетъ,

Пріѣхалъ въ Золоту орду Иванушка Годиновичъ,

30 Сталъ посватывать Настасью Митріевичну.

А съ другой стороны, съ хороброй Литвы

Наѣзжаетъ царскій сынъ Федоръ Ивановичъ

И сталъ сватать Настасью Митріевичну.

Не пошла она за сына царскаго,

35 А пошла за Иванушка Годиновича.

Иванушко Годиновъ сынъ

Взялъ въ люби Настасью Митріевичну.

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали

Со своимъ со паробкомъ любимыимъ

40 И со своей Настасьей Митріевичной.

Оны єхали раздольицемъ-чистымъ полемъ

На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ,

Ускоряли-то дорожкой скоро на скоро:

Оны день єдутъ по красному по солнышку,

45 А ночь єдутъ по свѣтлому по мѣсяцу.

Отпускалъ Иванушка Годиновичъ

Паробка любимаго Васильюшка Заморскаго
 Къ своему крестовому ко батюшку,
 Ко славному ко князю ко Владиміру,
 50 Отпускаль Васильюшку, наказывалъ:
 « Ты скажи, Васильюшка Заморскій,
 « Что въ люби везу Настасью Митріевичну ».
 Изъ того раздольца чиста поля
 Наѣхалъ царскій сынъ Федоръ Ивановичъ,
 55 Говорилъ Настасьѣ Митріевичной:
 — Прекрасная Настасья Митріевична!
 — Пошла ты за мужъ за Ивана Годиновича,
 — За того работника князя Владимира:
 — А поди ты за мужъ за меня, за сына царскаго,
 60 — И такъ будешь ты царицей, не работницей.—
 Какъ сталъ ю сватать путемъ дорогою
 Царскій сынъ Федоръ Ивановичъ,
 И пошла она за сына за царскаго.
 И взяли оны двое—обневолили
 65 Молода Иванушка Годиновича,
 Привязали его ко сырому дубу,
 Самы пораздернули шатерь бѣлополотняный,
 Спать оны легли, да проклаждатися,
 Въ разныя забавы заниматися.
 70 Какъ оны спали-проклаждалися,
 Выходили оны изъ бѣла шатра;
 По Божьему по повелѣнию
 Полетѣло черезъ ихъ три бѣлыхъ три лебеди.
 Говорила прекрасная Настасья Митріевична:
 75 — Ай же ты, Федоръ Ивановичъ!
 — Захотѣлось на понюсъ мнѣ мяса лебединаго:
 — Застрѣли-ка бѣлую лебедушку.—
 Онъ береть скорешенько каленый лукъ разрывчатый,
 Натянулъ тетивочки шелковеньки,
 80 Наложилъ онъ стрѣлочки каленые:
 Этая стрѣлочка каленая,
 Къ верху стрѣлочка поднималася,
 И въ верху она свивалася,

И пала прямо въ темя Федору Ивановичу,
 85 И убила до смерти Федора Ивановича.

Тутъ стоитъ Настасья Митріевична,
 Закручинилась и запечалилась:
 Отъ бережка она откачнулася,
 А къ другому не прикачнулася.

90 Говорить Настасья Митріевична:

— Ай же ты, Иванушка Годиновичъ!
 — Прости меня во женскія во глупости,
 — Возьми меня опять за себя.—
 Говориль ей Иванушка Годиновичъ:

95 « Исполню я три заповѣди женскіихъ,
 « Тогда возьму тебя за себя ».

Отвязала она его отъ сыра дуба.
 Бралъ-то онъ свою саблю вост्रую,
 Отрубилъ-то ей ножки рѣзвыя,

100 Рубилъ-то ей ножки, выговаривалъ:
 « Зачѣмъ эти ноженьки рѣзвыя
 « Оплетали Татарина поганаго! »
 И отрубилъ ей ручки бѣлыя,
 Рубилъ-то ей ручки, выговаривалъ:

105 « Зачѣмъ эти рученьки бѣлыя
 « Обнимали Татарина поганаго! »
 И отрубилъ ей уста сахарнія,
 Рубилъ-то ей уста, выговаривалъ:
 « Зачѣмъ эти уста сахарнія

110 « Цѣловали Татарина поганаго,
 « Того ли Федора Ивановича! »
 Садился Иванушка на добра коня
 И ѿхалъ Иванушка въ стольный Кіевъ градъ.

Тамъ Владиміръ стольно-Кіевскій

115 Ждетъ его съ прекрасною Настасьей Митріевичной,
 А пріїхалъ Иванушка самъ собой.
 Владиміръ князъ стольно-Кіевскій
 Отводилъ его въ покой во особые:
 Сталъ у его онъ выспрашивати:

120 — Какъ же, Иванушка Годиновичъ,

— Гдѣ жь ты дѣлъ прекрасную Настасью Митріевичну?—
 Отвѣчалъ ему Иванушка Годиновичъ:
 « Ай же ты, крестовый мой батюшка,
 « Владіміръ, князь стольно-Кіевскій!
 125 « Всякій молодецъ на вѣку женится,
 « А не всякому женитьба удавается! »

11.

МИХАЙЛА ПОТЫКЪ.

(Гильферд. № 82.)

Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
 Загуляль молодецъ къ королю въ Литву.
 Король молодца любить-жалуетъ,
 Королевна молодца во люби держитъ.
 5 Загуляль добрый молодецъ, порасхвастался,
 Что ходилъ молодецъ изъ орды въ орду ¹⁾...
 Ходилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Ко славныя ко матушкѣ ко Пучай рѣкѣ,
 Стрѣляль-то онъ гусей, лебедей,
 10 Стрѣляль малыхъ перелетныхъ утушекъ.
 И по славныя по матушкѣ Пучай рѣкѣ
 Пловеть-то колода бѣлодубовая:
 На этой колоды бѣлодубовой
 Сидѣла на ней бѣлая лебедушка.
 15 Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Бралъ онъ свой тугій лукъ разрывчатый,
 Накладывалъ онъ стрѣлочку каленую
 И натягивалъ тетивочку шелковую,
 Хотѣть подстрѣлить бѣлую лебедушку.
 20 Бѣлая лебедушка поднималася

¹⁾ Пропускъ.

И становилася на матушку сыру землю
 Супротивъ Михайлы Потыка сына Иванова,
 Проязычила она языкомъ человѣческимъ...

(*Не кончено.*)

12.

ТО ЖЕ.

(Гильферд. № 82.)

Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Ёздилъ онъ во славну во темну орду,
 Относилъ-то дани-выходы
 За старые года и за нынѣшніе,
 5 И за всѣ времена за досюлешны,
 Исполна государю за двѣнадцать лѣтъ:
 Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать крѣченей,
 Отвозилъ-то грамоту повинную
 Ко царю Лиходѣю Лиходѣеву.
 10 Воротиль назадъ онъ дани-выходы:
 Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать крѣченей,
 Жаловалъ его царь Лиходѣй Лиходѣевичъ
 Трема кораблями со Татарами.
 И поѣхалъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 15 По славному по синему по морюшку.
 Увидѣлъ онъ лебедку на синемъ морѣ,
 Говорилъ-то Татаровьямъ поганымъ:
 «Ай же вы, Татаровья поганые!
 «Можете ли злучить¹⁾ эту лебедку на синемъ морѣ,
 20 «Чтобъ не ранену лебедку, не кровавлену?»
 Говорять ему Татаровья поганые:
 — Ай же, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Долиною море долинешенько,

¹⁾ Залучить, захватить.

- Шириною море широкошенько:
- 25 — Не излучить-то намъ лебедки на синемъ морѣ,
 — Чтобъ не раненой лебедки, не кровавленой.
 — Если бъ плавала лебедка по быстрой рѣкѣ,
 — Излучили бы лебедушку не ранену и не кровавлену.—
 Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
- 30 Беретъ-то свой тугій лукъ разрывчатый,
 Натянуль онъ тетивочку шелковенъку,
 И наложиль-то онъ стрѣлочку каленую,
 Хотитъ подстрѣлить эту бѣлу лебедушку.
 Эта бѣлая лебедушка
- 35 Поднималася отъ синя моря
 На своихъ на крыльяхъ лебединыхъ,
 Садилась она на черленъ корабль,
 Обвернулась красной дѣвицей.
 Подходилъ-то къ ней Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
- 40 Бралъ-то ю за ручушки за бѣлыя
 И за ней ¹⁾ за перстни за злаченые,
 Цѣловать хотитъ въ уста ю во сахарнія.
 Говорить-то ему красна дѣвица:
 — Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
- 45 — Не цѣлуй меня, красну дѣвушку:
 — Есть я роду невѣрнаго,
 — Есть я роду некрещенаго.
 — Когда свезешь на славную святую Русь,
 — И будемъ во славномъ стольно-Кіевѣ,
- 50 — И сходимъ во матушку Божью церкву,
 — И доставлишь во вѣрушку крещённую,
 — Тогда мы съ тобой примемъ золоты вѣнцы,
 — Тогда меня цѣлуй красную дѣвушку.—
 Пріѣхали оны во стольно-Кіевъ градъ,
- 55 Сходили во славную во матушку Божью церквѣ,
 Доставляль онъ ю во вѣрушку крещённую,
 Принимали оны золоты вѣнцы;
 Стали жить да быть, долго здравствовать.

---

¹⁾ За ней=за нея=за ея. Ред.

Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ

60 Сталъ ъздить во раздолыце чисто поле

На добромъ конѣ на богатырскоемъ.

И наѣхалъ онъ станъ разбойницкій въ чистомъ полѣ;

Во тоѣмъ стану во разбойницикомъ

Сидитъ красная дѣвушка подъ окошечкомъ,

65 Плачетъ она причитаочись,

Русую косу прижимаочись:

— Вчерасть моя косынька была призаплетена,

— Сегодня моя косынька порастреялена,

— Порастреялена въ полону сидить,

70 — Въ полону сидить подъ неволею,

— Во томъ стану во разбойницикомъ.—

Услыхалъ то Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,

Повыломилъ онъ дверцы дубовыя,

Вралъ эту дѣвушку подъ правую подъ пазушку,

75 Садился на добра коня богатырскаго,

Пріѣхалъ Михайла въ стольно-Кievъ градъ,

Привозилъ-то эту красну дѣвушку.

Усмотрѣла его молода жена,

Прекрасная Марья Лебедь Вѣлая,

80 Стала она да усомлятися:

« Что ъздить мой мужъ по Киеву за б.....и ¹⁾. »

¹⁾ Пропѣвшіи эту старину, пѣвецъ припомнилъ пропуски, которые по его словамъ нужно размѣстить такъ: послѣ 57-го стиха —

Принимали оны золоты вѣнцы,

Оны заповѣдь великую покладали между собой:

« Который, де, изъ насъ впереди помретъ,

« Живому съ мертвымъ въ одинъ гробъ леци

« На трое сутокъ на времени.»

Стали жить да быть, долго здравствовать.

Послѣ стиха 81-го —

И сдѣлалась она нездоровая,

И тутъ она скоро преставилась.

Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ

Сковалъ три прута мѣдныхъ и три желѣзныхъ,

Сковалъ клещи желѣзные

И приказалъ сколотить домовище великое,

Чтобы въ одно домовище двоимъ леци.

Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Уходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Сталъ онъ упиваться въ зелено вино.

- 85 На тую пору на времячко
Изъ той изъ Литвы изъ поганоей
Пріѣхалъ царскій сынъ Федоръ Ивановичъ,
Сталъ онъ звать за себя Марью Лебедь Бѣлую;
И пошла за него за мужъ Марья Лебедь Бѣлая.
90 Оны сѣли на добрыхъ коней, уѣхали,
А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Сидитъ—пьетъ да проклаждается,
Надъ собой незгодушки не вѣдаешь.
И приходитъ во царевъ кабакъ
95 Старый казакъ Илья Муромецъ,
Говорилъ Илья таковы слова:
— Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты пьешь зелено вино, проклаждашся,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
100 — Твоя же молода жена,
— Прекрасная Марья Лебедь Бѣлая

Говорилъ Владимиръ стольно-Киевскій:
— Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Зачѣмъ берешь съ собой три прутика мѣдныхъ,
— Три желѣзныхъ и клещи желѣзные?—
Отвѣтъ держаль Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
« Ради того беру съ собой прутья мѣдные и желѣзные,
« И клещи беру желѣзные,
« Чтобы къ моему ко гробу не плавала змѣя подземельная
« И не точила бы моего тѣла бѣлаго. »
Положили ихъ въ одно домовище
И спускали въ могилу глубокую.
И ко тоему гробу приплываетъ змѣя подземельная.
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Береть клещи онъ желѣзные,
Прихватилъ тую змѣю подземельную,
И билъ ю прутьями мѣдными,
И билъ ю прутьями желѣзными.
И обвернулась она Марьей Бѣлой Лебедью,
И давала заповѣдь великую
Не дѣлать впредь никаковыхъ пакостей.

— За мужъ ушла за Татарина поганаго,
 — За царскаго сына Федора Иванова.—
 Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 105 Обуль себѣ лапотики шелковенъкіе,
 Клюку онъ бралъ кости рыбьея,
 Подсумокъ одѣль черна бархата,
 На головку шляпку земли греческой,
 И пошелъ онъ въ эту во темну орду.
 110 Приходилъ онъ къ Татарину поганому
 Къ тому Федору Иванову на широкъ дворъ,
 Становился подъ окопечко косявчето,
 Воскричалъ-то онъ во всю голову:
 « Ай же ты, царскій сынъ Федоръ Ивановичъ!
 115 « Сотвори-тко ты мнѣ милостинку,
 « Да не рублямы я беру, не полтинкамы,
 « А беру я цѣлыми тысячами ».
 Какъ посмотрѣла въ окопечко
 Его-то молода жена, Марья Лебедь Бѣлая,
 120 И говорить она таковы слова:
 — Ай же, мой любимый мужъ, Федоръ Ивановичъ!
 — Пришелъ ко мнѣ прежній мужъ:
 — Веди его въ палаты бѣлокаменны,
 — Садись-ка съ нимъ за единый столъ,
 125 — Корми-тко его юствушкой сахарнею,
 — Пой-ка его питьицемъ медвянымъ
 — И дари-тко ему дары драгоцѣнны.—
 И выходилъ-то царскій сынъ на широкій дворъ,
 И просиль къ собѣ въ палаты бѣлокаменны.
 130 И заходили въ палаты бѣлокаменны,
 Садилися за столики дубовые,
 И ѿли они юствушки сахарнія,
 Пили они питьица медвяныя.
 Этотъ царскій сынъ Федоръ Ивановичъ
 135 Во эты во хмѣльны во напиточки
 Спушталъ да зелья спящаго,
 Спящаго зѣлья, забудущаго.
 Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,

- Гдѣ ълъ да пиль, тутъ и спать уснуль.
- 140 Взяли Михайла Потыка сына Ивановича,
Стариши его во глубокъ погребъ,
Приковали къ стѣны на гвоздики.
- У этого у сына у царскаго была сестра родная,
Сестра родная, дочь царская,
- 145 Прекрасная Анна королевична:
Она въ Михайлу Потыка влюбилась
И взяла—отняла его отъ стѣны прикована,
Стала его раночекъ кровавыхъ заращивать,
Стала его добра молодца удабривать,
- 150 И ввела его во силушку богатырскую,
Во прежнюю храбрость великую.
Царскій сынъ Федоръ Ивановичъ
Поѣхалъ съ молодой женой
Съ Марьей Лебедью Бѣлою
- 155 По своему по городу погуливави.
- А его сестра, дочь царская,
Прекрасная Анна королевична
Говорить Михайлы Потыку сыну Иванову:
— Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
- 160 — Поди-тко по напрему по городу:
— Гдѣ сустигнешь сына царскаго
— Со своей со прежней молодой женой,
— Гдѣ ихъ сустигнешь, тутъ и смерти предай.—
И сама за нимъ въ слѣдъ пошла засматривать..
- 165 Какъ онъ насмотрѣль ихъ по царству ѿучись,
Такъ и увидѣла его Марья Лебедь Бѣлая,
И говорить своему мужу Федору Иванову:
— Мой прежній мужъ опять живъ идетъ:
— Наливай-ка чару зелена вина
- 170 — Да спусти ему зелья спящаго.—
Царскій сынъ Федоръ Ивановичъ
Наливалъ ему чару зелена вина
И спущалъ ему зелья спящаго;
И Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
- 175 Хотѣть эту взять чару зелена вина;

И говорить ему дочи царская:
— Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
— Не пей-ка этой чары зелена вина:
— Если выпьешь, и самъ погинешь.—
180 Не пошелъ онъ за чарой зелена вина,
Вынималъ-то саблю булатнюю,
Убивалъ онъ сына царского
И убилъ Марью Лебедь Бѣлую.
А взялъ за себя дочи царскую
185 Прекрасную Анну королевичну.
И тутъ-то они стали жить да быть,
Добра наживать, отъ лиха избывать.

13.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

(Гильферд. № 86).

Ходили калики перехожіе изъ орды въ орду,
Сорокъ каликъ со каликою.
Лапотики на ножикахъ у нихъ были шелковые,
Подсумочки спиты черна бархата,
5 Во рукахъ были клюхи кости рыбья,
На головушкахъ были шляпки земли греческой.
Приходили оны въ хоробру Литву,
Ко тому королю Литовскому на широкій дворъ,
Становились подъ косявчето оконечко
10 И попросили-то они милостины:
« Ай же ты, король Литовскій!
« Сотвори-тко намъ милостины, каликамъ перехожіимъ:
« Не рублямы мы беремъ и не полтинамы,
« Беремъ-то мы цѣльма тысячамы ».
15 Отъ ихъ отъ покриковъ богатырскіихъ
Околенки во теремахъ поразсыпались,

Маковки во теремахъ покривились.
 Король вводилъ ихъ во палаты бѣлокаменны,
 Кормилъ онъ ихъ ёствушкой сахарнею
 20 И поилъ ихъ питьицемъ медвянымъ,
     И дарилъ имъ дары драгоцѣнны.
 Говорилъ король таковы слова:
 « Не калики есте перехожіи,
     « Есть вы русскіе могучіе богатыри...—

(Не кончено; Рябининъ не помнилъ далѣе.)

14.

С Т А В Е Р Ъ.

У ласкова князя у Владимира
 Былъ хорошъ пиръ-пированыце
 На всѣхъ на князей и на бояръ,
 На русскіихъ могучихъ на богатырей
 5 И на всю паленицу удалую.
 Красное солнышко на вечери,
 Всѣ молодцы пьяны-веселы,
 Всѣ на пиру прирасхвастались,
 А только сидитъ одинъ Ставёръ сынъ Годиновичъ,
 10 Не ёсть не пьеть и не хвастаетъ.
 Тутъ Владимиръ князь стольно-Кievskij
 Налилъ ему чару зелена вина,
 Не малую стопу—полтора ведра,
 Разводилъ медамы настоялымъ,
 15 Подносилъ ко Ставру сыну Годиновичу,
     А самъ говорилъ таковы слова:
 « Что же ты, Ставерь сынъ Годиновичъ,
 « Не ёшь не пьешь и не кушаешь,
 « Самъ ты сидишь—ни чимъ не хвастаешь?
 20 « Или не чимъ тебѣ, молодцу, похвастати? »

Говорить Ставерь сынъ Годиновичъ:

- Владиміръ, князь стольно-Кievскій!
- Ощѣ есть у Ставра чимъ похвастати:
- Мои добрые молодцы не старятся,
- 25 — Мои добрые конюшки не держатся,
- Моя золота казна не тощится;
- Да още есть у Ставра чимъ похвастати,—
- Есть у Ставра молода жена,
- Молода Василиста Микулична:
- 30 — Всѣхъ-то князей-бояръ прідбманеть,
- Самого тебя Владимира съ ума сведетъ.—

Говориль Владиміръ таковы слава:

« Ай же, мои слуги вѣрные!

« Берите-тко Ставра сына Годиновича

- 35 « За него за ручушки за бѣлыя,
- « За него за перстни за злаченые,
- « И ведите-ка на погреба холодные
- « За него за рѣчи неумильныя».

Взяли Ставра сына Годиновича

- 40 За него за ручушки за бѣлыя,
- За эти за перстни за злаченые,
- И свели его на погреба холодные.

Провѣдала его молода жена,

Молода Василиста Микулична,

- 45 Что ей любимый мужъ, Ставерь сынъ Годиновичъ
Въ полону сидить на погребѣ холодноемъ.

Въ totъ часъ Василиста Микулична

Пошла по палаты бѣлокаменной,

По своей по комнаты по богатырской,

- 50 Воскричала-то она во всю голову,

Во всю голову кричала жалкимъ голосомъ:

« Ай же вы, служанки мои вѣрныя!

« Поспѣвайте-ка ко мнѣ скоро на скоро,

« Рубите-тко мои косы русыя,

- 55 « Несите-ка мнѣ платьница посыльныхъ

« Да сѣдлайте-ка коня мнѣ богатырского. »

Подѣгали къ ней служаночки вѣрныя,
Скореценько отрубили ёй ты косыньки русыя,
Одѣли ёй одѣжицы посыльныя
60 И засѣдлали ёй добра коня богатырскаго.
Садилась Василиста Микулична
На добра коня богатырскаго,
Поѣхала она посломъ въ стольно-Кievъ градъ.
Пріѣхала ко князю Владимиру на широкъ дворъ,
65 Шла она во палату бѣлокаменну,
На пяту дверь поразмахивать.
Ступила своей ножкой правою
Во славную во гридню княженецкую:
Столики во гриднѣ пострижнулися,
70 Околенки хрустальны поразсыпались.
Полагала она грамоту посыльную на золотъ столъ,
Называлася посломъ со славной земли Гленскія.
Туть она у князя у Владимира
Посваталася на прекрасной дочери любимоей.
75 Говоритъ dochь князя Владимира:
« Батюшка, Владимира стольно-Кievскій!
« Не выдай дѣвчины за женщину:
« Походочка у послы-то частенькая,
« На мѣсто сядеть, ноги жметъ, вещины бережетъ,
80 « А гдѣ на рукахъ были жуковины, тутъ и мѣсто знать. »
Говорилъ Владимира стольно-Кievскій:
— Ай же вы, слуги мои вѣрные!
— Истопите-тка парную баенку,
— Умыться и попариться послу во парной во баенкѣ;
85 — Я самъ скожу съ посломъ во парную во баенку.—
Истопили парную баенку,
Приходилъ посолъ во парную во баенку,
Скоро на скоро умылся и упарился,
И на стрѣту идетъ ко князю ко Владимиру.
90 Говорить Владимировъ стольно-Кievскій:
— Что же ты, посолъ земли Гленскія,
— Скоро умылся во парной во баенкѣ?—
« Ай же ты, Владимира стольно-Кievскій!

« Мое дѣло есть дорожное
 95 « И мое дѣло есть посыльное:
 « Мнѣ не долго прокладати ся во баенкѣ ».
 Пришли они въ палату бѣлокаменну,
 И просить она борца-поединничка,
 Побороться ей надо обѣ однѣ ручкѣ ¹⁾...
 100 Говорилъ Владимиръ стольно-Кievскій:
 — Какъ отдать Ставра, не видать Ставра,
 — А не отдать Ставра, разгнѣвить посла.—
 Приводили Ставра на широкъ дворъ
 Со славнымъ посланникомъ боротися.
 105 Середи двора они становилися,
 На борьбу-рукопашку сходилися.
 Тотъ посолъ земли Гленскія
 Поборолъ Ставра сына Годиновича.
 Здынула она его со матушки со сырой земли,
 110 Становила его на рѣзы ноги,
 Брала его за ручушки за бѣлыя,
 За него за перстни за злаченые,
 Цѣловала во уста во сахарнія,
 Называла его любимою семеюшкой,
 115 Семеюпкой, законною сдержанушкой,
 Говорила ему таковы слова:
 « Ай же, Ставръ сынъ Годиновичъ!
 « Не учись-ка впредь женою хвастати:
 « Самъ ты погинешь и меня сгубишь! »
 120 Тутъ они садились на добрыхъ коней,
 Пойхали во свои палаты бѣлокаменны,
 Стали жить да быть, да долго здравствовать.

---

¹⁾) Здѣсь очевидно пропускъ: я обратилъ на это вниманіе пѣвца, онъ отвѣчалъ мнѣ, что Василиста поборола всѣхъ борцовъ поединниковъ. Илья Муромца еще не было при князѣ Владимирѣ, а Добрынюшка Никитичъ былъ слабѣ и меньшой дочери Микулы Селяниновича, Настасіи. Тогда Василиста потребовала Ставра.

15.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

(Гильферд. № 84.)

У ласкова князя у Владимира
 Былъ хорошъ пиръ-пированьице
 На всѣхъ на князей и на бояръ,
 На всѣхъ могучихъ русскихъ богатырей.
 5 Было на томъ пиру двѣ вдовы:
 Первая вдова честна Блудова жена,
 А другая вдова была купецъ-жена.
 Ко честной вдовы честно-Блудовой жены
 Подносили къ ёй чару зелена вина,
 10 И не малую стопу—полтора ведра.
 Честная вдова честно-Блудова жена
 Поскорешенько вставала на рѣзвы ноги,
 Брала эту чарочку во бѣлы руки,
 За этой за чарочкой посваталась
 15 За своего за сына за любимаго,
 За того Хотинушку за Блудовича,
 У честной вдовы у купецъ-жены
 На прекрасной купецъ-вдовы дочери.
 Честная вдова купецъ-жена
 20 Поскорешенько вставала на рѣзвы ноги,
 Брала отъ ёй чарочку въ бѣлы руки,
 Назадъ-то ёй чарочку повыплеснула,
 Кунью шубоньку всю облила,
 К...., б.... оклескивала ¹⁾),
 25 Говорила-то она таковы слова:
 « Глупая ты вдова, честно-Блудова жена:
 « Дойдетъ ли Офимьюшку взять за собя,
 « Да за своего Хотинушку за Блудовича?
 « Сидить-то моя Офимьюшка во теремѣ,
 30 « Во славноемъ во теремѣ, въ златомъ верху:

¹⁾ Оклескивать, давать кличку, обзывасть.

« На ню красное солнышко не Ѳпекёть,
 « На ню буйные вѣтры не Ѳвѣютъ,
 « Многіе люди не обгалятся.
 « Какъ твой-то сынъ, Хотинка Блудовичъ,
 35 « Ёздить Хотинка по городу,
 « Уродуетъ¹⁾ со своимъ со паробкомъ любимымъ,
 « Ищетъ бобоваго зерненка,
 « А гдѣ бы-то Хотинушкѣ обѣдъ сочинить».
 Честная вдова честно-Блудова жена,
 40 Со честна пира пошла она не весела,
 Прикручинивши попла, припечаливши,
 Приклонила буйну голову къ сырой земли,
 Очи ясные втопила во сырую землю.
 Подходитъ-то свому ко терему высокому.
 45 Со того со терема высокаго,
 Со того окошечка косявчeta,
 Скрозь это хрустальное стеколышко,
 Усмотрѣль-то Хотинушка Блудовичъ,
 Что идеть его матушка съ честна пира,
 50 Со честна пира идетъ она не весела;
 Выскочить Хотинушка на крутой крылецъ,
 Говорилъ Хотинушка таковы слова:
 « Свѣтъ ты, моя родимая матушка!
 « Что же ты идешь съ честна пира не весела?
 55 « Али мѣсто было въ пиру не по люби,
 « Али чарою тобя пообнесли,
 « Али пьяница-дуракъ пріобгалился? »
 Говорить вдова таковы слова:
 — Свѣтъ ты, мое чадо милое,
 60 — Молодой Хотинушка Блудовичъ!
 — Мѣсто въ пиру мнѣ было по люби,
 — Чарою меня не пообнесли,
 — Да и пьяница-дуракъ не пріобгалился;
 — Насмѣялась надо мною честная вдова,
 65 — Честная вдова купецъ-жена.

¹⁾ Уродосатъ, юродствовать.

- Подносили ко мнѣ чару зелена вина,
 — И не малую стопу—полтора ведра;
 — Я за этой чарочкой посвatalась
 — За тебя Хотинушку за Блудовица
- 70 — У честной вдовы у купецъ-жены
 — На прекрасной Офимъ купецъ-дочери.
 — Честная вдова купецъ-жена
 — Брала мою чарочку въ бѣлы руки,
 — Назадъ чарочку повыпlesнула,
- 75 — Мою кунью шубоньку облила,
 — Меня к....., б.... оклѣскивала,
 — Говорила она мнѣ таковы слова:
 — « Глупая ты вдова, честно-Блудова жена! »
 — « Дойдетъ ли Офимьюшку взять за себя,
- 80 — « Да за своего Хотинушку за Блудова? »
 — « Сидитъ-то моя Офимьюшка во теремѣ,
 — « Во славномъ во теремѣ, въ златомъ верху:
 — « На ню красное солнышко не Ѳипекѣть,
 — « На ню буйные вѣтры не Ѳивѣютъ,
- 85 — « Многіе люди не обгалятся.
 — « А твой-то сынъ, Хотинка Блудовичъ,
 — « Іздить Хотинушка по городу,
 — « Уродуетъ со своимъ со паробкомъ любимымъ,
 — « Ищетъ бобовьяго зерненка,
- 90 — « А гдѣ бы-то Хотинушкѣ обѣдъ сочинить. » —
 Говориль Хотина таковы слова:
 « Свѣтъ ты, моя родимая матушка!
 « Въ честь я Офимью за себя возьму,
 « А не въ честь Офимью за товарища,
 95 « За своего ли за паробка любимаго».
- Повернется Хотина на одной ножкѣ,
 Скоро шелъ въ палаты бѣлокаменныея,
 Кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,
 Шапочку соболью на одно ушко,
- 100 Хватиль паличку булатнюю подъ пазушку.
 Скоро шелъ Хотина на широкъ дворъ,
 Садился на добра коня на сѣдлана;

Повыѣхалъ Хотина во чисто поле,
 Сталь онъ по чисту полю поѣзживати:
 105 Сердце въ немъ разгорается,
 Кровь-то въ немъ распылалася,—
 Бралъ-то онъ плеточку шелковую,
 Биль-то коня по тучнѣй бедры,
 Давалъ єнъ удары великие,
 110 Да со всея силы богатырскія.
 Такъ онъ ъѣздила по раздолину чисту полю,
 Шуточки шутила онъ не малыя:
 Кидалъ палицу булатнюю подъ облаку,
 Подъѣзжалъ-то Хотина на добрѣмъ конѣ,
 115 Подхватывалъ-то паличку одной рукой,
 Какъ лебѣдинымъ перышкомъ ноигрывалъ;
 Не малая та паличка булатная:
 Вѣсомъ-то она да девяноста пудъ.
 Онъ разѣхался съ раздолинъ изъ чиста поля
 120 Ко славному ко терему, злату верху,
 Биль-то онъ палицей булатней
 По славному по терему, злату верху,
 Биль-то онъ палицей нежалухою
 Со всея со силы богатырскія:
 125 Палица въ рукахъ погибалася,
 По маковкамъ она отломилася,
 Во теремъ окленки разсыпались,
 На теремъ всѣ маковки покрѣвились.
 Соскочить Хотина со добра коня,
 130 Подходитъ онъ ко терему, злату верху,
 Сталь онъ замочиковъ отщалкивать,
 Сталь онъ дверцы выставливати;
 Приходить онъ во теремъ, во златой верѣхъ:
 Ходитъ Офимьюшка купецъ-дочь
 135 По славному по терему, по злату верху,
 Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
 Въ однихъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чоботовъ.
 У ней русая коса-то пораспущена.
 Говорилъ Хотина єй Блудовичъ:

- 140 « Ай же ты, Офимьюшка, купецъ-дочи!
   « Идешь ли ты за мужъ за Хотинушка,
   « За того Хотину за Блудовича? »
   Говорить Офимья таковы слова:
   — Три года я Господу молилася,
 145 — Чтобы попастъ мнѣ за мужъ за Хотинушка
   — За того Хотину за Блудовича. —
   Бралъ-то онъ за ручушки за бѣлыя,
   За нея за перстни за злаченые,
   Цѣловалъ ю во уста во сахарнія
 150 За нея за рѣчи за умильныя,
   Вывелъ ю со терема, зата верха.
   Сѣли на добрыхъ коней, пойхали
   По славному по городу по Кіеву.
   Молодой Хотинушка Блудовичъ
 155 Пріѣхалъ во свои въ палаты бѣлокаменны
   Ко своей ко родимой ко матушкѣ,
   Самъ-отъ говорилъ таковы слова:
   « Свѣтъ ты, моя родимая матушка,
   « Честна вдова, честно-Блудова жена!
- 160 « Въ люби-то я Офимьюшку взялъ за собя ».
   Сходили-то во матушку Божью церквѣ,
   Оны Господу Богу помолились,
   Ко Господнему кресту приложилися,
   Приняли собѣ оны чудны вѣнцы,
 165 Стали жить да быть, много здравствовать.
-

16.

Д Ю К Ъ.

(Гильферд. № 85.)

Снаряжался Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
   Изъ славнаго богатаго Волынъ-города,
   Изъ той Индѣюшки богатыя;

Снаряжался Дюкъ во стольно-Кіевъ градъ,
 5 Посмотрѣть хотіть на князя на Владимира
   И на русскихъ на могучихъ на богатырей.
   Говорить ему родна матушка,
   Честна вдова Настасья Васильевна:
     « Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ!
 10 « Хоть ты сряжаешься во стольно-Кіевъ градъ,
     « Посмотрѣть хотіши на князя на Владимира
     « И на русскихъ на могучихъ на богатырей,
     « А охвочъ ты упиваться въ зелено вино:
     « Такъ ты не хвастай-ка своимъ художествомъ¹⁾
 15 « Супротивъ русскихъ могучихъ богатырей ».

Садился Дюкъ на добра коня,
 То онъ ѿхалъ по раздолину чисту полю
 Ко славному ко городу ко Кіеву.
 И прїехалъ къ князю ко Владиміру на широкій дворъ,
 20 Вшель-то онъ въ палаты бѣлокаменны,
   Крестъ-отъ онъ клалъ по писаному,
   Поклоны вель по ученому,
   На всѣ на три на четыре на сторонки поклоняется,
   И спросилъ-то онъ про князя про Владимира.
 25 Владиміра-то въ домъ не случилося:
   Ушелъ-то князь Владиміръ во Божью церкву,
   Господу Богу помолитися,
   Ко Господнему кресту приложитися.
   Идеть Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 30 По славному по городу по Кіеву.
   И заходилъ онъ во матушку во Божью церкву,
   Крестъ-отъ онъ кладеть по писаному,
   Поклоны ведеть по ученому,
   На всѣ на три на четыре сторонки поклоняется,
 35 Самому князю Владиміру въ особину
   И всѣмъ его князьямъ подколѣнныимъ.
   По праву руку Владиміра

¹⁾ Отъ худоба, небольшое хозяйство, имѣніе; художество здѣсь то же самое, что въ другихъ былинахъ „животинки сиротскіе“.

Стоить молодой Добрынюшка Никитинецъ,
 По лѣвѣ руку Владимира
 40 Стоитъ Чурилушки Пленковичъ.
 Владимира князь сталъ у молодца выспрашиватъ:
 « Ты скажи-тко, молодецъ, провѣдай-ка,
 « Ты кої орды, да изъ коей земли,
 « Тобя какъ-то молодца именемъ зовутъ,
 45 « Звеличать намъ удалого по отечеству? »
 Отвѣтаетъ Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ:
 — Есть я изъ Галицы проклятыя,
 — Изъ той Индюшшки богатыя,
 — Со славнаго съ богата Волынъ-города,
 50 — Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ.—
 Говорить Чурила таковы слова:
 « Ай же ты, Владимира стольно-Кievскій!
 « Во глазахъ мужикъ-то усмѣхается,
 « Во глазахъ-то онъ да подлыгается:
 55 « Походочка-то есть въ немъ не Дюкова,
 « Поговорюшка не Дюкова,
 « Долженъ быть холопина дворянская ».
 Это слово Дюку не слюбилося,
 Не слюбилося то слово, не къ люби пришло.
 60 Оны Господу какъ Богу помолилися,
 Ко Господнему кресту да приложилися,
 Выходили-то со матушки со Божьей церкви,
 То шопили оны по городу по Кіеву,—
 Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 65 Сталъ загадочки Владимиру отгадывать ¹⁾,
 Говорилъ-то Дюкъ да таковы слова:
 « Владимиръ, князь стольно-Кievскій!
 « Още въ Kіевѣ у васъ все не по напнему:
 « У васъ настланы мосточки кирпичные
 70 « И порученки ²⁾ положены калиновы;
 « Пойдешъ по мосточкамъ кирпичными,

¹⁾ Загадки отгадывать—задавать загадки.

²⁾ Порученки—перила.

« Мѣдное гвоздье-то пріущиплется,
 « Цвѣтное-то платье призабрыжется.
 « Какъ во нашей во славной Индѣюшки въ богатыя
 75 « И во славномъ богатомъ Волынъ-городѣ,
 « У моей у родителя-матушки,
 « У честной вдовы Настасьи у Васильевны
 « Настаны у нѣй мосточки калиновы,
 « Порученки положены серебряны,
 80 « И настаны-то у нѣй сукна кармuzинныя:
 « И пойдешь по мосточкамъ калиновымъ,
 « По этымъ по сукнамъ кармuzиннымъ,
 « Мѣдное гвоздье не ущиплется,
 « Цвѣтно платьице на насъ да не забрыжется ».
 85 Къ тымъ рѣчамъ Владиміръ князь не примется.
 Какъ вошли оны въ палаты блокаменны
 Ко ласкову ко князю ко Владиміру
 И во этыя во гредни во столовыя,
 И садилися за столики дубовые
 90 И за тыя за скамеечки окольныя,
 Стали исть-то ёствушку сахарнюю,
 Подносили калачиковъ имъ пшеничныхъ.
 Ёюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 Береть калачикъ въ руки пшеницій,
 95 Корочку кругомъ кусаль,
 А середочку-то онъ кобелямъ бросаль.
 Самъ онъ говоритъ таковы слова:
 « Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
 « У васъ все въ Кіевѣ не по нашему:
 100 « Сдѣланы-то бочечки дубовые,
 « И набиваны обручики еловые,
 « И положено-то свѣжей ключевой воды,—
 « Тутъ у васъ и калачики мѣсять;
 « Покладены-то печечки кирпичныя,
 105 « Топлены-то дровца еловые,
 « Подѣланы помялышки сосновые,—
 « Тутъ у васъ и калачики пекуть.
 « Какъ во нашей въ Индѣюшки богатыя

« И во славномъ во богатомъ Волынъ-городѣ,
 110 « У моей у родителя у матушки,
 « У честной вдовы Настасьи у Васильевны,
 « Сдѣланы-то бочечки серебряныя,
 « И обручики набиты золоченые,
 « И положено медовъ туды стоялыхъ,—
 115 « И тутъ у ней калачики мѣсять;
 « Подѣланы-то печечки кирпичныя,
 « И топятся дровца дубовые,
 « И сдѣланы помялышки шелковые,
 « И тутъ у насъ калачики пекуть ».
 120 Владиміръ князь ко этымъ рѣчамъ не примется.
 Подносили имъ хмельные напиточки,
 Наливали чару зелена вина,
 Подносили-то къ Дюку Степановичу;
 Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 125 Береть-то эту чарочку во бѣлы руки,
 Подносиль онъ ко устамъ сахарніемъ;
 Эта водочка ему не понравилась,
 Черезъ золотъ стулъ всю повыпескаль
 По той по славноей по горенкѣ,
 130 Самъ онъ говорилъ да таковы слова:
 « Ты Владиміръ, князь стольно-Кievскій!
 « У васъ въ Kievѣ все не по нашему:
 « У васъ бочечки подѣланы дубовые,
 « Набиваны обручики еловые,
 135 « Туды водочкой винцѣ у васъ положено,
 « И во этыхъ во погребахъ глубокихъ
 « Водочкой винцѣ-то призадохнулось.
 « Какъ во нашей въ Индѣюшки богатыя
 « И во славноемъ богатомъ Волынъ-городѣ,
 140 « У моей родителя у матушки,
 « У честной вдовы Настасьи у Васильевны,
 « Сдѣланы-то бочечки серебряныя,
 « И обручики набиты золоченые,
 « Туды водочкой винцѣ у ней положено,
 145 « И на цѣпи на мѣдныя повѣшено,

- « Туды подведены вѣтры буйные:
 « Какъ повѣютъ вѣтры буйные,
 « Пойдутъ воздуха по погребамъ,—
 « Никогда тамъ водочкой винцѣ не задохнется:
 150 « Какъ чарочку-то выпьешь,
 « По другой душа горитъ ».
 Владимиръ князь ко этымъ рѣчамъ онъ не примется.
 Ко этымъ ко столикамъ дубовыимъ
 Подходитъ Чурилушка Пленковичъ
 155 Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
 Въ однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ.
 Говорилъ ему Чурила таковы слова:
 « Что же ты, холопина дворянская, порасхвастался
 « Своимъ имѣньемъ и богачествомъ?
 160 « Ударимъ-ка со мною о великъ закладъ
 « На три году поры-времени,
 « Чтобъ проѣздить намъ по городу по Киеву
 « На добрыхъ на коняхъ богатырскіихъ,
 « На себѣ носить одежицу бы смѣнную,
 165 « Смѣнную одежицу-то каждый день,
 « Каждый день носить одежа снова на ново,
 « Снова на ново да что ни лучшая ».
 Говоритъ ему Дюкъ таковы слова:
 « Просиши ты, Чурила Пленковичъ,
 170 « Бить со мною о великъ закладъ:
 « Какъ живешь ты въ своемъ стольно-Кievѣ,
 « Кладовыя-то полны одежицы наполнены;
 « А мое вѣдь дѣло есть дорожное,
 « Мое платье, стало, здѣсь завозное ».
 175 И ударилъ съ нимъ Дюкъ Степановичъ о великъ закладъ
 На три году поры-времени,
 Чтобъ проѣздить имъ по городу по Киеву
 На добрыхъ на коняхъ богатырскіихъ,
 На себѣ носить одежицу бы смѣнную,
 180 Смѣнную одежицу-то каждый день,
 Каждый день носить одежа снова на ново,
 Снова на ново одежа драгоцѣнная.

Тутъ Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 Скорешенько садился на черленый стуль,
 185 Скоро онъ писаль письма скорописчты,
     Писаль-то онъ эти письма, запечатываль,
     Полагалъ во сумки переметныя,
     И выходиль-то Дюкъ на широкій дворъ
     Къ своему коню ко богатырскому,
 190 Полагалъ онъ эти сумки переметныя
     Подъ славное сѣдлышко Черкасское
     И отпушталъ добра коня да во чисто поле.
     Пошелъ-то его добрый конь чистымъ полемъ
     Во славную Индюшку въ богатую.
 195 Прибѣгаеть добрый конь на широкій дворъ,
     На широкій дворъ на княженецкій.
     Усмотрѣли его Дюковы конюхи любимые,
     Что прибѣжалъ-то добрый конь отъ Дюка Степановича,
     И сказали его родителю-матушки,
 200 Честной вдовы Настасьи Васильевной:
     « Видно, нѣть жива Дюка Степановича ».
     Тутъ она скорешенько бѣжала на широкій дворъ,
     Подходила ко добру коню,
     Сама горько она заплакала,
 205 И говорила-то она таковы слова:
     — Мой любимый сынъ Дюкъ Степановичъ
     — Положилъ буйну головушку
     — На матушкѣ на святой Руси! —
     И подходять къ ему конюхи любимые,
 210 И стали какъ добра коня разсѣдливать,
     И подъ этими сѣдлышкомъ Черкаскими,
     На томъ на потницкѣ семишполковомъ
     Нашли оны сумки за печатами,
     Подаютъ оны честной вдовы Настасьи Васильевной.
 215 Береть она скорѣнько во бѣлы руки,
     Скоро на скоро сумочки распечатала,
     Она вскорѣ-то смотрѣла эти письма скорописчты,
     Весьма-то она дѣло взрадовалася,
     Что живъ-то ея любимый сынъ,

220 Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ.

Приказала своимъ конюхамъ любимымъ
Насыпать коню пшены бѣлояровой,
Подносить велитъ свѣжей ключевой воды;
Сама скоренъко шла въ палаты бѣлокаменны,
225 Брала-то она золоты ключи,
Шла она во погреба глубокіе,
Съ собою брала-то оцѣнщицковъ,
Оцѣнщицковъ брала и разцѣнщицковъ.

И складали, и укладали одежду драгоценную
230 И дали смыты на три году поры-времени,
Всякой день носить одежда снова на ново,
Снова на ново одежда драгоценная.

Приказала своимъ конюхамъ любимымъ
Сѣдлать коня да богатырского:
235 Подъ сѣдлышико Черкасское
Полагали потничекъ оны шелковенькій,
Шелковенькій потничекъ не дёржаный,
И подъ этотъ потничекъ полагали письма скорописчата,
И ко этому сѣдлышику Черкасскому
240 Привязали-то одежи драгоценныя,
И отпущали коня въ столично-Кievъ градъ.

Шель-то добрый конь чистымъ полемъ,—не замѣштался,
Онъ скорешенъко прибѣжалъ въ столично-Кievъ градъ
Ко князю ко Владиміру на широкій дворъ.
245 Выходилъ Дюкъ Степановичъ на широкъ дворъ.

Отъ эвтого сѣдлышика Черкасскаго
Онъ снимаетъ одежду драгоценную,
Изъ-подъ потничка шелковенькаго
Вынимаетъ онъ письма скорописчата
250 Отъ своей родителя отъ матушки,
Отъ честной вдовы Настасіи Васильевны.
Пришелъ въ палату бѣлокаменну
И одѣль одежи драгоценныя.
И поѣхали по городу по Kievу
255 Съ молодымъ Чурилушкой Опленковымъ
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ.

Стали оны ъздить-то день за день,
День за день и още годъ за годъ,
Проѣздили поры-времени по три году,

260 Послѣдній день поѣхали къ заутрени Христосъскія ¹⁾,
Молодой Чурилушка Пленковичъ
Надѣль-то онъ одежицу драгоцѣнную:
Строчечка одна строчена чистымъ серебромъ,
Другая строчена краснымъ золотомъ;

265 Въ пуговки волетано по добруму по молодцу,
Въ петельки волетано по красной по дѣвушкѣ:
Какъ застенутся, такъ обоймутся,
А разстенутся ²⁾, и поцѣлюются.
Поглянулъ Владиміръ на праву руку

270 На молода Чурилушку на Пленкова,
Говорилъ-то Владиміръ таковы слова:
— Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
— Прозакладаль все свое имѣніе-богачество!—
А молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,

275 Онъ одѣлъ одежицу драгоцѣнную:
Строчечка строчена въ одежицѣ чистымъ серебромъ,
Другая строчена краснымъ золотомъ;
Въ пуговки волетано по добруму по молодцу,
Въ петельки волетано по красной по дѣвушкѣ:

280 Какъ застѣнутся, такъ обоймутся,
А разстѣнутся, и поцѣлюются;
На головушкѣ у Дюка сдѣлана шляпонька:
Спереду такъ введено красно солнышко,
И сзаду введенъ свѣтѣль мѣсяцъ,

285 А на верховыицѣ шляпы быдто жаръ горитъ.
Говорилъ ему тихій Дунаюшка Ивановичъ:
« Ты Владиміръ, князь стольно-Кievскій!
« Посмотри-тко теперь на лѣву руку:
« Молодой Чурилушко Оplenковичъ

290 « Прозакладаль свою буйную головушку ».

¹⁾ Заутрена въ 1-й день Пасхи у Заонежанъ называется Христосъскою, а у Пудожанъ Воскресенскою.

²⁾ Застегнутся, разстегнутся.

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
 По славному по городу по Кіеву
 И ко ласкову князю ко Владиміру.
 Пріѣхали оны на широкій дворъ,
 295 И садилися за столики дубовые,
 За этия скамеечки окольныя,
 Ъсть-то оны Ѣствушки сахарнія,
 Испивать-то стали питьицевъ медвянныхъ.
 Подходитъ-то Чурилушка Пленковичъ,
 300 Подходитъ онъ ко столикамъ дубовыимъ
 Въ одной тонкоей рубашечкѣ безъ пояса,
 Въ однихъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
 Говориль Чурилушка таковы слова:
 — Что же ты, холопина дворянская, расхвастался
 305 — Своимъ великомъ имѣніемъ-богачествомъ?
 — Ударимъ-ка со мною ты въ великъ закладъ,
 — Чтобы на своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ
 — Намъ разъѣхаться съ раздолица чиста поля
 — И скочить намъ черезъ матушку славную Нѣпру рѣку.—
 310 Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 Говорить ему вѣдь таковы слова:
 « Ай же ты, Чурила Пленковичъ!
 « Тобѣ просто бить со мною въ великъ закладъ:
 « Какъ твой-етъ богатырскій конь
 315 « Стоить у своихъ у конюховъ любимыхъ,
 « Ъсть-то онъ пшено бѣлоярову,
 « Испиваетъ свѣжу ключеву воду,
 « А мое-то есть конишечко дорожное,
 « Дорожное конишечко заѣзжено ».
 320 Тутъ его сердце пріужахнулось,
 Скоренько онъ бѣжалъ да на широкій дворъ,
 Шаль-то онъ на стену ¹⁾ на лошадиную,
 Самъ-отъ онъ лежалъ, да выговаривалъ:
 « Ай же ты, мой добрый конь богатырский!
 325 « Не смѣю бить въ великъ закладъ, закладаться,

¹⁾ На стегну.

« Чтобы намъ съ Чурилушкой Опленковымъ
 « Скочить черезъ матушку Нѣпру рѣку
 « На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ ».
 Проязычилъ ему добрый конь языкомъ человѣческимъ:
 330 — Не убойся-тко страха, Дюкъ Степановичъ,
 — Бейся съ нимъ въ великъ закладъ:
 — Перенесу я черезъ матушку Нѣпру рѣку
 — На своихъ на подложныхъ крылахъ лошадиныхъ,
 — Не уступлю я братьямъ большіимъ,
 335 — А не столько что братцу меньшему:
 — Мой большій братъ у Ильи у Муромца,
 — А средній братъ у Добрыни Микитинца,
 — А я третій братъ у Дюка Степановича,
 — А четвертый ужъ братъ у Чурилы Опленкова.—
 340 Тутъ онъ спешъ въ палату бѣлокаменну,
 И ударили оны во великъ закладъ,
 И стали добрыхъ коней засѣдывать.
 Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 Самъ выходилъ на широкій дворъ
 345 И своими руками добра коня засѣдывалъ,
 Засѣдывалъ онъ и улаживалъ.
 И садился Дюкъ на добра коня
 И поѣхали оны съ молодымъ Чурилушкио Опленковымъ
 По славному раздолыцу чисту полю,
 350 И поразѣхались съ раздолыца чиста поля
 Во всю-то они пору лошадиную,
 И скочили черезъ матушку Нѣпру рѣку
 На добрыхъ на коняхъ богатырскихъ:
 Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 355 Скочилъ черезъ матушку Нѣпру рѣку
 На добромъ конѣ на богатырскоемъ
 За цѣлый за помахъ лошадинай
 И за цѣлую за версту онъ за мѣрную;
 И зглянуль онъ на правую на ручушку,
 360 Какъ нѣть подлѣ него товарища
 Молода Чурилушки Опленкова:
 Чурила-то Пленковичъ посередъ Нѣпры пріогрюшился

Со добрымъ конемъ со богатырскіимъ.

Молодой Дюкъ Степановичъ скорешенъко поворотъ держалъ,

365 Черезъ матушку Нѣпру рѣку повысокочилъ
И Чурилушку Опленкова за желты кудри повытащилъ

Изъ матушки изъ Нѣпры рѣки,

И посадилъ того Чурилу на крутой берегъ,

И говорилъ онъ Чурилы таковы слова:

370 « Ай же, Чурилушка Пленковичъ!

« Не твое-то дѣло есть охвастати,

« Да не твое дѣло бить о великъ закладъ,

« А твое дѣло столько ходить тебѣ по Киеву,

« Но Киеву ходить тебѣ за бабамы».

375 И прїехали оны въ столично-Кievъ градъ.

Тутъ Владимира князь, столично-Кievskий

Сталь посылатъ обдѣнщиковъ

Во туу Индѣюнику богатую,

Его Дюково имѣніе описывать и обѣнивать.

380 Отправляютъ туда тихаго Дунаюшику Иванова,

Во вторыхъ още Василья Казимирова,

А во третьихъ смѣлаго богатыря Алешенъку Поповича.

Сѣли оны на добрыхъ коней, поѣхали

И прїехали въ Индѣюнику богатую,

385 Ко Дюку Степановичу на широкій дворъ.

Не спущали оны коней на посыльный дворъ,

Ставили оны коней середи двора,

Пошли оны въ палату бѣлокаменну,

На пяту оны двери поразмахиваютъ,

390 Вопили-то въ палату бѣлокаменну,

Оны Господу Богу помолилися,

Крестъ оны клали по писаному,

Поклонъ-то вели по ученому,

На всѣ на три на четыре на сторонки поклонялися.

395 Честной вдовы Настаси Васильевной въ особину:

« Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,

« Дюкова Степанова матушка! »

Говорить она таковы слова:

— Не есть я Дюковая матушка,

400 — А есть я Дюковая рукомойница.—

Вошли оны во другой покой,

Опять низенъко поклоняются:

« Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,

« Дюкова Степанова матушка! »

405 Говорить она таковы слова:

— Не есть я Дюковая матушка,

— А есть я Дюковая портомойница.—

Вошли оны во третій покой,

Опять низенъко поклоняются:

410 « Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,

« Дюкова Степанова матушка! »

Говорить она таковы слова:

— Не есть я Дюковая матушка,

— А есть я Дюковая стольница.—

415 Проводили ихъ красныя дѣвушки ко Дюковой матушки;

Поклоняются оны и удивляются:

« Здравствуешь честна вдова Настасья Васильевна,

« Дюкова Степанова матушка! »

Отвѣтъ держитъ Дюкова матушка:

420 — Вы удаленькіе дородни добры молодцы!

— Не знаю вамъ имени, ни изотчины,

— Вы зачѣмъ сюда прїѣхали?

— Знать, сиротскаго имѣнья описывать?—

Говорятъ оны таковы слова:

425 « Послалъ-то насъ самъ Дюкъ Степановичъ

« Описать свое имѣніе-богачество. »

Кормила ихъ юствупками сахаৰними,

Поила ихъ питьицами медвяными:

Чарочку выпьютъ, губы слипаются,

430 А другую выпьютъ, по третьей душа горитъ,

А четверта чарочка съ ума вонъ нейдетъ.

Повела ихъ она во погреба глубокіе,

Посадила ко сбруи лошадиной описывать и обѣнивать.

Описывали оны, обѣнывали

435 Эту сбрую лошадиную ровно три года,

По три года обѣнывали и по три дни,—

Не могли обѣнить этой сбруи лошадиныя.
Повела ихъ она на погреба глубокіе
Описывать-обѣнивать имѣніе-богачество.

440 Тутъ бочки висятъ чиста серебра,
А другія висятъ красна золота,
А третыи висятъ скатна жемчуга.
Эты мужики обѣнщики
Не могутъ оны смѣты дать,
445 Описать того имѣнія-богачества.

Тутъ писалы оны въ стольно-Кievъ градъ
Ко славному ко князю ко Владиміру:
« Ты славный Владиміръ, стольно-Кievскій!
« Продай-ко свой стольно-Кievъ градъ

450 На этии на бумаги (на гербовыя)
« Да на чернила-перья продай още Черниговъ градъ,
« Тогда можешь Дюково имѣніе описывать ».

17.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВЪ.

Во славномъ во Новѣ-градѣ
Жиль Васильушка Буслаевичъ.
Говоритъ Васильушка Буслаевичъ:
« Есть бы у меня была дружинушка хоробрая,
5 « Тридцать молодцовъ безъ единаго,
« Самъ-то я, Васильушка, въ тридцатыхъ,
« Такъ ѿхаль бы я биться со всимъ Новымъ-градомъ ».
Молодой Васильушка Буслаевичъ
Садился-то онъ на черленый стулъ,
10 Писалъ-то онъ письма скорописчаты,
Шелъ-то Василій на широкій дворъ,
Садился на добра коня не сѣдана,
ҿхаль по дорожкамъ по крестовыми,

- Рыль¹⁾ эти письма скорописчаты:
- 15 « Кто хочетъ сладко ъсть, да красно носить,
 « Тотъ поди на дворъ къ Василью ко Буслаеву ».
 Молодой Васильюшка Буслаевичъ
 Въ ноченьку спить на кроваткѣ тесовой,
 На перинкѣ на пуховой;
- 20 Его рѣдная матушка,
 Честная вдова Мамелфа Тимоѳеевна
 По утрынку ранешенько по терему похаживаетъ,
 На свой на широкій дворъ посматриваетъ:
 Напло-то къ нимъ силушки на дворъ чернымъ черно,
- 25 Чернымъ черно, какъ чёрна вѣрона;
 Подходитъ къ своему сыну любимому
 Ко тому Васильюшкѣ Буслаеву,
 Говорить она таковы слова:
 — Спинь ты, Васильюшка, прокляждаешься,
- 30 — Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
 — Набралось къ тоби на дворъ силушки чернымъ черно,
 — Чернымъ черно, какъ чёрна вѣрона.—
 Молодой Васильюшка Буслаевичъ
 Скорешенько ставалъ на рѣзвы ноги,
- 35 Брагъ-то черленый вязъ въ бѣлы руки,
 Выходилъ Василій на широкій дворъ,
 Говорилъ Василій таковы слова:
 « Кто можетъ мой черленый вязъ повытерпѣть,
 « Тотъ ступай къ Василью на широкій дворъ
- 40 « Сладко ъсть и краснѣ носить ».
- Пошли мужички со двора, заохкали:
 — А будь ты проклятъ, Василій Буслаевичъ!
 — Сладко мы не ъли и красно не носили,
 — А нажили усовы²⁾ собѣ вѣчныя.—
- 45 Тутъ опять Васильюшка Буслаевичъ
 Пришелъ въ свои палаты бѣлокаменны
 И садился Василій на черленый стулъ,

¹⁾ Рыль—бросать.

²⁾ Усова-- усобица.

Писалъ-то онъ письма скорописчаты,
 И садился Василій на добра коня,
 50 Бхаль по дорожкамъ по крестовыимъ,
 Рыль тыя письма скорописчаты.
 Въ этихъ письмахъ у него было написано:
 « Кто хочетъ сладко ъсть, да красно носить,
 « Тотъ поди на дворъ къ Василью ко Буслаеву ».
 55 Пріѣзжали къ Василью на широкій дворъ,
 Ко его палатамъ бѣлокаменнымъ
 Тридцать молодцевъ безъ единаго,
 Самъ-то Васильюшка въ тридцатыхъ.
 Свель онъ ихъ во теремъ, во златой верёхъ,
 60 Кормиль-то ихъ ъствушкой сахарнею,
 Поилъ-то ихъ питьцемъ медвянымъ,
 Дарилъ-то имъ дары драгоцѣнныє.
 Тутъ оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
 Идеть къ нимъ силушки на стрѣту чернымъ черно,
 65 Чернымъ черно, какъ черна ворона.
 Напередъ этой силушки великия
 Идеть старчище Елизарище:
 На головушку надѣть колоколъ девяноста пудъ.
 Говорить ему Васильюшка Буслаевичъ:
 70 « Ай же ты, крестовый мой батюшка!
 « Не дано тоби у меня о Христовѣ дни,
 « А дамъ тоби яичко о Петровѣ дни! »
 Биль его палицей булатней по головушкѣ
 И раскололъ ему колоколъ девяноста пудъ.

. . . . .

Изъ другихъ разнорѣчій извѣстно, что Василій побилъ мужиковъ Новгородскихъ. За это Мамелфу Тимоѳеевну позвали въ судъ и крѣпко тамъ разобидѣли. Къ сожалѣнію этого мѣста Рябининъ не помнилъ, а изъ поѣздки Василья въ Іерусалимъ въ памяти у него уцѣлѣлъ только слѣдующій отрывокъ:

. . . . .

Пріѣзжалъ Васильюшка Буслаевичъ
 Ко бѣлу горючу ко камешку.

На этомъ на камешкѣ подписано:
 « Кто на эту гору захаживалъ,
 5 « Тотъ оттуль живъ не выхаживалъ;
 « Кто скочить черезъ этотъ бѣль горючъ камень,
 « Тотъ буде живъ,
 « А не скочить, не бывать живу».
 Вся его дручинушка хоробрая
 10 Пере скочила черезъ бѣль горючъ камень.
 Славный Васильюшка Буслаевичъ
 Онъ скорешенько скочилъ черезъ бѣль горючъ камень
 Похотѣлось ему Васильюшкѣ
 Скочить назадъ черезъ горючъ камень:
 15 И задѣль каблучкомъ за горючъ камень,
 Тутъ ему Василью и славу поютъ.

18.

С А Д К О.

Жилъ-былъ Садко, богатый гость.
 Все-то у Садка по небесному:
 На небѣ солнце, во теремѣ солнце,
 На небѣ звѣзды, во теремѣ звѣзды,
 5 На небѣ мѣсяцъ, во теремѣ мѣсяцъ,—
 Все-то у Садка по небесному.
 Говорить Садко, богатый гость:
 « Ай же, слуги мои вѣрные!
 « Возьмите бесчисленной золотой казны по надобью,
 10 « Откупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ».
 Тутъ-то его слуги вѣрные
 Брали золотой казны по надобью,
 Откупили весь товаръ въ Новѣ-градѣ:
 На другой день товару большѣ того.
 15 Говорилъ Садко, богатый гость:
 « Ай же, слуги мои вѣрные!

« Возьмите золотой казны по надобью,
 « Откупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ ».
 Тутъ-то слуги его вѣрные
 20 Брали золотой казны по надобью,
     Откупили весь товаръ въ Новѣ-градѣ:
     На третій день товару больше того.
     Опять говорилъ Садко, богатый гость:
     « Ай же, слуги мои вѣрные!
 25 « Возьмите золотой казны по надобью,
     « Откупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ ».
     Тутъ-то слуги его вѣрные
     Брали золотой казны по надобью,
     (Откупили весь товаръ въ Новѣ-градѣ.
 30 Тутъ Садко купецъ, богатый гость,
     Строилъ онъ себѣ черленъ корабль:
     Корму въ ёмъ строилъ по гусиному,
     А носъ въ ёмъ строилъ по орлиному,
     Въ очи выкладывалъ по камешку,
 35 По славному по камешку по яхонту;
     Нагрузиль-то онъ товару на черленъ корабль,
     Поѣхалъ онъ по славну по синю морю:
     Всѣ-то корабли вверхъ идутъ,
     А Садковъ-то корабль остается...
 (*Не кончено; дальше Рябчинъ не можетъ припомнить.*)

19.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Не сине-то море колыбается,
 Не сырой-то боръ разгорается,
 Воснылаль-то Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Что надуть казнить Новгородъ да Опсково.
 5 По горенкѣ на честномъ пиру похаживатъ,
     Пословечно государь онъ выговариватъ:

« Досталъ я перфилушку изъ Царя-града,
 « Повывелъ я туманъ изъ синя моря,
 « И повывелъ я измѣну съ каменной Москвы:
 10 « Хочу вывести измѣнушку со Опскова ».

Говорить его большій сынъ Иванушка Ивановичъ:
 — Батюшка нашъ, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Досталъ ты перфилушку изъ Царя-града,
 — Повывелъ ты измѣну съ каменной Москвы;
 15 — А не вывелъ ты тумана изъ синя моря,
 — Да и не повывести измѣнушки со Опскова:
 — У тебя измѣнщикъ за столомъ сидитъ,
 — Онъ Ѳѣсть да пьетъ съ одной чашечки.—
 Говорить-то Грозный царь Иванъ Васильевичъ:

20 « Мнѣ скажи-тко про измѣнника великаго ».

Молодой Иванушка Ивановичъ закручинился,
 Закручинился онъ и запечалился:

— На братца мнѣ-ка сказать, братца не видать;
 — На себя сказать, мнѣ живу не бывать.—

25 Говориль Иванушка Ивановичъ:

— Батюшка нашъ, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Какъ мы шли-то съ Новгорода до Опскова,
 — Мы-то шли по правую руку Волхова,
 — А по лѣвую руку Волхова шелъѲедоръ Ивановичъ,
 30 — Такъ онъ дѣлалъ измѣнушку великую:
 — Казнилъ онъ только старого да малаго,
 — А что ни лучшій онъ народъ садилъ во погреба,
 — Опосля онъ вышущаетъ ихъ на бѣлый свѣтъ.—
 Говорить тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ

35 Громкимъ голосомъ, да во всю голову:

« Ай же вы, мои слуги вѣрные,

« Палачи мои немилосливые!

« Берите-ка моего сына царскаго,

« Того лиѲедора Иванова,

40 « За него за ручушки за бѣлыя,

« За него за перстни за злаченые,

« Ведите-тко на поле на Куликово,

« На это-то на място на торговое,

« Срубите-тко ему буйную головушку
 45 « За него измѣнушку великую ».

Всѣ тутъ палачи затулялися,
 Не смѣютъ подойти ко сыну ко царскому
 И не смѣютъ казнить сына царскаго.
 Молодой Иванушка Скурлатовъ сынъ,
 50 Скорешенъко ставаль онъ на рѣзы ноги,
 Подходилъ-то онъ ко сыну ко царскому,
 Ко тому ли Федору Ивановичу,
 Береть его за ручушки за бѣлыя,
 За него за перстни за злаченые,
 55 Повелъ его на поле на Куликово,
 На этое на мѣсто на торговое,
 Положить его на плаху на дубовую,
 Срубить-то ему буйную головушку.—
 Этая царица Московская,
 60 Молода Настасьюшка Романовна,
 Видитъ: дѣло есть не малое,
 Не стало у ней сына любимаго;
 Бѣжитъ она по славной каменной Москвы
 Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
 65 Въ одніихъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
 Ко своему ко братцу ко любимому,
 Ко тому Микитушкѣ Романовичу,
 На пяту она дверь поразмахиваетъ.
 Поглянулъ туда Микитушка Романовичъ,
 70 Говорилъ-то Микита таковы слова:
 « Подопла-то ко мнѣ гостейка незваная,
 « Незваная гостейка и нежданая! »
 Говорить ему Настасья Романовна:
 — Ай же ты, мой братецъ родимый,
 75 — Молодой Микитушка Романовичъ!
 — Сидишь-то ты во теремѣ, златомъ верху,
 — Видно, надо мнай незгодушки не вѣдаешь:
 — Не стало моего сына любимаго,
 — Того ли Федора Ивановича,—

80 — Повель его Иванушка Скурлатовъ сынъ
  — На тое на поле на Куликово,
  — На мѣсто на торговое,
  — Срубить-то ему буйная головушка.—

Молодой Микитушка Романовичъ

85 Онъ скорешенько скочилъ какъ на рѣзы ножки,
  Кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,

Шапочку соболью на одно ушко,

Хватиль паличку булатнюю подъ пазушку.

Бѣжитъ-то Микита на широкій дворъ,

90 Онъ садился на добра коня не сѣдлана,

Ѣхалъ онъ по славной каменной Москвы,

Ѣхалъ Микитушка онъ улицы,

Перемахивалъ Микита переулками,

И кричаль Микитушка во всю голову,

95 Во всю голову кричаль громкимъ голосомъ:

« Если кто показнить сына царскаго,

« Того я разжалую;

« Кто не показнить сына царскаго,

« Того я пожалую».

100 Скурлатовъ сынъ Иванушка разслушался,

Поразслушался и пораздумался:

« Царскій сынъ-то не простой мужикъ,

« Чѣмъ нибудь меня, можетъ, и пожалуетъ! »

Молодой Микитушка Романовичъ,

105 Онъ скорешенько набѣхалъ на добромъ конѣ,

Соскочиль-то Микита со добра коня

На своего на крестничка любимаго:

Стоитъ дѣтинушка Скурлатовъ сынъ,

Во рукѣ онъ держить ножъ булатний;—

110 Молодой-то Федоръ Ивановичъ

Положенъ на плаху на дубовую;—

Хочетъ онъ срубить ему буйну головушку.

Молодой Микитушка Романовичъ

Береть онъ крестничка за ручушки за бѣлмы,

115 За него за перстни за злаченые,

Становиль-то онъ его на рѣзвы ноги,
Цѣловалъ его во уста во сахарнія,
Называлъ его крестничкомъ собѣ любимымъ.
И схватиль-то онъ дѣтинушку Скурлатова,
120 Положилъ его на плашку на дубовую,
Срубилъ ему буйную головушку,
Срубилъ головушку, выговариваль:
« Не твой-то кусъ, да не тебѣ-то ѿсть,
« И не тебѣ собакѣ насыхатися,
125 « И не тебѣ казнить сына царскаго! »
Говориль-то Федоръ Ивановичъ:
— Ай же ты, мой крестовый батюшка,
— Молодой Микитушка Романовичъ!
— Самъ-то погинешь, и меня сгубишь:
130 — Нашь батюшка—Грозный царь Иванъ Васильевичъ.—
Говориль ему Микитушка Романовичъ:
« Не убояся-тко ты, крестничекъ любимый:
« Ты живъ,—и я буду живъ».
Охватиль его шубонькой куньею,
135 Садился на добра коня
И поѣхали по славной каменной Москвы;
Пріѣхаль въ свои палаты бѣлокаменны,
Ко своей сестрицы ко родимыя,
Къ молодой Настасьюшкѣ Романовны.
140 Молода Настасьюшка Романовна
Обозрила своего сына любимаго:
Тутъ ей сердце взрадовалося,
Тутъ ей слезушки-то пріутихнули;
Она шла по славной каменной Москвы
145 Во свои палаты бѣлокаменны.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Схватился за своего за сына за любимаго:
Не стало своего сына любимаго.
Онъ дѣлалъ повелѣніе въ каменной Москвы
150 И во всемъ царствѣ Московскому,
Чтобы народъ-люди постилися,
И ходили бы во матушку Божью церкву,

- Господу Богу молилися,
И носили бы одежицы опальныя.
- 155 Идетъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Во матушку Божью церкву
Со своей царицею Московскою,
Настасьею Романовной,
И со своимъ сыномъ любимымъ
- 160 Иванушкой Ивановичемъ.
Приходитъ онъ во Божью церкву
Въ одежицы опальныя.
Молодой Микитушка Романовичъ
Приходитъ во матушку Божью церкву
- 165 Что ни лучшія въ одежицы драгоценныя,
Пришелъ къ царю, да и проздравствовалъ:
— Здравствуй, батюшка, Грозный царь Иванъ Василь-
евичъ
- Со своей любимою семеюшкой, моей сестрицей лю-
бимою,
- Царицей Московскою Настасьей Романовной,
- 170 — Со своими любимыми со дѣтушками:
— Съ Иванушкой Ивановичемъ и Федоромъ Иванови-
чемъ!—
- Говорилъ ему Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
« Ай же ты, Микитушка Романовичъ!
« Что ты въ глазахъ насыщашся,
175 « Надо мною ты подыггаешься?
« Али надо мной незгодушки не вѣдаешь,
« Что не стало у меня сына любимаго,
« Того ли Федора Ивановича?
« Уведенъ онъ на поле на Куликово
- 180 « У того Иванушки Скурлатова,
« Положенъ на плашку на дубову,
« Срублена ему буйна головушка
« За него измѣнушку великую. »
- Говорилъ ему Микитушка Романовичъ:
185 — Есть бы кто тебѣ сына жива привель,
— Того чѣмъ бы ты пожаловалъ?—

- Говорилъ ему Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 « Есть бы кто ко мнѣ сына жива привелъ,
 « Дарилъ бы я города съ пригородкамы,
 190 « Села дарилъ бы со приселкамы,
 « Бояръ дарилъ бы со крестьянамы,
 « И дарилъ бы я безсчетну золоту казну,
 « Силу (армію) дарилъ бы великую
 « И дарилъ бы я одежици драгоцѣнныя ».
 195 Молодой Микитушка Романовичъ
 Выпустилъ сына царскаго изъ подъ нравыя съ-подъ па-
 зушки.
- Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Не цѣлуется онъ сына любимаго,
 А цѣлуется онъ Микитушка Романовича,
 200 И говоритъ онъ Микиты таковы слова:
 « Ай же ты, Микитушка Романовичъ!
 « Чимъ тобя теперъ пожаловать?
 « Города ли ты берешь съ пригородкамы,
 « Али села берешь со приселкамы,
 205 « Бояръ ли ты берешь со крестьянамы,
 « Али силушку (армію) великую,
 « Али безсчетную золоту казну,
 « Али одежици берешь драгоцѣнныя? »
 Говорилъ ему Микитушка Романовичъ:
 210 — Не беру я городовъ съ пригородкамы,
 — Не надо мнѣ сель со приселкамы,
 — Не надо мнѣ бояръ со крестьянамы,
 — Не надо мнѣ силы (арміи) великія,
 — Не надо мнѣ безсчетной золотой казны,
 215 — Да и не надо мнѣ одежици драгоцѣнныя:
 — У меня силушка велика въ могучихъ плечахъ,
 — Есть безсчетной золотой казны по надобью,
 — Одежица драгоцѣнная на мнѣ-то не держится,
 — Есть подъ Микитой богатырскій конь.
 220 — А ты пожалуй-ка Микитину вотчину:
 — Кто коня угналъ, кто жену увелъ,
 — Да ушелъ въ Микитину вотчину,

— Того въ Микитиной вотчины не взыскивати.—
 Тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 225 Пожаловалъ его Микитиной вотчиной:
 Кто коня угналъ, кто жену увель,
 Да ушелъ въ Микитину вотчину,
 Того въ Микитиной вотчины не взыскивати.

20.

С К О П И НЪ.

(Гильферд. № 88.)

Когда владѣль Москву Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Въ туло порушку, въ тое времѧчко
 Обошла Москву Литва поганая.
 Садился тутъ Скопинъ на добра коня,
 5 Бѣхаль Скопинъ онъ въ Новгородъ,
 Служилъ заутрену Пречистой Богородицы,
 На заутрену онъ положилъ пятьсотъ рублей,
 На обѣдню полагалъ онъ цѣлу тысячу.
 Собиралъ онъ мужиковъ Новогородскіихъ,
 10 Говорилъ-то таковы слова:
 « Ай же, мужики Новогородскіе!
 « Собирайте-ка мнѣ силы сорокъ тысячей
 « Повыгнать изъ Москвы Литва поганая. »
 Эти мужики Новогородскіе
 15 Ему силушки собрали сорокъ тысячей.
 Садился тутъ Скопинъ на добра коня,
 Бѣхаль съ силушкой великой къ каменной Москвы;
 Становилъ онъ эту силушку въ чистомъ полѣ,
 Самъ проѣхалъ по славной каменной Москвы
 20 Ко тому Микитушкѣ Романову,
 Приходилъ къ нему въ палату бѣлокаменну,
 Говорилъ-то онъ Микиты таковы слова:

Вшелъ-то Микита на широкій дворъ,
Бралъ добра коня онъ богатырскаго,
Бралъ коня да онъ застѣдывалъ,
И садился Микита на добра коня,
со Бралъ онъ въ руки палицу булатную,
И повыѣхалъ за славну каменну Москву,
Биться онъ съ Литвою со поганою.....

(*Не кончено.*)

21.

ДВА КОРОЛЕВИЧА ИЗЪ КРЯКОВА.

(Гильферд. № 87.)

Изъ того изъ города изъ Крякова,
Изъ того села ли изъ Березова,
Изъ того подворья богатырскаго
Охвощь ъздить молодецъ былъ за охотою
5 Во славное раздолыще чисто поле,
Охвощь-то былъ стрѣлять гусей, лебедей,
Малыхъ перелетныхъ сѣрыхъ утушекъ.
Молодой Петрой Петровичъ, королевскій сынъ,
Онъ проѣздилъ день съ утра до вечера
10 По славному по раздолыцу чисту полю,
Не наѣхалъ ни гуся, ни лебедя,
Ни малаго перелетнаго утеныша.
Ошѣ ъздили другой день съ утра до пѣбѣдъя.

« Ко своей силушкѣ великія;
« Со своей силушкой великой
« Подѣзжай ко славной каменной Москвы,
« А я выѣду на своеемъ добромъ конѣ.
« Повыедемъ поганцевъ съ каменной Москвы,
« Очистимъ дворы княженецкіе
« И всѣ улицы стрѣлещія ». — Ред.

Подъѣхалъ онъ ко синему ко морюшку
 15 И насмотрѣлъ-то онъ на синѣмъ морѣ,
     На той на тихоей зѣбереги,
     На зеленоемъ на затресы¹⁾
     Плаваютъ двѣ бѣлыя лебедушки, колыблются.
     Становиль-то онъ коня богатырскаго,
 20 Отъ праваго отъ стремячка булатняго
     Свой тугій лукъ разрывчатый отстегиваль,
     То онъ стрѣлочки каленныя накладываль,
     Тетивочки шелковенъки натягиваль,
     Хотѣть подстрѣлить двухъ бѣлыхъ лебедушекъ.
 25 Эты бѣлыя лебедушки
     Проязычили языкомъ человѣческимъ:
     « Ты удаленькій дородній добрый молодецъ,
     « Славный богатырь свято-русскій!
     « Хотѣть ты подстрѣлишь двухъ бѣлыхъ лебедушекъ,
 30 « Не укрятуешь²⁾ плеча ты могучаго
     « И не утѣшишь сердца богатырскаго.
     « Не двѣ бѣлыя мы есть-то не лебеди,
     « Есть-то мы двѣ дѣвушки двѣ красныхъ,
     « Двѣ прекрасныхъ Настасии Митріевичны,
 35 « Со тоя мы со славной съ Золотой орды,
     « Летаемъ мы отъ пана³⁾ поганаго по три году,
     « Улетѣли мы за синее морюшко.
     « Побѣзжай-ко ты раздольицемъ чистымъ полемъ,
     « Ко славному ко городу ко Киеву;
 40 « И подъѣзжай къ сыру дубу крякновисту,
     « Насмотри-ка ты птицу во сыромъ дубу:
     « Сидитъ-то птица черный воронъ во сыромъ дубѣ,
     « Перышце у ворона чернымъ черно,
     « Крыльице у ворона бѣлымъ бѣло,

¹⁾ Зѣберега — та часть водъ, которая захвачена берегомъ; затресы — та часть водъ, которая покрыта трестою (сажею flava).

²⁾ Укрятуешь — укротишь.

³⁾ Въ каждомъ почти уѣздѣ Олонецкой губерніи есть преданія о набѣгахъ иноземцевъ; иноземцевъ этихъ вообще называютъ панами, потому что самые жестокія опустошенія здѣсь были сдѣланы Литовцами.

45 « Шершица распущены до матушки сырой земли.
 « Эдакой птицы на свѣтѣ не видано,
 « На бѣлоемъ не слыхано ».
 Стоитъ богатырь, поразумался:
 — Хоть я подстрѣлю двухъ бѣлыхъ лебедушекъ,
 50 — Такъ не укрятую плеча могучаго
 — И не утѣшу сердца богатырскаго. —
 Снимаетъ эти стрѣлочки каленые,
 Отпускаетъ онъ тетивочки шелковеньки,
 Свой тугій лукъ разрывчатый пристегивалъ
 55 Ко правому ко стремену къ булатнему,
 Береть въ руки онъ плеточку шелковеньку,
 Бѣть-то онъ коня да по тучной бедры,
 То онъ щахъ по раздолыцу чисту полю
 Ко славному ко городу ко Кіеву.
 60 И подѣхалъ ко сырой дубу крякновисту,
 И насмотрѣль онъ птицу черна ворона:
 Сидить-то птица черный воронъ во сыромъ дубѣ,
 Першице у ворона чернымъ черно,
 Крыльице у ворона бѣлымъ бѣло,
 65 Першице распущено до матушки сырой земли.
 Эдакой птицы на свѣтѣ не видывалъ,
 На бѣлоемъ не слыхивалъ.
 Становилъ онъ коня богатырскаго,
 Свой тугій лукъ разрывчатый отстегивалъ
 70 Отъ праваго отъ стремячка булатняго,
 Налагаетъ онъ стрѣлочку каленую,
 Натянулъ тетивочку шелковеньку,
 И говорилъ-то онъ таковы слова:
 — Я подстрѣлю эту птицу черна ворона,
 75 — Расточу его я кровь-то по сырой дубу,
 — Тушицу его спущу я на сырой землю,
 — Шершицо распущу я по чисту полю,
 — По славному раздолыцу широкому.—
 Проверзичъ птица языккомъ человѣческимъ:
 80 « Ты удаленъ-ко дородній добрый молодецъ,
 « Славный богатырь святорусский!

- « Ты слыхалъ ли поговорье на святой Руси:
 « — Въ кельѣ старца убить, то-есть не спаſенъе,
 « — Черна ворона подстрѣлить, то не корысть получить?—
 85 « Хоть ты подстрѣлиши птицу черна ворона
 « И расточиши мою кровь-то по сырому дубу,
 « Тушу мою спустиши на сырую землю
 « И перъицо распустиши по славной по долинушкѣ,
 « По раздолыцу широкому чисту полю,—
 90 « Не укрятуешь плеча ты могучаго,
 « Не утѣшиши сердца богатырскаго.
 « Поѣзжай-ка раздолыцемъ чистымъ полемъ
 « Ко славному ко городу ко Киеву,
 « Ко ласковому князю ко Владимиру.
 95 « У ласкова князя у Владимира
 « Хорошъ честоинъ пиръ-пированьице;
 « Надъ собой онъ князь незгодушки не вѣдастъ:
 « Іздитъ паленичища въ чистомъ полѣ
 « На добромъ конѣ на богатырскоемъ;
 100 « Она кличетъ-выкликаетъ поединщика,
 « Супротивъ себя да супротивника.
 « Говоритъ-то паленица таковы слова:
 « — Ежели Владимиръ стольно-Кievskij
 « — Не пошлетъ ко мнѣ онъ поединщика,
 105 « — Супротивъ меня да супротивника,
 « — Самого Владимира подъ мечъ склоню,
 « — Подъ мечъ склоню, голову срублю,
 « — Черныхъ мужичковъ-то всѣхъ повырублю,
 « — Божи церкви я всѣ на дымъ спущу ».—
 110 Стоитъ молодецъ, онъ пораздумался:
 — Слыхалъ я поговорье на святой Руси:
 — Въ кельѣ старца убить, то-есть не спаſенъе,
 — Черна ворона подстрѣлить, то не корысть получить.—
 — Хоть подстрѣлю я птицу черна ворона,
 115 — И расточу его я кровь-то по сырому дубу,
 — Тушницу его спущу я на сырую землю,
 — Перъицо-то распунцу я по чисту полю,
 — По славному раздолыцу широкому,

- То не укрятую плеча я могучаго
 120 — И не утѣшу сердца богатырскаго.—
 Снимаетъ онъ стрѣлочку каленую
 И отпустилъ тетивочку шелковую,
 Свой тугій лукъ разрывчатый пристегиваль
 Ко правому ко стремянчуку булатнему
 125 И поѣхалъ по раздолыицу чисту полю.
 Поѣхалъ молодецъ, самъ пораздумался:
 « Прямоѣзжею дорогою поѣхать въ стольно-Кіевъ градъ,
 « То не честь мнѣ-ка хвала отъ богатырей
 « И не выслуга отъ князя отъ Владимира.
 130 « Если бы поѣхать во раздолыице чисто поле,
 « Поотвѣдать мнѣ-ка силы у Татарина,
 « То побѣть меня Татаринъ во чистомъ полѣ,
 « Не быватъ-то молодцу на святой Руси,
 « Не видать мнѣ молодцу-то свѣта бѣлага ».
 135 Іонъ зоветь себѣ да Бога на помочь,
 Спустиль-то добра коня раздолыицемъ чистымъ полемъ,
 Іонъ наѣхалъ паленичищу въ чистомъ полѣ.
 Оны съѣхались, да поздоровкались,
 Становили добрыхъ коней богатырскихъ,
 140 Оны сдѣлали сговоръ да промежду собой,
 Что разѣхаться съ раздолыица чиста поля
 На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ,
 Пріударить надо въ палицы булатнія.
 Разѣхались оны съ раздолыица чиста поля
 145 На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ,
 Пріударили во палицы булатнія,
 Оны другъ-то друга били нежалухою,
 Нежалухою-то били по бѣлымъ грудямъ,
 Со всея били со силы богатырскія;
 150 Подъ нима доспѣхи были крѣпкіе:
 У нихъ палицы въ рукахъ-то погибалися,
 По маковкамъ отломилися,
 Оны другъ друга не сшибли со добрыхъ коней,
 Оны другъ друга не били и не ранили,
 155 Ни котораго мѣстечка не кровавили.

Становили добрыхъ коней богатырскіихъ,
 Оны сдѣлали сговоръ да промежду собой,
 Что разъѣхаться съ раздольица чиста поля
 На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
 160 Пріударить надо въ копья Муржамецкія.
 Разъѣхались оны съ раздольица чиста поля
 На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
 Пріударили во копья Муржамецкія;
 Оны другъ-то друга били нежалухою,
 165 Нежалухою-то били по бѣлымъ грудямъ
 И со всея били силы богатырскія;
 Подъ нима доспѣхи были крѣпкіе:
 У нихъ копья въ рукахъ-то погибалися,
 По маковкамъ копья отломилися,
 170 Оны другъ друга не сшибли со добрыхъ коней,
 Оны другъ друга не били и не ранили,
 Ни котораго мѣстечка не кровавили.
 Становили добрыхъ коней богатырскіихъ,
 Выходили добры молодцы съ добрыхъ коней:
 175 Надо биться боемъ-рукопашкою,
 Поотвѣдать другъ у друга силушки великия.
 Молодой Петрой Петровичъ, королевскій сынъ,
 Онъ весьма обученъ былъ бороться обѣ одной ручкѣ;
 Онъ подходитъ къ паленицы ко удалыя,
 180 То онъ схватить паленицу на косу бедру,
 Здынуль онъ паленицу выше головы,
 Спустиль онъ паленицу на сыру землю,
 Ступилъ онъ паленицы на бѣлы груди,
 Беретъ свое кинжалище булатнее,
 185 Заносиль онъ ручку правую выше головы,
 Спустить хотѣть онъ ниже пояса.
 Ручка правая въ плечѣ застоялася,
 Во ясныхъ очушкахъ свѣтъ помущается,
 То онъ сталъ у паленицы высپрашивать:
 190 « Скажи-тко, паленица, провѣдай-ка:
     « Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
     « Какъ тебя паленицу именемъ зовутъ,

«Звеличаютъ удалую по отечеству?»

Говорила паленица таковы слова:

- 195 — Ахъ ты старая базыга, ново-древная!
 — Тобѣ просто надо мною насмѣхатися,
 — Какъ стоишь ты надъ мою грудью бѣлою,
 — Во рукахъ держишъ кинжалище булатнее;
 — Есть бы былъ я на твоей бѣлой груди,
 200 — Пласталь бы я твои груди бѣлыя,
 — Доставаль бы твое сердце со печенью
 — И не спросилъ бы ни батюшка, ни матушки,
 — Ни твоего роду и ни племени. —
 Береть свое кинжалище булатнее,
 205 Заносиль онъ ручку правую выше головы
 И спустить ю хочетъ ниже пояса.
 Ручка правая въ плечѣ застоялася,
 Въ ясныхъ очушкахъ свѣтъ помущается,
 Сталъ у паленицы выспрашивать:
 210 « Скажи-тко, паленица, провѣдай-ка:
 « Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
 « Какъ тебя паленицу именемъ зовутъ,
 « Удалую звеличаютъ по отечеству? »
 Говорила паленица таковы слова:
 215 — Ахъ ты старая базыга, ново-древная!
 — Тобѣ просто надо мною насмѣхатися,
 — Какъ стоишь ты надъ мою грудью бѣлою,
 — Во рукахъ держишъ кинжалище булатнее!
 — Есть бы былъ я на твоей бѣлой груди,
 220 — Пласталь бы я твои груди бѣлыя,
 — Доставаль бы твое сердце со печенью
 — И не спросилъ бы ни батюшка, ни матушки,
 — Ни твоего роду и ни племени. —
 Молодой Петрой Петровичъ, королевскій сынъ,
 225 Береть свое кинжалище булатнее,
 Заносиль онъ ручку правую выше головы
 И спустить ю хочетъ ниже пояса.
 Ручка правая въ плечѣ заостоялася,
 Въ ясныхъ очушкахъ свѣтъ помущается,

230 Сталъ у паленицы выспрашивать:

« Скажи-тко, паленица, провѣдай-ка:
 « Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
 « Какъ тебя паленицу именемъ зовутъ,
 « Удалую величаютъ по отечеству? »

235 Говорила паленица и заплакала:

— Ты удаленъкій, дородній добрый молодецъ,
 — Славный богатырь святорусский!
 — Когда ты у меня стала выспрашивать,
 — Я стану тебѣ про то высказывать.

240 — Есть я со тоя со темной Литвы,

— Отъ тыхъ Татаровѣй поганыхъ;
 — А увезенъ былъ маленьkimъ робеночкомъ
 — Изъ того изъ города изъ Крякова,
 — Изъ того села да изъ Березова,

245 — Со тоя со улицы съ Рогатицы,

— Со того подворья богатырскаго,
 — Молодой Лука Петровичъ, королевскій сынъ.
 — Увезли меня Татаровья поганые
 — Маленьkimъ робеночкомъ во эту во темну орду,

250 — И возрастъ я тамъ до полнаго до возраста,

— И имѣю въ плечахъ силушку великую.
 — Избиралъ собѣ коня я богатырскаго
 — И поѣхаль я на матушку святую Русь
 — Поискать себѣ-то роду-племени

255 — Поотвѣдати себѣ-то отца-матери. —

Молодой Петромъ Петровичъ, королевскій сынъ,

Онъ скорешенъко соскочить со бѣлыхъ грудей,

Беретъ его за ручушки за бѣлыя,

За него за перстни за злаченые,

260 Становилъ его да на рѣзвы ноги,

Цѣловалъ его во уста въ сахарнія,

Называлъ-то братцемъ собѣ родныимъ.

Оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали

По славному раздолыицу чисту полю,

265 Ко славному ко городу ко Крякову,

Ко тому селу да ко Березову,

Ко той улицы ко Рогатицы
 И къ тому подворью богатырскому.
 Молодой Петрой Петровичъ, королевскій сынъ,
 270 Пріѣхалъ онъ на свой на широкъ дворъ,
 И онъ скорешенько соскочить со добра коня
 И бѣжитъ въ свою палату бѣлокаменну.
 Молодой Лука Петровичъ, королевскій сынъ,
 Какъ онъ соскочить со добра коня,
 275 Сталъ онъ по двору похаживать,
 Сталъ добрѣ коня поваживать.
 Молодой Петрой Петровичъ, королевскій сынъ,
 Пришелъ въ свою палату бѣлокаменну
 Ко своей къ родителю ко матушкѣ,
 280 Самъ-отъ говоритъ да таковы слова:
 « Свѣтъ ты, государыня рѣдная матушка,
 « Честная вдова Настасья Васильевна!
 « Былъ-то я въ раздолъицѣ чистомъ полѣ,
 « Наѣхалъ въ чистомъ полѣ Татарина,
 285 « Кормилъ-то его юствушкой сахарнею,
 « Поилъ его питьицемъ медвянымъ.»
 Говорить ему родная матушка,
 Честная вдова Настасья Васильевна,
 Сама слезно заплакала:
 290 — Свѣтъ ты, мое чадо милое,
 — Молодой Петрой Петровичъ, королевскій сынъ!
 — Какъ былъ ты во раздолъицѣ чистомъ полѣ,
 — Да наѣхалъ во чистомъ полѣ Татарина,
 — Ты бѣ не юствушкой кормилъ его сахарнею
 295 — И не питьицемъ поилъ его медвянымъ:
 — Былъ бы его палицей булатнею,
 — Да кололъ бы его копьемъ вострыимъ.
 — Этые Татаровья поганые
 — Увезли братца у тя роднаго маленькимъ робеночкомъ,
 300 — Молода Луку Петровича.—
 Говорилъ Петрой Петровичъ таковы слова:
 « Свѣтъ ты, моя родная матушка!
 « Не Татарина наѣхалъ я въ чистомъ полѣ,

« А наѣхалъ братца собѣ роднаго,
 305 « Молода Лука Петровича.»
 Молодой Лука Петровичъ, королевскій сынъ,
 Онъ по двору похаживаетъ,
 Добра коня поваживаетъ
 И нейдетъ въ палаты бѣлокаменны.
 310 Тутъ честна вдова Настасья Васильевна
 Скорешенько бѣжала на широкъ дворъ,
 Брала его за ручушки за бѣлыя,
 За него за перстни за злаченые,
 Цѣловала во уста его сахарнія,
 315 Называла она сыномъ собѣ роднымъ
 И вела въ палаты бѣлокаменны;
 Кормила-то ихъ йствушкой сахарнею,
 Поила-то питьицемъ медвянымъ.
 Тутъ оны стали жить да быть,
 320 Долго здравствовать ¹⁾.

22.

ГОРЮШКО.

(Гильферд. № 90.)

У батюшки у матушки жилъ молодецъ,
 Однакожъ сынъ во дрокушкѣ;
 Бѣль сладкѣ, и носилъ краснѣ, работалъ легко.
 Похотѣлося дородню добру молодцу
 5 Сходить на чужую дальнюю сторонушку
 Людей посмотрѣть и себя показать.
 Унимали молодца отець-матушка:

¹⁾ Можно полагать, что эти „два брата Петровича“ суть лица, известныя въ нашихъ избраняхъ подъ именемъ „братьевъ Сбродовичей“, о которыхъ см. 2-й выпускъ Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирбевскимъ. В.

Онъ отца-матушки не слушаетъ,
Снаряжается во путь во дороженьку;
10 Шубоньку сшилъ онъ собѣ куньюю,
По подолу острочилъ чистымъ серебромъ,
По рукавчикамъ и околь ворота
Строчилъ шубоньку краснымъ золотомъ;
Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выше головы:
15 Спереду-то не видать лица румяного
И сзаду не видать шеи бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ онъ соболиную,
Дорогихъ-то соболей заморскихъ;
Кушачокъ онъ опоясалъ семишполковый,
20 Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ;
Сапожки-то на ноженъкахъ сафьянныне:
Вокругъ носика-то носа яицо кати,
Подъ пятѣ подъ пятѣ воробей лети;
Денежекъ-то взялъ онъ пятьдесятъ рублей,
25 Пятьдесятъ рублей онъ взялъ да со полтиною.
Онъ пошелъ на чужу дальниу на сторонушку,
Приходитъ-то онъ ко городу ко чужему:
Городъ чужъ, люди не знаемы,
Не знаетъ онъ, куда бы пріютитися.
30 Подошелъ-то ко царевому ко кабаку,
Прикручинившись стоитъ онъ, припечалившись,
Приклонилъ буйну головушку къ сырой землѣ,
Ясны очушки втопилъ онъ во сырь землю.
Изъ того царева изъ кабака
35 Выходила бабища курвяжища,
Турыйжная бабища, ярыжная ¹⁾:
Станомъ ровнѣ и лицомъ бѣла,
У ней кровь въ лицы быдто у зайцы,
Въ лицы ягодицы ²⁾ цвѣту макова.
40 Она стала вокругъ молодца похаживать:
« Ты чего стоишь кручиненъ, добрый молодецъ?

¹⁾ Турыйжная—потаскушка; ярыжная—развратная.

²⁾ Ягодица—щека.

« Али городъ тебѣ чужъ, люди не знаемы,
 « Не знаешь ты, куда пріютитися?
 « Поди-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
 45 « Испей-ка чарочку зелена вина:
 « Тутъ-то, молодецъ, пораскуражишься,
 « Со мною ли, молодецъ, позабавишься.»
 Онъ послушалъ этой бабищи курвяжищи,
 Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
 50 Выпивалъ онъ чару зелена вина,
 Выпивалъ онъ още дрѹгую,
 Выпивалъ молодецъ още третью.
 Тутъ молодецъ пораскуражился,
 И денежекъ онъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
 55 Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинкою.
 Обвалился молодецъ онъ на царевъ кабакъ.
 Подошли тутъ къ нему голошки кабацкіе,
 Отпоясали кушачокъ семишолковый,
 Сняли съ него шубоньку-то куньюю,
 60 Съ него шапочку-то сняли соболиную,
 Сапоженъки разули сафьянныес,
 Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ;
 Обули лапотики липовы,
 Пonoшены тыи, брошены,
 65 Рогожку одѣли липову,
 Пonoшену тую, брошену,
 На головушку одѣли колпачокъ липовый,
 Пonoшенній тотъ, брошеный.
 Пробудился онъ ото сна молодецкаго,
 70 Пораскинуль свои очи ясныя:
 Съ него снята одежица драгоцѣнная,
 Надѣта одежица липова,
 Пonoшена, да тая брошена.
 Сидить тутъ молодецъ—закручинился,
 75 Закручинился—сидитъ, самъ запечалился,
 Приклонилъ буйну головушку на правую сторонушку,
 Очи ясныя втопилъ онъ во кирпичень мостъ.
 Подходила къ нему бабища курвяжища,

- Турыжная бабища, ярыжная,
 80 Она стала вокругъ молодца похаживать:
 « Не кручинься-тко, дородній добрый молодецъ,
 « Встань-ка ты скорешенъко на рѣзы ноги,
 « Испивай-ка чару зелена вина:
 « Тогда ты, молодецъ, раскуражишься
 85 « И со мною, молодецъ, позабавишъся.»
 Подносила ему чару зелена вина,
 Подносила она дрѣгую,
 Подносила она третью.
 Тутъ молодецъ пораскуражился.
 90 Онъ пошелъ по городу похаживать,
 Сталъ по чужему погуливать,
 Гуляль день съ утра до вечера.
 И загуляль онъ ко хозяину къ басонщику,
 Онъ задался во работушки въ басонскія.
 95 Живеть онъ поры-времячки день за день,
 День за день живеть, да годъ за годъ,
 Прожилъ онъ поры-времени три года.
 Денежекъ онъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
 Пятьдесятъ рублей онъ нажилъ со полтиною;
 100 Одежицу собѣ сдѣлалъ драгоцѣнную:
 Шубоньку спили онъ себѣ куньюю,
 По подолу острочилъ чистымъ серебромъ,
 По рукавчикамъ и околь ворота
 Строчилъ шубоньку краснымъ золотомъ;
 105 Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выше головы:
 Спереду-то не видать лица румянаго
 И сзаду не видать шеи бѣленъкой;
 Шапочку на головушку спили онъ соболиную,
 Дорогихъ-то соболей заморскіихъ;
 110 Кушачокъ онъ опоясалъ семишелковый,
 Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ;
 Сапожки-то на ноженькахъ сафьянныне:
 Вокругъ носика-то носа яицо кати,
 Подъ пяту подъ пяту воробей лети.
 115 Пошелъ молодецъ по городу похаживать,

Онъ пошелъ по чужему погуливать,
 Гуляль день съ утра до вечера,
 И не знаетъ онъ, куда пріютитися.
 Подошелъ-то ко цареву ко кабаку.

120 Прикручинившись стоитъ онъ, припечатавшись,
 Приклонивъ буйну головушку къ сырой землѣ,
 Ясны очушки втопилъ онъ во сырь землю.

Изъ того цареваго изъ кабака
 Выходила бабища курвяжища,
 125 Турыжная бабища, ярыжная;
 Станомъ ровна и лицомъ бѣла,
 У ней кровь въ лицѣ будто у заяцы,
 Въ лицѣ ягодицы цвѣту макова.

Она стала вокругъ молодца похаживать:

130 « Ты чего стоишь кручиненъ, добрый молодецъ?
 « Али городъ тебѣ чужъ, люди не знаемы,
 « Не знаешь ты, куда пріютитися?
 « Поди-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
 « Испей-ка чарочку зелена вина:

135 « Тутъ ты, молодецъ, пораскуражишься,
 « Со мною ли, молодецъ, позабавишься ».
 Онъ послушался этой бабищи курвяжищи,
 Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
 Выпивалъ онъ чару зелена вина,

140 Выпивалъ онъ още другую,
 Выпивалъ молодецъ още третью.
 Тутъ молодецъ пораскуражился,
 И денежекъ онъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
 Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинкою.

145 Обвалился молодецъ онъ на царевъ кабакъ.
 Подошли къ нему тутъ голюшки кабацкіе,
 Отпоясали кушачокъ семишелковый,
 Сняли съ него шубоньку-то куньюю,
 Съ него шапочку-то сняли соболиную,
 150 Сапоженъки разули сафьянные,
 Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ;
 Обули лапотики липовы,

- Поношены тыи, брошены,
 Рогожку одѣли липову,
 155 Поношену тую, брошену,
 На головушку одѣли колпачокъ липовый,
 Поношеный тотъ, брошеный.
 Сидить тутъ молодецъ—закручинился,
 Закручинился—сидить, самъ запечалился,
 160 Приклонилъ буйну головушку на правую сторонушку,
 Очи ясныя втошилъ онъ во кирпиченъ мостъ.
 Подходила къ нему бабища курвяжища,
 Турьжная бабища, ярыжная,
 Она стала вокругъ молодца похаживать:
 165 « Не кручинься-тко, дородній добрый молодецъ,
 « Встань-ка ты скорешенько на рѣзвы ноги,
 « Испивай-ка чару зелена вина:
 « Тогда ты, молодецъ, разскуражишься
 « И со мною, молодецъ, позабавишься ».
 170 Подносила къ нему чару зелена вина,
 Подносила ему другую,
 Подносила она третью:
 Тутъ молодецъ пораскуражился.

 Онъ пошелъ по городу похаживать,
 175 Сталъ по чужему погуливать,
 Гулялъ день съ утра до вечера,
 И загулялъ онъ ко хозяину къ басонщику,
 Онъ задался во работушки въ басонскія.
 Живеть онъ поры-времячки день за день,
 180 День за день живеть, да годъ за годъ:
 Прожилъ онъ поры времени три года.
 Денежекъ онъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
 Пятьдесятъ рублей нажилъ со полтиною;
 Одежицу собѣ сдѣлалъ драгоцѣнную:
 185 Шубоньку спилъ онъ собѣ куньюю,
 По подолу острочилъ чистымъ серебромъ,
 По рукавчикамъ и околь ворота
 Строчилъ шубоньку краснымъ золотомъ;

Вороть въ шубоныкъ онъ сдѣлалъ выше головы:
 190 Спереду-то не видать лица румяного
     И сзаду не видать шеи бѣленъкой;
     Шапочку на головушку сшиль онъ соболиную,
     Дорогихъ-то соболей заморскіихъ:
     Кушачокъ онъ опоясалъ семишелковый,
 195 Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ:
     Сапожки-то на ноженъкахъ сафьянныне:
     Вокругъ носика-то носа лицо кати,
     Подъ пяту подъ пяту воробей лети.

Пошелъ молодецъ по городу похаживать,
 200 Онъ пошелъ по чужему погуливать,
     Гуляль день съ утра до вечера,
     И не знаетъ онъ, куда пріютитися.
     Подошелъ-то ко цареву ко кѣбаку,
     Прикручинившись стоитъ онъ, припечалившись,
 205 Приклонилъ буйну головушку къ сырой землѣ.
     Ясны очушки втопиль онъ во сырь землю.
     Изъ того царскаго изъ кѣбака
     Выходила бабища курвяжища,
     Турыжная бабища, ярыжная;
 210 Станомъ ровна и лицомъ бѣла,
     У ней кровь въ лицѣ быдто у зайцы,
     Въ лицѣ ягодицы цвѣту макова.
     Она стала вокругъ молодца похаживать:
     « Ты чего стоишь кручиненъ, добрый молодецъ?
 215 « Али городъ тебѣ чужъ, люди не знаемы,
     « Не знаешь ты, куда пріютитися?
     « Поди-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
     « Испей-ка чарочку зелена вина:
     « Тутъ ты, молодецъ, пораскуражишься,
 220 « Со мною ли, молодецъ, позабавишься. »
     Онъ послушался этой бабищи курвяжищи,
     Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
     Выпивалъ онъ чару зелена вина,
     Выпивалъ онъ още другую,

- 225 Выпивалъ молодецъ още третьюю.
 Тутъ молодецъ пораскуражился,
 И денежекъ онъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
 Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинкою.
 Обвалился молодецъ онъ на царевъ кабакъ.
- 230 Подошли къ нему тутъ голюшки кабацкіе,
 Отпоясали кушачокъ семишелковый,
 Сняли съ него шубоньку-то куньюю,
 Съ него шапочку-то сняли соболиную,
 Сапоженъки разули сафьянные,
- 235 Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ:
 Обули лапотики липовы,
 Понощены тыи, брошены,
 Рогожку одѣли липову,
 Понощену тую, брошены,
- 240 На головушку одѣли колпачокъ липовый,
 Понощеный тотъ, брошеный.
 Сидить тутъ молодецъ—закручинился,
 Закручинился—сидить, самъ запечалился,
 Приклонилъ буйну головушку на правую сторонушку,
- 245 Очи ясныя втопилъ онъ во кирпичень мостъ.
 Подходила къ нему бабища курвяжища,
 Турыжная бабища, ярыжная,
 Она стала вокругъ молодда похаживать:
 « Не кручинься-тко, дородній добрый молодецъ,
- 250 « Встань-ка ты скорешенько на рѣзвы ноги,
 « Испивай-ка чару зелена вина:
 « Тогда ты, молодецъ, раскуражишься
 « И со мною, молодецъ, позабавишься».
 Подносила къ нему чару зелена вина,
- 255 Подносила ему другую,
 Подносила она третьюю:
 Тутъ молодецъ пораскуражился.
 Встаетъ молодецъ на рѣзвы ноги,
 Паль молодецъ о кирпичень мостъ,
- 260 Обвернулся молодецъ сѣрымъ волкомъ,
 Побѣжалъ онъ по раздольицу чисту полю:

А Горюшко за нимъ въ слѣдъ собакою.
Палъ онъ о матушку сыру землю,
Обвернулся молодецъ яснымъ соколомъ,
265 Полетѣлъ онъ по подоболочью:
А Горюшко за нимъ въ слѣдъ чернымъ ворономъ.
Тутъ молодецъ онъ преставился:
Свезли-то на могилу на родительску,
Положили во матушку сыру землю;
270 Горюшко сидитъ, само заплакало:
« Ты хорошо-то быль, дородній добрый молодецъ!
« А я още пойду на чужую сторонушку,
« Найду-то я много лучше тобя! »

II.

ЧУКОВЪ.

Абрамъ Евтихіевъ Чуковъ (у Рыбникова Чуккоевъ), по прозванію Бутылка, крестьянинъ дер. Горка, Пудожгорскаго постоса Римской волости Повѣнѣцкаго уѣзда. Свѣдѣнія о немъ см. въ «Замѣткѣ» Рыбникова и у Гильфердинга II, 442—443, а также во вступительной статьѣ послѣдняго (I, 13, 36, 40). Мы сочли возможнымъ зачислить за этимъ сказателемъ 19 былинъ, тогда какъ Рыбниковъ напечаталъ прямо съ его именемъ лишь 9 (всѣ въ III томѣ, настоящ. изд. №№ 23, 24, 25, 27, 32, 33, 35, 36, 37), да косвенно далъ понять въ «Замѣткѣ», что двѣ былины I тома (24 и 77, настоящ. изд. №№ 25 bis и 33 bis) записаны кѣмъ-то другимъ у того же пѣвца и составляютъ дублеты къ записаннымъ позднѣе самимъ собирателемъ отъ Чукова текстамъ (№№ 15 и 52 III тома). Къ этимъ 11 былинамъ 6¹⁾ присоединены по прямому указанію Гиль-

¹⁾ Стар. изд. I, 25, 38, 49, 65; II. 16, 20. Настоящ. изд. №№ 26, 28 bis, 29, 31, 28, 30. При этомъ одно указаніе (I, 38 = 28 bis) извлекается изъ вступит. статьи Гильферд., стр. 40.

Фердинга, а двѣ¹⁾ лично нами, по соображеніямъ, изложеннымъ ниже въ примѣчаніяхъ къ нимъ. 4 изъ этихъ 19 представляютъ дублеты, записанные не Рыбниковымъ, и потому напечатаны петитомъ при подлинныхъ Рыбниковыхъ записяхъ.

23.

ЖЕНИТЬБА ВЛАДИМИРА.

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
Жилъ бытъ славный Владіміръ князь.
Похотѣль тутъ князь поженитися
За славнымъ за синемъ моремъ,
5 У того короля у Литовскаго,
На той Настасіѣ королевичной.
Вызываєтъ онъ сватовъ, добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ, братьевъ родимыхъ,
Родимыхъ братьевъ, любимыхъ:
10 Однаго звали Федоромъ Ивановичемъ,
А другаго Васильемъ Ивановичемъ.
Приходили они ко князю Владіміру,
Врали они молодыхъ коней,
Брали сѣдловишка черкасскія,
15 И сѣдлали они молодыхъ коней;
Брали они плеточки шелковыя,
И бросали они плеточки шелковыя;
Брали въ руки тросточки дубовые,
Садились они на добрыхъ коней.
20 Видѣли молодцевъ сядучи,
А не видли удалыхъ поѣдучи:
Далече они ѿдуть въ чистомъ полѣ,
Въ чистомъ полѣ одна пыль стоитъ;
Куда махнуть тросточкой дубовоей,

---

¹⁾ Стар. изд. II, 40, 55. Настоящ. изд. №№ 32 bis и 34.

- 25 Туда стануть улицы съ проулками,
 Туда станеть чистая дороженька.
 Пріѣхали за славно за сине море
 Ко тому королю ко Литовскому;
 Становились они середи двора,
 30 Выходили они со добрыхъ коней,
 Брали коней за повода шелковые,
 Вязали ко столбичкамъ точеныимъ,
 Ко тымъ колечкамъ золоченыимъ.
 Говорить тутъ Федоръ Ивановичъ:
 35 « Ай же ты, братецъ родимый мой!
 « Ай же, товарищъ любимый мой,
 « На дворѣ ты постой, жеребцевъ погляди;
 « Пойду я въ терема высокіе,
 « Въ его палаты красовитыя ».
 40 Попшелъ онъ въ терема высокіе,
 Во тыя палаты красовитыя,
 Отворяеть онъ двери кленовыя,
 Снимаетъ онъ шляпу пуховую,
 Полагаетъ на стопку золоченую;
 45 Крестъ онъ кладетъ по писаному,
 Поклонъ ведеть по ученому,
 Поклоняется онъ на двѣ стороны,
 Говорить королю таковы слова:
 « Здравствуй, король Литовскій! »
 50 Говорить тутъ король по-Литовскій:
 — Ты зачѣмъ зашелъ, удалый добрый молодецъ,
 — Во мои палаты красовитыя?—
 Говорить тутъ Федоръ Ивановичъ:
 « Я не пѣша пришель, на конѣ пріѣхаль,
 55 « Со своимъ со любезнымъ товарищемъ,
 « Со любезнѣйшимъ братцемъ родимыимъ:
 « Первое дѣло—себя показать,
 « Другое дѣло—тебя посмотреть,
 « Третье дѣло—есть сватовство
 60 « На твоей любимыя на дочери,
 « На той Настасьѣ королевичной,

« За славнаго князя за Владимира. »
 Закручинился король тутъ, запечалился,
 Не хочетъ дать Настасьи королевичной
 65 За этого князя за Владимира.
 Отъ этого князя отъ Владимира
 Пріѣзжали лакеи молодые,
 Привозили писемечко строгое,
 Отдавали удалымъ добрымъ молодцамъ,
 70 Говорили они таковы слова:
 « Ай же ты, Федоръ Ивановичъ,
 Ай же ты, Василій Ивановичъ!
 « Буде честью отдасть, то честью везите;
 « Буде честью не отдасть,—возьмите безъ чести ».
 75 Выходила тутъ Настасья королевична
 На свое переное крылечушко
 Въ своемъ уборѣ дѣвочьемъ,
 Въ своемъ нарядѣ господскоемъ,
 Говорила она таковы слова:
 80 « Ай же ты, Василій Ивановичъ,
 « Ай же ты, Федоръ Ивановичъ!
 « Буде есть ума разума въ головушкахъ,
 « Возьмите-ко вы батюшка родимаго,
 « Моего короля любимаго,
 85 « Стashите его вы во чисто поле,
 « Закопайте-ко вы во сырь землю,
 « Закопайте его до бѣлыхъ грудей.
 « Можетъ, въ ту пору король обѣумѣется,
 « Можетъ въ ту пору король образумится,
 90 « Можетъ быть, меня Настасью королевичну
 « Отдасть за князя за Владимира.
 « Хотъ я не была во городѣ во Киевѣ,
 « Но знаю все имѣнье и богачество.
 « У этого у князя у Владимира
 95 « Стоять палаты красивитыя,
 « Стоять луга гривовитые;
 « У моего батюшка родимаго,
 « У моего короля любимаго,

« Палатишки стоять пустепеньки,
 100 « Лужишка посьяны низешеньки,
 « Низешеньки лужишка, нелюбешеньки! »
 Въ это время король по-Литовскій
 Стоялъ за дверями дубовыми,
 За этими порогами съченными,
 105 Повыслушалъ ея таковы слова,
 У своей Настасьи королевичной,
 Говорилъ онъ сватамъ таковы слова:
 « Возьмите вы Настасью королевичну,
 Посадите на молодаго жеребчика ».
 110 Тутъ видли Настасью справляющи,
 Видли Настасью и сядучи,
 А не видли королевичной поѣдучи.
 Далече ѿдетъ она въ чистомъ полѣ,
 Во чистомъ полѣ одна пыль стоить.
 115 Пріѣхали ко граду ко Киеву,
 Ко славному князю ко Владиміру.
 Выходитъ тутъ Владиміръ князь
 Во своемъ уборѣ господскоемъ,
 Во своемъ снарядѣ молодецкоемъ,
 120 Со великою со радостью
 Стрѣчаеть онъ Настасью королевичну.
 Бралъ онъ Настасью королевичну
 За ручки бѣлыя, за ея перстни злаченые,
 Опускаетъ онъ съ молодаго жеребца;
 125 Бралъ онъ ее за груди нѣжныя,
 Цѣловалъ въ уста печальныя,
 Проводилъ въ палаты бѣлокаменны,
 Въ тѣ палаты красовитыя.
 Пиръ онъ провелъ по честному,
 130 И людей накормилъ до сытешенька,
 А сватовъ напоилъ до пьянешенька.
 Всѣ люди идутъ да похваляются:
 « Вотъ у насть есть солнышко Владиміръ князь,
 « Владиміръ князь стольно-Кievскій:
 135 « Нѣть таковаго во всей Руси,

« И нѣтъ таковаго въ каменной Москвы ».
 Тутъ вѣкъ о Владимирѣ старину поютъ,
 Синему морю на тишину,
 А всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

24.

ИЛЬЯ И ИДОЛИЩЕ.

- Ѣздила Илья Муромецъ по чисту полю,
 Наѣхалъ-то старчища Пилигримища.
 И самъ говорить таковы слова:
 « Ай же ты, старчище Пилигримище!
- 5 « Дай-ко ты мнѣ своихъ платьевъ старческихъ,
 « Дай-ко мнѣ клюху сорока пудовъ;
 « Доброму буде не дашь, силомъ возьму ».
 Сокрутился онъ старчищемъ Пилигримищемъ
 И пошелъ по полю по чистому.
- 10 Во ту ли пору, во то время
 Ѣздило Идолище подъ облакой,
 Шибало свою палицу стопудовую,
 На конѣ гоняло и само подхватывало.
 И говорить Илья Муромецъ таково слово:
- 15 « Ты дай-ко мнѣ, Господи, дожжичка
 « Частенъкаго и то меленъкаго,
 « Чтобы подмочило у Идолища добра коня крылатаго;
 « Опустилось бы Идолище на сырь землю,
 « Поѣхало бъ Идолище по чисту полю. »
- 20 Даљ тутъ Господь дожжичка
 Частенъкаго и то меленъкаго,
 Подмочило у Идолища добра коня крылатаго;
 Опустилось Идолище на сырь землю
 И поѣхало по чисту полю,
- 25 И увидѣло старчища Пилигримища:

Шляпа у него тридцати пудовъ,
 Клюха у него сорока пудовъ.
 И говоритъ Идолище таковы слова:
 — Какъ по платыцу, старчище Пилигримище,
 30 — А по походочкѣ бытъ старому казаку Илью Муромцу:
 — Хоть кто хопшъ тутъ быдъ, а жива не спущу.—
 Какъ змахнулъ своей палицей булатной
 Во того старчища Пилигримища,
 А Илья на ножку былъ повертокъ,
 35 Увернется подъ грину лошадиную:
 Пролетѣла палица во сырь землю.
 Какъ скочитъ изъ-подъ грины лошадиныя,
 Змахнулъ клюхой сорока пудовъ,
 Ударилъ Идолище въ буйну голову
 40 И убилъ Идолище проклятое.
 Тутъ по три дня было пированьице
 Про старого казака Илью Муромца,
 Что убилъ Идолище поганое.
 Тутъ вѣкъ про Илью старину поютъ,
 45 Синему морю на тишину,
 А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

(Запис. въ Петрозаводскѣ, 29 іюня 1863 г.).

25.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

(Гильферд., № 148.)

Добрынюшкѣ матушка говорила:
 « Что молодъ сталъ ъздить во чисто поле,
 « На ту гору Сорочинскую,
 « Топтать-то молодыхъ змѣенышей,
 5 « Выручать-то полоновъ русскіихъ.
 « Не куплисъ, Добрыня, во Пучай рѣкѣ;

« Пучай рѣка есть свирѣпая:
 « Середня струйка какъ огонь сѣть. »
 Добрынишка матушки не слушался,
 10 Идеть на конюшенку стоялую,
     Беретъ онъ своего добра коня;
     Сѣдалъ бурка въ сѣдловишко черкасское,
     Потнички клалъ на потнички,
     А на потнички кладеть войлоки,
 15 А на войлоки кладеть черкасское сѣдловишко.
     Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
     А тринадцату клалъ ради крѣпости,
     Чтобъ добрый конь сподъ сѣдла не выскочилъ,
     Добра молодца съ добра коня не вырутъ ¹⁾.
 20 Подпруги были шелковыя,
     Пряжки у сѣдла красна золата,
     Шпеньки ²⁾ у подпруговъ все булатныя:
     Туть шелкъ не рвется и булатъ не трется,
     Красно золото не ржавѣеть,
 25 Молодецъ на конѣ сидитъ—не старѣеть.
     Какъ былъ онъ во чистомъ полѣ,
     На тыихъ горахъ на высокихъ,
     Потопталъ младыхъ змѣенышевъ,
     Повыручилъ полоновъ русскіихъ,
 30 Богатырско его сердце нажадѣлося ³⁾,
     Нажадѣлося и распотѣлося.
     Онъ приправилъ своего добра коня,
     Добра коня ко Пучай рѣкѣ,
     Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
 35 Снимаетъ съ себя платье цвѣтное,
     Забрель за струечку за первую,
     И забрель за струечку за среднюю,
     И самъ говорилъ таково слово:
     « Мнѣ Добрынишкѣ матушка говоривала,

¹⁾ Не выбросилъ.

²⁾ Пряжечные шпильки.

³⁾ Возжало, пожало, отъ жадати, чувствовать жажду, желать.

40 « Мнѣ Никитичу матушка наказывала,
 « Что не ѿзди далече во чисто поле,
 « На тую гору Сорочинскую,
 « Не топчи-ко младыхъ змѣенышевъ,
 « Не выручай полоновъ русскіихъ,

45 « Не куплись, Добрыня, во Пучай рѣкѣ;
 « Что Пучай рѣка есть свирѣпая:
 « Середня струйка какъ огонь съчетъ.
 « А Пучай рѣка есть кротка, смирна:
 « Она будто лужа дожжевая ».

50 Не успѣлъ Добрыня въ часъ слово смолвити,

Какъ въ тую пору, въ то время,
 Вѣтра нѣтъ, тучу наднесло,
 Тучи нѣтъ, а только дождь дожжитъ,
 Дождя-то нѣтъ, свищетъ молвія,

55 Молвіи нѣтъ, искры сыпятся,—
 Летить змѣище-Горынчище,
 О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.
 Хочеть змѣя его съ конемъ сожечь,
 Сама говоритъ таково слово:

60 — Тѣперечь Добрыня во моихъ рукахъ;
 — Захочу—Добрыню теперь потоплю,
 — Захочу—Добрыню въ хобота возьму,
 — Въ хобота возьму и въ нору снесу,
 — Захочу—Добрыню съѣмъ-сожру.

65 Добрынушка плавать гораздъ онъ быль,
 Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
 Нырнетъ на бережекъ на здѣшній;
 Нѣту у Добрынушки добра коня,
 И нѣть его платьевъ цвѣтныхъ,

70 И нѣть меча бурзамецкаго,
 Только что лежитъ на землѣ пуховъ колпакъ,
 Насыпанъ колпакъ земли греческой,
 По вѣсу колпакъ цѣло три пуда.
 Какъ припадаетъ змѣя къ быстрой рѣкѣ,
 75 Онъ хватилъ колпакъ земли греческой,
 Шибнетъ во змѣю во проклятую,

Ошибъ змѣй двѣнадцать всѣхъ хоботовъ,
 Упала змѣя во ковыль траву.
 На крестъ былъ у Добрынюшки булатенъ ножъ,
 80 Добрынюшка на ножку былъ повертокъ,
 Скочилъ на змѣинины груди бѣлыя,
 А змѣя Добрынѣ ему змолится:
 — Ахъ ты ей, Добрынюшка Никитиничъ!
 — Мы положимъ заповѣдь великую,
 85 — Чтобы не летать мнѣ на святую Русь,
 — Не носить людей больше русскіихъ,
 — Не копить мнѣ полоновъ русскіихъ;
 — А тебѣ не ъздить во далече во чисто поле,
 — Не топтать ти младыхъ змѣенышевъ,
 90 — Не выручать полоновъ русскіихъ.—
 Положили они заповѣдь великую.
 Какъ спустилъ змѣю сподъ колѣнъ своихъ,
 Тая змѣя она проклятая
 Поднялась она вверхъ подъ облаку;
 95 Случилось ей летѣть черезъ Киевъ градъ,
 Увидала она князеву племянницу,
 Молоду Забаву дочь Путятичну
 Идувшись по улицы широкія,
 Припадала змѣя ко сырой земли,
 100 Схватила она князеву племянницу,
 Унесла во нору во глубокую.
 Тутъ солнышко Владиміръ стольно-Кievskій
 По три дня онъ билицъ-волшебницъ скликивалъ,
 Не могъ билицъ онъ докликатися,
 105 Кто бы могъ съѣздить во далече во чисто поле,
 Достать князеву племянницу.
 Говоритъ Алешенька Левонтьевичъ:
 « Что, солнышко Владиміръ стольно-Кievskій!
 « Накинь-ко эту службу великую
 110 « На того Добрыню на Никитича:
 « У того Добрыни у Никитича
 « Со змѣей вѣдь заповѣдь положена;
 « Онъ съѣздить во далече во чисто поле,

- « Онъ достанеть намъ Забаву Путятину
 115 « Безъ бою, безъ драки-кроволитія. »
 Накинулъ онъ службу великую
 На того Добрыню на Никитича.
 Онъ пошелъ домой Добрыня, закручинился.
 Встрѣчаетъ его государыня родна матушка:
 120 — Что же ты, Добрынушка Никитиничъ,
 — Идешь съ пиру, самъ кручинишься?
 — Знать мѣсто было тамъ не по чину,
 — Чарой на пиру тебя пріобнесли,
 — Аль дуракъ на пиру надсмѣялся де? —
 125 Говориль Добрынушка Никитиничъ:
 « Мѣсто было мнѣ-ка по чину,
 « Чарой на пиру меня не обнесли,
 « И дуракъ надо мной не надсмѣялся де;
 « А накинулъ службу де великую
 130 « Тотъ солнышко Владиміръ стольно-Кievскій,
 « Что съѣздить во далече во чисто поле,
 « Сходить на ту гору Сорочинскую,
 « Сходить во нору во глубокую,
 « Достать-то князеву племянницу,
 135 « Молоду Забаву дочь Путятину. »
 Говорила родна его матушка:
 — Ложись-ко спать рано съ вечера:
 — Утро будетъ оно мудрое,
 — Мудренѣе утро будетъ вечера.—
 140 Онъ ставалъ по утрушку ранешенько,
 Умывался по утрушку бѣлешенько,
 Снаряжался хорошихонъко;
 Обѣдалъ онъ дѣдушкова добра коня,
 Садился скоро на добра коня;
 145 Провожала его родна матушка,
 На прощеньице плетку подала:
 — Ахъ ты ей, рожено мое дитятко!
 — Возьми-ко плеточку шелковую.
 — Когда будешь во далечѣ во чистомъ полѣ,
 150 — На тоя горы на Сорочинскія,

- Потопчешь младыхъ змѣенышевъ,
 — Тыи младые змѣеныши
 — Подточатъ они у коня щеточки ¹⁾), —
 — И бей бурка промежу уши,
 155 — И бей бурка промежу ноги,
 — Промежу ноги да между заднія:
 — Что станетъ твой бурушка поскакивать,
 — Змѣенышевъ отъ ногъ отряхивать,
 — Притопчеть всѣхъ до единаго.—
- 160 Какъ будеть онъ во далечѣ во чистомъ полѣ,
 На тыя горы Сорочинскія,
 Потопталъ онъ младыхъ змѣенышевъ,
 Повыручиль полоновъ русскіихъ;
 Тыи же младые змѣеныши
- 165 Подточили у бурка они щеточки,
 Что не можетъ онъ бурушка поскакивать,
 Змѣенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать.
 Онъ браль де плѣточку шелковую,
 Бѣть бурка промежу уши,
- 170 И бѣть бурка промежу ноги,
 И промежу ноги, ноги заднія:
 И сталъ его бурушка поскакивать,
 Змѣенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать,
 Притопталъ онъ всѣхъ до единаго.
- 175 Выходила змѣя тутъ проклятая
 Изъ тоя норы изъ глубокія,
 Говорила змѣя ему проклятая:
 « Ахъ ты ей, Добрыня сынъ Никитиничъ!
 « Ты зачѣмъ нарушилъ свою заповѣдь,
 180 « Притопталъ всѣхъ малыхъ дѣтушекъ? »
 Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
 — Ай же ты, змѣя проклятая!
 — Черти ли тебя несли чрезъ Киевъ градъ,
 — Зачѣмъ взяла князеву племянницу,
 185 — Молоду Забаву дочь Путятичну?

---

¹⁾ Мѣсто надъ копытомъ.

— Отдай ее безъ драки, кроволитія!—

Говорить ему змѣя проклятая:

« Не отдамъ я князевой племянницы

« Безъ драки, безъ бою-кроволитія. »

190 Заводила она бой-драку великую.

Дрался со змѣей онъ трои сутки,

И не могъ Добрыня змѣи перебить;

Хочеть Добрыня отъ змѣи отстать,

Съ небесъ ему гласъ гласить:

195 — Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!

— Дрался ты съ змѣей трои сутки,

— Подержись съ змѣей еще три часу:

— Ты побѣшишь змѣю проклятую.—

Дрался онъ съ змѣей еще три часу,

200 Онъ убилъ змѣю-то проклятую:

Тая змѣя кровью пошла.

Стоялъ у змѣи онъ трои сутки,

Не могъ онъ крови той переждать,

Хочеть Добрыня отъ змѣи отстать,

205 А съ небесъ Добрынъ гласъ гласить:

— Ай же ты, Добрыня сынъ Никитиничъ!

— Стоялъ ты у змѣи трои сутки,

— Постой еще у змѣи три часу;

— Возьми ты копье бурзамецкое,

210 — Ты бей копьемъ о сырь землю,

— Самъ къ копью приговаривай:

— « Разступись-ко, матушка сыра земля!

— « На четыре разступись на четверти,

— « Пожри-ко всю кровь змѣиную. »—

215 Стоялъ онъ у змѣи еще три часу,

Браль копье бурзамецкое,

Билъ копьемъ о сырь землю,

Самъ къ копью приговаривалъ:

« Разступись-ко, матушка сыра земля!

220 « На четыре разступись на четверти,

« Пожри-ко всю кровь змѣиную. »

Разступилась матушка сыра земля,

- На четыре разступилась на четверти,
Пожрала всю кровь змѣиную.
- 225 Тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
Опустился онъ во нору во глубокую,
Самъ говорилъ таково слово
Молодой Забавы дочь Путятиной:
« Ай же ты, Забава дочь Путятинна!
- 230 « За тебя я эдакъ странствую.
« Поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру. »
У той змѣи у проклятыхъ
Наношено силы сорокъ тысячей,
- 235 Сорокъ царей, сорокъ царевичей,
Сорокъ королей, сорокъ королевичей,
А простой-то силы и смѣты нѣть.
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
« Вы всѣ цари, всѣ царевичи,
- 240 « Всѣ короли, всѣ королевичи!
« А вамъ всѣмъ воля вольная,
« Куда вздумаете, туда пойдете. »
Повезъ онъ князеву племянницу
По той ли по пути по дороженькѣ;
- 245 Наѣхалъ онъ бродъ лошадиной,
По колѣну у ней во землю угрязнуто ¹⁾).
Онъ догналъ Алешеньку Левонтьевича,
Самъ говорить таковы слова:
« Ай же ты, Алешенька Левонтьевичъ!
- 250 « Возьми-ка Забаву дочь Путятинну,
« Отвези-ка ю во Кіевъ городъ,
« Ко ласкову князю ко Владиміру. »
Самъ поѣхалъ этимъ бродомъ лошадинымъ,
Догналъ поленицу, женщину великую,
- 255 Ударилъ своей палицей булатной
Тую поленицу въ буйну голову:

1) Лошадиный бродъ — слѣдъ, онъ былъ глубокъ: по колѣна вдавливала грязь.

Поленица назадъ не оглянется,
Добрыня на конѣ пріужахнется.
Пріѣзжалъ Добрыня къ сыру дубу,
260 Толщиною дубъ быль шести саженъ,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Да расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ¹⁾,
Самъ говорить таково слово:
« Силы у Добрыни есть по-старому,
265 « А смѣлость у Добрыни не по-старому. »
Онъ назадъ Добрынюшка воротился,
Догналъ поленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатной
Тую поленицу въ буйну голову:
270 Поленица назадъ не оглянется,
Добрыня на конѣ пріужахнется.
Назадъ Добрынюшка воротится,
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиной дубъ саженъ двѣнадцати,
275 Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Онъ расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ,
Самъ говорить таково слово:
« Силы у Добрыни есть по-старому,
« А смѣлость у Добрыни не по-старому. »
280 Онъ догналъ поленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатной
Тую поленицу въ буйну голову;
Поленица назадъ пріоглянется,
Сама говорить таково слово:
285 — Я думала, комарики покусываютъ,
— Ажно²⁾ русскій могучій богатырь пощалкиваетъ.—
Какъ хватила Добрыню за желты кудри,
Посадила его во глубокъ карманъ,
Везла она Добрыню трои сутки;
290 Испровѣщится какъ ей добрый конь,

¹⁾ На тонкую дрань.²⁾ Ажъ а между тѣмъ.

Ей добрый конь голосомъ человѣческимъ:
 « Ай ты ей, Настасья дочь Никулична!
 « Не могу везти васъ съ богатыремъ:
 « Конь у богатыря противъ меня,
 295 « А сила у богатыря супротивъ тебя. »
 Говорила Настасья дочь Никулична:
 — Я повыздыну богатыря изъ карманчика.
 — Ежели богатырь онъ старый,
 — Я богатырю голову срублю;
 300 — А ежели богатырь онъ младый,
 — Я богатыря въ полонъ возьму;
 — А ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
 — Я теперь за богатыря замужъ пойду.—
 Повыздынеть Добрыню изъ карманчика,
 305 Добрыня ей тутъ въ любовь пришелъ.
 Пойхали ко граду ко Киеву,
 Ко ласкову князю ко Владиміру,
 Приняли они по злату вѣнцу.
 Тутъ по три дня было пированье,
 310 Про молода про Добрыню про Никитича,
 Что досталь онъ князову племянницу.
 Тутъ вѣкъ про Добрыню старину скажутъ,
 Синему морю на тишину,
 Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

25 bis.

Добрынюшки матушка говорила:
 « Что молодъ началъ ъздить во чисто поле,
 « На ту гору Сорочинскую,
 « Топтать-то молодыхъ змиенышай,
 5 « Выручать-то полоновъ русскихъ.
 « Не куплись, Добрыня, во Пучай рѣки.
 « Пучай рѣка есть свирепая:
 « Середня струйка какъ огонь сичеть. »
 Добрынюшка матушки не слушался,
 10 Идеть на конюшenkу стоялую,
 Береть онъ своего добра коня;
 Сѣдалъ бурка во сидѣльшко Черкасское,
 Потнички клалъ на потнички,
 А на потнички кладеть войлоки,

- 15 А на войлоки кладеть Черкасское сидѣлышко.
 Всѣхъ подтягивалъ двинадцать тугихъ подпруговъ,
 А тринадцатую класть ради крѣпости,
 Чтобы добрый конь съ сѣда не выскочилъ,
 Добра молодца съ добра коня не вырутилъ.
- 20 Подпруги были шелковыя,
 Пряжки у сѣда красна золота,
 Шнеки у подруговъ все булатныя:
 Тутъ шелкъ не рвется и булатъ не трется,
 Красно золото не ржавиетъ,
- 25 Молодецъ на кони сидитъ—не стариетъ.
 Какъ былъ онъ во чистомъ полѣ,
 На тыихъ горахъ на высокихъ,
 Потопталъ младыхъ змиенышей,
 Повыручилъ полоновъ русскихъ,
- 30 Богатырско его сердце пожадѣлося,
 Пожалѣлося и распотѣлося.
 Онъ приправиль своего добра коня,
 Добра коня ко Пучай рѣки,
 Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
- 35 Снималь съ себя платье цветное,
 Забрель за струечку за первую,
 И забрель за струечку за среднюю,
 И самъ говорилъ таково слово:
 « Минѣ Добрынюшки матушка говаривала,
- 40 « Минѣ Никитичу матушка наказывала,—
 « Что не изди далече во чисто полѣ,
 « На туу гору Сорочинскую,
 « Не топчи-ко младыхъ змиенышей,
 « Не выручай полоновъ русскихъ,
- 45 « Не куплись, Добрыня, во Пучай рѣки,
 « Что Пучай рѣка есть свирепая:
 « Середня струйка какъ огонь сичеть,—
 « А Пучай рѣка есть кротка, смирна;
 « Она будто лужа дожевая. »
- 50 Какъ въ туу пору, въ то время
 Вѣтра нѣть, тучу наднесло,
 Тучи нѣть, а только дождь дожжитъ,
 Дожжя-то нѣть, искры ссыпятся,—
 Летить Змище-Горынище,
- 55 О двинадцати змия о хоботахъ.
 Хочеть змия его съ конемъ сожечь,
 Сама говорить таково слово:
 — Тeperеча Добрыня въ моихъ рукахъ,
 — Захочу—Добрыню теперь потоплю,
- 60 — Захочу—Добрыню въ хобота возьму,
 — Въ хобота возьму и ва Русь возьму,
 — Захочу—Добрыню сѣмъ-сожру.—

Добрынюшка плавать гораздъ онъ былъ:
 Нырнетъ на бережекъ на тамошнай,
 65 Нырнетъ на бережекъ на зѣвшнй;
 Нѣту у Добрынюшки добра коня,
 И нѣтъ его платьевъ цѣтныхъ,
 И нѣтъ меча бурзамецкаго,
 Только что лежитъ на земли пуховъ колпакъ,
 70 Насыпанъ колпакъ земли греческой,¹⁾
 Но вѣсу колпакъ цѣло три пуда.
 Онъ хватилъ колпакъ земли греческой,
 Махнулъ во змюю во проклятую,
 Ошибъ змѣй двинадцать всѣхъ хоботовъ,
 75 Упала змия во ковыль траву.
 Добрынюшка на ножку былъ повертокъ,
 Скочилъ на змиины груди бѣлыя,
 А змия Добрынъ сму взмолится:
 — Ахъ ты ей, Добрынюшка Никитичъ!
 80 — Мы положимъ заповѣдь великую,
 — Чтобы не летать мнѣ на святую Русь,
 — Не носить людей больше русскихъ,
 — Не копить мнѣ полоновъ русскихъ,
 — А тебѣ не издѣть далече во чисто поле,
 85 — Не топтать ти младыхъ змиенышей,
 — Не выручать полоновъ русскихъ.—
 Положили они заповѣдь великую.
 Тая змия она проклятая
 Поднялась она вверхъ подъ облаку,
 90 Случилось ей летѣть черезъ Киевъ градъ,
 Увидала она князову племянницу,
 Припадала змия ко сырой земли,
 Схватила она князову племянницу,
 Унесла во нору во глубокую.
 95 Тутъ солнышко Владиміръ стольно-Кievskій
 Но три дня онъ билицъ-волшебницъ скликивалъ,
 Не могъ билицъ онъ докликатися,
 Кто бы могъ съездить далече во чисто поле.
 Говорить Алешенька Леонтьевичъ:
 100 « Что, солнышко Владиміръ стольно-Кievskій!
 « Накинь-ко эту службу великану
 « На того Добрыню на Никитича:
 « У того Добрыни у Никитича
 « Со змией вѣдь заповѣдь положена;

1) У Добрыни былъ „колпакъ земли Греческой“, πέτασος, т.-е. дорожный, съ широкими полями, такъ что изъ него можно было сдѣлать большой куль; Добрыня и насыпалъ его землею, пескомъ, чтобы бросить въ Горынич; но пѣвецъ, смѣшавъ то и другое, передаетъ, что колпакъ былъ „насыпанъ земли греческой“. — Б.

- 105 « Онъ достанетъ намъ Забаву Путятичну
   « Безъ бою, безъ драки-кровопролитія. »
   Накинутъ онъ службу великую
   На того Добрыня на Никитича.
   Онъ пошелъ Добрыня, закручинился,
 110 Встрѣчаетъ его государыня родна матушка:
   — Что же ты, Добрыношка Никитичъ,
   — Идешь съ пиру—самъ кручинишься?
   — Знать, мѣсто было тамъ не по чину,
   — Чарой на пиру тебя пріобнесли,
 115 — Аль дуракъ на пиру надсмѣялся де?—
   Говорилъ Добрыношка Никитичъ:
   « Что мѣсто миѣ было по чину,
   « Чарой на пиру меня не обносили,
   « И дуракъ надо мной не надсмѣялся де;
- 120 « А накинуть службу, де, великую
   « Тотъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
   « Что сѣздице далече во чисто поле,
   « Сходить на тую гору Сорочинскую,
   « Сходить во нору во глубокую,
 125 « Достать-то князеву племянницу,
   « Молоду Забаву дочь Путятичну. »
   Говорила родна его матушка:
   — Ложись-ко спать рано съ вечера:
   — Утро будетъ оное мудroe,
 130 — Мудреиye утро будеъ вечера.—
   Онъ вставалъ по утрушки ранешенько,
   Умывался по утрушки бѣлешенько,
   Снаряжался хорошохонько;
   Обсидаль онъ дѣдушкова добра коня;
 135 Садился скоро на добра коня;
   Провожала его родна матушка,
   На прощаньцѣ плетку подала:
   — Ахъ ты ей, рожено мое дитятко!
   — Возьми-ко плеточку шелковую,
 140 — И бей бурка промежу уши,
   — И бей бурка промежу ноги,
   — Промежу ноги да между заднія:
   — Что станетъ твой бурушко поскакивать,
   — Змиенышей отъ ногъ отряхивать,
 145 — Притопчетъ всѣхъ до единаго.—

Какъ будетъ онъ далече во чистомъ поли,
   На тыя горы Сорочинскія,
   Потопталъ онъ младыхъ змиенышей,
   Повыручилъ полоновъ русскихъ;
 150 Тыи же младые змиеныши
   Подточили у бурка они щеточки,

- Что не можетъ онъ бурушко поскакивать,
Змиенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать.
Онъ бралъ, де, плеточку шелковую,
- 155 Бѣть бурка промежу уши,
И бѣть бурка промежу ноги,
Промежу ноги да между заднія:
И сталь его бурушко поскакивать,
Змиенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать,
- 160 Притонталъ онъ всѣхъ до единаго.
Выходила змия тутъ проклятая
Изъ тыя изъ норы изъ глубокія,
Говорила змия ему проклятая:
— Ахъ ты ей, Добриня сынъ Никитиничъ!
- 165 — Ты зачѣмъ нарушилъ свою заповѣдь,
— Притонталъ всѣхъ малыхъ дѣтушекъ?—
Говорилъ Добриня сынъ Никитиничъ:
« Ай же ты, змия да проклятая!
« Черти ли тебя несли черезъ Киевъ градъ,
- 170 « Зачѣмъ взяла князеву племянницу,
« Молоду Забаву dochь Путятинчу?
« Отдай ее безъ драки-кровопролитія! »
Говорила змия ему проклятая:
— Не отдамъ я князевой племянницы
- 175 — Безъ бою, безъ драки-кровопролитія.—
Заводила она бой-драку великую,
Дрался со змией онъ трои сутки,
Онъ убилъ змию-то проклятую,
Спустился во нору во глубокую,
- 180 Много тамъ сидѣтъ царей, царевичевъ,
Много королей, королевичевъ,
Простой-то силы и смѣты нѣть,
Насчиталь онъ силы сорокъ тысячъ.
Говорить онъ князевой племянницы,
- 185 Молодой Забавы dochь Путятиной:
« За тебя я этакъ странствую!
« Пойдемъ ко граду ко Киеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру;
« А вамъ всѣмъ, господа, воля вольная! »
- 190 Повезъ онъ князеву племянницу,
По той-то пути по дороженьки;
Увидаль онъ бродъ лошадиний,
По колѣну у ней въ землю угрязнуто.
Онъ догналъ Алешеньку Леонтьевича,
- 195 Вручилъ ему князеву племянницу,
Тую ль Забаву dochь Путятинчу,
Велѣль свести ко граду ко Киеву,
Къ ласкову князю ко Владиміру.
Самъ поѣхалъ этимъ бродомъ лошадинымъ,

- 200 Догналь паленицу, женщину великую.
 Ударилъ своей палицей булатной
 Тую паленицу въ буйну голову:
 Паленица назадъ не оглянется,
 Добрыня на кони пріужахнется.
- 205 Пріѣзжалъ Добрыня ко сырь дубу,
 Толщиною быль дубъ шести сажень,
 Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
 Да расшибъ весь сырой дубъ по ластинъямъ,
 Самъ говорить таково слово:
- 210 « Сила у Добрыни все по-старому,
 « А смѣлость у Добрыни не по-старому. »
 Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
 Догналь паленицу, женщину великую,
 Ударилъ своей палицей булатной
- 215 Тую паленицу въ буйну голову:
 Паленица назадъ не оглянется,
 Добрыня на кони пріужахнется.
 Пріѣзжалъ Добрыня ко сырь дубу,
 Толщиною дубъ сажень двинадцати,
- 220 Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
 Онъ расшибъ весь сырой дубъ по ластинъямъ,
 Самъ говорить таково слово:
 « Сила у Добрыни все по-старому,
 « А смѣлость у Добрыни не по-старому. »
- 225 Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
 Догналь паленицу, женщину великую,
 Ударилъ своей палицей булатной
 Тую паленицу въ буйну голову,—
 Паленица назадъ пріоглянется,
- 230 Сама говорить таково слово:
 — Я думала, что комарики покусываютъ,
 — Ажно русскіи могучіи богатыри пощелкиваютъ!—
 Какъ хватила Добрыню за желты кудри,
 Посадила его во глубокъ карманъ,
- 235 Везла она Добрыню трое сутки;
 Испровѣщится какъ ей добрый конь:
 « Ахъ ты ей, Настасья дочь Никулична!
 « Не могу везти васъ съ богатыремъ:
 « Конь у богатыря противъ меня,
- 240 « А сила у богатыря супротивъ тебя. »
 Говорила Настасья дочь Никулична:
 — Ежели богатырь онъ старой,
 — Я богатырю голову срублю;
 — А ежели богатырь онъ младой,
- 245 — Я богатыря въ полонъ возьму;
 — А ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
 — Я теперича за богатыря замужъ пойду.—

Повыкинетъ Добрыню изъ карманчика:
Добрыня ей тутъ понравился.

- 250 Поѣхали ко граду ко Киеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру,
Принесли они по злату вѣнцу.
Туть за три дня было циркованьице
Про млада Добрыню про Никитича,
255 Что достаѣтъ онъ князеву племянницу.
Туть вѣкъ про Добрыню старину скажутъ,
Синему морю на тѣшиау,
Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послушанье.
-

26.

ДОБРЫНЯ ВЪ ОТЪЕЗДѢ.

(Гильферд. № 149.)

- Говорить Добрыня сынъ Никитичъ
Своей государынѣ родной матушкѣ:
« Ахъ ты ей, государыни родна матушка!
« Ты на что меня Добрынушку несчастнаго спородила?
5 « Спородила бы, государыня родна матушка,
« Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,
« Завернула въ тонкой въ льняной во рукавичекъ,
« Спустила бы меня во сине море:
« Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,
10 « Я не ъздишъ бы Добрыня по чисту полю,
« Я не убивалъ бы Добрыня неповинныхъ душъ,
« Не пролилъ бы крови я напрасныя,
« Не слезилъ Добрыня отцовъ-матерей,
« Не вдовилъ Добрыня молодыхъ женъ,
15 « Не пускалъ сиротать малыхъ дѣтушекъ. »
Отвѣтъ держитъ государыни его матушка:
— Я бы рада тебя, дитятко, спородити
— Таланомъ-участью въ Илью Муромца,
— Силой въ Святогора богатыря,
20 — Смѣлостью въ смѣлаго въ Алешку во Поповича,
— Красотой бы я въ Осипа Прекраснаго,

— Я походкою бы тебя щепливою ¹⁾)
 — Во того Чурилу во Пленковича,
 — Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича:
 25 — Сколько тыя статьи есть ²⁾), а другихъ Богъ не далъ,
 — Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ.—

Скоро на скоро Добрыня онъ коня сѣдалъ,
 Поѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
 Провожала Добрыню родна матушка,
 30 Простилася, воротилася,
 Домой пошла, сама заплакала,
 Учала по палаты похаживать,
 Начала голосомъ поваживать
 Жалобнехонько она, съ причетью.

35 У тыя было у стремены у правыя
 Провожала Добрыню любимая семья ³⁾),
 Молода Настасья дочь Никулична;
 Сама говорила таково слово:
 — Когда Добрынюшка домой будетъ,
 40 — Когда дожидать Добрыню изъ чиста поля?—
 Отвѣчалъ Добрыня сынъ Никитичъ:
 « Когда у меня ты стала спрашивать,
 « Тогда я стану тебѣ сказывать:
 « Сожидай Добрынюшку по три году;
 45 « Если въ три году не буду, жди друго три;
 « А какъ сполнится времени шесть годовъ,
 « Да не буду я домой изъ чиста поля,
 « Поминай меня Добрынюшку убитаго,
 « А тебѣ-ка-ва, Настасья, воля вольная:
 50 « Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
 « Хоть за князя поди, хоть за боярина,
 « А хоть за русскаго могучаго богатыря,
 « А только не ходи за моего брата за названнаго,
 « За смѣлаго за Алешу за Поповича.»

¹⁾ Мелкою, щегольскою.—Б.

²⁾ Сколько есть въ тебѣ статьи (качества)—вѣжливости, тѣмъ и будь дово-
ленъ.—Б.

³⁾ Супруга.—Б.

55 Стала дожидать его по три году.

Какъ день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.

Прошло тому времени да три году,

60 Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.

Стала сожидать его по другое три,
Опять день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.

65 Прошло тому времени шесть уже лѣтъ,

Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.

Во ту пору, въ то время

Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,

70 Что нѣтъ жива Добрыни Никитича.

Тогда государыни родна его матушка
Желешенько она по немъ плакала,
Слезила она очи ясныя,
Скорбила она лицѣ бѣлое

75 По своемъ рожономъ дитятки,

По молодомъ Добрыни Никитичи.

Сталъ солнышко Владиміръ тутъ похаживать,
Наставы Никуличной посватывать:

« Какъ тебѣ жить молодой вдовой,

80 « Молодой вѣкъ свой коротати?

« Поди замужъ хоть за князя, хоть за боярина,

« Хоть за русскаго могучаго богатыря,

« А хоть за смѣлаго Алешу Поповича. »

Отвѣчала Настава дочь Никулична:

85 — Я исполнила заповѣдь мужнюю,—

— Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,

— Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля;

— Я исполню заповѣдь свою женскую:

— Я прожду Добрынушку друго шесть годовъ;

90 — Такъ сполнится времени двинадцать лѣтъ,

— Да успѣю я и въ ту пору замужъ пойти.—

- (Опять день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
А недѣля за недѣлей, какъ трава растеть,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжить.
- 95 Прошло тому времени друго шесть годовъ,
Сполнилось вѣрно двинадцать лѣтъ,
Не бывалъ Добрынушка изъ чиста ноля.
Сталь солнышко Владиміръ тутъ похаживать,
Настасы Никуличной посватывать,
100 Посватывать, подговаривать:
« Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
« Молодой свой вѣкъ коротати?
« Поди замужъ хоть за князя, хоть за боярина,
« А хоть за русскаго могучаго богатыря,
105 « А хоть за смѣлаго Алешу Поповича. »
Не пошла замужъ ни за князя, ни за боярина,
Ни за русскаго могучаго богатыря,
А пошла замужъ за смѣлаго Алешу Поповича.
Пиръ идеть у нихъ по третій день.
- 110 Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.
А Добрыня учился у Царя-града,
А у Добрыни конь потыкается:
« Ахъ ты волчья сыть, ты медвѣжья шерсть!
115 « Зачѣмъ сегодня потыкаешься? »
Испровѣщится ему добрый конь,
Ему голосомъ человѣческимъ:
— Ты ей, хозянинъ мой любимый!
— Надѣйтесь на невагодушки не вѣдаешь:
120 — Твоя мѣлода Настасья дочь Никулична замужъ пошла
— За смѣлаго Алешу за Поповича;
— Пиръ идеть у нихъ по третій день;
— Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
— Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.—
- 125 Разгорячился Добрынушка Никитичъ,
Онъ беретъ да плеточку шелковую,
Онъ бѣть бурка промежу ноги,
Промежу ноги между заднія.

Что сталъ его бурушка поскакивать
 130 Съ горы на гору, съ холма на холмы,
 И рѣки, озера перескакивать,
 Широкія раздолъя между ногъ пущать.
 Какъ не ясный соколь въ перелеть летить:
 Добрый молодецъ перегонъ гонить.
 135 Не воротмы ѿхалъ, черезъ стѣну городовую,
 Мимо тую башню наугольную,
 Къ тому придворью ко вдовиному;
 На дворъ заѣхалъ безобсылочно,
 Въ палаты идетъ бездокладочно;
 140 Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
 У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
 Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ;
 Смѣло проходилъ въ палаты во вдовинуя,
 Крестъ кладетъ по писаному,
 145 Поклонъ кладеть по ученому,
 Пречестной вдовы да онъ въ особину:
 « Ты здравствуешь, честна вдова, Мамелфа Тимоѳеевна! »
 Всѣдѣ идутъ придверники, приворотники,
 Сами говорятъ таково слово:
 150 « Пречестна вдова, Мамелфа Тимоѳеевна!
 « Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
 « Наѣхалъ изъ чиста поля скорымъ гонцомъ,
 « Насъ не спрашивалъ, у воротъ приворотниковъ,
 « У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
 155 « Всѣхъ насъ взашей прочь отталкивалъ. »
 Испроговорить имъ честна вдова:
 — Ахъ ты ей, удалый добрый молодецъ!
 — Ты зачѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,
 — Въ палаты идешь бездокладочно?
 160 — Какъ бы было живо мое чадо милос,
 — Молодой Добрыйня сынъ Никитичъ,
 — Отрубиль бы онъ тебѣ буйну голову
 — За твои поступки неумильные ¹⁾.—

¹⁾ Невѣжливые.—Б.

Говорить Добрыня сынъ Никитичъ:

165 « Не напрасно ли вы согрѣшаете?

« А я вчерась съ Добрыней поразѣхался,

« Добрыня поѣхалъ ко Царю-граду,

« А я поѣхалъ ко Киеву.

« Наказывалъ мнѣ братецъ тотъ родимый

170 « Спросить про (н)его милу семью,

« Про молоду Настасью Никуличну:

« Гдѣ же есть она, Настасья Никулична? »

— Добрынина родима семья замужъ пошла,

— Пиръ идетъ у нихъ по третій день,

175 — Сегодня имъ итти ко Божьей церкви;

— А въ тую лѣ было пору, въ тыя шесть лѣть,

— Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,

— Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,

— Что нѣтъ жива Добрыни Никитича:

180 — Убить лежитъ во чистомъ поли,

— Буйна голова испромолана,

— Могучи плечи испрострѣлены,

— Головой лежитъ чрезъ ракетовъ ¹⁾ кустъ.

— Я жалешенько объ немъ плакала.—

185 Говорилъ Добрыня сынъ Никитичъ:

« Наказывалъ братецъ мнѣ названый:

« Если лучится быть тебѣ на пиру во Киевѣ,

« Ты возьми мое платье скоморошкое,

« И гуселки возьми мои яровчety ²⁾,

190 « Въ новой горенки всѣ на столики. »

Принесли они ³⁾ платье скоморошкое

И гуселки ему яровчety.

Накрутился ⁴⁾ молодецъ скоморошиной,

Пошелъ какъ на хорошъ почестной пиръ.

195 Идеть онъ на княженецкой дворъ безобсылоочно,

А въ палаты идеть бездокладочно;

¹⁾ Ракитовъ.—Б.

²⁾ Изъ явора, яворчатые.—Б.

³⁾ Принесла она?—Б.

⁴⁾ Одѣлся (собств. накутался).—Б.

Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
 У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
 Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ;

200 Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія,
 Крестъ кладетъ по писаному,
 Поклонъ ведетъ по ученому,
 Солнышку Владиміру въ особину,
 Самъ говорить таково слово:

205 — Здравствуй, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
 — Со своей княгиной со Апраксіей! —
 Вслѣдъ идутъ всѣ, жалобу творятъ:
 « Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
 « Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
 210 « Наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцемъ,
 « И теперечка идетъ скоморошиной:
 « Онъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
 « У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
 « Всѣхъ настъ взашей прочь толкалъ,
 215 « Скоро проходилъ въ палаты княженецкія. »
 — Ахъ ты ей, удалая скоморошина!
 — Ты зачѣмъ идешь на княженецкій дворъ,
 — На княженецкій дворъ безобсылоочно,
 — Во палаты идешь бездокладочно,
 220 — Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
 — У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
 — Скоро проходилъ въ палаты княженецкія? —
 Скоморошина къ рѣчамъ не примется,
 Скоморошина въ рѣчи не вчуется ¹⁾):
 225 « Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошкое? »
 Съ сердцемъ говорить Владиміръ стольно-Кіевскій:
 — Что ваше мѣсто скоморошкое
 — На той на печки на муравленой,
 — На муравленой печки — на запечки. —
 230 Онъ скочилъ скоро на мѣсто на показанно,
 На тууу на печку на муравлену;

¹⁾ Не обращаетъ на рѣчи вниманія и не вслушивается.—Б.

Натягивалъ тетивочки шелковыя
На тыя струночки золоченыя,
Учаль по стрункамъ похаживать,
235 Учаль онъ голосомъ поваживать,
Играеть-то въ Цари-гради,
А на выигрышь береть все въ Кіевѣ¹⁾,
Онъ отъ стараго всѣхъ до малаго.
Туть всѣ на пиру призамолкнули,
240 Сами говорять таково слово:
« Что не быть это удалой скоморошины,
« А кому ни надо быть русскому,
« Быть удалому доброму молодцу! »
Говорилъ Владміръ стольно-Кіевскій:
245 — Ахъ ты ей, удалой скоморошина!
— Опушайся изъ печки изъ запечки,
— Садись-ко съ нами за дубовъ столъ хлѣба кушати,
— Станемъ бѣлыя лебедушки мы рушати.
— За твою игру за веселую
250 — Дамъ тебѣ три мѣста любимыхъ:
— Перво мѣсто, сядь подли меня,
— Друго мѣсто, супротивъ меня,
— А третье мѣсто, куда самъ захощь,
— Куда самъ захощь, еще пожалуешь.—
255 Не сѣла скоморошина подли князя,
Не сѣла скоморошина противъ князя,
А садилась скоморошина въ скамieчку
Супротивъ княжны порученыхъ²⁾).
Говорить удала скоморошина:
260 « Что солнышко Владміръ стольно-Кіевскій!
« Бласлови мни налить чару зелена вина,
« Поднести эту чару, кому я знаю,
« Кому я знаю, еще пожалую. »
Какъ онъ налилъ чару зелена вина,

¹⁾ Пѣвецъ нѣсколько осмыслилъ по-своему. По сравненію съ другими былинами видимъ: Добрыня *съигрышъ*, напѣвъ, голосъ игралъ Цареградскій, а *акигрышъ*, содержаніе, браль въ Кіевѣ.—*Б.*

²⁾ Обрученнай.—*Б.*

- 265 Онъ опустить въ чару свой золоченъ перстень,
 Подносить княжны порученыя,
 Самъ говорить таково слово:
 « Молода Настасья дочь Никулична!
 « Прими сю чару единой рукой.
- 270 « Да выпей-ка чару единимъ духомъ:
 « Буде пьешь до дна, такъ видаешь добра,
 « А не пьешь до дна, не видаешь добра. »
 Она приняла чару единой рукой,
 Да и выпила чару единимъ духомъ,
- 275 Да и посмотритъ въ чары свой злаченъ перстень,
 Которымъ съ Добрыней обручалася;
 Сама говорить таково слово:
 — Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
 — Не тотъ мой мужъ, который подли меня,
- 280 — А тотъ мой мужъ, который супротивъ меня,
 — Сидить мой мужъ на скамеечки,
 — Подносить мни чару зелена вина.—
 Сама выскочить изъ-за стола изъ-за дубового,
 Упала Добрыни въ рѣзвы ноги:
- 285 — Прости, прости, Добрынушка Никитичъ,
 — Въ той вины прости меня, въ глупости,
 — Что не по твоему наказу, де, я сдѣлала,
 — Я за смѣлаго Алешеньку замужъ пошла.—
 Говорилъ Добрыня сынъ Никитичъ:
- 290 « Что не дивую я разуму-то женскому,
 « Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
 « Ихъ куда ведутъ, они туда идутъ,
 « Ихъ куда везутъ, они туда ёдуть.
 « А дивую я солнышку Владиміру
- 295 « Съ молодой княгиной со Апраксіей:
 « Солнышко Владиміръ тотъ тутъ сватомъ быль,
 « А княгини Апраксія свахою,
 « Они у живого мужа жену просватали! »
 Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло,
- 300 А говорилъ Алешенька Григорьевичъ:
 — Прости, прости, братецъ мой названный,

— Что я посидѣль подли твоей любимой семьи,
 — Подли молодой Настасьи Никуличной.—
 « Въ той вины, братецъ, тебя Богъ простить,
 305 « Что ты посидѣль подли моей любимой семьи,
 « Подли молодой Настасьи Никуличной;
 « А во другой вины тебѣ, братецъ, не прощу:
 « Какъ пріѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ шесть
     лѣтъ,
 « Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
 310 « Что нѣть жива Добрыни Никитича,
 « Убить лежить во чистомъ поли,
 « Буйна голова испроломана,
 « Могучи плечи испрострѣлены,
 « Головой лежить чрезъ ракетовъ кусть.
 315 « Такъ тогда государыни родна матушка
 « Желешенько съ-по мнѣ плакала,
 « Слезила свои очи ясныя,
 « Скорбила свое лицо бѣлое:
 « Съ этой вины тебѣ не прошю! »
 320 Ухватилъ Алешку за желты кудри,
 Выдернеть Алешку чрезъ дубовый столъ,
 Бросиль Алешку о кирпичень мостъ,
 Повыдернеть шалыгу поддорожную,
 Учалъ шалыжищемъ ¹⁾ ухаживать:
 325 Что хлопанье и что оханье, не слышно видъ ²⁾.
 Всякъ-то, братцы, на вѣку женится,
 А не дай Богъ женидбы той Алешиной:
 Только-то Алешенъка женатъ бываль,
 Женатъ бываль, съ женой сыпалъ.
 330 Тутъ взялъ Добрыня любиму семью,
 Молоду Настасью дочь Никуличну,
 Пошелъ къ государыни родной матушки,
 Тутъ сдѣлалъ онъ доброе здоровыицѣ ³⁾.

¹⁾ Ручкою шалыги.

²⁾ Не разберешь хлопанья отъ оханья.

³⁾ Тутъ они поздоровались.—

Вѣкъ про Добрыню старину скажуть,
 335 Синему морю на тишину,
 Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

27.

АЛЕША ПОПОВИЧЬ И ТУГАРИНЪ.

Подъ стольнымъ городомъ нодъ Кіевомъ,
 При ласковомъ князѣ при Владимірѣ
 Объявилось новое чудовище:
 Наѣзжалъ Тугаринъ Змѣевичъ.
 5 Соянышко Владиміръ стольно-Кіевскій
 Заводилъ свой хорошъ почестенъ пиръ
 И зазвалъ Тугарина на почестный пиръ.
 Ставили столы ему дубовые,
 Наливали питьица медвяныя,
 10 Полагали ему юства сахарныя.
 Садился Тугаринъ за дубовый столь,
 Онъ по бѣлой лебедушкѣ заразъ глоталъ.
 И сидѣлъ тутъ Алешенька Поповичъ,
 Самъ говорилъ таковы слова:
 15 « Какъ у моего государя было батюшки,
 « У Левонтья попа было Ростовскаго
 « Было псище-то старое,
 « Старое псище-то сѣдатое,
 « Хватило костище великое,
 20 « Гдѣ оно хватило, подавилося:
 « Подавиться Тугарину Змѣевичу
 « Отъ меня Алешки отъ Поповича. »
 Сталъ Тугаринъ пить зелено вино,
 Но цѣлой чары заразъ глоталъ.
 25 Говоритъ Алеша таковы слова:
 « Какъ у моего родителя было батюшки,
 « У Левонтья попа было Ростовскаго
 « Было коровище великое,

« Выпило питьица лоханище,
 30 « Гдѣ оно выпило, тутъ и треснуло.
 « И треснетъ Тугаринъ-отъ Змѣевичъ
 « Отъ меня Алешки отъ Поповича.»
 Эты ему рѣчи не слюбилися:
 Хватиль на столъ ножище булатное
 35 И шибнетъ въ Алешку во Поповича,—
 Пролетѣлъ ножъ мимо Алешу Поповича.
 Какъ у той было у печки муравленой
 Стоялъ его слуга Акимъ паробокъ,
 Налету онъ ножъ подхватывалъ,
 40 Самъ къ ножу приговариваль:
 « Ахъ ты ей, Алешенька Левонтьевичъ!
 « Самъ ли ты пойдешь, али меня пошлешь
 « Съ Тугариномъ супротивиться?»
 Говорилъ Алешенька Левонтьевичъ:
 45 — Не куда уйдеть гагара безногая.—
 Уѣзжалъ Тугаринъ во чисто поле.
 Къ тому же времени на другой день
 Выѣзжалъ Алеша во чисто поле,
 Стрѣтиль Тугарина Змѣевича,
 50 И убилъ Тугарина Змѣевича.
 Туть вѣкъ про Алешу старину поють,
 Синему морю на тишину,
 А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

(Записано въ Петрозаводскѣ, 29 июня 1863 года.)

28.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

(Гильферд. № 150.)

Во стольномъ было городѣ во Киевѣ,
 У ласкова князя у Владимира,
 Было пированіе—почестный ширь

На многи князи да на бояра,
 5 На всѣхъ тѣхъ гостей званыхъ-браныхъ,
     Званыхъ-браныхъ гостей, приходящихъ.
     Всѣ на пиру наѣдалися,
     Всѣ на честномъ напивались,
     Всѣ на пиру порасхвастались:
 10 Иной хвалится—есть—добрымъ конемъ,
     Иной хвастаетъ шолковымъ портомъ ¹⁾,
     Иной хвалится—села со приселками,
     Иной хвалить города съ пригородками,
     Умный хвастаетъ родной матушкой,
 15 А безумный хвастаетъ молодой женой.
     Изъ того стола изъ-за дубова
     Не золота-звонка труба вострубила,
     Испрограморилъ Владимиръ стольно-Кіевскій:
     « Не чѣмъ мнѣ, Владимиру, похвастати,
 20 « Нѣту у меня золотой казны.
     « Первой русскій славный богатырь,
     « Старый казакъ Илья Муромецъ!
     « Съѣзди-ко ты въ Золоту Орду,
     « Повыправь-ко тамъ дани-выходы,
 25 « Выходы-дани за двѣнадцать годъ,
     « За тринадцать лѣть съ половиною.
     « Другой русскій славный богатырь,
     « Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
     « Съѣзди-ко ты во Турецію,
 30 « Повыправь-ко тамъ дани-выходы,
     « Выходы-дани за двѣнадцать годъ,
     « За тринадцать лѣть съ половиною.
     « Третій русскій славный богатырь,
     « Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
 35 « Съѣзди-ко ты да во Швецію,
     « Выправь-ко тамъ дани-выходы,
     « Выходы-дани за двѣнадцать годъ,
     « За тринадцать лѣть съ половиною. »

¹⁾ Платъемъ, одеждей.—Б.

Собиралися три русскихъ три могучихъ три богатыря
 40 Ко тому кресту къ Леванидову.
 Тутъ они крестами побраталися;
 Который же изъ нихъ былъ большей братъ?
 Старый казакъ Илья Муромецъ былъ большей братъ;
 А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ средней братъ;
 45 Молодой Добрыня сынъ Никитичъ былъ мѣньшой братъ.
 Говорить старый казакъ Илья Муромецъ:
 « Ай вы ей, мои братища крестовые!
 « Который пораньше да повыѣдетъ
 « Ко стольному городу ко Кіеву,
 50 « Ко другому ѿхать на выручку. »
 Отправился перво старый казакъ
 Илья Муромецъ въ Золоту Орду,
 Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ въ Турецію.
 А молодой Добрыня сынъ Никитичъ во ПВецию.

55 Какъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
 Взыскалъ свои дани-выходы,
 Привезъ ко солнушку Владимиру.
 Говорилъ Владимиръ стольно-Кіевскій:
 « Что пишетъ мнѣ Бухарь царь заморскиій:
 60 « Пришли ты ко мнѣ дани-выходы,
 « Выходы-дани за двѣнадцать годъ,
 « За тринадцать лѣтъ съ половиною;
 « Если не пришлешь даней-выходовъ,
 « Разорю я весь вашъ Кіевъ градъ.
 65 « Такъ отвезти надо ему дани-выходы. »
 Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
 — Солнышко Владимиръ стольно-Кіевскій!
 — Напиши-ко скорописчые ёрлыки,
 — Что отпущены дани-выходы
 70 — За Михайлой Потыкомъ сыномъ Ивановымъ;
 — А я поѣду безъ выходовъ.—

Прѣхалъ ко Бухарю ко царю ко заморскому.
 Спрашивалъ Бухарь царь заморскиій:

« Ты откудашной, удалый-добрый молодецъ,
 75 « Ты коей орды, ты коей земли,
 « Какъ тебя именёмы зовутъ,
 « Нарекаютъ по отечеству? »
 Говорить удалый-добрый молодецъ:
 — Что я есть изъ града изъ Киева,
 80 — Молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ;
 — Привезъ тебѣ дани-выходы
 — Отъ того отъ солнышка Владимера.—
 « Такъ гдѣ жъ у тебя дани-выходы? »
 Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
 85 — Что были у меня дани-выходы
 — Навалены монетою мѣдною;
 — Всі телѣжачки поразсыпались,
 — Колесочки разломалися;
 — Такъ остались мужики тамъ починивать.—
 90 Такъ говорилъ Бухарь царь заморскій:
 « Съ эдакихъ съ великихъ со радостей
 « У васъ чѣмъ въ Россіи забавляются? »
 Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
 — Что у насъ въ Россіи забавляются,—
 95 — [Играютъ въ карты белартовы]
 — Играютъ въ шашачки кленовыя
 — На тыхихъ дощечкахъ на дубовыхъ.—
 Такъ говорилъ Бухарь царь заморскій:
 « Что станемъ играть въ шашачки кленовыя. »
 100 Оны стали играть въ шашки кленовыя.
 Тотъ Бухарь царь заморскій
 Положилъ на дощечки ¹⁾ дани-выходы,
 А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Положилъ на дощечку добра коня:
 105 Повыигралъ Бухарь царь заморскій
 Со Михайлы Потыка сына Иванова.
 Наставили дощечку оны другую;
 Тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ

¹⁾ Т.-е. поставилъ на конъ.—Б.

Положилъ на дощечку буйну голову,
 110 А тотъ Бухарь царь заморскій
     Положилъ свои дани-выходы
     Да и положилъ Михайлина добра коня;
     Сыграли дощечку оны другую:
     Тутъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
 115 Раззадорился Бухарь царь заморскій,
     Наставили дощечку оны третью;
     Положилъ поль-царства поль-имянства ¹⁾, де,
     А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
     Положилъ на дощечку дани-выходы;
 120 Сыграли дощечку оны третью:
     Тутъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
     Тутъ дубова дверь да отворяласи,
     Появился старый казакъ Илья Муромецъ,
     Самъ говорить таково слово:
 125 « Ты ей же, братецъ мой крестовый!
     « Сидишь—играешь—забавляешься,
     « Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
     « Твоя что Марья, Лебедь Бѣлая,
     « Подоленка королевична
 130 « Уѣхала во землю Политовскую
     « Со тымъ королемъ Политовскимъ ».
     Разсердился Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
     Тяпнетъ дощечку дубовую,
     Бросить въ дверь во кленовую,—
 135 Что повылетятъ вонъ двери съ ободвериньями;
     Отправился во землю Политовскую,
     Самъ говориль таково слово:
     — Ай же, ей же, братецъ ты крестовый!
     — Получай поль-царства, поль-имянства ихъ
 140 — Со Бухаря царя со заморскаго,
     — А я уѣду во землю Политовскую.—
     Онъ уѣхалъ во землю Политовскую.

---

¹⁾ Половину всего имущества. — *Б.*

Пріѣзжаетъ къ королю Политовскому.
 Заѣзжаетъ онъ на широкой дворъ,
 145 Закрычалъ голосомъ богатырскімъ,
 Что всѣ терема пошатились,
 Всѣ околенки стали сыпаться,
 Что самъ король пріужахнулся.
 Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
 150 Та Подоленка королевична,
 Выбѣгала на крылечко на переное,
 Выносила чару питьевъ забудущихъ ¹⁾),
 Сама говоритъ таково слово:
 « Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 155 « У насть волость дологъ, да умъ коротокъ,
     « Насъ куда ведутъ, мы туда идемъ,
     « Насъ куда везутъ, мы туда ёдемъ.
     « Прими-ко сю чару единой рукой,
     « Да выпей-ко сю чару единствомъ духомъ,
 160 « Да поѣдемъ мы ко граду ко Кіеву,
     « Ко ласкову князю ко Владимиру ».
 Михайла до вина былъ упачливый ²⁾),
 Онъ принялъ чару единой рукой,
 Да и выпилъ чару единствомъ духомъ:
 165 Гдѣ онъ выпилъ, да и въ сонъ заснулъ.
     Хватила Михайлу за желты кудри,
     Тащила Михайлу во чисто поле,
     Бросила Михайлу черѣзъ плечо:
     « Гдѣ былъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 170 « Тутъ стань бѣленыкій горючій бѣлый камешокъ! »
     Тутъ Михайла да окаменѣлъ.

Стосковалися братыща крестовые,
 Старый казакъ Илья Муромецъ,
 Да молодой Добрыня сынъ Никитиничъ:

¹⁾) Которыя кидали въ забытку, въ безпамятство.—*L*

²⁾) Падкій.—*B.*

- 175 Накрутилися они тутъ каликами,
Пошли искать братца крестоваго.
Идучись они по широкой дороженьки,
Сустигли Старчища Пиригриимища:
Клюха у него сорока пудовъ.
- 180 Говорятъ они, калики перехожіі:
« Пойдемъ съ нами, Старчищо Пиригриимишо! »
Пошли они во землю Политовскую.
Пришли къ королю Политовскому,
Становилиси къ нему подъ окошечко,
- 185 Закрычали голосомъ богатырскіимъ,
Попросили они милостыни:
Что всѣ терема пошатилиси,
Всѣ околенки стали сыпаться,
Всѣ во-ѣ градѣ пріужахнулись.
- 190 Говоритьъ-то Марья, Лебедь Бѣла:
« Ай ты ей, король Политовский!
« Зови каликъ въ полаты бѣлокаменны,
« Корми каликъ теперь до сыта,
« Да и пой каликъ теперь до пьяна,
- 195 « Да ѹ дари каликъ теперь до люби:
« Это есть не калики перехожіі,
« А есть русски могучіи богатыри ».
Отпустили каликъ перехожихъ.
Пошли они, калики перехожіі,
- 200 Ко бѣлому горючему ко каменю;
Говорить имъ калика перехожая,
Тотъ Старчищо Пиригриимища:
« Станемте-тко, братцы, животовъ дѣлить! »
Говорить старый казакъ Илья Муромецъ:
- 205 — Дѣли-ко ты, Старчищо Пиригриимишо.—
Сталь дѣлить Старчищо Пиригриимища,
Дѣлить онъ на четыре да на четверти.
Говорятъ калики перехожіі:
« Что жо ты не такъ дѣлишь животы?
- 210 « Кому изъ насъ теперь четверта часть? »
Говорить Старчищо Пиригриимишо:

- « Кто здыметъ ¹⁾ маленький горючий этотъ камешокъ,
 « Да и бросить этотъ камень черезъ плечо,
 « Тому изъ насть, братцы, четверта часть ».
- 215 Прискочила какъ молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
 Хватилъ этотъ горючий бѣлый камешокъ,
 По колѣнъ Добрынюшка въ землю угрязъ;
 Прискочила старый казакъ Илья Муромецъ,
 Здынула ¹⁾ онъ камень по грудямъ себѣ,
 220 По грудямъ, казакъ, онъ въ землю угрязъ.
 « Здымай-ко ты, Старчищо Пирогримищо! »
 Какъ прискочила Старчищо Пирогримищо,
 Хватилъ онъ камень конецъ руками ²⁾,
 Бросилъ камень черезъ плечо,
 225 Самъ ко каменю приговаривалъ:
 « Гдѣ былъ бѣленый горючий этотъ камешокъ,
 « Тутъ повыскочи Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ! »
 Тутъ повыскочилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 Самъ говорилъ таково слово:
 230 — Фу, фу-фу, братцы, какъ я долго спалъ!—
 Говорилъ Старчищо Пирогримищо:
 « Если бы не я, такъ и вѣкъ бы спалъ!
 « Ты, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 « Какъ будешь во градѣ во Киевѣ,
 235 « Ты поставь свѣчу Николы угоднику ».
 Тутъ пошли домой братъица крестовый,
 А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Пошоль къ королю Политовскому.

Приходилъ какъ онъ на широкій дворъ,
 240 Закрычалъ голосомъ богатырскіимъ;
 Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
 Выбѣгала на крылечко переное,
 Выносила чару питьевъ забудущихъ,
 Говорила Михайлѣ сыну Иванову:

¹⁾ Подыметъ; поднялъ.—Б.

²⁾ За конецъ руками.—Б.

245 « Прими-ко сию чару единой рукой,
   « Да выпей-ко всю чару единствъ духомъ,
   « Да пойдемъ-ко солнышку Владимиру ».
   Онъ принялъ какъ чару единой рукой,
   Да и выпилъ всю чару единствъ духомъ:
 250 Да гдѣ онъ выпилъ, да и въ сонъ заснулъ.
   Хватила тутъ Марья, Лебедь Бѣлая,
   Тащила Михайлу во глубокъ погребъ,
   Прибила Михайлу тутъ на стѣну;
   Не хватило гвоздя ему сердечнаго ¹⁾:
 255 Побѣжала она въ торгъ на ярмонку,
   Покупать гвоздя ему сердечнаго.
   А тоя жъ Настасья королевична
   Прибѣжала смотрѣть на богатыря:
   Богатырь ей тутъ пондравился.
 260 Положилъ онъ заповѣдь великую,
   Что отрубить-то Мары буйну голову,
   А взять замужъ Настасью королевичну.
   Тащила Настасья гвоздя съ него нектями ²⁾,
   А прибила тутъ Татарина мертваго,
 265 Мертваго она, мерзлаго,
   А завернула Михайлу въ шубу черныхъ соболей,
   Провела въ покой въ особые.
   Увидалъ государь родной батюшко:
   — Молода Настасья королевична!
 270 —Кого ведешь въ шубы черныхъ соболей?—
   « А была со мной маленька служаночка,
   « Увидала русскаго богатыря,
   « Гдѣ она увидала, испугаласи:
   « Такъ веду я ю въ покой въ особые».
 275 Какъ заростили эти раночки кровавыя,
   Тоя Настасья королевична.
   Попила къ королю Политовскому:
   « Ты ей, государь родной батюшко!

¹⁾ Въ сердце ему.—Б.²⁾ Ногтями.—Б.

- « Дай-ко мнѣ коня богатырского,
 280 « Съездить во чисто поле поляковать! »
 Накрутился богатырь въ платье цвѣтное,
 Садился скоро на добра коня,
 Повыѣхалъ онъ во чисто поле.
 Заѣзжалъ онъ скоро на широкій дворъ,
 285 Закрычалъ голосомъ богатырскіимъ;
 Услыхала Марья, Лебедь Вѣла,
 Выбѣгала на крылечко переное,
 Выносила чару питья забудущаго,
 Подносила Михайлѣ сыну Иванову:
 290 « Ты прими сю чару единой рукой,
 « Да выпей-ко чару единымъ духомъ! »
 Онъ принялъ тутъ чару единой рукой,
 Хотѣлъ выпить чару единственнымъ духомъ,—
 Тоя же Настасья королевична
 295 Отворила косивчeto оконечко:
 « Ты, Михайлѣ Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 « Ты, знать, порушилъ свою заповѣдь? »
 Услыхалъ Михайлѣ Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 Смахнулъ своей саблей вострой
 300 Да отнесъ онъ Марью буйну голову;
 А взялъ замужъ Настасью королевичну;
 Поѣхалъ ко граду ко Кіеву,
 Ко солнышку ко Владимеру.
 Тутъ по три дни было пированьцо
 Про того Михайлѣ Потыка Иванова,
 Что сказалъ свою Марью, Лебедь Бѣлу,
 305 Ту Подоленку королевичну.
 Тутъ вѣкъ про Михайлѣ старину поють,
 Синему морю на тишину,
 А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

28 bis.

Во стольномъ городи во Кіеви
 У славнаго князя у Владимира
 Было пированьце—почестенъ пиръ
 На многихъ князей да бояръ,

5 На всѣхъ тыхъ гостей званыхъ-бравыхъ
Званыхъ-бранныхъ, приходящихъ.
Вси на пиру находались,
И все на пиру порасхвастались:
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
10 Иной хвастаетъ золотой казнью.
Говориль Владимиръ стольно-Киевскій:
« Что не чимъ мнѣ Владиміру похвастаться,
« Нѣть у меня золотой казны!
« А ты, первый русской сильный богатырь,
15 « Старый казакъ Илья Муромецъ,
« Съизди-ка ты въ Золоту орду,
« Повыправь-ка тамъ дани-выходы
« За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.
« Другой русской сильный богатырь,
20 « Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
« Съизди-ка ты въ Турцію,
« Повыправь-ка тамъ дани-выходы
« За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.
« Третій русской сильный богатырь,
25 « Молодой Добрыня сынъ Никитичъ,
« Съизди-ка ты да въ Швецію,
« Повыправь-ка тамъ дани-выходы
« За двѣнадцать лѣтъ съ половиною. »
Собирались три русскихъ
30 Три могучихъ богатыря
Ко кресту ко Леванидову:
Тутъ они крестами побраталися.
Кто же изъ нихъ былъ большой братъ,
Кто же изъ нихъ былъ средній братъ,
35 А кто изъ нихъ былъ меньшой братъ?
Старой казакъ Илья Муромецъ былъ большой братъ,
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ средній братъ,
А молодой Добрыня сынъ Никитичъ былъ меньшой братъ.
Кто же изъ нихъ пораньше всіхъ
40 Да повѣдѣть къ другому на выручку?
А старый казакъ Илья Муромецъ
Отправился онъ въ Золоту орду;
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Отправился онъ въ землю Турецкую;
45 А Молодой Добрыня сынъ Никитичъ
Отправился онъ въ землю во Свицкую.
Воротился прежде всіхъ
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Ко солнышку ко князю Владиміру:
50 Привезъ ему дани-выходы
За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.
Благодариль его Владиміръ стольно-Киевскій

И говорилъ Михайлы Потыку сыну Ивановичу:
 « Что пишеть мни Бухарь, царь заморскій,
 55 « Что просить онъ съ меня дани-выходы
 « За двѣнадцать лѣтъ съ половиною. »
 Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
 — Что вы пишите къ Бухарю, царю заморскому,
 — Что отпущены у меня дани-выходы
 60 — Съ Михайллою Потыкомъ сыномъ Ивановичемъ;
 — А я поѣду да безъ выходовъ.—
 Пріѣхалъ къ Бухарю, царю заморскому,
 И здравствуетъ Бухари, царя онъ заморскаго.
 Спрашивалъ Бухарь, царь заморскій:
 65 — Что откуда и какой добрый молодецъ,
 — Ты коей орды, ты коей земли?—
 « Я есть изъ города изъ Киева
 « Молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 « Отъ того отъ солнышка-Владиміра;
 70 « Привезъ тебѣ дани-выходы
 « За двѣнадцать лѣтъ съ половиною. »
 Говоритъ Бухарь, царь заморскій:
 — Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Гдѣ жъ у тебя дани-выходы
 75 — За двѣнадцать лѣтъ съ половиною?—
 « Отправлены монетою все мѣдною,
 « Такъ дорогою телѣжки поломалися,
 « Остались мужики тамъ починивать. »
 Говорилъ Бухарь, царь заморскій:
 80 — Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Съ такихъ съ великихъ радостей
 — У васъ чѣмъ въ Россіи забавляются?—
 [« Играютъ въ карты биліартовы »]
 « Играютъ въ шашечки кленовыя
 85 « На тыхъ на дощечкахъ на дубовыхъ. »
 Они ставили дощечку первую:
 Тотъ Бухарь, царь заморскій,
 Положилъ на дощечку дани-выходы,
 А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 90 Положиль на дощечку добра коня,
 И проигралъ Михайло онъ добра коня.
 Наставили дощечку они другую:
 Тотъ Бухарь, царь заморскій,
 Положиль на дощечку дани-выходы,
 95 И положиль на дощечку Михайлова добра коня,
 А тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Положиль на дощечку буйну голову.
 Сыграли дощечку они другую,
 Повыигралъ Михайло своего добра коня
 100 И дани-выходы съ царя заморскаго.

- Поставили дощечку они третю;
 Тоть Бухарь, царь заморскій,
 Положилъ полцарства, поль-имѣнства ли,
 А тоть Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
- 105 Положилъ на дощечку дани-выходы.
 Сыграли дощечку они третю,
 Такъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
     Какъ въ ту пору, въ то время
     Дубова дверь да отворялася,
- 110 Молодой Добрыня сынъ Никитичъ является,
 Самъ говорить да таково слово:
     — Ахъ ты ей же, братецъ мой крестовый!
     — Сидиша играешь-забавляешься,
     — Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь.
- 115 — Твоя же Марья Лебедь Бѣлая,
     — Та Подоленка да королевичны,
     — Уѣхала въ землю Политовскую
     — Съ тымъ королемъ Политовскіимъ.—
     Разгорячился Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
- 120 Онъ тяннеть дощечку дубовую,
 Бросилъ въ дверь во кленовую,
 Повыкинетъ вонъ дверь со водверьемъ,
 Самъ говорилъ Добрынюшки Никитичу:
     « Получай-ка съ Бухаря, со царя со заморскаго,
- 125 « Представь ко солнышку ко Владимиру,
     « А я поѣду въ землю Политовскую
     « Къ тому королю Политовскому. »
     Пріѣхалъ онъ на широкій дворъ,
     Закричалъ голосомъ богатырскіимъ.
- 130 Услыхала Марья Лебедь Бѣлая,
 Та Подоленка королевичны,
 Наливала чару питья забудущаго,
 Выбѣгала на крылечко переное,
 Говорила Михайла Потыку сыну Ивановичу:
- 135 — Ужъ ты ей, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
     — У насъ волосъ дологъ да умъ коротокъ,
     — Насъ куда ведутъ, мы туда идемъ,
     — Насъ куда везутъ, мы туда йдемъ.
     — Ты прими-ка чару питья зелена вина,
- 140 — Прими-ка сю чару единой рукой,
     — Выпей сю чару единимъ духомъ.—
     — Да и пойдемъ ко граду ко Киеву.—
     Михайла до вина быль упачливый ¹⁾,
     Принялъ чару единой рукой
- 145 Выпилъ чару единимъ духомъ:
     Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.

¹⁾ Упачливый — падокъ.

- Тая жъ ли Марья Лебедь Бѣлая
Хватила Михайлу за желты кудри,
Тащила его во чисто поле,
150 Бросила Михайлу черезъ плечо,
Сама говорить таково слово:
— Тутъ стань бѣленькой горючой да камешекъ!—
Туть Михайла да окаменѣль,
Сталъ бѣленькой горючой тутъ камешекъ.
- 155 Воспомнили братица крестовые,
Сжаловались по Михайлы Потыку сыну Ивановичу.
Старый казакъ Илья Муромецъ
И младой Добрыня сынъ Никитичъ
Пошли искать братца крестового.
- 160 Накрутилися въ каликъ перехожіихъ.
Идучись до земли Политовскія,
Сустигли старичища пилигринища,
Клюха у него сорока пудовъ
[Пригласили его во компанію],
- 165 Пришли они въ землю Политовскую
Къ тому королю Политовскому
Подъ тое окошечко косящето,
Попросили они тутъ милостины.
Услыхала Марья Лебедь Бѣлая,
- 170 Та Подоленка королевичны,
Говорила королю Политовскому:
— Ахъ же ты, король Политовскій!
— Зови каликъ въ палаты бѣлокаменны,
— Корми ты каликъ теперь до сыта
- 175 — И напой ты каликъ до пьяна,
— И дари ты каликъ теперь до люби.—
Подарилъ онъ злата многое множество,
И пошли вонъ изъ земли Политовской калики перехожіи,
Пришли къ бѣлому ко камени.
- 180 Говориль старичище пилигринище:
« Станемте-ка, братцы, животовъ дѣлить. »
Говориль старый казакъ Илья Муромецъ:
— Дѣли-ко ты, старичище пилигринище.—
Дѣли-старичище пилигринище,
- 185 На четыре дѣлить онъ на четверти.
Говорять калики перехожіи:
— Кому дѣлиши четверту часть?—
Говориль старичище пилигринище:
« Тому изъ насъ, братцы, четверта часть,
- 190 « Кто бросить этотъ камень черезъ плечо. »
Туть прискочили молодой Добрыня сынъ Никитичъ,
Ухватилъ онъ камень до колѣнь своихъ,
И по колѣнь Добрынюшка въ землю угрязъ.
Прискочили старый казакъ Илья Муромецъ:

- 195 Поднялъ камень по грудямъ своимъ,
И по груди казакъ въ землю увязъ.
Говориль старый казакъ Илья Муромецъ:
— Сдымай-ка ты, старище пилигринице!—
Хватилъ онъ камень конецъ кукши,
200 Бросиль камень черезъ плечо,
Самъ ко каменю приговаривалъ...
Гдѣ былъ Бѣлькою горючой камешекъ,
Тутъ повыскочилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
« Фу, фу, братцы, я кѣль долго спалъ! »
205 Говорить старище пилигринице:
— Если бы не я, такъ и вѣкъ бы спалъ. —
Говорить старище пилигринице:
« Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
« Когда будешь ты во гради во Кіеви,
210 « У ласкова князя у Владимира,
« Ты поставь свѣчу Николы угоднику. »
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Простился со братьями со крестовыми,
Пошелъ въ землю Политовскую
215 Къ тому королю Политовскому;
Зашелъ онъ на широкій дворъ,
Закричалъ голосомъ богатырскіимъ.
Услыхала Марья Лебедь Бѣлая,
Та Подоленка королевичны,
220 Наливала чару питья забудущаго,
Выбѣгала на крылечко переное,
Подносила Михайлы Потыку сыну Ивановичу:
— Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Прими-ка сю чару единой рукой,
225 — Да и выпей сю чару единимъ духомъ,
— Да и поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
— Ко ласкову князю ко Владимиру.—
Михайла до вина былъ упачливый,
Принялъ чару единой рукой
230 И выпилъ чару единимъ духомъ;
Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
Хватила Марья Лебедь Бѣлая
Его Михайлу за желты кудри,
Стащила его во глубокъ погребъ,
235 Прибила Михайлу да на стѣну;
Побѣжала она въ торгъ на ярмарку
Покупать гвоздя она сердечнаго.
У того короля Политовскаго
Была дочь его, Настасья красавая,
240 Пошла смотрѣть русскаго богатыря.
Принагнулся Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Взмолился Настасы королевичной:

- « Повытаси гвоздя хоть ногтями,
   « Я теперича Мары голову срублю,
 245 « А возьму тебя, Настасью королевичну. »
   Тащила гвоздя она ногтями,
   Ирибила Татарина тутъ мертваго,
   Мертваго она, мерзлого,
   Ирибила Татарина она на стѣну:
 250 А того Михайлу Потыка сына Ивановича,
   Провела въ покой въ особы.
   Увидѣлъ король Политовскій:
   « Кого ведешь въ шубы чернаго соболя? »
   Говорила Настасья королевичны:
 255 — Была со мной маленька служаночка,
   — Увидала русскаго богатыря,
   — Гдѣ она увидала, испугалася,
   — Такъ веду я ее въ покой въ особы.—
   Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 260 Заростиль раночки кровавыя.
   Та жъ Настасья Лебедь Бѣлая
   У того короля Политовскаго
   Просила коня богатырскаго
   Повыѣхать во чисто поле.
 265 Онь даль ей коня богатырскаго,
   Носадила Михайлу Потыка сына Ивановича.
   Повыѣхаль онъ во чисто поле,
   Воротился на дворъ королевскій,
   Закричалъ голосомъ богатырскими.
 270 Услыхала Марья Лебедь Бѣлая,
   Та Подоленка королевичны,
   Наливала чару питья забудущаго,
   Выѣгдала на крылечко на переное,
   Подносила Михайлѣ Потыку сыну Ивановичу:
 275 — Ты, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
   — Ты прими-ка сю чару единоей рукой,
   — Да и выпей чару единимъ духомъ,
   — Да и поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
   — Ко ласковому князю ко Владимиру.—
 280 Михайла до вина былъ уначливый,
   Принялъ чару единоей рукой,
   Хотѣлъ выпить чару единственнымъ духомъ.
   Услыхала Настасья королевичны,
   Отворила косынчено окочечко,
 285 Кричала ему жалкимъ голосомъ:
   « Ты, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
   « Ты, знать, позабылъ свою заповѣды! »
   Услыхалъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
   Взмахнулъ своей саблею востроей,
 290 Отнялъ де онъ Мары буйну голову,

Взялъ замужъ Настасью королевичну,
 Возвратился ко граду ко Киеву,
 Къ ласковому князю ко Владиміру.
 Тутъ по три дня было пированьше
 295 Про того Михайлу Потыка сына Ивановича.
 Тутъ вѣкъ про Михайлу старину скажутъ,
 Синему морю на тишину,
 А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

29.

Д Ю К Ъ.

(Гильфердингъ, № 152.)

Во тоя Индѣи было во богатыя,
 Тамъ жилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
 Онъ ходилъ-гулялъ по тихимъ по заводямъ,
 Стрѣлялъ сѣрыхъ гусей и стрѣлялъ лебедей;
 5 Всѣхъ повыстрѣлялъ ровно триста стрѣль,
 Ровно триста стрѣль, да еще три стрѣлы.
 Триста-то стрѣламъ онъ цѣну вѣдаетъ,
 Только тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаетъ.
 Когда билъ онъ изъ-подъ каменя сподъ яхонта само-
 цвѣтнаго,

10 Убилъ три орла и три орловица;
 Онъ не тыхъ убилъ, которы летаютъ на святой Руси,
 А тыхъ убилъ, которы летаютъ по синимъ морямъ:
 Онъ сидить орелъ на синенькомъ на камешки,
 Ужъ онъ рутить орелъ першица орлиныя;

15 Когда идутъ гости-корабельщики,
 Подбираютъ это першице орлиное,
 Развозятъ это першице (на ярманку),
 Продаваютъ это першице орлиное
 Подороже-то атласа и рыта бархата;

20 Покупали мужики-то индѣйские,
 Приносили это першице орлиное

Его Дюкову-то батюшку въ подарочки,
 А онъ самъ убилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Съ той съ великия со радости
 25 Пошелъ къ государыни родной матушки,
 Онъ сталъ просить прощенъице съ благословенъицомъ:
 « Ахъ ты ей, государыни родна матушка!
 « Дай-ка ты прощенъице съ благословенъицомъ
 « Ихать ко граду ко Кіеву,
 30 « Ко ласкову князю ко Владиміру,
 « Мни прямой дорожкой, не окольною. »
 Говоритъ государыни родна его матушка:
 — Что не дамъ прощенъице съ благословенъицомъ
 — Ёхать ко граду ко Кіеву
 35 — Ко ласкову князю ко Владиміру
 — Прямой дорожкой, не окольноей.
 — На той прямой дорожки, не окольной,
 — Есть три заставы великия.
 — Первая застава великая:
 40 — Стоять тутъ горы толкуці;
 — Тыи жъ какъ горы врозвъ растолкнутся,
 — Врозвъ растолкнутся, вмѣстъ столкнутся,
 — Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
 — Тутъ тебѣ молодому живу не бывати.
 45 — Есть другая великая тамъ застава:
 — Сидять тамъ птицы клевуці;
 — Тые птицы тебя съ конемъ склюютъ;
 — Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
 — Тутъ тебѣ молодому живу не бывати.
 50 — Есть третя великая тутъ застава:
 — Лежитъ Змище-Горынчище,
 — О двинадцати змия о хоботахъ;
 — Тоя змия тебя съ конемъ сожреть;
 — Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
 55 — Тутъ тебѣ молодому живу не бывати. —
 Онъ бояринъ своей матушки не слушался,

---

1) Весь разсказъ пѣвецъ спуталъ; ср. былину у Кирши.—Б.

Пошелъ на конюшню на стоялую,
Береть узду въ руки тесмянную,
Одиваль на мала бурушка-кавурушка;

60 По колѣнъ было у бурушка въ землю зарощено¹⁾.
Онъ поилъ бурка питьемъ медвяннымъ,
Кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ,
Сидлалъ коня въ сидельшко Черкасское,
Онъ иотницки клалъ на потнишки,

65 На потнишки кладеть войлоцки,
А на войлоцки Черкасское сидельшко,
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подируговъ,
А тринадцатой клалъ ради крѣпости,
Чтобы добрый конь съ-подъ сидла не выскочилъ,

70 Добра молодца съ коня не вырутилъ.
Подпрути были шелковыя,
Шпеньки были вси булатные,
А пряжки у сѣдла красна золота:
Тогда шелкъ не рвется и булатъ не трется,

75 Красно золото не ржавиеть,
Молодецъ на кони сидить—самъ не стариеть.
Онъ садился на добра коня,
Прощался съ государыней родной матушкой.
Говорила ему родна матушка:

80 — Ахъ ты ей, рожено мое дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Если случить Богъ во гради во Кіеви,
— Ты не хвастай животинками сиротскими,
— Сиротскими животинками вдовинными.—

85 Первой поприщѣ скочилъ бурка пѣлу версту,
Онъ ко земли бурка припадывалъ;
Испровѣщился ему добрый конь,
Ему голосомъ ли целовѣцкимъ:
— Ты ей, хозяинъ мой любимый!

90 — Опущай-ка-ся съ меня со добра коня,
— Бери земли сыро-матерой,

---

¹⁾ Конь по колѣна заросъ въ землю.—Б.

- Подвязывай подъ иелечко подъ правое
 — И подъ другое подвязывай подъ лѣвое,
 — Чтобы не страшно бы сидѣть на добромъ кони,
 95 — А я стану бурушка поскакивать,
 — Съ горы на гору, съ холмы на холму,
 — Рики и озера перескакивать,
 — Гдѣ широкія раздолъя—между ногъ пущать.—
 А какъ пріѣхали они ко первой ко заставы:
 100 А стоять тутъ горы толкуці;
 Тыи жъ какъ горы врозвь растолкнулись,
 И не успѣли горы вмисти столкнуться,
 Онъ первую заставу проскакиваль.
 Добѣжалъ до другія до заставы лѣ:
 105 Сидять тутъ птицы клевуці;
 Хотѣли его птицы съ конемъ склевать,
 Не успили птицы крылушки расправити,
 Онъ и другу заставу проскакиваль.
 Онъ ко третьей заставы прискакиваль:
 110 И лежитъ Змиище-Горынчище,
 О двѣнадцати змия о хоботахъ;
 Не успѣла змия хоботу расправити,
 Онъ и третью заставу проскакиваль.
 Онъ ко граду ко Кіеву прискакиваль,
 115 И заидеть какъ онъ на княженецкій дворъ,
 Оставилъ своего добра коня,
 Добра коня середъ бѣла двора,
 Не привязана и не приказана;
 Самъ пошелъ во гредню во столовую.
 120 Онъ крестъ кладеть по писанному,
 Поклонъ ведеть да по ученому,
 На вси три-четыре на стороны,
 Княгини-то Апраксіи да въ собину:
 « Здравствуешь, княгиня Апраксія!
 125 « Гдѣ есть солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій? »
 Говорить княгиня тутъ Апраксія:
 — А солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій къ обидви
 сполъ.—

Онъ пошелъ во церковь тутъ во Божю:
 По тыя по улицы по широкія
 130 Мостовыя были черною землею изнасыпаны,
 Да ихъ подлило водою дожжевою,
 Сдѣлалась грязь-та по колѣну де;
 Замаралъ онъ сапожки-ты зеленъ сафьянъ.
 Приходитъ во церковь во Божю,
 135 Крестъ кладеть по писаному,
 Да поклонъ ведеть по ученому,
 На вси три-четыре стороны,
 А солнышку Владиміру да въ собину:
 « Здравствуешь, солнышко Владиміръ стольно-Кievскій
 140 « Да съ своей княгиней со Апраксіей! »
 Говорилъ Владиміръ стольно-Кievскій:
 — Ты откудашной, удалой доброй молодецъ,
 — Ты коей орды, да ты коей земли,
 — Какъ тебя именемъ зовутъ,
 145 — Нарекаютъ тебя по отечеству? —
 Говорить удалый добрый молодецъ,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 « Я есть изъ Индїи изъ богатыя
 « Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 150 « Отстояль дома раннюю заутреню
 « И сюда пріѣхаль ко обѣднѣ де. »
 Говорять вси князи, да вси бояра,
 Тая жъ говорить да вся мелка чета:
 « Что не быть этому молодому боярину,
 155 « Тому же ли Дюку Степановичу,
 « А есть какой-нибудь дѣтинушка залѣшеникъ ¹⁾:
 « Онъ убилъ купца, либо боярина,
 « Надѣль платьевъ дѣтина не видаюти,
 « Все онъ, дѣтина, на платье поглядываетъ. »
 160 Вышли они со Божьей со церкви,
 Вышли они на улицу на широкую,
 На ту дуброву на зеленую.

¹⁾ Залѣшанинъ.—Б.

- Говорить молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
- « Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшки,
- 165 « Что Киевъ градъ очень красивъ-добрисъ¹⁾;
- « Ажно въ Кіеви да не по нашему:
- « Церкви-ты у васъ вси деревянныя,
- « У васъ маковки на церквахъ всѣ осиновыя,
- « А мостовыя у васъ черною землею засыпаны,
- 170 « Подлило водою ихъ дождевою ди,
- « Сдѣлалась грязь-то по колѣну ди;
- « Замараль я сапожки-ты зеленъ сафьянъ. »
- Какъ приходятъ тутъ въ палаты бѣлокаменны,
- Садились они тутъ за дубовъ столъ,
- 175 За дубовъ столъ хлѣба кушати,
- Они бѣлыхъ калачиковъ рушати.
- Какъ тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
- Онъ мякишъ ъесь, въ немъ корку подъ столъ мечеть.
- Говорить Владиміръ стольно-Кievskій,
- 180 Самъ говорить да таково слово:
- Ахъ, ты на что же мякишъ ъешь,
- Корку подъ столъ мечешь? —
- Говорить молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
- « Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшки,
- 185 « Что Киевъ градъ очень красивъ-добрисъ;
- « Ажно въ Кіеви все по не нашему:
- « У васъ печечьки все каменные,
- « Помялчики у васъ сосновыя,
- « Шахнутъ калачики крупивчеты
- 190 « На тую ль на сѣру на сосновую,
- « На сосновую на сѣру на капучую;
- « Не могу я есть калачиковъ крупивчетыхъ.
- « Какъ у моей государыни родной матушки,
- « У честной вдовы Мамелѣ Тимоѳеевной,
- 195 « Тамъ церкви есть у насъ все каменные,
- « Известочкой они отбilenы,
- « Маковки на церквахъ самоцвѣтныя;

---

¹⁾ Добрисъ—добръ есть, хорошъ.

« У насть крышечки ли въ домахъ золоченыя,
 « Мостовыя рудожелтыми песочками изнасыпаны,
 200 « Сорочинскія суконца приразостланы,
 « Не замараешь тутъ сапожковъ-то зеленъ сафьянъ,
 « Идутчись во церковь Божию;
 « У насть печечки ли въ домахъ все муравлены,
 « А помялчики у насть въ домахъ все шелковыя,
 205 «екІІ эть она все калачики крупивчеты;
 « Калачикъ съѣшь—другой хочется,
 « Другой съѣшь—по третьемъ душа горить,
 « Третій съѣшь—четвертый съ ума нейдетъ. »
 Говорить Владиміръ стольно-Кievскій:

210 — Я вижу, что ты молодецъ захвасливый;
 — Ты ударъ съ нашимъ Чурилой о великъ закладъ,
 — Что вамъ ихать въ чисто поле поляковать,
 — Чтобъ на всякой день были кони смѣнныи,
 — Смѣнныи кони перемѣнныи,
 215 — Снова на ново, все на три года,
 — На три года да еще на три дни,
 — Чтобы въ три года такой шерсти не было;
 — Чтобъ на всякий день платья были цвѣтныя,
 — Цвѣтныя платья перемѣнныя,
 220 — Снова на ново, все на три года,
 — И на три года, да еще на три дни,
 — Чтобы въ три года такого цвѣта не было;
 — И въ третій день вамъ итти ко Божьей церкви:
 — Который-то добрѣе у васъ выступитъ,
 225 — Другому голова рубить.—

По тоемъ было Чурилы по Пленковичи
 А держали поруку двумя градмы:
 Первымъ Киевомъ, другимъ Черниговыимъ;
 А по томъ было по молодомъ бояринѣ,
 230 По немъ не было никакой порукушки,
 А держалъ по немъ крѣпкую поруку-ту
 Тотъ владыко Черниговскій,
 Тотъ крестовый его батюшка.
 Они не спустятъ домой сгонять

- 235 За своимъ за платьицемъ за цвѣтныимъ.
 Закручинился бояринъ, запечалился,
 Садился скоро на ременецть стуль,
 Писалъ онъ скорописцатые герлики ¹⁾,
 Полагалъ въ сумки переметныя,
 240 Отпускаль онъ мала бурушка-кавуушка.
 Тутъ сталъ его бурушка поскакивать
 Съ горы на гору, съ холмы на холму,
 Рѣки-озера перескакивать,
 Широки раздолья между ногъ пущать.
 245 Какъ будетъ во Индѣи во богатыя
 У него государыни родной матушки
 На широкомъ двори,
 Заржай ²⁾ голосомъ лошадинымъ;
 Тутъ услыхала государыни родна матушка,
 250 Выбѣгала она на крыльце на переное ³⁾),
 Увидала она своего добра коня,
 Сама говорить да таково слово:
 « Видно, нѣть жива рожонова дитятки,
 « Стоитъ у крыльца одинъ добрый конь. »
 255 Увидала она сумки переметныя,
 Сама говорить да таково слово:
 « Что рожено мое дитятко захваstливо,
 « Захваstливо да—знать—захвачено. »
 Снимала она сумки переметныя,
 260 Вынимала скорописцатые герлыки,
 Полагала ему платья цвѣтныя,
 По три пары положила на всякий день,
 Ново на ново на три года,
 Ай на три года, да еще на три дни,
 265 Отпускала мала бурушка-кавуушка.
 Какъ онъ будетъ во гради во Кіеви
 У ласкова князя у Владимира,
 У Владимира на широкомъ двори,

¹⁾ Герлики—ярлыки.

²⁾ Заржалъ; заржи—въ употребленіи прошедшаго времени.—Б.

³⁾ Съ перилами.—Б.

Заржай голосомъ лошадинымъ:

270 Всѣ терема пошаталися,
Вси во градѣ пріужаснулися.

Сами говорятъ таковы слова:

« Есть какой-нибудь у насъ во градѣ уродище. »
Услыхалъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:

275 — Знать пришелъ малый бурушка-кавурушка.—
Получалъ свои платья цвѣтныя.

Тутъ поѣхали они во чисто поле поляковать:

Тотъ Чурилушка Пленковичъ

Погналъ лошадей туды цѣлымъ стадомъ,

280 А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

Пораньше поутру повыстанетъ,

Бурка въ росы онъ повыкатается,

На бурки-то шерсть перемѣнится.

Проѣздили они цѣло три года,

285 Цѣло три года, да еще по три дни;

Сегодня имъ итти ко Божьей церкви:

« А который-то добрие изъ насъ выступить,

« Другому изъ насъ голова рубить. »

Какъ тотъ Чурилушка Пленковичъ—

290 Во своемъ во градѣ ему дѣется—

Приходили какъ въ церковь Божію,

Тотъ Чурилушка Пленковичъ

Онъ становился на крылосо ¹⁾ на правое,

А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

295 Становился на крылосо на лѣвое.

Какъ тотъ Чурилушка Пленковичъ

Онъ стала плеточкой по пуговкамъ поваживать,

Онъ стала пуговку о пуговку позванивать:

Какъ отъ пуговки было до пуговки

300 Плыть Змиинце-Горынчице.

Тутъ вси въ церкви пріужаснулися,

Сами говорятъ таково слово:

« Что у нашего Чурилушки Пленковича

¹⁾ Клиросъ-отъ, крылосъ-тъ.

- « Есть отмѣточка противъ молода боярина,
 305 « Противъ молода Дюка Степановича. »
 Закручинился бояринъ, запечалился,
 Повѣсиль свою буйну голову,
 Утушилъ ясны очи во сырь землю,
 Самъ сталь плеточкой по пуговкамъ поваживать,
 310 Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
 Вдругъ запили птицы пѣвуці,
 Закричали звѣрки вси рыкуці;
 А тутъ вси въ церкви да о зень¹⁾ пали,
 О зень пали, а иные обмерли.
 315 Говоритьъ Владимиръ стольно-Кievскій:
 — Ахъ ты, молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
 — Пріуйми-тка птицы ты клевуці,
 — Призаклиць-ка звѣрей тыхъ рыкуціхъ,
 — Оставь людей намъ хоть на сѣмена.—
 320 Говорилъ молодой Дюкъ Степановичъ:
 « Ахъ ты солнышко, Владимиръ стольно-Кievскій!
 « Не твое я сегодня ъмъ да кушаю,
 « Не хочу я теперечу тебя слушати. »
 Говоритьъ владыка-то Черниговскій:
 325 — Ахъ ты ей, крестово мое дитятко,
 — Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 — Пріуйми-тка птицы ты клевуці,
 — Призаклиць-ка звѣрей тыхъ рыкуціхъ,
 — Оставь людей намъ хоть на сѣмена.—
 330 Онъ послушалъ крестового своего батюшки,
 Онъ пріунялъ птицъ тыхъ пѣвуціхъ,
 Призакликалъ звѣрей тыхъ рыкуціхъ,
 Самъ говорилъ таково слово:
 « Ахъ ты солнышко, Владимиръ стольно-Кievскій!
 335 « Намъ которому съ Чурилой голова рубить? »
 А тутъ говорилъ Чурилушка Пленковичъ:
 — Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
 — Ты ударъ-ко о великъ закладъ:

¹⁾ О земь.—Б.

- Переѣхать намъ чрезъ Пучай-рѣку,
 340 — А и Пучай-рѣка на два поприща;
 — Который-то не можетъ перескочить,
 — Тому изъ насть и голова рубить. —
 Поѣхали они чрезъ Пучай-рѣку.
 Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 345 « Твоя похвальба на передъ зашла,
   « Поѣзжай черезъ рѣку ты попереди. »
 Какъ поѣхалъ Чурила чрезъ Пучай-рѣку,
 О полу-рѣки Чурила въ воду вверзился,
 А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 350 Скоро-на-скоро скочилъ чрезъ Пучай-рѣку,
   Еще того скорѣе поворотъ держалъ:
 О полу-рѣки да онъ припадывалъ,
 Чурилу за желты кудри захватывалъ;
 Повытацилъ Чурилу съ конемъ съ воды,
 355 Не спустить Чурилы онъ до Киева,
   А самъ говорить таково слово:
   « Ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
   « Намъ которому съ Чурилой голова рубить? »
   Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій.
 360 — Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
   — Не руби-тко ты Чурилы буйной головы,
   — А оставь намъ Чурилу хоть для памяти.—
   Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
   « Ахъ ты ей, Чурилушка Пленковичъ!
 365 « Пусть ты княземъ ты Владиміромъ упрощенный,
   « Пусть ты Кіевскими бабами уплаканный!
   « Не изди съ нами со бурлаками,
   « А сиди во гради во Кіеви,
   « Ты во Кіеви во градѣ между бабами! »
 370 Тутъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
   Онъ сталъ отправлять туда ¹⁾ оцѣнщиковъ,
   Его Дюковыхъ животовъ описывать:
   Онъ старого казака Илью Муромца,

---

¹⁾ Въ Индію.

- Въ другихъ молода Добрынюшку Никитича,
 375 А во третьихъ Олешу Поповича.
 Испроговорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 « Не посырайте-ка Олешеньки Поповича,—
 « А его глазищечки поповскіе,
 « Поповскіе глазищечки, завидливы,
 380 « А ему оттолъ да видь не выѣхать!
 « Посырайте-ко старого казака Илью Муромца,
 « Въ другихъ молода Добрынюшку Никитича;
 « Не берите-ка бумаги на три мѣсяца,
 « А вы берите-ка бумаги на три года,
 385 « А на три года, да еще и на три дни. »
- Какъ отправились они во Индѣю во богатую,
 Подъѣхали подъ Индѣю подъ богатую,
 Повыстали на гору на высокую,
 Увидили Индѣю тую богатую,
 390 Сами говорять да таково слово:
 « Знать, что молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 « Онъ послалъ, знать, туды вѣсточку на родину,
 « Чтобы зажгали Индѣю ту богатую:
 « Ай, горить Индѣя та богатая! »
- 395 Какъ подъѣхали они поближе де:
 У нихъ крышечки въ домахъ золоченыя,
 У нихъ маковки на церквахъ самоцвѣтныя,
 Мостовые рудожелтыми песочками призасыпаны,
 Сорочинскія суконца приразостланы.
- 400 Пришли они въ палаты бѣлокаменны,
 Ай сидить жена стара-матера,
 Стара-матера сидить жена вся въ золоти.
 Они бываютъ челомъ да поклоняются:
 « Ты взздравствуешь, Дюковая матушка! »
- 405 Говорить жена стара-матера:
 — Что я есть не Дюковая матушка.—
 . . . . .
 Пришли они въ покой въ другіе:
 Сидить жена стара-матера,
 410 Еще болѣе того она въ золоти,

Она въ золоти, да она въ серебри.
 Они бьютъ челомъ, да покланяются:
 « Ты вздравствуешьъ, Дюковая матушка! »
 Говорить жена стара-матера:

- 415 — Что я есть не Дюковая матушка,
 — А есть Дюкова колачница. —
 Говорятъ послы да княженецкіе:
 « Гдѣ же есть Дюковая матушка? »
 Говорить жена да стара-матера:
- 420 — Что ушла она къ обѣдни ко долгія. —
 Идетъ она изъ церкви изъ Божія,
 Двое-трое ю ведутъ подъ руки,
 Она бьеть чelомъ, покланяется:
 — Вы здравствуйте, мужики вы общѣнщики!
- 425 — Вы зачѣмъ сюда теперь прїѣхали?
 — Знать, сиротскихъ животишичекъ описывать? —
 Садилися они за дубовъ столъ хлѣба кушати,
 Они стали исть калачиковъ крупивчетыхъ:
 Калачикъ-отъ съидятъ -- другаго хочется,
- 430 Другой съидятъ—по третьемъ душа горитъ,
 Третій съидятъ—четвертый съ ума нейдетъ.
 Вышли изъ-за стола изъ-за дубового;
 Проводила она ихъ во погреба,
 Посадила она ко сбруямъ ко лопадинимъ:
- 435 Писали они тутъ по три года,
 По три года они писали, по три дни,
 Не могли общѣнить однѣхъ сбрай лопадинихъ.
 Повела она ихъ по погребамъ да по глубокимъ:
 Висять бочки красна золота,
- 440 А другія висять чиста серебра,
 А третыи висять скатна жемчуга.
 Повывела она на широкій дворъ:
 А течеть тутъ струйка золоченая,—
 А тутъ не могли они смѣты дать.
- 445 Говорила мужикамъ она общѣнщикамъ:
 — Вы скажите-ко солнышку Владиміру,
 — Пущай попродастъ на бумагу весь Кieвъ градъ,

— На чернила продасть весь Черниговъ градъ,
 — Тожно пусть пріѣдетъ животишечковъ описывать.—
 450 Какъ пріѣхали ко граду ко Кіеву,
 Къ тому ли ко солнышку ко Владиміру,
 Сами говорять таково слово:
 « Ахъ ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
 « Наказывала тебѣ Дюковая матушка:
 455 « Велѣла на бумагу продать она весь Кіевъ градъ,
 « На чернила продасть весь Черниговъ градъ,
 « Тожно пріѣхать животишечковъ описывать. »
 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 — Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
 460 — За твою за великую за похвальбу
 — Ты торгуй въ нашемъ во гради во Кіеви,
 — Во Кіеви во гради вѣкъ безъ пошлины.—
 Тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Онъ поѣхалъ къ государыни родной матушки,
 465 Тутъ сдѣлалъ онъ съ ней доброе здоровыще.
 Тутъ вѣкъ про Дюка старину скажутъ,
 Синему морю да на тишину,
 А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

30.

СТАВЕРЪ.

(Гильферд. № 151.)

Во стольномъ было городѣ во Кіеви,
 У ласкова князя у Владиміра,
 Какъ было пированіе—почестный пиръ
 На многіе князи на бояры,
 5 На всѣхъ-тихъ гостей званыхъ-браныхъ,
 Званыхъ-браныхъ гостей, приходящихъ.
 Всѣ на пиру наѣдалися,

- Всѣ на честномъ напивалися,
Всѣ на пиру порасхвастались:
- 10 Инный хвалится добрымъ конемъ,
Инний хвалится шелковымъ портомъ,
Инний хвалится селами со приселками,
Инний хвалится городами съ пригородками,
Инний хвалится родной матушкой,
- 15 А безумный хвастаетъ молодой женой.
Изъ тыя изъ земли Ляховицкія
Сидѣлъ молодой Ставерь сынъ Годиновичъ:
Онъ сидить за столомъ—да самъ не хвастаетъ.
Испрограморилъ Владіміръ стольно-Кіевскій:
- 20 — Ай же ты, Ставерь сынъ Годиновичъ!
— Ты что сидишъ—самъ да не хвастаешь?
— Аль нѣть у тебя села со приселками,
— Аль нѣть городовъ съ пригородками,
— Аль нѣть у тебя добрыхъ комоней,
- 25 — Аль не славна твоя родна матушка,
— Аль не хороша твоя молода жена?—
Говоритъ Ставерь сынъ Годиновичъ:
«Хотя есть у меня села со приселками,
«Хотя есть города съ пригородками:
- 30 «Да то мнѣ молодцу не похвальба;
«Хотя есть у меня добрыхъ комоней,
«Добры комони стоять—все не ъздятся:
«Да то мнѣ молодцу не похвальба;
«Хоть славна моя родна матушка:
- 35 «Да и то мнѣ молодцу не похвальба;
«Хоть хороша моя молода жена,—
«Такъ и то мнѣ молодцу не похвальба:
«Она всѣхъ князей-бояръ да всѣхъ повыманить,
«Тебя, солнышка Владіміра, съ ума сведетъ.»
- 40 Всѣ на пиру призамолкли,
Сами говорять таково слово:
«Ты солнышко, Владіміръ стольно-Кіевскій!
«Засадимъ-ка Ставра въ погреба глубокіе:
«Такъ пущай-ка Ставрова молода жена

45 « Насъ князей-бояръ всѣхъ повыманить,
 « Тебя, солнышка Владимира, съ ума сведетъ,
 « А Ставра она изъ погреба повылучить! »

А былъ у Ставра тутъ свой человѣкъ.

Садился на Ставрова на добра коня,

50 Уѣзжалъ во землю Ляховицкую

Ко той Василисты Микуличной:

— Ахъ ты ей, Василиста дочь Микулична!

— Сидишь ты—пьеши да проклаждаешься,

— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:

55 — Какъ твой Ставерь да сынъ Годиновичъ

— Посаженъ въ погреба глубокіе;

— Похвасталъ онъ тобой, молодой женой,

— Что «князей-бояръ всѣхъ повыманить»,

— А солнышка Владимира съ ума сведеть. » —

60 Говорить Василиста дочь Микулична:

« Мнѣ-ка деньгами выкупать Ставра—не выкупить;

« Мнѣ-ка силой выручать Ставра—не выручить;

« Я могу ли, нѣть, Ставра повыручить

« Свою догадочкою женскою! »

65 Скорешенько бѣжала она къ (фельшарамъ),

Подрубила волоса по-молодецки, де,

Накрутилася Васильемъ Микуличемъ,

Брала дружинушки хоробрыя,

Сорокъ молодцовъ удалыхъ стрѣльцовъ,

70 Сорокъ молодцовъ удалыхъ борцовъ,

Поѣхала ко-о граду ко Киеву.

Не доѣдущи до-о града до Киева,

Пораздернула она хорошъ-бѣль шатеръ,

Оставила дружину у бѣла шатра,

75 Сама поѣхала ко солнышку Владиміру.

Бѣть челомъ, покланяется:

« Здравствуй, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій

« Съ молодой княгиней со Опраксіей! »

Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:

80 — Ты откудашной, удалый-добрый молодецъ,

— Ты коей орды, ты коей земли,

— Какъ тебя именемъ зовутъ,

— Нарекаютъ тебя по отечеству?—

Отвѣталъ удалый-добрый молодецъ:

85 «Что я есть изъ земли Ляховицкія,

« Того короля сынъ Ляховицкаго,

« Молодой Василій Микуличъ, де;

« Я пріѣхалъ къ вамъ о добромъ дѣлѣ—о сватовствѣ

« На твоей любимыя на дочери. »

90 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:

— Я схожу—со дочерью подумаю. —

Приходитъ онъ ко дочери возлюбленной:

— Ахъ ты ей же, дочь моя возлюбленна!

— Пріѣхалъ къ намъ посолъ изъ земли Ляховицкія,

95 — Того короля сынъ Ляховицкаго,

— Молодой Василій Микуличъ, де,

— Объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ

— На тебѣ любимыя на дочери:

— Что же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлati?—

100 Говорила дочь ему возлюбленна:

« Ты ей, государь родной батюшко!

« Что у тебя теперъ на разуми:

« Выдаешь дѣвчину самъ за женщину!

« Рѣчъ—поговоря—все по женскому¹⁾;

105 « Перески²⁾ тоненьки—все по женскому;

« Гдѣ жуковиня были—тутъ мѣсто знать³⁾;

« Стегна жметъ—все добра бережетъ. »

Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:

— Я схожу посла да поотвѣдаю. —

110 Приходитъ къ послу земли Ляховицкія,

Молоду Василью Микуличу:

— Ужъ ты молодой Василій сынъ Микуличъ, де!

— Не угодно ли съ пути со дороженьки

— Сходить тебѣ во парную во баенку? —

115 Говорилъ Василій Микуличъ, де:

¹⁾ То-есть: рѣчъ—поговорка у ней—все по женскому.—Б.

²⁾ Перстки, персты, пальчики.—Б.

³⁾ Гдѣ были кольца, тутъ и мѣсто видно.—Б.

- « Это съ дороги не худо бы! »
 Стопили ему парну баенку.
 Покуда Владіміръ снаряжается,
 Посолъ той поры во баенки испарился,
- 120 Съ байнъ идетъ—ему честь отдаеть:
 « Благодарствуй на парной на баенки! »
 Говорилъ Владіміръ стольно-Кіевскій:
 — Чтò же меня въ баенку не подождалъ?
 — Я бы въ байну пришель—тебѣ жару поддаль,
 125 — Я бы жару поддаль и тебя обдалъ?—
 Говорилъ Василій Мікуличъ, де:
 « Что ваше дѣло домашнее,
 « Домашнее дѣло, княженецкое;
 « А наше дѣло посолъское,—
- 130 « Недосугъ-то долго намъ чваниться,
 « Во баенки долго намъ париться;
 « Я пріѣхалъ объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
 « На твоей любимыя на дочери. »
 Говорилъ Владіміръ стольно-Кіевскій:
- 135 — Я схожу—съ дочерью подумаю.—
 Приходитъ онъ ко дочери возлюбленной:
 — Ты ей же, дочь моя возлюбленна!
 — Пріѣхалъ есть посолъ земли Ляховицкія
 — Объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
- 140 — На тебѣ, любимыя на дочери;
 — Чтò же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлать?—
 Говорить какъ дочь ему возлюбленна:
 « Ты ей, государь мой родной батюшко!
 « Что у тебя теперь на разуми:
- 145 « Выдаешь дѣвчину за женщину!
 « Рѣчъ-поговоря—все по женскому;
 « Перески тоненьки—все по женскому;
 « Гдѣ жуковинъ были—тутъ мѣсто знать. »
 Говорилъ Владіміръ стольно-кіевскій:
- 150 — Я схожу посла да поотвѣдаю.—
 Приходитъ ко Василью Мікуличу,
 Самъ говорилъ таково слово:

- Молодой Василій Микуличъ, де!
- Не угодно ль послѣ парной тебѣ баенки
- 155 — Отдохнуть во ложни во теплыя?—
 « Это послѣ байны не худо бы! »
- Какъ шелъ онъ во ложню во теплую,
 Ложился на кровать на тесовую,
 Головой-то ложился гдѣ ногами быть,
- 160 А ногами ложился на подушечку.
 Какъ шелъ туда Владиміръ стольно-Кіевскій,
 Посмотрѣлъ во ложню во теплую:
 Есть широкія плеча богатырскія.
 Говоритъ посолъ земли Ляховицкія,
- 165 Молодой Василій Микуличъ, де:
 « Я пріѣхалъ о добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
 « На твоей любимыя на дочери;
 « Чѣмъ же ты со мной будешь дѣлать? »
- Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
- 170 — Я пойду—съ дочерью подумаю.—
 Приходитъ ко дочери возлюбленной:
 — Ай же, дочь моя возлюбленна!
 — Пріѣхалъ посолъ земли Ляховицкія,
 — Молодой Василій Микуличъ, де,
 175 — За добрымъ дѣломъ—за сватовствомъ
 — На тебѣ, любимыя на дочери;
 — Чѣмъ же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлать?—
 Говорила дочь ему возлюбленна:
 « Ты ей, государь родной батюшко!
- 180 « Чѣмъ у тебя теперь на разуми:
 « Выдаешь дѣвчину самъ за женщину! »
- Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
- Я схожу посла да поотвѣдаю.—
 — Ахъ ты молодой Василій Микуличъ, де!
- 185 — Не угодно ли съ моими дворянами потѣшиться,
 — Сходить съ ними на широкій дворъ,
 — Стрѣлять въ колечко золоченое,
 — Во тоя въ остріи ножовыя,
 — Расколоть-то стрѣлочки на-двоє,

- 190 — Чтобъ были мѣрою равненьки и вѣсомъ равны.—
 Сталъ стрѣлять стрѣлокъ перво князевый:
 Первой разъ стрѣлилъ—онъ не дострѣлилъ,
 Другой разъ стрѣлилъ—онъ перестрѣлилъ,
 Третій разъ стрѣлилъ—онъ не попалъ.
- 195 Какъ сталъ стрѣлять Василій Микуличъ, де,
 Натягиваль скоренько свой тугій лукъ,
 Налагаетъ стрѣлочку каленую,
 Стрѣляль въ колечко золоченое,
 Во тоя острея во ножевая,—
- 200 Раскололъ онъ стрѣлочку на-двоє,
 Они мѣрою равненьки и вѣсомъ равны.
 Самъ говоритъ таково слово:
 « Солнышко Владиміръ стольно-Кievскій!
 « Я пріѣхалъ объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
- 205 « На твоей на любимыя на дочери;
 « Чѣмъ же ты со мной будешь дѣлать? »
 Говорилъ Владиміръ стольно-Кievскій:
 — Я схожу-пойду—сь дочерью подумаю.—
 Приходитъ къ дочери возлюбленной:
- 210 — Ай же ты, дочь моя возлюбленна!
 — Пріѣхалъ есть посолъ земли Ляховицкія,
 — Молодой Василій Микуличъ, де,
 — Объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
 — На тебѣ, любимыя на дочери;
- 215 — Чѣмъ же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлать? —
 Говорила дочь ему возлюбленна:
 « Чѣмъ у тебя, батюшко, на разуми:
 « Выдаваешь ты дѣвчину за женщину!
 « Рѣчь-поговоря—все по женскому:
- 220 « Перески тоненъки—все по женскому;
 « Гдѣ жуковинья были—тутъ мѣсто знать. »
 — Я схожу, послы поотвѣдаю.—
 Онъ приходитъ къ Василью Микуличу,
 Самъ говоритъ таково слово:
- 225 — Молодой Василій Микуличъ, де,
 — Не угодно ли тебѣ съ моими боярами потѣшиться,

— На широкомъ дворѣ поборотися?—
 Какъ вышли они на широкій дворъ,
 Какъ молодой Василій Микуличъ, де,
 Того схватиль въ руку, того въ другую,
 230 Третьего склеснетъ ¹⁾ въ середочку,
 По трою за разъ онъ на зень ²⁾ ложиль,
 Которыхъ положить—тыи съ мѣста не стаютъ.
 Говорилъ Владіміръ стольно-Кіевскій:
 — Ты молодой Василій Микуличъ, де!
 235 — Укроти-ко свое сердце богатырское,
 — Оставь людей хоть намъ на сѣмена!—
 Говорилъ Василій Микуличъ, де:
 « Я пріѣхалъ о добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
 « На твоей любимыя на дочери;
 240 « Буде съ чести не дасть,—возьму нѣ съ чести,
 « А не съ чести возьму,—тебѣ бокъ набью! »
 Не пошелъ больше къ дочери спрашивать,
 Сталъ онъ дочь свою просватывать.
 Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
 245 Сего дни имъ итти къ Божьей церкви:
 Закручинился Василій, запечалился.
 Говорилъ Владіміръ стольно-Кіевскій:
 — Что же ты, Василій, не весель есть?—
 Говорить Василій Микуличъ, де:
 250 « Что буде ³⁾ на разуми не весело:
 « Либо батюшко мой померъ есть,
 « Либо матушка моя померла.
 « Нѣть ли у тебя загусельщиковъ,
 « Поигратъ во гусельшака яровчеты? »
 255 Какъ повыпустили они загусельщиковъ,
 Всѣ они играютъ,—все не весело.
 « Нѣть ли у тя молодыхъ затюремщиковъ? »
 Повыпустили младыхъ затюремщиковъ,
 Всѣ они играютъ,—все не весело.

¹⁾ Сдавитъ, сожметъ, скрючитъ.—Б.

²⁾ Наземь.—Б.

³⁾ Чго-то.—Б.

- 260 Говорить Василій Микуличъ, де:
 « Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка,
 « Что посаженъ нашъ Ставерь сынъ Годиновичъ
 « У тебя во погреба глубокіе:
 « Онъ гораздъ играть въ гусельшки яровчеты.»
- 265 Говориль Владиміръ стольно-Кіевскій:
 — Мнѣ повыпустить Ставра;
 — Мнѣ не видѣть Ставра;
 — А не выпустить Ставра,—
 — Такъ разгнѣвить посла!—
- 270 А не смѣть посла онъ поразгнѣвати,—
 Повыпустилъ Ставра онъ изъ погреба.
 Онъ сталъ играть въ гусельника яровчеты,—
 Развеселился Василій Микуличъ, де,
 Самъ говорилъ таково слово:
- 275 « Помнишь, Ставерь, памятуешь ли,
 « Какъ мы маленьки на улицу похаживали,
 « Мы съ тобой сваечкой поигрывали:
 « Твоя-та была сваечка серебряная,
 « А мое было колечко позолоченое?
- 280 « Я-то попадывалъ тогда-сёгды,
 « А ты-то попадывалъ всегда-всегды? »
 Говорить Ставерь сынъ Годиновичъ:
 — Что я съ тобой сваечкой не игрываль!—
 Говорить Василій Микуличъ, де:
- 285 « Ты помнишь ли, Ставерь, да памятуешь ли,
 « Мы вѣдь вмѣстѣ съ тобой въ грамоты училися:
 « Моя была чернильница серебряная,
 « А твое было перо позолочено?
 « А я-то помакивалъ тогда-сёгды,
- 290 « А ты-то помакивалъ всегда-всегды?—
 Говорить Ставерь сынъ Годиновичъ:
 — Что я съ тобой въ грамоты не учивался!—
 Говориль Василій Микуличъ, де:
 « Солнышко Владиміръ, стольно-Кіевскій!
- 295 « Спусти-ко Ставра съѣздить до бѣла шатра,
 « Посмотрѣть дружинушки хоробрыя? »

Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:

— Мнѣ спустить Ставра,—не видать Ставра,
Не спустить Ставра,—разгнѣвить посла!—

300 А не смѣеть онъ посла да поразгнѣвати:

Онъ спустилъ Ставра съѣздить до бѣла шатра,
Посмотрѣть дружинушки хоробрыя.

Пріѣхали они ко бѣлу шатру,

Зашель Василій въ хорошъ-бѣлъ шатель,

305 Снималъ съ себя платье молодецкое,

Одѣлъ на себя платье женское,

Самъ говорилъ таково слово:

« Тeperеча, Ставеръ, меня знаешь ли? »

Говорить Ставеръ сынъ Годиновичъ:

310 — Молода Василиста дочь Микулична!

— Уѣдемъ мы во землю Политовскую!—

Говорить Василиста дочь Микулична:

« Не есть хвала добру молодцу,

« Тебѣ воровски изъ Кієва уѣхати:

315 « Пойдемъ-ко свадьбы доигрывать! »

Пріѣхали ко солнышку Владиміру,

Сѣли за столы за дубовые.

Говориль Василій Микуличъ, де:

« Солнышко Владиміръ, стольно-Кіевскій!

320 « За чѣмъ былъ засаженъ Ставеръ сынъ Годиновичъ

« У тебя во погреба глубокіе? »

Говориль Владиміръ стольно-Кіевскій:

— Похвасталъ онъ своей молодой женой,

— Что князей-бояръ всѣхъ повыманить,

325 — Меня, солнышка Владиміра, съ ума сведеть.—

« Ай ты ей, Владиміръ стольно-Кіевскій!

« А нынче чѣмъ у тебя теперь на разуми:

« Выдаешь дѣвчину самъ за женщину,

« За меня, Василисту, за Микуличну? »

330 Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло;

Повѣсила свою буйну голову,

Самъ говорилъ таково слово:

— Молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ!

— За твою великую за похвальбу
 335 — Торгуй во нашемъ городи во Кіеви,
 — Во Кіеви во градѣ вѣкъ безпошино!—
 Поѣхали во землю Ляховицкую,
 Ко тому королю Ляховицкому.
 Туть вѣкъ про Ставра старину поютъ,
 340 Синему морю на тишину,
 Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

31.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

(Гильферд. № 153.)

Когдажь-то возсіяло солнце красное,
 Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ.

Заводилъ онъ свой хорошъ почестный пиръ:
 5 Всѣ на почестномъ напивались
 И всѣ на пиру порасхвастались.
 Говориль Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 « Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати:
 « Я повынесь царене изъ Царя-града,
 10 « Царскую порфиру на себя одѣль,
 « Царскій костыль себѣ въ руки взяль,
 « И повыведу измѣну съ каменной Москвы!»
 Съ-по тыя было палаты бѣлокаменной
 Какъ не красное солнышко катилося,
 15 А не скатный жемчугъ разсыпается,
 Ходить маленькой Иванушко царевичъ-государь,
 Испрограммить онъ таково слово:
 — Что не вывести измѣны съ каменной Москвы:
 — Сидить-то измѣна за однимъ столомъ,
 20 — Ись ¹⁾—пить измѣна одни кушанья,

¹⁾ Ёсть.

— Платыца носить одноцвѣтныя,
 — Саложки на ножкахъ одноличныя.—

Говориль Грозный царь Иванъ Васильевичъ:

« Ужъ ты маленъкай Иванушко, царевичъ-государь!

25 « Ты подай же измѣнщика мнѣ на очи:

« Я измѣнщику голову срублю».

Испрограмориль Иванушко царевичъ государь,

Глупымъ дѣтскимъ разумомъ промолвился:

— Какъ на братца сказать, такъ мнѣ братца жаль,

— На себя мнѣ-ка сказать, такъ мнѣ-ка живу не бывать;

— Буде сказать мнѣ на братца своего,

— На того на Федора Ивановича.—

— Ей ты, государь родной батюшка!

— Когда жъ мы брали съ тобой Царскій градъ,

35 — Ты-то ѿхаль по краечку,

— Я-то ѿхаль по другому,

— А братецъ мой ѿхаль по середочки.

— Напередъ пословъ онъ поразсыпалъ,

— Чтобы удалые поразбѣгались,

40 — А малые по кувыркъ-травы развалиялися,

— А старые при домахъ оставалися.

— Теперичу измѣна вся повыстала.—

Разгорячился Грозный царь Иванъ Васильевичъ,

Скричаль же своимъ зычнымъ голосомъ:

45 « Ай вы ей, палачи немилостивы!

« Вы возьмите-ка Федора Ивановича

« За тыя за ручки за бѣлыя,

« За тые за перстни за злаченые,

« Сведите-ка Федора въ чисто поле

50 « На тое болотдо на Житное,

« На тую на плашку на липову,

« Отрубите ему буйну голову!»

Во тую ли пору, во то время

Всѣ палачи поразбѣгались,

55 Которые разумны, растуялися ¹⁾),

¹⁾ Попрятались. Б.

Остался воръ Малютушка Скуратовъ сынъ.
 Самъ говорилъ таково слово:
 « Я много казнилъ царей, царевичей,
 « Безъ счету королей, королевичей,
 60 « И тебя Федора не спущу!»
 Береть его за ручки за бѣлыя,
 За тыле за перстни за злаченые,
 Повель Федора въ чисто поле
 На тое болотцо на Житное,
 65 Срубить Федору буйну голову.
 Услыхала Авдотья Романовна,
 Его государыня родна матушка,
 Она чеботы обула на босу ногу,
 Кунью шубоньку одѣла на одно плечо,
 70 Побѣжала на горку на Вшивую ¹⁾
 Ко своему ко братцу ко родимому
 Ко тому Никите Романовичу.
 Срѣтаетъ братецъ ей родимый,
 А самъ говорить таково слово:
 75 « Что же ты, сестрица, не въ покрутѣ ²⁾»,
 « Въ одной ты шубы черныхъ соболей?»
 Говорить Авдотья Романовна:
 — Ты ей же, братецъ мой родимый,
 — Ты ей, Никита Романовичъ!
 80 — Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
 — Нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
 — Того жъ де Федора Ивановича;
 — Повель воръ Малютушка Скуратовъ сынъ
 — На тое болотцо на Житное,
 85 — На тую плашку на липову,
 — Срубить Федору буйну голову.—
 Какъ тотъ Никита Романовичъ,
 Онъ кидается, скоро бросается,
 Береть узду въ руки тесмянную,

1) Извѣстная мѣстность въ Москвѣ; иныѣ *Шшивая горка*. Б.

2) Отъ *крутииться*, *рядиться*.

90 Одѣвалъ на мала бурушка-кавурушка,
 Садился скоро на добра коня,
 Не на сѣдлана, не на уздана,
 Городомъ єдетъ, голосомъ крычитъ,
 Голосомъ крычитъ, самъ рукой машеть:
 95 « Ты ей, воръ, Малютушка Скуратовъ сынъ!
 « Не казни-ка ты молодого царевича,
 « Ты не тѣмъ ли кусомъ самъ задавишился. »
 Малютка, того не пытаючи,
 Береть Федора за желты кудри,
 100 Клонить на плашку на липову,
 Хочеть срубить буйну голову.
 Наѣхаль Никита Романовичъ,
 Смахнулъ саблей востроей,
 Отнесъ Малютки буйну голову,
 105 За него поступки неумильные.
 Онъ бралъ, де, Федора Ивановича,
 Увозилъ на горку на Вшивую.
 Сегодни день былъ суботній,
 Завтѣръ день воскресный де,
 110 Ёхать намъ ко ранной ко заутрени.
 Какъ тотъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Какъ нѣтъ жива молодаго царевича,
 Сокрутился онъ во платье во опальное,
 Заложилъ лошадей вороныхъ
 115 Подъ ты [кареты] подъ черныя,
 Поѣхаль ко ранной ко заутрени.
 А тотъ Никита Романовичъ
 Со тыя со великия радости
 Одѣль на себя платье цвѣтное,
 120 Платье цвѣтное, самолучшее,
 Поѣхаль ко ранной ко заутрени.
 Крестъ кладеть по писаному,
 Поклонъ ведеть по ученому
 На всѣ три-четыре стороны,
 125 А Ивану Васильевичу въ особину:
 « Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,

« Со своей со любимой семьёй,
 « Со молодой со Авдотьей со Романовной,
 « Со своим со малыма дѣтушками,
 130 « Со тыимъ со Федоромъ Ивановичемъ,
 « Со тыимъ Иваномъ Ивановичемъ!»
 Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 — Ты ей же, шуринъ мой любимый,
 — Ты ей, Никита Романовичъ!
 135 — Знать, ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
 — Вѣдь нѣть жива твоего любимаго племянничка,
 — Того де Федора Ивановича:
 — Увелъ воръ Малютушка Скуратовъ сынъ
 — На тое болотцо на Житное,
 140 — На тую на плашку на липову,
 — Срубить де ему буйну голову.—
 Говоритъ Никита Романовичъ:
 « Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 « Со своею съ молодой семьёй,
 145 « Съ молодой Авдотьей Романовной,
 « Со своим со малыма дѣтушками,
 « Со тыимъ со Федоромъ Ивановичемъ,
 « Со тыимъ Иваномъ Ивановичемъ!»
 Говорить Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 150 — Ты ей же, шуринъ мой любимый,
 — Ты ей, Никита Романовичъ!
 — Знать, ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
 — Вѣдь нѣть жива твоего любимаго племянничка,
 — Того жъ де Федора Ивановича:
 155 — Увелъ воръ Малютушка Скуратовичъ
 — На тое болотцо на Житное,
 — На тую на плаху на липову,
 — Срубить де ему буйну голову.—
 Третій разъ говоритъ Никита Романовичъ:
 160 « Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 « Со своею любимой семьёй,
 « Со молодой Авдотьей Романовной,
 « Со своим со малыма со дѣтушками,

- « Со тымъ со Федоромъ Ивановичемъ,
 165 « Со тымъ Иваномъ Ивановичемъ!»
- Говорить Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 — Ты ей же, шуринъ мой любимый,
 — Ты ей же, Никита Романовичъ!
 — Знать, ты надо мной насмѣхался!
- 170 — Отстою какъ я раннюю заутреню,
 — Прикажу тебѣ Никиты голову срубить.—

Самъ говорить таково слово:
 — Какъ по ворахъ было по разбойникахъ,
 — По разбойникахъ по ворахъ есть заступники;
 175 — По моемъ было рожономъ по дитятки,
 — По немъ не было никакой заступушки!—

Говорить Никита Романовичъ:
 « Бываетъ ли грѣшному прощенье-то?»
 — Хоть бываетъ прощенье, да теперь взять негдѣ.—

180 Говорить Никита Романовичъ:
 « Что не отрублена буйна голова
 « Тому жъ де Федору Ивановичу,
 « А отрублена буйна голова
 « Тому Малюты Скуратову».

185 Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Онъ кидается скоро, бросается
 Ко тому ко Никиты ко Романовичу,
 Беретъ его за ручки за бѣлыя,
 Цѣлуетъ во уста во сахарныя,

190 Самъ говорить таково слово:
 — Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскори пожаловать?
 — Дать тебѣ села со приселками,
 — Али дать города съ пригородками,
 — Али дать тебѣ золотой казны?—

195 Говорить Никита Романовичъ:
 « Есть у меня золотой казны,
 « Есть городовъ съ пригородками,
 « И есть и сель со приселками,
 « То мнѣ молодцу не похвалиба;

200 « А ты дай-ка мнѣ Микитину вотчину:

«Хоть съ петли уйди, хоть коня угони,
 «Хоть коня угони, хоть жену уведи,
 «Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину,—
 «Того доброго молодца Богъ проститъ.»

205 Онъ пожаловалъ Микитиной его вотчиной:

Хоть съ петли уйди, хоть коня угони,
 Хоть коня угони, хоть жену уведи,
 Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину,—
 Того доброго молодца Богъ проститъ.

210 Тутъ вѣкъ про Микиту старину скажутъ,

Синему морю на тишину,
 Вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

32.

ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ.

(Гильферд. № 154.)

Во тоя было Москвы бѣлокаменной,
 У того царя сударь Алексѣя Михайловича Московскаго.
 Выходилъ какъ онъ изъ Божьей церкви,
 Становился онъ на Лобно сударь мѣсто,

5 На тую сударь зеленую дубраву,
 Говорилъ онъ, надежа-государь-царь:
 «Ай же вы, князи, думные бояра!
 «Пособите государю дума думати,
 «Надо думать крѣпка дума, не продумать.

10 «Мнѣ-ка пишеть нынъ король земли шведской:

«Онъ просить у насть города Смоленца,
 «Даваетъ ли намъ Хинскую землю.

«Отдать ли намъ Смоленецъ, не отдать,
 «Аль намъ за Смоленецъ постояти,

15 «Али намъ на Смоленецъ нанимати?»

Выходилъ перво князь Астраханскій,

Онъ-то близко къ государю становился,
 Онъ понизку государю поклонился:
 — Ты, ай, сударь, надежа-государь-царь,
 20 — Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
 — Бласлови мнѣ, государь, слово смолвiti:
 — Что Смоленецъ есть строенье не московско,
 — А Смоленецъ есть строеныце литовско;
 — Во Смоленецъ стрѣльцовъ нѣтъ нисколько,
 25 — Во Смоленецъ казны нѣтъ ни копейки:
 — Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
 — А возьмите у нихъ Хинскую землю!—
 Государю тыя рѣчи не слюбилися.
 Говорилъ сударь надежа-государь-царь,
 30 Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
 « Вы, ай же, малы дѣтушки, солдаты!
 « Пособите государю дума думати,
 « Мнѣ-ка думать крѣпка дума, не продумати.
 « Мнѣ-ка пишеть нынъ король земли шведской:
 35 « Онъ просить у насъ города Смоленца,
 « А даваетъ ли намъ Хинскую землю.
 « Такъ отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
 « Аль намъ за Смоленецъ постояти,
 « Аль намъ на Смоленецъ нанимати? —
 40 Выходилъ второй князь Бухарскій,
 Онъ-то близко къ государю становился,
 Онъ понизку государю поклонился:
 — Ты, ай, сударь надежа-государь-царь,
 — Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
 45 — Бласлови мнѣ, государь, слово смолвiti:
 — Что Смоленецъ есть строенье не московско,
 — А Смоленецъ есть строеныце литовско;
 — Во Смоленецъ стрѣльцовъ нѣтъ нисколько,
 — Во Смоленецъ казны нѣтъ ни копейки:
 50 — Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
 — А возьмемъ себѣ Хинскую землю!—
 Государю тыя рѣчи не слюбилися.
 Говорилъ сударь надежа-государь-царь,

Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:

55 « Вы, ай же, малы дѣтушки, солдаты!

« Пособите государю дума думати,

« Надо думать крѣпка дума, не продумать.

« Мнѣ-ка пишеть нынъ король земли шведской:

« Онъ просить у насть города Смоленца,

60 « А даваетъ намъ Хинскую землю.

« Такъ отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,

« Али намъ за Смоленецъ постояти,

« Али намъ на Смоленецъ нанимати? »

Выходилъ князь Данила Милославской,

65 Онъ-то близко къ государю становился,

Онъ понизку государю поклонился:

— Ты ай, сударь надежа-государь-царь,

— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!

— Бласлови мнѣ, государь, слово смолвiti:

70 — Что Смоленецъ есть строеные не литовско,

А Смоленецъ есть строеньице московско;

— Во Смоленецъ есть стрѣльцовъ сорокъ тысячъ,

— Во Смоленецъ казны есть—смѣты нѣту:

— Не дадимъ мы туда города Смоленца,

75 — А не возьмемъ себѣ Хинскую землю!—

Государю тыя рѣчи прилюбились.

Говорилъ сударь надежа-государь-царь,

Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:

« Ты ай же, князь Данила Милославской!

80 « Мнѣ-ка чѣмъ тебя на скорѣ пожаловать,

« Я пожалую во Смоленецъ воеводой. »

Астраханскаго-то взялъ—повѣсиль,

А Бухарскому-то князю голову срубиль.

Записано 29 июня 1863 г.

---

32 bis ¹⁾.

- Вотъ я было въ Москвѣ бѣлокаменной,
 Изъ той было изъ Божьей изъ церкви,
 Вотъя было отъ обѣдни отъ долгой
 Выходилъ Алексѣй сударь Михайловичъ Московской.
 5 Становился онъ на Лобно сударь на мѣсто,
 На туу сударь зеленую дубраву,
 Говорилъ асу надежа государь царь,
 Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
 „Ай же вы, князи, думные бояра!
 10 „Пособите государю дума думати:
 „Надо думать крѣпка дума, не продумати.
 „Мнї-ка пишетъ ионъ король земли Шведскія:
 „Онъ ужъ просить у насъ города Смоленска,
 „А даваетъ ли намъ Химскую землю.
 15 „Такъ отдать ли намъ Смоленскъ, али не отдать,
 „Али намъ за Смоленскъ постояти,
 „Али намъ на Смоленскъ навимати?“
 Выходитъ перво князь Востраханскій,
 Онъ поблизу государя становился,
 20 Онъ попизку государю поклонился:
 — Ай ты, ай асу, надежа государь-царь,
 — Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
 — Благослови мнѣ, государь, слово смолвiti:
 — Что Смоленскъ есть строене не Московскo,
 25 — А Смоленскъ есть строене Литовско;
 — Во Смоленскѣ стрѣльцовъ вѣтъ иисколько,
 — Во Смоленскѣ казны вѣтъ ни копейки:
 — Отдадимъ мы туда городъ Смоленской,
 — А мы возьмемъ себѣ Химску землю!—
 30 Государю тыи рѣчи не слюбилися.
 Говорилъ асу надежа государь-царь:
 „Ай же вы, купцы-гости богатые!
 „Пособите государю дума думати:
 „Надо думать крѣпка дума, не продумати.
 35 „Мнї-ка пишетъ ионъ король земли Шведскія:
 „Онъ у насъ просить города Смоленска,
 „А даваетъ ли намъ Химскую землю.
 „Такъ отдать ли намъ Смоленскъ, али не отдать,
 „Али намъ за Смоленскъ постояти,
 40 „Али намъ на Смоленскъ навимати?“

¹⁾ Сравненіе съ предыдущей былинной убѣждаетъ, что это—тотъ же текстъ, очевидно, записанный кѣмъ-то по порученію Рыбникова: онъ обозначенъ гуло „Изъ Петрозаводского уѣзда“, тогда какъ предыдущій носить прямую углѣтку мѣста, времени и лица (см. Перечень къ III т. стар. изд.) Ред.

Выходилъ второй князь Бухарской,
 Онъ поблизку государя становился,
 Онъ понизку государю поклонился:
 — Ай ты, ай асу, надежа государь-царь,
 45 — Алексій сударь Михайловичъ Московской!
 — Благослови мнѣ, государь, слово смолвiti:
 — Что Смоленскъ есть строене не Московско,
 — А Смоленскъ есть строене Литовско;
 — Во Смоленскѣ стрѣльцовъ иѣтъ нисколько,
 50 — Во Смоленскѣ казны иѣтъ ни копейки:
 — Отдадимъ мы туда городъ Смоленской,
 — А себѣ возьмемъ Химскую землю!—
 Государю тыя рѣчи не слюбилися.
 Говорилъ асу надежда государь-царь:
 55 „Ай же вы, малые дѣтушки, солдаты!
 „Пособите государю дума-думати:
 „Надо думать крѣпка дума, не продумати.
 „Мнї-ка пишетъ ноњ король земли Шведскія:
 „Онъ ужъ просить у наасъ города Смоленска,
 60 „А даваетъ ли намъ Химскую землю.
 „Такъ отдать ли намъ Смоленскъ, али не отдати,
 „Али намъ за Смоленскъ постоити.
 „Али намъ на Смоленскъ нанимати?“
 Выходилъ третій князь Данила Милострavской,
 65 Онъ поблизку государя становился,
 Онъ понизку государю поклонился:
 — Ай ты, ай асу, надежа государь-царь!
 — Благослови намъ, государь, слово смолвiti:
 — Что Смоленскъ есть строене не Литовско,
 70 — А Смоленскъ есть строене Московско;
 — Во Смоленскѣ стрѣльцовъ есть сорокъ тысячей,
 — Во Смоленскѣ казны есть—смѣты иѣтъ:
 — Ужъ мы станемъ за Смоленскъ стояти,
 — Ужъ мы станемъ на Смоленскъ нанимати,
 75 — Не дадимъ мы туда города Смоленска,
 — Не возьмемъ себѣ Химскія земли!—
 Государю тыя рѣчи прилюбилися.
 Говорилъ асу надежда государь-царь:
 „Ай ты, ай асу, князь Данила Милострavской!
 80 „Мнї-ка чѣмъ же бы тя на скоро пожаловати?
 „Я пожалую во Смоленскѣ воеводою!“
 Астраханскаго-то князя взялъ—повѣсили,
 А Бухарскому-то князю голову срубилъ.

33.

НАСТАСЬЯ ПОЛИТОВСКАЯ.

(Гильферд. № 155.)

Какъ бы на соловья
 Не зима бы студеная,
 Не морозы крещенскіе,
 Не леталъ бы младъ соловей
 5 По мхамъ, по болотищамъ,
 По частымъ наволокищамъ.
 Какъ бы на молодца
 Не служба государева
 (Не наборы солдатскіе),
 10 Не ходилъ бы я молодецъ
 По чужой-далней стороны,
 По Свирской украины.
 Проходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
 Прошелъ молодецъ къ королю въ Литву:
 15 « Ты батюшко, король литовскій!
 « Прими-ко меня во слуги-рабы,
 « Во слуги-рабы, хоть во конюхи,
 « Избавь меня отъ службы государевой. »
 Положилъ онъ добра молодца во конюхи,
 20 Цѣну онъ назначилъ ему по сту въ годъ.
 Я во конюкахъ жилъ цѣло три году,
 Служилъ королю вѣрой-правдою,
 Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
 Меня Богъ добра молодца миловалъ,
 25 А король молодца любилъ-жаловалъ,
 Пожаловалъ онъ молодца во стольники,
 Положилъ онъ молодцу по двѣсти въ годъ.
 Я во стольникахъ жилъ три году,
 Служилъ королю вѣрой-правдою,
 30 Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
 Меня Богъ добра молодца миловалъ,

А король молодца любилъ-жаловалъ,
Пожаловалъ молодца онъ во ключники,
Положилъ онъ молодцу по триста въ годъ.
35 Я во ключникахъ жилъ цѣло три году,
Не шелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
Не пилъ молодецъ меду сладкаго,
Нс пилъ молодецъ пива пьяного,
Не закусывалъ онъ бѣлымъ сахаромъ¹⁾.
40 У того короля литовскаго
Была дочь его Настасья красивая.
Говорила королю литовскому:
« Батюшко король литовскій,
« Литовскій король, земли польскія!
45 « Мнѣ дай ко кроваткѣ кроватничка. »
Говориль король политовскій:
— Молодая Настасья королевична!
— Выбирай ко кроваткѣ кроватничка,
— Хоть изъ князей, а хоть изъ бояръ,
50 — Хоть изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
— Хоть изъ тѣхъ изъ поганыхъ татаровей.—
Говорила Настасья королевична:
« Мнѣ не надо ко кровати кроватничка
« Мнѣ не изъ князей, мнѣ не изъ бояръ,
55 « Мнѣ не изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
« Мнѣ не надо поганыхъ татаровей:
« А ты дай ко кроваткѣ кроватничка,
« Своего дай любимаго ключника. »
Пожаловалъ ей любимаго ключника
55 Стоять у кровати тесовыя,
Постилать-то перина пуховая,
Ей складать круто-складно зголовьице
И натянуть соболино одѣяльице.

¹⁾ Древнѣйшая форма трехъ послѣднихъ стиховъ вѣроятно была т

Не пилъ молодецъ зелена вина,
Не пилъ молодецъ пива пьяного,
Не закусывалъ медамы стоялыми,
Стоялыми медамы сладкими.

- Три году служилъ я въ кроватничкахъ.
 65 Туть запель молодецъ во царевъ кабакъ,
     И выпилъ молодецъ меду сладкаго,
     И выпилъ молодецъ пива пьяного,
     Закусиль молодецъ бѣлымъ сахаромъ,
     Заходилъ во кружало королевское
 70 И туть молодецъ порасхвастался:
     « Я служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
     « Перво три году служилъ я въ конюхахъ,
     « Друго три году служилъ я во стольникахъ,
     « Третье три году служилъ я во ключникахъ,
 75 « Это три году служилъ во кроватничкахъ.
     « Меня Богъ добра молодца миловалъ,
     « А король молодца любиль-жаловалъ.
     « Это три году служилъ я у кроватички:
     « Не стидалъ я перинки пуховые,
 80 « Не складаль круто спальнѣ зголовыци,
     « Не натягивалъ соболино одѣяльице,
     « А я спалъ на кровати тесовыя
     « Съ молодой Настасьей королевичной.»
     Схватили меня добра молодца,
 85 Донесли королю политовскому,
     Посадили въ тюрьму богадѣльную.
     На третій день добра молодца
     Повели изъ тюрьмы богадѣльныя
     Отрубить мнѣ-ка буйну голову.
 90 Говорилъ я, удалый добрый молодецъ:
     « Ай вы ей, сторожа политовскіе!
     « Берите съ меня золотой казны:
     « Ведите меня добра молодца
     « Помимо окошко королевнино».
 95 Закрычалъ я, удалый добрый молодецъ:
     « Прости, молода Настасья королевична!
     « Какъ ведутъ меня добра молодца
     « Изъ той изъ тюрьмы богадѣльныя
     « Отрубить мнѣ буйну голову».
 100 Закрычала Настасья королевична:

- Вы спустите его добра молодца,
 — Возьмите татарина мертваго,
 — Мертваго татарина, мерзлаго,
 — Отрубите ему буйну голову,
- 105 — А донесите королю политовскому,
 — Что отрублена его буйна голова
 — За его поступки неумильные.—
 Приходилъ я къ Настасьѣ королевичны,
 Стала спрашивать меня добра молодца:
- 110 — Скажи мнѣ, удалый добрый молодецъ!
 — Есть ли у тебя въ домѣ отецъ и мать,
 — Есть ли у тебя молода жена,
 — И есть ли у тебя малы дѣтушки?—
 Говорилъ я, удалый добрый молодецъ:
- 115 « Есть у меня въ домѣ отецъ и мать,
 « Есть у меня молода жена,
 « И есть у меня малы дѣтушки».
 Говорила Настасья королевична:
 — Ты возьми-ко мои золоты ключи,
- 120 — Отмыкай-ка мои кованы ларцы,
 — Бери-ко себѣ золотой казны,
 — Столько бери, сколько надоно,
 — Чтобъ было твоимъ малымъ дѣтушкамъ
 — И осталось бы твоимъ младымъ внучатамъ.—
- 125 Простился я съ Настасьей королевичной,
 И пошелъ молодецъ въ свою сторону.
 Тутъ вѣкъ про Настасью старину поютъ,
 Синему морю на тишину,
 И вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.
-
- 130 Не успѣль-то я сегодня угорѣть,
 Пришелъ вечеръ, голова стала болѣть,
 Зашумѣли самовары на столахъ.
 Поднесите мнѣ зеленаго вина:
 Отлучить бы ¹⁾ отъ угару голова.

¹⁾ Отѣбчить.

135 Мимо вашего широкаго двора
 Протекала нонь широкая Нева,
 Мимо вашихъ бѣлокаменныхъ палатъ
 Протащили Ваньку волокомъ въ кабакъ.

---

33 bis.

Какъ бы на соловья не зима бы студеная,
 Не морозы крещенскіе,
 Не леталъ бы я соловей
 По мхамъ, по болотичкамъ,
 5 По частымъ наволокищамъ¹⁾.
 Какъ бы на молодца не служба государева
 [И не наборы солдатскіе],
 Не ходилъ бы я молодецъ
 По чужой-далней стороны,
 10 По Свирской Украины.
 Проходиль молодецъ изъ орды въ орду,
 Зашелъ молодецъ къ королю въ Литву:
 „Ты батюшко, король Политовскій!
 „Прими-ко меня въ слуги-рабы, хоть въ конюхи²⁾“.
 15 Я во конюкахъ жиль цѣло три года,
 Служилъ королю вѣрой-правдою,
 Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнно.
 Меня Богъ добра молодца миловалъ,
 А король молодца любиль-жаловалъ
 20 [Нейдеть молодецъ во царевъ кабакъ,
 Не пить молодецъ меду сладкаго,
 Не пить молодецъ пива пьяного,
 Не закусываетъ молодецъ бѣлымъ сахаромъ]:
 Пожаловалъ онъ молодца во стольники.
 25 Я во стольникахъ жиль три года,
 Служилъ королю вѣрой-правдою,
 Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнно.
 Меня Богъ добра молодца миловалъ,
 А король молодца любиль-жаловалъ,
 30 Пожаловалъ молодца онъ во клюшиники.
 Я во клюшикахъ жиль цѣло три года,

---

¹⁾ Наволокъ — низменный берегъ, гдѣ судно изъ воды волочится на сушу наволоки по сѣвернымъ рѣкамъ изобилуютъ сѣнокосными травами, оттого въ пѣсняхъ называются частыми, т.-е. густыми.

²⁾ Сравн. пѣсни о Михайлѣ Потыкѣ, о Сорока каликахъ со каликою. В'

Служилъ королю въдою,
 Вѣрой-въдою служилъ неизмѣнною.
 Меня Богъ добра молодца миловалъ,
 35 А король молодца любиль-жаловалъ
     Не шель молодецъ во царевъ кабакъ,
     Не пиль молодецъ меду сладкаго,
     Не пиль молодецъ пива пьяного.
     Не закусывалъ онъ бѣлымъ сахаромъ].
 40 У того короля Политовскаго
     Была дочь его Настасья Красивая.
     Говорила королю Политовскому:
         „ Ты ей, государь родной батюшка!
         „ Ты дай-ка мнѣ молодаго ключника “.
 45 Говорилъ король Политовскій:
     — Ай же, дочь моя Настасья Красивая!
     — Выбирай себѣ молодаго ключника,
     — Хоть изъ князей, а хоть изъ бояръ,
     — А хоть изъ русскихъ могучихъ богатырей,
 50 — А хоть изъ тѣхъ изъ поганыхъ татариновъ.—
     Говорила Настасья королевична:
         „ Миѣ не надо ко кровати кроватничка,
         „ Миѣ не изъ князей, мнѣ не изъ бояръ,
         „ Не изъ рускихъ могучихъ богатырей,
 55 „ Не изъ тѣхъ изъ поганыхъ татариновъ:
         „ А ты дай ко кровати кроватничка,
         „ Своего дай молодаго ключника “.
     Онъ далъ ей молодаго ключника
     Стоять у кровати тесовая,
 60 Постилать-то перина пуховая,
     Ей складать круто-складно зголовыцио
     И натянуть одѣяло соболиное.
     Тутъ служилъ молодецъ цѣло три года.
     Тутъ зашелъ молодецъ во царевъ кабакъ
 65 И выпилъ молодецъ меду сладкаго,
     И напился молодецъ пива пьяного,
     И зашелъ во кружало королевское,
     И тамъ молодецъ порасхвастался:
         „ Служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
 70 „ Перво три года служилъ я во конюхахъ,
         „ Друго три года служилъ я во стольникахъ,
         „ Третье три года служилъ я во ключникахъ,
         „ Это три года служилъ я во кроватничкахъ.
         „ Меня Богъ добра молодца миловалъ,
 75 „ А король молодца любиль-жаловалъ.
         „ Это три года служилъ я у кроватички:
         „ Не стидалъ перинки пуховые,
         „ И не складалъ круто-складное зголовыице,
         „ И не натягалъ соболина одѣялышка,

- 80 „А я спалъ на кровати тесовая
   „Съ молодой со Настасьей королевичной.“
     Тутъ схватили меня добра молодца,
     Донесли королю Политовскому;
     Приказалъ же король Политовскій
 85 Посадить въ тюрьму богадѣльную.
     Чрезъ три дни-то молодому рѣшеніе:
     Отрубить-то ему буйну голову.
     Ты сторожа Политовскіе
     Повели какъ меня добра молодца
 90 Изъ той изъ тюрьмы богадѣльныя,
     Говорилъ я, удалой доброй молодецъ:
     „Ай вы ей, сторожа Политовскіе!
     „Берите съ меня золотой казны,
     „Вы столько берите, сколько надоно:
 95 „А ведите меня добра молодца
     „Помимо окошко королевинно“.
     Закричала какъ удалой доброй молодецъ:
     „Прости-ка, Настасья королевична!
     „Ведуть какъ меня добра молодца
 100 „Изъ той тюрьмы богадѣльныя
     „На ту ю плашку на липову,
     „Срубить-то мнѣ буйну голову¹⁾“.
     Закричала Настасья королевична:
     — Спустите-ка этого молодца,
 105 — Возьмите поганаго татарина,
     — Хоть мертваго его, мерзлаго,
     — Отрубите ему буйну голову,
     — А донесите королю Политовскому,
     — Что отрублена буйна голова
 110 — За его поступки неумильные²⁾.
     — Ай ты ей, удалой доброй молодецъ!
     — Есть ли у тебя въ доми отецъ и мать,
     — Есть ли у тебя молода жена,
     — Есть ли у тебя малы дѣтушки?—
 115 Говорилъ-то удалой добрый молодецъ:
     „Что есть у меня въ доми отецъ и мать,
     „И есть у меня молода жена,
     „И есть у меня малы дѣтушки“.
     — Ай ты ей же, удалой доброй молодецъ!
 120 — Ты бери-ка мои золоты ключи,
     — Отмыкай-ка мои кованы ларцы,

¹⁾ Сколько извѣстно по другимъ многочисленнымъ разнорѣчіямъ, пѣсня до этого мѣста безпрестанно въ народѣ смыкается съ пѣснею о Ванькѣ Ключничкѣ. — Е.

²⁾ Ср. опять пѣсни о Михайлѣ Потыкѣ. — Е.

— Бери-ка себѣ золотой казны,
 — Столько бери, сколько надоно,
 — Чтобы было твоимъ малымъ дѣтушкамъ.—

- 125 Онъ набралъ себѣ золотой казны,
 Столько онъ взялъ, сколько надоно.
 Тутъ вѣктъ про Настасью старину поютъ,
 Синему морю на тишину,
 130 Вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.
-

34.

ЦАРЬ САЛАМАНЪ и КУПЕЦЪ ТЕМНЫЙ ¹⁾.

- Во тоемъ во градѣ въ Ерусалимѣ
 Стояли у обѣдни у долгія.
 Близъ того храму великаго
 Стоялъ тутъ садъ купца темнаго ^{2).}
 5 Пришелъ въ тотъ садъ купецъ темный
 Со своею женою законною,
 Говорила жена ему возлюбленна:
 « Ты ей же, мужъ мой возлюбленный!
 « Въ нашемъ саду во прекрасноемъ
 10 « Теперь новости объявилиси:
 « Выростали на древи у насъ яблоки».
 Подавала съ кармана ему яблоко.
 Какъ сѣѣль купецъ тую яблоку,
 Самъ говорилъ таково слово:
 15 — Ты гдѣ, жена, взяла эти яблоки?—
 Говорила жена ему возлюбленна,
 « Что есть еще этихъ яблоковъ,

¹⁾ Эта былина (стар. изд. II, 55) можетъ быть приписана Чукову по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ „Перечнѣ“ къ II тому стоитъ: „Записанныя по порученію собирателя г. Лысановымъ, а) въ Кижской волости: №№ 16, 20, 55“... Между тѣмъ принадлежность Чукову двухъ изъ этихъ записанныхъ въ одномъ пункѣ текстовъ подтверждается прямымъ указаниемъ Гильфордия (его №№ 150 и 151).—Ред.

²⁾ Слѣпаго.

« Только висять онъ высоко есть.

« Захватись-ко за дубъ ты руками, де,

20 « А я выстану въ дубъ тотъ высокий,

« Достану тебѣ эти яблоки ».

У самой въ дубу была люлька тамъ,

Въ этой люлечки былъ полюбовничокъ.

Ложилась она къ ему въ люлечку.

25 Во тую пору, во то время

Царь Давыдъ случился на [балкони] быть

Со своей прекрасной царицею;

Увидали слѣпаго—за дубъ держится,

Говорилъ царь Давыдъ со царицею:

30 «Если бы на сей часть слѣпому Богъ прозрѣніе далъ,

«Что бы онъ могъ сдѣлать со своей женой?»

Говоритъ царица прекрасная:

— На то бы были у моей сестры отверточки.—

А сынъ во чревѣ заговорилъ: «Баба по бабы и судъ
судить!»

35 Мать говорить, что—я чего ни будь выпью

— И тебя во чревѣ употреблю.—

А сынъ сказалъ, что «я выломлю боку,—

« Ребро проломлю и тутъ вонъ выду!»

То сотворилъ Богъ слѣпому глаза, то увидѣлъ онъ жену свою съ полюбовникомъ въ люлькѣ, и закрычалъ: — Ахъ ты, жена, эдакая дура! какъ ты могла надъ моей головой сотворить блудъ?— То сказала ему жена: «Допусти меня только до зени, то я вся твоя; хоть ты меня бей, хоть ломи, только выслушай, что я тебѣ скажу: я ночесъ спала и видѣла во снѣ сонъ: если бы мнѣ надъ твою голову сотворить блудъ, то бы тебѣ Богъ далъ бы глаза». То взялъ свой мужъ свою жену за правую руку, подѣловалъ и пошли домой.

Сказалъ на то царь: «Чтоб сей мужъ ничего со своей женой не сдѣлалъ? такъ не чтоб ему и съ глазами дѣлать!» Два раза ступилъ—и больше не видить.

Какъ скоро принесла домой царица, родила сына и приказала лакею: «его вынести на кухню и заколоть его, и вы-

нять изъ него сердце, и зажарить, и принести ко мнѣ, что онъ будеть мудрый и истребить меня». То сей часъ вынесъ лакей на кухню; и онъ сказалъ лакею, что — «не истребляй меня; черезъ меня и ты счастливъ будешь. А сей часъ иди въ спальню: сука принесла шесть псовъ; то любаго ты заколи, вынь изъ него сердце, изжарь и отнеси ей.»—То сейчасъ лакей изжарилъ и принесъ къ ней псиное сердце. То взяла на вилку: «Ахъ, какъ оно на псину пахнетъ!» То сказалъ лакей, что «я несть и противъ спальни сронилъ на полъ, и сука схватила зубами». А онъ себя велѣль отнести лакею въ солому. А царица послала лакея къ кузнецу на мѣсто купить мальчика; и кузнецъ продалъ. По утру отправился къ овину за соломой и нашелъ тамъ мальчика: и сталъ ростить за сына. Когда уже ему сполнилось семь лѣтъ, то онъ началъ говорить своему отцу:—Скажи-ко ты мнѣ, тятенъка: ходишь ли ты къ царю?—Отвѣчалъ ему отецъ, что «хожу».—А что же ты къ нему ходишь, а къ себѣ не зовешь?— То кузнецъ къ царю шель и попросилъ къ себѣ откушать. Спрашивалъ у отца сынъ, что— Спросилъ ли ты у царя, чтб, большой ли онъ свитой будеть?— То царь сказалъ, что «я буду всей свитой». — То съ какого приходу вамъ кушанья становить? съ большаго или съ малаго?— Отвѣчалъ ему царь, что «ставь съ полнаго приходу». То приходилъ кузнецъ домой и закручинился. То спросиль его сынъ, что — для чего онъ такъ кручиненъ? — Отвѣчалъ ему отецъ, что «лутчи бы было не спрошано: приказалъ царь ставить кушанья съ полнаго приходу». Отвѣчаль ему сынъ, что—дешевле этого кушанья и нѣту: поди и вози домой рѣпу, и парь пару.—То сейчасъ пришелъ царь, подали на столъ одну пару и печенки...